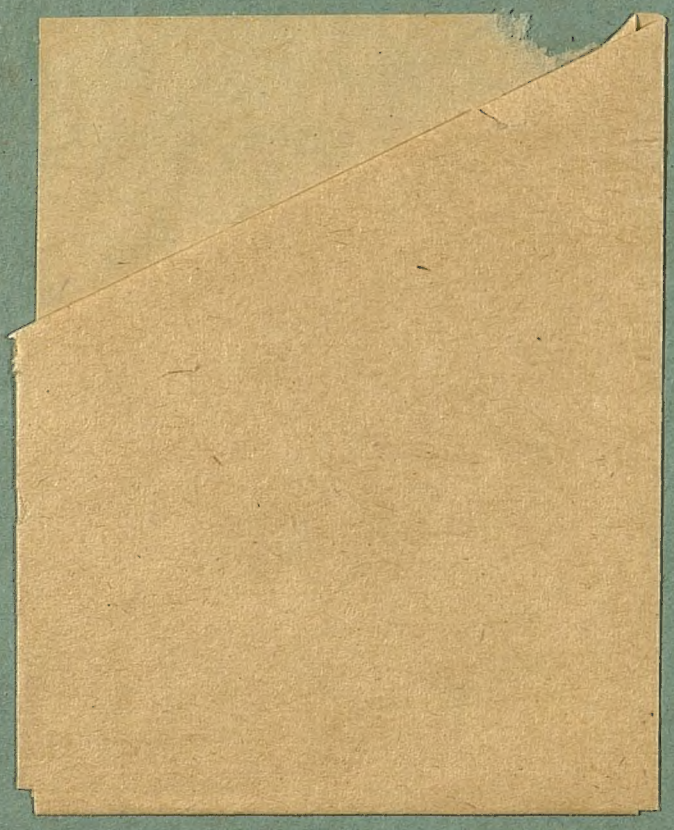
ГОДОВЩИНА
Iой РЕВОЛЮЦИОН.
АРМИИ
W 292/4

W 292
4



Ks Bibl.
35

13 1036

ГОДОВЩИНА 1-ой РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

ЛИТЕРАТУРНО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

W 292/4 3 вкл.

ГОДОВЩИНА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Политического Управления Революционного Военного Совета Республики.
МОСКВА.— 1920.

2011121507

Р. В. Ц. (Москва). Отпечатано 5.000 экземпл.

1-я Государственная типография (бывш. Сытина). Москва, Пятницкая, 71.

От редакции юбилейного сборника первой революционной армии.

По обстоятельствам, не зависевшим от редакции „Юбилейного Сборника“ первой революционной армии (главным образом, технические трудности издания в переживаемый Советской республикой тяжелый момент), настоящий „Сборник“ выходит из печати значительно позже дня годовщины первой армии.

Неблагоприятные для издания условия фронтовой обстановки, частые перегруппировки войсковых единиц из одной армии в другую и уход в другие армии многих лиц, располагавших ценными фактическими данными об организации первой армии, сильно препятствовали *собиранию полных* и об'ективных сведений, равномерно освещающих все отдельные этапы развития армии и деятельность всех ее отдельных частей.

Так, в сборнике почти отсутствует фактический материал об Инзенской дивизии, той самой, доблестными усилиями которой в течение всего тяжелого лета 1918 г. держался фронт в районе Барыша-Акчуринского и которая в октябре взяла Сызрань, а затем мужественно дралась в Бугуруслано-Абдулинском направлении.

Это об'ясняется тем, что Инзенская дивизия в ноябре прошлого года была переброшена на другой фронт.

Наиболее полными материалами редакция „Сборника“ располагала о Симбирской дивизии (железной), как сформированной раньше других и успевшей раньше других проявить свою физиономию и выработать свои традиции. Красноармейцы этой дивизии особенно горячо откликнулись на призыв редакции „Сборника“, и все их статьи, рассказы и стихотворения дышат искренней любовью к своей дивизии и проникнуты признательным чувством к ее вождям.

Редакция считала, что ее долг—отразить, по мере возможности, подобное сознательное отношение красноармейцев к великим задачам, которые они призваны осуществить ценою лишений и крови. Вместе с тем редакция отнюдь не замалчивала тех недостатков, которые существовали в организме нашей армии и о которых лучше всего могли знать ее ответственные руководители.

Редакция считала, что задача „Юбилейного Сборника“ — скорее *военно-историческая*, чем агитационно-политическая, и это не могло не отразиться на его содержании.

Несмотря на запоздалый выпуск настоящего „Сборника“, редакция надеется, что он будет встречен с сочувствием и интересом в Красной армии, как попытка обработать эпизоды наиболее острого начального периода гражданской войны на востоке и облегчить этим задачу будущих историков гражданской войны.

Будучи вынуждена за недостатком места отказаться от помещения многих статей, редакция „Сборника“ первой армии выражает уверенность, что за первым сборником первой армии последуют при благоприятных условиях другие сборники, с более исчерпывающими материалами.

Редакция „Сборника“ годовщины первой революционной армии.

Товарищи красноармейцы!

ЗАПОМНИТЕ

НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СЛАВНЫЕ ДАТЫ:

12 сентября 1918 г.	*день взятия*	*Симбирска.*
7 октября	„ „	*Сызрани.*
8	„ „	*Самары.*
25	„ „	*Бугуруслана.* (*Оставл. 15/IV 1919 г., вновь взят 5 мая*).
31	„ „	*Бузулука.*
28 ноября	„ „	*Белебея.* (*Оставл. 3 дек., вновь занят 16 декабря*).
29 декабря	„ „	*Стерлитамака.* (*Оставлен в нач. апреля, вновь занят в конце мая*).
31	„ „	*Уфы.* (*Оставл. 13 марта, вновь занята 9 июня*).
22 января 1919 г.	„ „	*Оренбурга.*
24	„ „	*Уральска.*
26 февраля	„ „	*Орска.*

ЮБИЛЕЙНЫЙ ОТДЕЛ.

ТВОРЦЫ ПОБЕД.

Когда полки советские спешат
На крыльях доблести к Уралу и к Сибири,
Когда не знают наши армии преград
И отзвук их побед уж слышен в целом мире.

Когда, умелою направлены рукой,
Руководимые железной дисциплиной,
Они сознательно идут в кровавый бой
С веселой песнею и зоркостью орлиной,—

Забудем ли мы тех, чьи руки быстро ткут
Мощь Красной армии, оплот свободы юной,
Чей незаметный, но упорно-стойкий труд
Уж сделал грозною Республику Коммуны!

Средь косности одних и саботажа прочих
Нам ценен тот, кто сам под знамя наше шел,
Кто в Красной армии крестьянства и рабочих
Источник свежих сил живительный нашел.

Д. Самарский.

Что дала нам Красная армия на восточном фронте.

За время с 1 сентября 1918 по 1 апреля 1919 г. Красная армия освободила следующие города восточного фронта: *Казань*, *Симбирск*, Сызрань, *Самару*, Ставрополь, Чистополь*, Елабугу*, Мамадыш*, Мензелинск*, Сенгилей, Тетюши, Буинск, Мелекес, Бугульму*, Бугуруслан*, Бузулук, Сарапул*, Бирск*, Николаевск*, Вольск, Белебей*, Стерлитамак*, *Уфу*, *Оренбург*, *Уральск*, Орск, Актюбинск, Лбищенск и друг.

В общей сложности занято 30 уездов, 32 города, свыше 18.000 различных населенных пунктов, территория в 335.000 квадратных верст с населением свыше 12 миллионов человек.

За время с 1 апреля по 5 августа 1919 г. Красная армия восточного фронта, перейдя в наступление и вторично взяв некоторые из перечисленных выше городов (помечены звездочкой), освободила следующие города:

Оханск, Осу, *Пермь*, Кунгур, Красноуфимск, Соликамск, Чердынь, Златоуст, *Екатеринбург*, Верхотурье, Ирбит, *Челябинск*, Камышлов, Шадринск, Верхне-Уральск и Троицк.

В общей сложности с 1 мая по 5 августа вновь отвоевано у Колчака свыше 30 уездов и городов, около 22.000 селений и территория, превышающая 570.000 квадратн. верст, с населением в 15 миллионов человек.

По пространству занятые области равны территории Германии (540.000 кв. килм.) и Бельгии (29.000 кв. килм.), взятых вместе, а по количеству населения равны Испании.

Районы: Уфа, Пермь, Оренбург, а также губернии Вятская, *Казанская*, Самарская, Оренбургская имеют залежи медной руды; но по содержанию в них металла эти последние, за исключением Чистопольского уезда Казанской губ., б. ч. незначительны. Район Самарской Луки имеет громадные залежи асфальта и гудрона (горный деготь).

Уральский район изобилует углем, железной рудой, серным колчеданом; средний и южный Урал имеют месторождения золота и платины (ср. Урал).

В Уфимской губ. (Златоустовский уезд) находится единственный в России Саткинский магнезитный завод, производящий магнезит, необходимый при современной выработке железа и стали.

У Илецкой Защиты, в Оренбургской губернии, а также в Чердынском и Соликамском уездах, Пермской губ.,—неисчерпаемые запасы соли; здесь (особенно по Оренбург. губ.) поваренная соль добывалась для всей России.

В Сергиевске (Серноводск), Самарской губ., имеются минеральные серные источники.

Занятые весною и летом Красной армией районы, особенно Оренбургская, Уфимская и Самарская губернии, изобилуют хлебом, и в городах—Бузулуке, Оренбурге, Челябинске, ст. Богатом, ст. Сорочинской, ст. Гоцкой и друг. находятся наибольшие в краю ссыпные пункты.

До тех пор, пока у Деникина не отвоеван богатый углем и железом Донецкий район, занятие Красной армией всего Урала при наличности неисчерпаемых запасов древесного топлива на корню имеет огромное значение для нашей металлообрабатывающей промышленности.

Овладение же богатыми хлебными запасами южного Приуралья и района Челябинска — этих ворот к Сибири—поможет дать хлеб голодающему центру.

К юбилею I-й армии.

Значение первой революционной армии в истории нашей гражданской войны громадно. Это—первая армия, которая начала ожесточенную борьбу с анархией и первая, которая решительно пошла по пути организации. Самый болезненный вопрос весны прошлого года—привлечение специалистов был ею переварен легко и безболезненно. Ею впервые был проведен принцип ответственности и были организованы военно-революционные трибуналы при войсках.

Все эти решительные, а главное, своевременные начинания сделали то, что к середине июля прошлого года первая армия имела три дивизии, построенные на правильных началах организации: Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую; они быстро дисциплинировались и приняли вид регулярных войск.

Чем объяснить эти успехи? Я считаю, что главным образом—счастливым подбором командного и комиссарского состава и большим количеством добровольцев, почти с самого момента образования первой армии. Это удачное сочетание сделало то, что при произведенной мобилизации военных специалистов на ответственные должности назначались лица не по своему прежнему стажу, прежним чинам, а по обнаруженной способности к самодеятельности, к инициативе. Значительная часть ответственных работников была назначена из молодых боевых офицеров. У нас совершенно не стеснялись подчинять генералов подпоручикам или капитанам, а в тылу мы долгое время видели обратное.

Первым долгом было обращено внимание на создание штабов армии и дивизий. Оперативная работа быстро наладилась. За ней началась административная работа и снабжение. Созданный аппарат военных заготовок дал блестящие результаты.

В основу работы было положено взаимное доверие. Штаб армии, носивший мимолетно-пасмурный вид сразу после мобилизации специалистов очень быстро сжился, сложился в дружную семью, искренно преданную Советской республике.

Я не пытаюсь дать точную характеристику организационной работы первой армии. Я только намекнул на главные моменты этой работы.

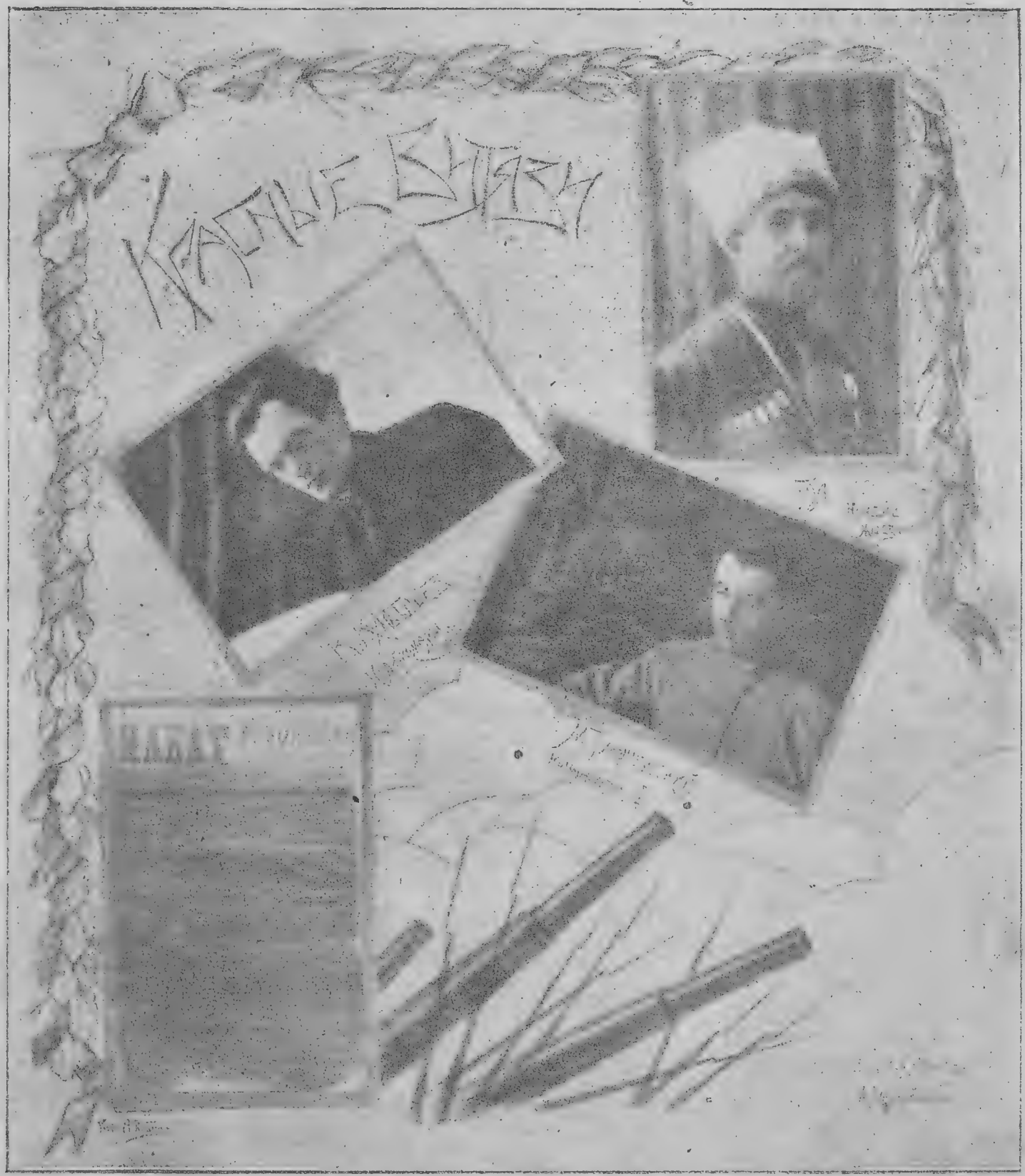
Теперь также кратко коснусь боевой работы первой армии.

В первых числах июля прошлого года армия подготовилась к полному разгрому чехо-словацко-белогвардейского гнезда в Самаре. Главные силы армии изготовились к наступлению на Самару от Симбирска, а правый фланг, с боя взяв г. Сызрань, также изготовился к наступлению на Самару. Успех был обеспечен. В это время в Симбирске вспыхнуло предательское восстание главнокомандующего Муравьева. Войска первой армии, верные советам, в несколько часов ликвидировали эту авантюру. Но моральные последствия всего этого были громадны. В войсках появилась подозрительность. Красноармейцы стали подозревать начальников в измене; одни части подозревали в измене другие и т. д. Дисциплина сразу пала. Стала развиваться паника. Этим воспользовались белогвардейцы и начали наступление на Симбирск, который скоро и пал.

Только самоотверженная работа комиссаров и начальников могла остановить развал. Быстро был установлен революционный порядок, и началась новая лихорадочная подготовка наступления.

Два раза наступление на Симбирск было отбито. На ретий раз решительным коротким ударом противник был разбит и Симбирск взят 12 сентября 1918 года. С этого момента боевая деятельность первой армии представляет из себя непрерывный ряд подвигов. Один за другим Советской респу-

Вожди I-й революционной армии.



блике возвращаются города. Армия делает громадные переходы. Быстрота ее движений редкостная. Можно смело сказать, что первая армия положила основание маневру в войне нашей Красной армии. Она первая из армий научилась делать громадные и быстрые переходы без железных дорог.

Самым лучшим доказательством всему этому служат те несколько цифр, которые я приведу.

С начала наступления на Симбирск и по взятие Бугуруслана прошло 6 недель (с 9 сентября по 28 октября) и за это время части первой армии сделали с боями до 800 верст. Это редкий пример во всемирной военной истории.

За эти шесть недель на всем восточном фронте у белой гвардии отнято около 150,000 квадратных верст. Из них на долю одной первой армии (из пяти) приходится около 70,000 кв. верст.

За эти шесть недель на всем восточном фронте взято 19 городов.

Из них: а) только войсками первой армии взято 9 городов (Буинск, Тетюши, Симбирск, Мелекес, Сенгилей, Ставрополь, Сызрань, Бугуруслан и Бузулук) и б) при содействии первой армии 3 города (Хвалынск, Самара, Сергиевск).

Можно без преувеличения сказать, что прошлой осенью первая армия решила участь восточного фронта.

В дальнейшем приходилось уже только пожинать плоды настойчивой и искусной подготовки, завершившейся полным поражением противника.

Занятый непрерывной работой на фронте в другой армии, я не имел возможности написать ничего, кроме такого краткого наброска для юбилея первой армии.

Теперь, через год существования армии, опять приходится удивляться ее твердости и настойчивости в самой тяжелой обстановке. Первая армия непрерывно связана с революционными войнами пролетариата России, а теперь и с возникающими войнами пролетариев всего мира. Пусть же каждый коммунист, рабочий и бедняк-крестьянин в годовщину славных войн первой армии низко поклонится ей и громко крикнет: «Да здравствует первая рабоче-крестьянская армия!»

М. Тухачевский.

Первая революционная армия.

В славной борьбе с чехо-учредиловскими войсками осенью 1918 года первой армии принадлежала бесспорно одна из первых ролей.

Это она подорвала силу контр-революционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредилки в Бугуруслане, Бузулуке, Стерлитамаке и на путях к Верхне-Уральску. Эти блестящие страницы в истории первой армии, походившие на триумфальное шествие, имеют свое происхождение. Не сразу с момента своего зарождения первая армия стала способной к битвам и победам.

Я помню первую армию в июне—июле 1918 В то время она представляла собою очень неопределенную величину с разбросанным фронтом, путаными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды первой армии находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, при чем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды» неизвестно кому подчиненные. Нужно, однако, сказать, к чести командного состава (или, по крайней мере, его части) и значительной части отрядов, что у них наблюдалась большая тяга к централизованности. Так, например, тов. Гая, в то время командир Симбирских сводных отрядов, оперировавших в районе Климовки, Новодевичье, Сенгилея, с первых своих шагов стремился установить правильные отношения подчиненности как вверх, так и вниз. Много усилий прилагал в этом направлении и М. Н. Тухачевский, который на фоне партизанщины был уже по существу представителем нового периода в истории армии. Быть-может поэтому в первой армии меньше, чем где бы то ни было, сказались отрицательные стороны партизанства. Стремление отрядов к централизованности сказывалось в оригинальной форме: они в трудные минуты требовали непосредственного командования собою лицами высшего командного состава. Так, например, командующий Симбирской группой Тухачевский принужден был кидаться от одного отряда к другому и мало уделять внимания общему командованию группой. То же происходило и в других группах и фронтах. Во всяком случае и первая армия пережила неизбежный младенческий период развития всех красных армий, период богатый отдельными проявлениями отваги, удали и подчас и героизма, но, с другой стороны, богатый и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д. Этот период в итоге давал отрицательную величину и неизбежно должен был закончиться поражением. Падение Симбирска было последним этапом этого первого периода. Начался второй период, период строительства регулярной армии. Работа была мучительна и тяжела, ибо строить приходилось в обстановке продолжавшегося наступления противника, имея налицо ничтожные, слабые силы. Значительная часть сил была разбита, группа Гая была окружена в районе Сенгилея и считалась тоже погибшей. Дело доходило до того, что одно время между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь броневой поезд и 21 боец, при чем в это число входил и начальник Инзенской «дивизии» со своим штабом. Эта кучка героев была остовом, вокруг которого была создана воистину доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка-полководца, т. Лациса. Кстати, сказать, очень часто при оценке первой армии значительно преуменьшается роль в ее успехах и победах этой дисциплинированной, хорошо организованной, без фраз, смелой дивизии.

На направлении от Инзы к Симбирску у нас был в то время лишь отряд приблизительно в 1000 штыков. Более сильная численно группа

была на пути Пенза—Сызрань. Вот все, что имелось в распоряжении первой армии, если не считать еще незначительных отрядов, оперировавших в Вольском направлении, мало связанных с армией и передававшихся в ведение то первой, то четвертой армий. В этой обстановке началась усиленная строительная работа, создавшая в конце концов и организационные и материальные условия для боеспособной армии. Нехватало лишь живой силы.

Первая армия, кажется, раньше других вступила на путь мобилизации определенных возрастов тех губерний, в которых она оперировала. Опыт мобилизации распространился и на офицерство, и в этом отношении первая армия была пионером во всей республике. Но все эти меры по увеличению живой силы могли дать результат не сразу: нужно было мобилизованных обучить и сколотить. В конце июля произошло событие, сразу утроившее количественный и качественный состав армии. Командующего армией вызвал к себе начальник отряда, оперировавшего на путях к Симбирску, приблизительно в районе станции «Майна», по какому-то важному делу. Мы выехали с т. Тухачевским к начальнику отряда, где он нам доложил сведения его разведки, с точностью устанавливающие обход его группы втрое сильнейшим отрядом противника. Разведка была поставлена хорошо в смысле полноты освещения и величины освещенного пространства.

Точные и неоднократно проверенные сведения говорили о том, что такого-то числа противник был в Солдатской Тишке, затем в Степном Матюшине и т. д. и, наконец, зашел уже во фланг нашей незначительной группы. Противник по добытым сведениям был очень многочисленен и хорошо снабжен артиллерией. Начальник отряда возбудил перед нами вопрос о необходимости отхода с тем, чтобы прикрыть узловой пункт, ст. Инзу, которая иначе оказывалась совершенно не защищенной. Наш отряд был отведен и занял ближе к Инзе обе линии железной дороги. И вот в то время, когда мы были заняты размещением отряда на новой линии сосредоточения, меня и Тухачевского вызывают вдруг к прямому проводу со ст. «Майна», со станции, которую мы оставили и на которой не было ни одного красноармейца. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что с нами хочет говорить т. Гая, командир Сенгилеевской группы, которую мы считали окруженной и погибшей. Радость наша перешла в ликование, когда из разговора обнаружилось, что Гая сквозь ряды противника прорвался со всем своим 3 тысячным отрядом, сохранив всю артиллерию и имущество.

Событие было для нас настолько неожиданно, что я счел необходимым постановкой целого ряда вопросов убедиться в подлинности Гая.

Гая, повидимому, тоже волновавшийся, отвечал коротко и не сразу дал мне уверенность в том, что я говорю именно с ним. На следующий день мы выехали к нему навстречу и закрепили возвращение в армию его группы. Таким образом в лице противника, перед которым отступая наш отряд, мы обрели значительное увеличение наших сил. Бывший долгое время в окружении, прорвавшийся через ряды противника отряд Гая пришел к нам закаленным, спаянным, дисциплинированным и составил основное ядро Симбирской железной дивизии, покрывшей себя впоследствии громкой славой.

Возвращение отряда Гая было началом третьего периода, периода претворения в жизнь предварительной организационной работы, периода боевых успехов.

К своему годичному юбилею первая армия сохранила общие черты периода боевых успехов и в настоящий момент является одним из наиболее славных отрядов великой рати рабочих и крестьян, творящих мировую социальную революцию.

Б. политический комиссар первой армии

В. Куйбышев.

* * *

В память погибших героев.

Серые герои мощными, железными рядами шли... шли и пали на поле брани за царство труда, за лучезарное будущее человечества.

Ваша кровь трудового народа влилась веками под игом капитала и, наконец, труд создал эти стройные, железные полки.

Радостно течет матушка Волга. Солнце ярко освещает ее и весело играет, переливаясь в ее темных водах. Белые буксирные пароходики мчат по волнам, нагруженные вооруженными ратниками. Это — партизаны. Это — начало великой всемирной войны между трудовым народом и его угнетателями, которая продолжается до сих пор. Многие, очень многие из этих партизанов погибли в серебристых волнах Волги, девственных лесах Урала и степях Башкирии... Теперь вспоминаем мы, дорогие павшие товарищи, продолжаем наше великое дело, создаем новый, светлый мир.

Мы помним вас, будут вас помнить наши свободные дети, наши свободные внуки. Долго, долго будут помнить ваши светлые могилы в братском объятии, в диких лесистых Жигулях, в прекрасном Симбирске, Сызрани, Оренбурге, Уральске...

В адские морозы вы гордо и весело шли вперед... Ваши руки и ноги коченели, но вы все шли. Горячие звуки «Интернационала» давали знать, что вы идете вперед, вперед, вперед. Куда? О, вы знали, дорогие товарищи, куда идете. Вы знали, что каждый ваш шаг приближает к освобождению; вы знали, что вражеская пуля может сократить ваши молодые жизни. Вы весело, гордо шли вперед, шли и пали.

Теперь, дорогие герои, вашей кровью, вашими усилиями, жилами создала могучая, красная, победоносная армия, которая докончит то, что вы начали и за что вы положили свою жизнь.

Об ее могучую стальную грудь разобьется всякая волна контр-революции, как бы сильна она ни была...

Так спите вечным спокойным сном, славные погибшие товарищи! «Вы честно прошли ваш доблестный путь для народа!» А мы, оставшиеся в живых, ваши товарищи, мы поклялись, что трогать, беспокоить ваши святые могилы врагам народа не дадим.

Командарм I Гай.

МОГИЛА БОЙЦА.

Причудливо тени ночные ложатся
На темно-зеленый курган...
Под ним отдыхает уставший сражаться
Герой, изнемогший от ран.
И видит лишь путник, в степи запоздалый,
Присевши с котомкою тут,
Как треплется ветром рубиново-алый
На пущемся древке лоскут.
То верный товарищ, бойца зарывая,
Воздал ему бранную честь,
И выросла в поле могилка святая,
Зовя на решимость и месть!..
О, сколько их спит по лесам и дорогам,
Забытых отважных бойцов,
И если б могли, рассказали б о многом
Немые уста мертвецов!
Они б рассказали о тяжких походах
Средь снежных уральских равнин,
О муках страдальцев в степи, на подводах,
О стойкости красных дружин;
Они б рассказали про зверства и пытки,
Про тюрем сырых тишину,
Про все их бесплодные к бегству попытки
В колчаковском страшном плену.
Узнали б от них про ночные расстрелы
В Самаре, в Перми и Уфе...
Про месть утонченную челяди белой
В излишних штабных галифе!..
Они бы призвали не знать остановки.
Теснее сомкнуться в ряды
И крепче держать среди боя винтовки
Рабоче-крестьянской звезды!
Они пристыдили бы впавших в сомненье,
Боящихся смерти людей,
И, бодро зовя их вперед на сраженье,
Вели б нас к победе скорей!..
Но спят непробудно в могилах случайных
Дружины почивших бойцов,
И шепчет лишь ветер о грезах их тайных,
О вере в живых—мертвецов!..
Но странник, вздремнувший под скорбным курганом,
Увидит пророческий сон
И, встав на рассвете, окутан туманом,
Отсюда уйдет, потрясен!
Он видел, он знает, какою ценою
Купили свободу живым
Все те, что на фронте железной стеною
Путь заперли хищникам злым!
Пусть полчищем хлынет на нас разъяренным
Зарвавшийся классовый враг,
К возмездью зовет на кургане зеленом
Кроваво-рубиновый флаг!

Д. Самарский.

ПАМЯТИ ЖЕРТВ.

Миновал год с тех пор, как родилась первая Красная армия.

Миновал год напряженной гражданской битвы.

В этот год великой борьбы труда с капиталом немало пришлось пережить побед и поражений, немало пришлось перенести испытаний.

На неудачах и поражениях мы учились, мы крепли, мы росли.

Единственная непоправимая утрата, понесенная нами, это героические жертвы в годину титанической борьбы за идеалы коммунизма.

Смерть выхватила из наших рядов лучших бойцов.

Но мы не плачем над холодными трупами павших бойцов, мы не проливаем слез над их свежими могилами.

Мы знаем,—борьба не бывает без потерь.

Это—не первые и не последние павшие герои в непрерывной борьбе трудящихся с угнетателями.

В течение ряда десятилетий капитализм своим могуществом заковал в железные цепи, сдавил стальными тисками трудящихся мира, обрушил в

шись на них всей своей тяжестью; постепенно каплю за каплей высасывал он горячую алую кровь из сильных, энергичных, способных творить людей, медленно мучительно умерщвляя их.

Разве это не жертвы?

А сколько тех, которые, стараясь разорвать проклятые цепи капитала, выходили на улицу, а после заживо гнили, прикованные цепями, в сырых, душных, темных подвалах крепостей?

А сколько тех, которые сложили свои головы на виселицах, эшафотах?

А сколько тех неизвестных, зачахнувших и растерзанных зверьем в далеких дебрях Сибири?

А сколько тех, которые погибли в рукопашной схватке на баррикадах?

Их сотни, тысячи, их миллионы.

Груды костей, пирамиды истлевших тел великих героев, погибших в угоду капиталу.

Они, великие предтечи новой эры, несущей освобождение трудящимся, усеяли тернистый путь борьбы своими трупами.

Они, не щадя своей жизни и проливая свою кровь, создали бессмертные памятники свободы.

Они разорвали железные цепи, разбили тиски и рассеяли мрак.

Они своими трупами, на протяжении столетий, создали мост, по которому рабочий класс прошел к власти.

Это их души, точно звездочки искрясь, горят на бесконечном небосклоне жизни, указывая дорогу трудящимся.

А если в год борьбы, борьбы свободного, стоящего у власти, борющегося с винтовкой в руках рабочего класса, мы потеряли лучших своих товарищей, то этого требовала сама борьба, этого требовал обет, данный героями, которые, умирая за идеи коммунизма, звали нас продолжать начатое ими дело.

Отдавая последний свой долг погибшим героям, мы занесем их имена на страницу книги Великой Борьбы.

Вот их имена:

Товарищ Матвеев

Т. Матвеев был рабочий медно-котельного завода в Петрограде.

На восточный фронт он приехал с первой группой коммунистов для организации политической работы в армии. Т. Матвеев не был красноречивым и ярко-выдающимся оратором, но работал неутомимо, показывая не на словах, а на деле, что он—трудолюбивая пчела коммунистической семьи. Рабочие его любили. Ни один перевыборы не проходили без его кандидатуры.

Приехав в первую армию, мы были рассеяны кто куда. Т. Матвеев был назначен в Мценский кавалерийский полк политкомом одного из его эскадронов. И вот, в один из осенних дней сентября я получаю от Политотдела предписание быть ответственным распорядителем на похоронах т. Матвеева, предательски убитого командным составом.

Командир эскадрона, который не соответствовал своему назначению и вел себя преступно, поднимая возмущения среди красноармейцев, был смещен и арестован т. Матвеевым.

Т. Матвеев был очень доверчив, а это его и погубило.

Назначенный вновь командир, приятель арестованного, все время старался проникнуть к нему, но не был допускаем красноармейцами, несшими караул.

Красноармейцы говорили:

«Если наш комиссар посадил, значит не зря».

В один прекрасный день т. Матвеев пропал без вести, и красноармеец, находившийся на посту, перехватил записку, которую хотел передать вновь назначенный командир арестованному.

Записка гласила:

«Будь спокоен, политком убит в лесу».

И вот находят т. Матвеева зверски истерзанным; мало того, что застрелили, но как видно и добивали прикладами.

Изуродованное тело видела я сама.

Т. Матвеев был с почестью похоронен на ст. Рузаевка.

Но Питерские рабочие второго Городского района не могли успокоиться и в последних числах сентября увезли его тело в Питер.

— Они ведь ценят своих борцов!..

Сад, в котором т. Матвеев похоронен, и прилегающая к нему улица названы его именем.

Товарищ Азарх

В половине августа, в боях с чехо-словаками под Симбирском погиб командир одной из бригад Исаак Хопонович Азарх. И жизнь и смерть этого едва вышедшего из юношеского возраста героя должны быть отмечены, память о нем не должна исчезнуть бесследно.

Уроженец юга, бесправный еврей, он с громадными усилиями добивается приема в Рижский политехникум. Но едва поступил, как уже призывается на военную службу в одну из последних николаевских мобилизаций. Отправленный в студенческий батальон в Нижний-Новгород, он принимает участие в февральско-мартовском перевороте.

Красные октябрьские дни застают его в Москве офицером 55-го полка.

Почти единственный из офицеров остается он с солдатами и вместе с ними, с винтовкой в руках, ведет на Замоскворечья борьбу с юнкерами и другими рудневцами.

В этой борьбе солдаты сроднились с ним, поняли, оценили его. Позже он избирается командиром полка. Верили ему солдаты безгранично. Он и солдаты—это было одно. И не раз это подтверждалось на деле. Солдаты шли за ним в юду. Но это не было слепое обожание высшего низшими; нет, это было сознательное взаимное доверие, понимание, что именно это надо выполнить, к чему стремился и чего достиг покойный.

Но вот старая армия демобилизуется. Распускается и 55-й полк. Все разбрелись, кто куда.

Азарх не ушел. Он немедленно энергично принимается за организацию Красной армии.

И вот теперь-то и сказалась та спайка, то доверие, что существовали раньше между ним и солдатами. Основное ядро сформированного им полка составилось исключительно из бывших солдат 55-го полка. Сразу же вводится строгая дисциплина, товарищеский суд сурово преследует

малейший проступок, а рядом с этим в строю власть командира безапелляционна и безгранична.

В свою очередь Азарх вкладывает в дело формирования новой армии всю душу, отдает все свое время. И его полк признают образцовым в Москве.

Позже полк переформировывается в бригаду. Не без трений, т. к. командиром бригады прочили одного из бывших полковников, командиром назначается, на радость красноармейцам, их любимец Азарх.

Из Курска бригада Азарха была двинута на чехо-словацкий фронт.

Недалеко от Симбирска, верстах в 15, Азарх получил из прекрасного далека распоряжение вести свои части в бой.

После долгих убеждений и Азарха и других, что бой в данных условиях—бесполезная жертва, получилось категорическое распоряжение итти в бой. И верный дисциплине Азарх сам повел свою часть. Охваченный чехо-словаками с трех сторон, терпя страшные потери людьми, уже раненый сам, Азарх отдает распоряжение уцелевшим людям спасаться, а сам становится к пулемету... Здесь он и погиб... Погиб, прикрывая своим телом отступающих...

И некому было перевязать его раны...

Он был беспартийный, но, раз ставши на сторону рабоче-крестьянской власти, он отдал все, что мог, этой власти, отдал жизнь... И отдал так просто, красиво...

Вот несколько бегдых строк, написанных дрожащей рукой товарища о дедушке Грушковском, который, несмотря на свою седину и слабые силы, всегда бросался туда, где было больше опасности в бою, и погиб смертью храбрых, несмотря на преклонность лет.

Его звонкий голос и сейчас отзывается в моей памяти, его седые волосы всегда в моем воображении.

Товарищ Грушковский.

Тов. Грушковского Городской район Московской организации Р. К. П. (большевиков) прислал для политической работы на чехо-словацком фронте в средине июля с первой группой московских агитаторов.

Тов. Грушковскому слишком 50 лет. Он старый партийный товарищ, твердый, упорный, как говорят, „упрямый" коммунист. Тов. Грушковский вышел из среды польских рабочих, давно ставших на путь революционной борьбы за дело социализма против своих угнетателей. И части Красной армии, видевшие тов. Грушковского, старого, но решительного в своих рядах, верят в правоту своего дела.

Тов. Грушковский уехал из Москвы от своей семьи в тот момент, когда его сын был ранен на баррикадах против лево-эсеровского мятежа в Москве. Для тов. Грушковского в революционной борьбе не было своих личных дел; он шел туда, куда посылает его партия коммунистов, членом которой он давно состоит. Партийная дисциплина прежде всего для тов. Грушковского...

Его решительные горячие речи знают кр-не Инзы, Труслейки, Панцыревки, Майской волости, где тов. Грушковский агитировал в июле за Комитеты бедноты, запись в Красную армию, за борьбу с чехо-словаками... Но тов. Грушковский не только агитировал, а сам в качестве комиссара пошел впереди Красной армии на Сызрань, ведя молодые силы на борьбу за коммунизм!

Он убит—в боях на передовой линии...

Товарищ Кондрашев.

Геройски погиб комиссар Невельского полка тов. Кондрашев, который, будучи окружен белогвардейцами, убил четырех из них, а последней пулей выстрелил в себя. Тов. Кондрашев—один из стойких закаленных борцов пролетарской семьи.

Товарищ Чиннов.

15 апреля в бою под д. Кунакбаевой, Оренбургского уезда, убит начальник пулеметной к-ды 172 стр. полка, товарищ С. Чиннов. Убит двумя пулями наповал, и тело его, вследствие сильного артиллерийского и пулеметного огня неприятеля, вынести не представилось возможным.

Покойный поступил в ряды Красной армии добровольцем и за все время пребывания в полку служил для т. т. красноармейцев примером храбрости и сознательности. Во время отступления из гор Верхнеуральского уезда заболел и накануне боя имел температуру 39°, но, несмотря на это и уговоры товарищей, он все-таки пошел в цепь и работал на пулемете.

Покойный был членом партии коммунистов-большевиков и одним из тех работников, которые в борьбе за светлые идеалы братства и равенства не останавливаются ни перед какими жертвами. До слез, до боли в сердце жаль полную надежд и блестящих возможностей молодую жизнь!

Политический комиссар *Н. Колояров.*

Товарищ Барановский.

Т. Николай Барановский родом из Минской губернии. Не кончив реального училища, едет на двинский фронт, где в тяжелой обстановке траншейной жизни близко сходится с солдатами и вырабатывает в себе критическое отношение к империалистической войне. Выдвинувшись своим бесстрашием и дослужившись до чина штабс-капитана, т. Барановский после Октябрьской революции не колеблясь вступает добровольцем в ряды Красной армии:

Ему было всего 22 года.

Он был неразлучен с любившими его красноармейцами.

Да и куда ему ехать?..

Отец его был граф и полковник, служивший у Скоропадского.

Разве мог он ехать к нему душителю свободы, поддерживающему предателей трудящихся?..

Он мог с ним встретиться только на поле битвы, как с врагом.

И он до конца своей жизни самоотверженно служил рабоче-крестьянской республике.

Товарищ Барановский поступил к нам в отряд на Украине в городе Новозыбкове стрелком. За храбрость, выказанную им в боях, мы выбрали его командиром отряда. Когда из нашего отряда сформировался батальон, вошедший в крестьянский полк, то его выбрали к-ром батальона.

С украинского фронта нас перебросили на восточный.

В первом же бою под селом Михайловкой, Симбирской губернии, т. Барановский, не ложась под пулеметным и ружейным огнем, шел вперед, а мы, смотря на него, тоже бежали вперед с криком «ура», и в бою взяли 4 пулемета.

После занятия Симбирска нам был отдан приказ переправиться через Волгу. Мы стали говорить, что нас мало. Тогда т. Барановский вышел и сказал:

— Товарищи, ведь вы боретесь за свою власть! Вы возьмите пример с меня. Я сын графа, сын богатого помещика и борюсь за Советскую власть

по убеждению. Стыдно вам, если не выполните приказа своего рабоче-крестьянского правительства.

И мы пошли за Волгу, но т. Барановский заболел и уехал в лазарет. По выздоровлении он снова приехал в полк в Самару.

Был в бою под Бузулуком и Сорочинским.

В бою 28 декабря 1918 г. под селом Голубовкою под сильным напором неприятеля мы обратились в бегство. Товарищ Барановский, видя это, закричал:

— Стой, товарищи! Куда бежите? Ведь эдак нас всех перебьют!

Остановил. Рассыпал в цепь. Повел наступление и выбил противника из занятой деревни.

В бою под селом Балеевкой т. Барановский, раненый в руку и в ногу, поднялся и скомандовал:—Цепь, вперед! Благодаря чему мы и забрали в плен 250 человек. При взятии Оренбурга Барановский был ранен в кисти обеих рук, но не покинул строя.

В марте 1919 г. под Оренбургом т. Барановский был назначен командиром полка. Когда на ст. Ново-Орск наступали казаки, т. Барановский ездил по цепи на лошади и, благодаря его геройству, снова мы воодушевлялись и отбили противника.

В бою под с. Карбалак в апреле этого года т. Барановский ехал на лошади впереди цепи; здесь мы нанесли противнику большой удар, забрав 10 пулеметов и два орудия. На другой день противник повел на нас наступление большими силами. Удар был направлен на левый фланг, который стал отступать. Т. Барановский в это время был на колокольне; видя, что левый фланг отступает, он слез с колокольни и бросился на левый фланг, где стал задерживать отступающих, но в это время был тяжело ранен и умер на поле битвы. Красноармейцы, видя, что погиб герой-командир, с проклятием бросились в атаку и отбили противника, оставив на поле брани 150 человек убитых врагов и забрав в плен часть противника.

Красноармеец Чубаров.

Товарищ Михайлев.

Это был человек железной воли. Происходил он из крестьян Пугачевского уезда*). Год тому назад его отвлекал, бурная душа не могла не отозваться на чехо-словацкую авантюру. Бросив дом, семейство, полный сил и энергии, он вступил в отряд конной разведки.

С первых дней борьбы с чехо-словаками он покрыл себя подвигами героизма. При неожиданном нападении чехо-словаков на Пугачевский уезд нужно было проявлять нечеловеческие усилия, дабы отразить напор противника.

Михайлев со свойственной ему инициативой и находчивостью умел бороться со всеми преградами, поставленными обстоятельствами.

Из простого разведчика товарищ Михайлев был назначен командиром эскадрона, после—отряда, затем командиром полка и командиром бригады. Вся его боевая жизнь украшена бесконечными эпизодами.

Товарищ Михайлев при форсировании р. Белой подобрался по взорванному мосту к противнику на расстояние пятидесяти саженей, но был замечен и обстрелян пулеметным огнем.

Тремя пулями был смертельно ранен.

Товарищ Тимошин.

Геройской смертью погиб ротный командир т. Тимошин.

Будучи смертельно ранен, т. Тимошин все же исполнял возложенную на него ответственную задачу. В тот момент, когда из его раны сочилась горячая кровь, когда минуты его жизни были сочтены, т. Тимошин, забыв о себе, продолжал командовать своей ротой, не оставляя до последней минуты вверенных ему людей, вел их вперед в атаку, преследуя противника.

До последней минуты т. Тимошин был со своей ротой.

Товарищ Юсупов.

К-р 1 роты 214-го стр. п. Загид Юсупов более года боролся в рядах Красной армии с белыми бандами в лице чехо-словаков, казаков и «народной армии».

Безропотно переносил он все лишения, которых так много в боевой жизни.

Во все трудные моменты был с красноармейцами и личным примером воодушевлял их на борьбу.

В бою под дер. Н. Кунакаево 28 мая, когда 1 и 3 бат. нашего полка пошли на поддержку 215 п., неприятельская пуля вырвала его из наших рядов в тот момент, когда он встал под пулями и отдавал боевое приказание.

Товарищ Жихарко.

В июне 1919 г. был убит один из лучших тов. коммунистов тов. Жихарко.

Нет того красноармейца, который бы не сказал о тов. Жихарко своего слова, как о действительно честном и проникнутом коммунистической идеей человеке. Жихарко был любим всеми красноармейцами. Тов. Жихарко они любили, как действительно преданного делу революции, стоявшего всегда в передних рядах, дающего пример всем тов. армейцам. В разговорах с тов. Жихарко, несмотря на его малограмотность, не находилось противников возражать против его доводов,—настолько искренни и убедительны были они. Он был взводным командиром и был горячо любим всеми тов. своего взвода, в рядах которого он и погиб от руки белогвардейцев. О подробностях смерти тов. Жихарко рассказывают оставшиеся в живых: «Взвод был окружен белыми и им было приказано сдаваться, но тов. Жихарко колол каждого подходившего к нему и таким родом заколол 12 человек белых, он дрался до тех пор, пока один из белогвардейцев не отрубил ему руки». Вот как бьются настоящие коммунисты за великие идеи истины и справедливости!

Тов. Жихарко состоял членом ячейки коммунистов... полка. Он—рабочий Иваненковского завода, старый революционер.

Красноармеец Дмитрий Воронин.

*) Бывший адъютант, он состоял членом Пугачевской организации Р. К. П.

Товарищи: Петров, Лабецкий, Казаков.

На оренбургском фронте, в июне 1919 г., под деревнями С. и Б. красные герои, окруженные со всех сторон казаками, раненые, расстреляв все патроны, живыми не сдались в плен, но предпочли покончить с собой. Попрощавшись с товарищами, командиры рот: *Петров, Василий Иванович*, Московской губ., *Лабецкий, Семен*, Виленской г., *Казаков, Александр Иванович*, Симбирской губ., убили друг друга, не сдавшись живыми.

Товарищ Фетисов.

Геройской смертью погиб взводный командир пулеметной команды своего полка — т. Фетисов.

Первого и второго января происходили сильные бои между частями Пензенской дивизии и белогвардейской армией за обладание Белебеем. Особенно ожесточенные бои были под деревнями Баймурзино и Адилькина. Неприятель шел напролом. Саранский полк, мужественно продержавшись в этих деревнях в течение нескольких суток, под сильным напором получившего подкрепление врага, принужден был отдать свои позиции. И вот тут-то особенно отличился т. Фетисов. В момент сильного натиска врага, тов. Фетисов вместе с другими красноармейцами скосил 2 цепи противника, все время идя впереди и показывая другим пример доблести.

В особенно опасном положении оказался наш второй пулемет. Тов. Фетисов бросился к нему на помощь и был тяжело ранен в бок. Сам почти без сознания, т. Фетисов продолжал свою работу — истекая кровью, он уложил еще несколько белогвардейцев. Отправленный на излечение, т. Фетисов скончался в самарском госпитале.

Товарищ Анемподистов.

В бою у с. Н. 6 июля погиб славной смертью старшина 6 роты N полка, он же секретарь партийной ячейки полка т. Анемподистов.

Бой длился с 10 утра до 11 часов ночи и т. Анемподистов все время находился на своем коммунистическом посту, смелыми действиями, пламенным словом вливая бодрость в утомленные ряды красных бойцов.

Т. Анемподистов происходит из рабочей среды, работал в г. Стерлитамаке, был деятельным работником в больничной кассе по охране труда.

Уфимский и стерлитамакский пролетариат знает т. Анемподистова, как энергичного защитника интересов трудящихся.

Красноармеец П. Гусев.

Товарищ Лаврентьев.

8 июля у подножия Уральского хребта пал смертью храбрых общий любимец и герой, помощник командира полка, коммунист Лаврентьев.

Желая отбить обоз у растерявшегося и спешно отступающего врага, тов. Лаврентьев во главе с десятком коммунистов кавалеристов стремительно бросился наперерез обозу неприятеля, но злодейская пуля врага пробила ему грудь.

Через несколько минут он умер.

Бесстрашный герой тов. Лаврентьев еще в битвах с бандами Дутова не раз совершал славные подвиги, неоднократно своим примером увлекал за собою весь полк на пути к славным победам. Недаром он был так любим и дорог всем кр-цам, сражавшимся с ним бок о бок.

Недаром он пользовался среди т. т. кр-цев огромным доверием, любовью и авторитетом.

Товарищ Лаврентьев—крестьянин Пугачевского уезда, села Никольского, Самарской губ.

Красноармеец Чернов.

Памяти замученных.

Геройской смертью пали товарищи красноармейцы под штыками палачей казаков, зверски налетевших на деревню, занимаемую тов. красноармейцами. Пираты иначе не знают боев, как захватить только одиночек и расправиться с ними. Вот имена погибших героев, которые предпочли принять всякие пытки и смерть, но не выдать тайну. Вот имена, которые будут на красной доске великой борьбы за идеи коммунизма.

Аган Сусин, Федор Климахин, Иван Серединкин, Василий Кулапин, Алексей Колунов, Михаил Архипов, Федор Кузнецов, Андрей Носков, Афанасий Москвин, Иван Желтяков, Михаил Тарасов, Леонтий Портянкин, Тарас Кувалдин и малолетний герой безызвестный 13-летний мальчик.

Перечисленных выше героев 25 верст из села в село гнали в одном белье разутыми, чтобы они поспевали за лошадьми палачей. После такой прогулки мучеников пороли плетьми, отрезали уши, носы, выкалывали глаза, заколачивали дубовые клинья в грудь и голову.

А после всего бессознательные, истекавшие кровью трупы притащили к ямам, где роют глину. Порубив на куски, заставили жителей деревни зарыть.

По прибытии наших войск куски трупов были вырыты и торжественно похоронены. Этот зверский случай привел в ужас все население и красноармейцев.

Все клялись раз навсегда покончить с белыми зверями.

Политотдив *Логинов.*

Красные герои командиры и красноармейцы.

«Еще вчера мир считал их дикарями, а сегодня они, почти умирая с голода, идут к победе или на смерть, мужественно, как старые борцы».

Так сказал Максим Горький о наших красных борцах, почти на восьмитысячном фронте бьющихся за будущее трудящихся всего мира.

Вчерашние рабы, они бьются за освобождение от кандалов каторжника тех людей, на теле которых еще висят ржавые цепи угнетения, а ведут их на этот последний и решительный бой красные командиры-коммунисты, часто те самые люди, которые еще так недавно по воле чудовища-капитализма должны были служить послушным орудием порабощения. Теперь эти руководители — командиры армий, дивизий, бригад, полков, батальонов и рот,—в светлом порыве, окрыленные мечтой о свободе угнетенных, перерожденные, стряхнувшие с плеч и души зловонную гниль рухнувшего здания буржуазного строя, ведут свои красные полки через все препятствия к победе. Нельзя не остановиться на моральном значении присутствия на командных постах Красной армии бывших офицеров.

Наиболее чуткие из них, поняв великие задачи, поставленные коммунистической властью, и принадлежа по своему происхождению скорее к трудовым классам, не колеблясь, сбросили с себя вериги кастовых предрассудков. И стоило им только не на словах, а на деле слиться с красноармейской массой и уяснить себе ее настроения и нужды, как за ними сразу устанавливалась репутация «своего».

—Они, товарищи, свои ребята; не гляди, что командующие, за ними и в огонь и в воду итти не страшно.

Рабоче-крестьянская власть устами своего представителя Народного Комиссара тов. Троцкого не раз с благодарностью отзывалась о таких командирах.

И Красная армия доказала, что ценит тех из своих командиров, которые при невероятных условиях борьбы, недостатках оружия и снарядов заслужили уважение и даже любовь своих товарищей-красноармейцев, руководя сперва разрозненными партизанскими отрядами и уже позже стройными красными полками, составившимися из бойцов, только что перенесших четырехлетнюю боевую страду и муку и ужасы империалистической бойни. Для того, чтобы зажечь эти утомленные сердца пахарей и людей от станка и верстака, мало было стать командиром, надо было быть вождем-вдохновителем и организатором, надо было быть человеком, беззаветно преданным светлой идее служения пролетариату; надо было стать товарищем, действительным товарищем, близким и родным героической красноармейской семье. Надо было самому стать героем. И они стали героями в ту минуту, когда бестрепетно и смело впервые вступили руководителями в красные ряды.

И за это честь, хвала и признательность трудового народа да будет с теми, кто, презрев зловещее шипение колчаковско-деникинских гадов, честно и мужественно выполнил свой долг по отношению к пролетариату и трудовому крестьянству.

На ряду со старыми специалистами военного дела в Красную армию осенью 1918 г. стали вливаться *красные офицеры и генштабисты*, плоть от плоти пролетариата и трудового крестьянства, лучшие из защитников его власти на революционных фронтах. Эти бывшие курсанты командных курсов вносили в армию бодрый коммунистический дух, сплачивали стальной революционной дисциплиной ряды красных борцов и, сами закаляясь в боях, выковывали из красноармейских частей стойкие и несокрушимые боевые единицы.

Первые в наступлении, последние при отходе, они предпочитали смерть вражескому плену и дали много прекрасных примеров самодисциплины и самопожертвования.

Такие командиры, которых красноармейцы еще недавно видели в своей среде в качестве товарищей по роте или взводу, пользовались особенным авторитетом и доверием.

— Этот не выдаст, потому свой брат, пролетарий,— так говорят про таких командиров простые красноармейцы, с которыми надо пуд соли с'есть прежде, чем они назовут тебя «своим».

А сколько незаметных героев выдвинулось среди этих стройных красноармейских колонн, устремившихся на восток за отступавшими дутовскими и учредиловскими бандами!.. Сколько невероятных лишений от мороза, голода, жажды и сорокаверстных переходов в день, сколько леденящих кровь ужасов, сколько утонченных пыток перенесено этими подвижниками на крестном боевом пути от Симбирска и Сызрани к Уфе и Оренбургу!..

Царская война не знала такого энтузиазма, такой неутомимости, такой сознательности.

Причина этого ясна.

Красные воины уяснили себе разницу между захватнической войной империалистов между собою и классовой войной за освобождение трудящихся от ига эксплоататоров.

Они знают, что защищают *свою* власть, *свои* советы, *свою* землю и *свою* волю от алчных международных хищников.

И это окрыляет их в борьбе, это удесятеряет их силы, это увеличивает их стойкость.

—Все перетерпим, но не сдадим врагу завоеванной власти!

И зорко охраняют пределы Советской республики от бесчисленных врагов, жаждущих ее гибели, эти доблестные часовые на фронтах всемирной революции!..

Привет вам, неутомимые рабоче-крестьянские бойцы за светлое будущее!

I.

Командующий армией тов. Тухачевский.

Михаил Николаевич Тухачевский — первый командарм первой революционной армии, вынесший на своих плечах всю тяжесть переходного периода в истории Красной армии и давший другим армиям превосходный метод строительства армии на новых началах из старого материала.

Тов. Тухачевский еще очень молод: ему нет еще 28 лет. С юношеских лет он интересовался наукой и искусством (музыка) и основательно знаком с военной литературой. Бывший капитан гвардии он уже с весны 1917 года проявляет себя, как сочувствующий борьбе рабочих и крестьян за освобождение и вскоре вступает в Р. К. П. Духовное перерождение тов. Тухачевского произошло в германском плену, из которого он бежал несколько раз при самой невероятной обстановке.

С начала Октябрьской революции тов. Тухачевский зарекомендовал себя, как даровитый, дельный и преданный Советской власти военный работник. В самые трудные для пролетарского строя дни, в разгар чехо-словацкого восстания тов. Тухачевский был назначен командующим первой революционной армией.

В июне 1918 года первая революционная армия по численности войск была меньше теперешней дивизии и заключала около 4.000 человек красноармейцев, беспорядочно разбросанных небольшими разрозненными группами в направлениях: *Бугульминском, Ставропольском, Сенгилеевском и Сызранском.*

Предстояла нелегкая задача спаять эти разнокалиберные, носившие определенно партизанский характер, нередко мало боеспособные части и создать единый руководящий и направляющий военный аппарат—мозг армии—ее штаб.

При содействии политкомармов, тов. Калинина и Куйбышева, тов. Тухачевский энергично принялся за строительство регулярной армии, несмотря на все препятствия, чинимые как на местах, где партизанские командиры вначале не признавали распоряжений штаба армии, так и в связи с неразберихой, царившей в то время среди высшего командования (в июле 1918 г. тов. Тухачевский, срочно вызванный в Симбирск, был арестован предателем Муравьевым и был освобожден только после ликвидации авантюры и смерти изменника).

Как командующий первой революционной армией, тов. Тухачевский проявил себя не только блестящим организатором и администратором, но и превосходным стратегом.

По своей личной инициативе совместно с тов. Калининым и Куйбышевым тов. Тухачевский осуществил мобилизацию б. офицерства Пензенской и Симбирской губерний, дав первой армии кадры опытных военных специалистов. Офицерство в массе своей обывательское и лояльное по отношению к Советской власти, охотно откликнулось на призыв тов. Тухачевского и дало из своей среды много опытных работников в только-что организованные отделы штаба: административный, оперативный, снабжения и другие. Так во главе снабжения стал тов. Шевчук, со специальным интендантским образованием и стажем, и в короткое время наладил этот отдел. В штабе оказались: тов. Карицкий (первый начальник штаба), тов. Захаров I и II, тов. Шафалович (теперешний начальник штаба), большинство из которых окончили Академию Генерального Штаба.

Во главе административного отдела стал знаток этого дела тов. Устичев и пр.

Другими специальными делами тоже ведали компетентные лица: во главе управления Зап стал тов. Всеволжский, во главе управления Зинча ниж. Толстой, известный научными трудами.

Все эти люди, вступив в штаб Красной армии с чувством сомнения и опасения, после нескольких недель совместной работы вполне сжились и сблизились с политической обстановкой революционного командования и с красноармейской средой. По собственному признанию многих из них, они вполне убедились в том, что при переживаемых условиях иного военного аппарата быть не может и не должно. Постепенно присматриваясь к мероприятиям Советской власти в смысле поднятия боеспособности Красной армии и создания ее на регулярных основаниях, они добросовестной работой и точным, быстрым и умелым выполнением приказов вскоре доказали не только свою лойяльность, но и сочувствие задачам высшего командования армии.

С помощью этих-то сотрудников, образовавших тесно спаянный деловой аппарат — штаб армии — и удалось тов. Тухачевскому, горячему защитнику принципов регулярной армии еще в то время, когда на 5-м с'езде Советов раздавались голоса о поголовном партизанстве, ликвидировать партизанщину в первой революционной армии и организовать наступление на Волгу. При нем первая армия окрепла и научилась побеждать.

Под его руководством Советской России были возвращены те части Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губ., которые были заняты учредиловцами и их наемниками—чехо-словаками.

Назначенный в январе 1919 года командиром в одну из южных армий, а затем в N-скую армию вост. фронта, тов. Тухачевский проявил те же блестящие качества: решительность, быструю ориентировку, умелое руководство операциями.

Под его руководством эта армия после ряда упорных боев отбила у Колчака значительную часть Великого пути на Сибирь от Уфы до Кургана и недалек тот час, когда ее неутомимым натиском будет сломлена последняя твердыня Колчака — Омск.

За доблесть и мужество, проявленные в боевой обстановке, приказом Рев. Военсовета Республики от 7 августа 1919 года за № 167 тов. Тухачевский награжден орденом «Красного Знамени».

II.

Командующий армией товарищ Гая.

О товарище Гая впервые заговорили после удачного прорыва его отряда, находившегося в кольце чехо-словаков и белогвардейцев, занявших Симбирск со стороны Тереньги и ст. Охотничьей и наступавших по Волге со стороны Поводевичья. В то время наши, тогда еще неустойчивые, части паническ бежали от Мелекес и Симбирска перед слабейшим по численности противником и только отряд т. Гая в составе тысячи храбрецов, благодаря умелому руководству и настойчивости командира, сумел сохраниться, как боеспособная единица и, пройдя походным порядком в 4 дня свыше ста верст через территорию, занятую противником, благополучно и почти без потерь со всем обозом соединился с частями I армии у ст. Чуфарова. Этот отряд и послужил ядром для создания единой из наиболее боевых и геройских частей нашей Красной армии: Первой Симбирской Железной дивизии. В должности н-ка этой дивизии

т. Гая проявляет необычайную неутомимость и энергию и выказывает личное мужество и беззаветную преданность делу рабоче-крестьянской Республики.

Пользуясь любовью и доверием красноармейцев, видевших множество доказательств его энергии и неустрашимости, т. Гая увлекает свои молодые части в наступление, возбуждая в них боевое соревнование и неуклонное желание раздавить врагов трудящихся. Боевое счастье почти всегда сопутствует ему и его Железной дивизии. После неудачного наступления на Симбирск в августе 1918 года т. Гая во главе своей дивизии 12 сентября лихим штурмом берет Симбирск, в'ехав в город одним из первых на автомобиле, с которого сам стреляет из ручного пулемета по бегущим белогвардейцам. 7 октября части Железной дивизии участвуют во взятии Сызрани, а 8-го рано утром вступают в Самару, на 4 часа позже другой нашей армии. После этого один за другим падают города Буинск, Тетюши, Сенгилей, Ставрополь, Бугуруслан, Бузулук, Белебей, Стерлитамак, при непосредственном участии Железной дивизии, руководимой т. Гая. 26 декабря 1918 г. т. Гая назначен командующим I революционной армии.

Будучи командиром, т. Гая всюду проявляет личную инициативу и в неукротимом порыве кипучей энергии положительно не дает противнику передышки. Армия за это время занимает город Оренбург 22 января 1919 года, затем Уральск и, наконец, 26 февраля—Орск.

Т. Гая Дмитриевич Бежишкян родился 1888 г. в гор. Тавризе (Персия). Получив среднее образование в армянской семинарии в Тифлисе, он в декабре 1914 г. служил на кавказском фронте в качестве армянского дружинника и к концу 1916 г.—батальонного командира. В боях на кавказском фронте он получил все боевые награды.

Февральская революция захватила т. Гая в Москве. Он—социал-демократ. Состоит начальником патрульной команды при штабе революционных войск Московского военного округа по 30 мая 1917 г.

Во время гражданской войны т. Гая в далеком Туркестане и Самарканде формирует отряд армянских стрелков в 300 человек и борется с контр-революционерами под городом Коканом. В апреле 1918 г. т. Гая оказывается в Самаре во главе отряда в 300 человек, организованных им для борьбы с чехо-словаками. После отступления красных дружин из Самары в Симбирск по предложению штаба симб. группы и Самарского Ревкома берет на свою личную ответственность все разрозненные и действующие в беспорядке красные отряды и соединяет их в один общий отряд. Таким образом остальные партизанские отряды того времени: Дубянского, Прохорова, анархистов, максималистов и левых эс-эров, коммунистов получают название сводного отряда самарских боевых дружин. Это было крупной заслугой т. Гая. Вместо отдельных микроскопических отрядов, действующих на свой страх и риск, подчас неимеющих между собой никакой связи и всецело зависящих от воли командиров, в свою очередь, подчинявшихся выбравшим их красноармейцам, получилась серьезная по тому времени боевая единица, об'единенная единой волей,—зачаток будущей армии. Естественно, что т. Гая, фактически уже командующий всеми отрядами Сенгилеевского района, был назначен начальник сводного отряда и помощником командующего сенгилеевской группы войск.

В июле 1918 г. т. Гая был назначен командующим сенгилеевским фронтом и после удачного прорыва из Сенгилея назначен н-ком I Симбирской дивизии (впоследствии 24 Железной).

В январе этого года т. Гая был назначен командиром I армии восточного фронта, в каковой должности состоял до конца мая с. г.

Т. Гая—член Р. К. П. (большевиков).

III.

Красный командир тов. Зиновьев.

Георгий Васильевич Зиновьев в настоящее время командарм I армии, родился в 1887 г. в Петрограде. Призванный в 1909 году на службу, служил в мирное время в 157-пехотном Егерском полку. В 1915 поступил в Севастопольскую авиационную школу, окончив которую, перешел в 6 авиационный отряд 3 Сибирского корпуса, где был старшим унтер-офицером. С января 1917 года состоял военным летчиком и участвовал во многих воздушных стычках. В октябре этого же года (еще до Октябрьской революции), будучи председателем корпусного комитета, приступил к формированию отряда из всех трех родов оружия под названием «Первый социалистический отряд Западного фронта», который был сформирован 1 ноября. Целью этого отряда была защита границы и охрана своз-имого оружия ликвидированного военного участка. Зимой под городом Бобруйском этот отряд представлял пограничную стражу Советской республики, прикрывавшую Минск и Слуцк. После столкновения с превосходными силами польских легионеров отряд отошел в направлении на Минск, а затем по Александровской железной дороге, взорвав мост через Березину у Борисова.

По прибытии в Смоленск тов. Зиновьев был назначен на должность н-ка гарнизона в Смоленске. В январе 1918 года тов. Зиновьев приступил к формированию Красной армии в гарнизоне. Во время наступления немцев на Оршу и Витебск тов. Зиновьев командовал Оршанским участком.

Весной т. Зиновьев был командирован с отрядом 400 человек и одной батареей в Самару, откуда по предложению Самарского Губисполкома вскоре выехал в Оренбург. В Оренбурге т. Зиновьев сумел об'единить все отряды в одну общую боевую единицу и образовал Оренбургский фронт, действовавший в направлении Ташкентской и Орской ж. д.

Тогда же тов. Зиновьев был назначен командующим Оренбургским фронтом.

Отряд Зиновьева проявил наибольшую стойкость при защите Оренбурга летом 1918 г. против наступавших чехо-славаков и дутовцев. После взятия Бузулука белыми тов. Зиновьев вывел бузулукский гарнизон в количестве 12.000 чел. и сосредоточил все военные силы в районе Оренбурга (всего до 17.000 человек). В виду недостатка патронов, на военсовете было решено эвакуировать Оренбург, при чем для прикрытия Туркестана решено было отступить на Актюбинск. При этом командующий отрядом (900 кавалеристов) Каширин и начальник

другого отряда (700—300 чел.) Блюхер не подчинились постановлению, а двинулись самостоятельно по уфимскому тракту.

В конце июля 1917 г., сосредоточившись в Актюбинске и Орске и образовав линию фронта ст. Мартук—Орск, тов. Зиновьев приступил к формированию регулярной армии. Не имея связи с центром, формировал его по старому уставу.

Были сформированы 4 дивизии, в каждой по 4 полка пехоты при соответственной артиллерии.

Первая дивизия заключала в себе следующим полки: Интернациональный (1200 шт.), 9 Уральские (1000 шт.), который погиб целиком на Пермском фронте после соединения с северной группой, 3 Советский Бузулукский (1000 шт.) и Илецкий.

2-я дивизия имела 28-ой Уральский полк, I Оренбургский рабочий, Покровский (расформирован), Жлобинский (самый старый из существующих полков).

3-я дивизия—Орский (ныне 277), Тургайский полк, 2 кавалерийских полка.

4-я дивизия — Казанский, Акбулакский, 2-ой рабочий Актюбинский.

Сформирован также был казачий полк из беженцев, сочувствующих Советской власти казаков, под названием I Советский Трудового казачества полк (существует ныне в I армии).

Был и московский полк на Асхабадском фронте.

С выходом к Актюбинску сформированные дивизии заняли фронт ст. Мартук—Орск и успешно сопротивлялись наступлению казаков, имея базою Актюбинск.

Соприкосновение с противником было непрерывное.

Тов. Зиновьев лично руководил боями, одно время командовал не только Актюбинским, но и Асхабадским фронтом, куда пришлось выделить по просьбе Туркестанского Совнаркома Жлобинский, Московский и Казанский пех. полки вместе с I Оренбургским кавалерийским полком.

Эти части в сентябре 1918 г. продвинулись до Мерва.

Война была позиционная.

Орск, находившийся до октября 1918 г. в руках Оренбургской армии, был сильно укреплен.

Войска находились в окопах с момента формирования 4-х дивизий; партизанство было уничтожено. Части были дисциплинированы и состояли из добровольцев, среди которых преобладали фронтовики.

После занятия белыми Илецка, армия под Актюбинском оказалась в очень тяжелом положении вследствие недостатка в патронах (2.000.000 на всю армию).

В октябре 1918 г. по инициативе политических работников было предпринято первое наступление по линии Орско-Ташкентской жел. дор. В виду недостатка патронов, правая группа, вышедшая из Орска, должна была отступить на Ташкентскую ж. д. и выйти на ст. Картугай, после чего Орский гарнизон, не выдержав осады и атак казаков, отступил на Актюбинск.

Связь с центром была лишь по радио.

В течение всего зимнего периода борьбы армия была совершенно раздета; носили киргизские халаты и все, что попадалось.

Продовольствия было достаточно.

Санитарной организации почти не было,—было всего два врача на всю армию. Технически (в смысле амуниции и снабжения) дело обстояло очень слабо. Тем не менее, фронт держался благодаря стойкой доблести красноармейцев.

Получив приказ о наступлении на Оренбург, Актюбинская армия, не имея возможности больше стоять на месте (патронов было всего 150 на 1 чел.), двинулась на Оренбург, находясь в непрерывных боях вплоть до ст. Дотусская, где соприкосновение с противником, наконец, было потеряно. В Оренбург армия вступила 22 января, в 9 часов утра, а в 12 ч. дня в город вступила Железная дивизия.

Так состоялось соединение Актюбинской армии, с I армией и Туркестан был связан с Советской Россией. После соединения т. Зиновьев назначен командующим Туркестанской армией, которая впоследствии при наступлении Колчака на Волгу была переброшена на север и участвовала во взятии Уфы.

В конце мая 1919 тов. Зиновьев назначен командующим I армии.

IV.

Командир стрелк. бригады тов. Павловский.

Тов. П-ский б. офицер, но предан всей душой революции. С начала гражданской войны на восточном фронте был в первых рядах борющихся за Советскую власть. В конце июня мы видим его командующим Ставропольской группой войск, осаждавшей Ставрополь. После занятия Симбирска ему удается переправить все свои войска из района Мусорки-Ставрополь через Волгу у Белого Яра и Сенгилея. Благополучно прорвавшись совместно с тов. Гая сквозь кольцо чехо-словаков, через Тушку, Ташлу и Воецкое к Майна, он первое время является ближайшим помощником и заместителем т. Гая.

В боях под Майной, Охотничьей и Симбирском т. Павловский участвует в качестве командира первой бригады, занимавшей правый фланг по линии Репеевка—Поповка и выказывает беззаветную храбрость и настойчивость. Его бригада совместно с Витебским полком коротким ударом берет Симбирск. После взятия Самары т. Павловский, все время находящийся на передовой линии, получив приказ о наступлении на Бугуруслан, берет его искусным маневром, обойдя его с северо-востока. Участвует во всех героических переходах Железной дивизии и неоднократно замещает начальника этой дивизии.

V.

Начальник железной дивизии тов. Вилумсон.

Т. Вилумсон уроженец Латвии, б. офицер, добровольно вступивший в Красную армию. В июне 1918 года находится на Ставропольском фронте в штабе тов. Павловского, после прорыва из-под Сенгилея назначен и-ком штаба первой Симбирской Железной дивизии. В тесном сотрудничестве с тов. Гая часто подвергал свою жизнь опасности, участвуя во всех славных переходах и боях Железной дивизии; в августе 1918 года находится на ст. Охотничьей, отрезанный от Майны разъездом чехов, занявших Выры, но благополучно про-

бивается через с. Ваецкое со всем штабом. Организует победу красных войск под Симбирском, Самарой, Ставрополем, Бугурусланом, Бузулуком, Стерлитамаком и Оренбургом.

В январе 1919 года назначен начальником Железной дивизии, продвинувшейся к марту по линии 180 верст восточнее Орска и угрожавший Верхне-Уральску и Троицку.

Сдерживает натиск колчаковцев, наступавших на Оренбург, и выводит Железную дивизию из-под угрозы охвата превосходными силами противника.

В конце апреля с/г., лично руководя оренбургскими рабочими, обороняющими Оренбург, тяжело ранен пулей в живот, но остался жив и эвакуирован в Самару.

VI.

Н-ник 20-й дивизии тов. Воробьев.

Тов. Воробьев—б. подпоручик, был начальником Штаба Сенгилеевской группы войск, где руководил операциями отрядов т. Гая в партизанский период войны. После сенгилеевского прорыва был назначен командиром первого Симбирского полка, во главе которого участвовал в обоих наступлениях на Симбирск. По взятии Симбирска был назначен комендантом города и способствовал быстрому восстановлению в нем порядка. С сентября состоял командиром бригады Железной дивизии, в январе 1919 г. назначен н-ком двадцатой Пензенской дивизии, которой руководил во время весенних боев к востоку от Стерлитамака и к юго-востоку от Уфы.

VII.

Командир стрелков. бригады тов. Устинов.

Т. Устинов начал свою революционную деятельность с 1909 г., когда стал работать в партии эсеров. В 1914 г. был арестован в Самаре за участие в первомайской забастовке и освобожден по амнистии. Едва выйдя из тюрьмы, вновь арестован за агитацию на Иващенковском заводе; ему удается бежать.

По мобилизации был отправлен на фронт, где занимал должность взводного командира. После ранения был переведен в один из запасных полков в гор. Новочеркасск. Энергичное участие принимал в восстании во время февральского переворота и был избран председателем полкового комитета. Перед корниловским выступлением был избран тов. председателя военного комитета Донской области. Во время октябрьского переворота участвовал в борьбе с Калединым и после разгрома казаками революционных войск Ростова и Нахичевани по чужому паспорту добирается до Самары, где занимает место тов. председателя Самарского Городского Исполкома. При наступлении чехов на Самару занимал должность начальника боевой дружины левоэсеровской самарской организации, где и состоял до создания первого полка, в котором последовательно нес обязанности командира батальона и командира полка. С новым годом т. Устинов назначен командиром третьей бригады, это назначение приветствовалось всеми знающими его смелость и умение руководить в бою. В качестве командира третьей бригады т. Устинов участвовал во всех крупных боях под Оренбургом и Орском.

Старый партийный работник т. Устинов и в новой для него должности командира бригады представляет стойкого расчетливого и хладнокровного, никогда не теряющегося руководителя верящих ему красноармейцев.

VIII.

Командир батальона т. Тыркусов.

Т. Тыркусов родился в 1896 году в Петрограде, окончил - ую гимназию. В 1915 г., будучи мобилизован, окончил юнкерское училище. На фронте находился под Барановичами в 165 Луцком полку. В 1916 г. был ранен в висок и под'язычную область навылет, но выздоровел. 1-го марта 1917 г. был отравлен газами под Даревым.

Был батальонным командиром.

При Советской власти вновь мобилизован в июне 1918 г., был инструктором Всевобуча до марта этого года, с 7 марта—на Оренбургском фронте в двадцатой стрелковой дивизии.

В номере самарской газеты «Коммуна» помещена нижеследующая короткая заметка о т. Тыркусове:

«На излечении в вокзальном лазарете находятся два боевых товарища: батальон. командир, т. Тыркусов, и рядовой Савинов, участники боев у р. Салмыш в Самарском районе. 25/IV они отправились в конную разведку на Салмыш, где и были окружены неприятельским отрядом в 40 ч. На предложение сдаться Т. и С. ответили отказом. Метко отстреливаясь, осыпанные градом пуль, они прорвались по направлению к своей части, но были оба серьезно ранены. Т. Т-ов—в грудь навылет, а С.—в плечевую кость руки. При чем под Тыркусовым была убита лошадь, и он остался в степи. Т. Савинов доехал до своей части, где и сообщил в батальон о случившемся.

Пролежав некоторое время без памяти, т. Т. ползком добрался до района расположения своих и явился в батальон, который считал его погибшим».

Вот краткое описание подвига т. Тыркусова; этот подвиг сам т. Тыркусов и не думает считать подвигом. «Обыкновенный случай, каких много»,—говорит он, хотя этот случай едва не стоил ему жизни.

Да здравствуют неподкупимые красные командиры.

IX.

Командир полка т. Боревич.

АТТЕСТАЦИЯ.

Дана командиру четвертого Кавалерийского полка тов. Боревичу в том, что вверенный ему полк за все время своего пребывания на фронте неизменно честно исполнял как всем составом, так и отдельными отрядами возлагающиеся на него боевые задачи.

Неся свои обязанности в очень тяжелой боевой обстановке, полк порою с отвагой и храбростью

честных красноармейцев выполнял выпадавшие на его долю боевые задачи. Точно также за все время своего пребывания на фронте полк являет собою во внутреннем строе пример достойный подражания. В его рядах установлены достойная сознательной красноармейской части, суровая, при исполнении обязанностей, дисциплина и искренние товарищеские взаимоотношения между командиром и рядовыми, что и подтверждаем нашими подписями и приложением печати.

Члены Революционного Военного Совета армии.

Медведев, Калнин.

X.

Наш командир.

Во время упорного боя доблестный командир товарищ Турский со своими доблестными полками, не щадивши своей жизни, бросился в атаку и отбил неприятеля.

Честь и слава доблестному командиру и добрым полкам.

Красноармеец *Шумов.*

XI.

Красноармейцы.

Красноармеец Яков Яровенко „Гайдамак".

Доброволец крестьянского полка 24-ой Железной Дивизии Яков Яровенко, по прозвищу «Гайдамак», участник всех переходов и боев I-ой револ. армии, за выдающееся мужество, проявленное неоднократно в боевой обстановке, награжден Ревсоветом I-ой армии золотыми часами.

Имел обыкновение, уходя в разведку, забираться далеко в тыл неприятелю, наводя на него панику и смятение и действуя плохонькой и старой винтовкой без штыка, которой он, однако, владел в совершенстве.

Однажды взял в плен целую роту в 55 чел., в том числе 4-х офицеров. Неоднократно выходил цел и невредим из рук белых, благодаря удивительной находчивости и храбрости, за что пользовался среди товарищей репутацией «колдуна», которого «пуля не берет». Ранен под с. Зыковым при взятии двух пулеметов. Несмотря на серьезность раны, бодр и весел, и рвется в бой. Во время похода «Гайдамак» шел впереди наступающих цепей, играя на гармонике и веселя всю роту незатейливыми шутками.

«Гайдамаку» всего 19 лет, он родом из Ямпольского уезда, Подольской губ.

XII.

Красный герой-доброволец тов. Перевозчиков.

На нашу роту N-ского Оренбургского полка ночью, с 5 на 6 июля, был сделан казачий набег. Красноармейцы, зная свою малочисленность, после должной перестрелки стали отходить. В нашей роте находился член Ржевского союза коммунистической молодежи тов. Перевозчиков доброволец.

При отходе тов. Перевозчиков проявил необыкновенную стойкость. Оставшись под прикрытием мелких кустов, тов. Перевозчиков своими меткими выстрелами вырывал из рядов неприятеля многих. Наконец, присутствие его обнаружили, и пять всадников кинулись на него, шашка злодея сразила нашего героя, затем палачи с лежащего без чувств тов. Перевозчикова стащили сапоги, забрали все документы; ударив его еще раз в голову, ринулись дальше. Когда наша рота с помощью подоспевшего подкрепления прогнала противника обратно, заняв свою прежнюю позицию, тогда тов. Перевозчикова подобрали и отвезли в лазарет. Желая узнать об участи нашего героя, я зашел к нему и спросил: «Как твое здоровье?»—В ответ слышу с трудом произнесенные слова, так как нижняя челюсть совсем была у товар. отрублена: «Простите, что я здесь валяюсь, а не в строю—очень и очень желаю попасть в строй».

К-ц. роты *Иван Лобанов.*

XIII.

Красноармеец Трофимов.

В боях 11 июля под ст. N особенно отличился кр-ец Трофимов-коммунист.

Когда казаки стали напирать на левый наш фланг, среди кр-цев началось замешательство, вслед за этим паническое отступление, грозившее оголить батарею и превратиться в катастрофу.

Товарищ Трофимов не растерялся: остановил бегущих, рассыпал их в цепь и открыл по неприятелю стрельбу. В то же время он дал возможность батарее открыть огонь по наступающему неприятелю.

Атака неприятеля была отбита с большими для него потерями.

XIV.

Красноармеец Василий Холодилов.

В Красную армию поступил добровольцем 1 марта 1918 г. в Витебский полк, был выбран товарищами взводным командиром.

Участвовал в боях этого полка под Симбирском, Сенгилеем, Новодевичьим. Под Батраками контужен, но остался в строю.

После взятия Самары полк выбивал отступавшего неприятеля из ряда сел и деревень вплоть до села Сорочинского.

Под с. Степановкой при поражении 4-ой и 6-ой рот Холодилов получил пять серьезных ранений и попал в плен.

В числе 47 других пленных он был направлен в станицу Благодарную. Во время допроса казаки били пленных плетьми, а казачки—сковородниками, при чем во время битья обливали холодной водой.

Одна из казачек разбила Холодилову голову в 3 местах.

В станции Сильино пленных судили и приговорили ротного командира к расстрелу, а остальных к заключению в концентрационном лагере.

2-ой суд происходил в присутствии священника, который осматривал пленных с целью убедиться, есть ли у них кресты; когда их не оказывалось, на красноармейцев с ругательством накидывались казаки и били плетьми по 25 ударов и больше.

8 человек было приговорено к шестилетней каторге, человек 15 к расстрелу.

Холодилов в числе 8 человек был отправлен в оренбургскую тюрьму, где в невыносимых страданиях пробыл до взятия Оренбурга красными.

Несмотря на незалечившиеся раны и слабость, Холодилов, горя желаньем отомстить белым бандитам, немедленно возвращается в свой полк и участвует во взятии Стерлитамака, где в 6-й раз ранен в грудь.

Только тогда в бессознательном состоянии, полумертвый, он попадает в лазарет и, хотя по выздоровлении оказывается инвалидом, но еще и сейчас полон энергии и рвется в бой.

Из жизни 1-й армии.

I.

Пензенский полк.

На фронте N дивизии против 4 Пензенского полка 6 февраля днем противник значительно превосходящими нас силами повел наступление. Роты нашего полка все время были окружаемы противником, но, благодаря стойкости и мужеству красноармейцев, им удавалось пробиваться и в свою очередь заходить противнику в тыл. При этих обходах мы захватили 58 человек казаков в плен, но благодаря численному превосходству противника все-таки принуждены были отходить. Во время отхода некоторых рот, политком полка товарищ Домнин поехал в эти роты, в деревню, где они находились. В это время наши части уже оставили деревню и отходили дальше. Тов. Домнин этого не знал и был захвачен казаками в плен. Судьба его неизвестна.

Красноармейцы в этих боях проявили твердое мужество и изумительное геройство. Особенно части 4-го Пензенского полка.

II.

Орский полк.

Орский полк, ведя непрестанные бои с 8-го апреля и находясь под постоянным натиском противника, во много раз превышавшего его, в бою 19-го апреля у хутора Белова взял пленных и два пулемета. Там же в бою 21-го апреля полк, ловко маневрируя, разбил 42-ой и 7-ой хвалынские полки противника, взяв в плен 170 человек и три пулемета, принудив противника бежать за реку Сакмару. 23-го апреля полк занял хутор Сентовский, взяв в плен 50 человек и пулемет, 24-го апреля полк с боем отбросил противника до высот у станицы Сакмарской и лихим натиском в штыки, выбив противника из окопов с проволочными заграждениями, занял Сакмарскую. 26-го удачным маневром полк окружил противника на переправе у реки Салмыш, разбив наголову 18, 19, 20, 21, 5, 6, 8-ой полки противника и сбросил его штыками в реку. Трофеями боя были 3 орудия, 20 пулеметов, 1.500 пленных, громадный обоз, много телефонного, телеграфного имущества, до 2-х с половиной тысяч винтовок и до 100.000 патронов. За эти бои, показавшие железный закал пролетариата, закал бойцов за идеи коммунизма, *Орский полк представлен к награде* орденом *Красного Знамени.*

III.

Геройский полк.

N-ский полк—один из полков, прославившихся своею стойкостью и боеспособностью.

Но особенно проявил этот полк свое геройство в бою 17 марта.

В этот день в бой шли решительно все.

Настроение рвавшихся в бой красноармейцев увлекло за собой даже каше варов, и они, побросав свои кухни и вооружившись винтовками, пошли вперед, горя одним желанием отразить врага. И всем этим героям, воодушевленным жаждой победы, была непонятна робость—они считали теперь ее за измену.

Отставшие от передовой цепи два командира были застрелены, как изменники.

Противник, несмотря на свои силы, превосходящие наши в несколько раз, был отбит с громадными для него потерями. На одном только поле битвы им было оставлено до 500 человек. Красные герои 400 штыками отразили неприятеля в 6000 чел.

Реввоенсовет 1-й армии постановил ходатайствовать перед Реввоенсоветом Востфронта о награждении геройского полка боевым полковым знаменем.

На красную доску.

Революционным Военным Советом I армии Восточного фронта представлены к наград е «Красным Знаменем» лица, отличавшиеся в бою при наступлении чехо-словаков на селение Абдулино 9 ноября 1918 года.

1. Колемасов, Сергей, ком-р 5-й роты 1-го Пензенского Советского полка.

Во время наступления чехо-словаков на Абдулино, занятое частью 2-го Пензенского полка, вывел свою роту на удобную позицию и открыл по наступающим ураганный ружейный и пулеметный огонь. Отбил со своей ротой, численность которой была 60 чел., атаку противника силою в 1000 ч. После того, как противник приблизился и стал окружать его роту, повел ее в штыковую атаку, и, будучи почти окружен противником, прорвал штыковой атакой его цепь и, захватив пять неприятельских пулеметов, вывел роту в безопасное место.

Комиссар I армии товарищ Куйбышев.

Валериан Владимирович Куйбышев родился в 1887 году в гор. Омске.

Окончил Кадетский Корпус, был студентом военно-медицинской академии, затем—юридического факультета в гор. Томске, но не кончил ни той ни другого вследствие ареста и преследований царской охранки.

Товарищ Куйбышев—старый партийный работник; в Р. С. Д. Р. П. (большевиков) с 1904 года.

Арестован 8 раз, был 4 раза в ссылках, судился 3 раза.

В первый раз арестован в 1906 г. в Омске, отсидел 4 месяца в предварительном заключении, по суду оправдан.

В 1908 г. арестован в Петрограде, отсидев в тюрьме 4 месяца, выслан в Канск, Томской губернии.

В 1909 арестован в Канске.

В 1910 г. арестован в Томске; отсидел 5 месяцев в предварительном заключении; по суду оправдан, но сослан в Нарымский край.

В 1911 г. арестован в Нарыме; сидел в тюрьме 4 месяца.

В 1913 г. арестован в Омске; сидел в предварительном заключении 5 месяцев; по суду оправдан.

В 1915 г. арестован в Петрограде, просидел 4 месяца в тюрьме, после чего сослан в Иркутск.

В 8-ой раз арестован в 1916 году в Самаре, где просидел 4 месяца, после чего сослан в Туруханский край; по дороге в ссылку освобожден революцией.

Со дня революции все время работал в Самаре и на Восточном фронте.

В Самаре последовательно был членом Губкома партии, членом Совдепа и Исполкома, председателем Ревкома, Губ. и Горисполкома.

После взятия Самары чехо-славаками занял пост военного комиссара I-ой Революционной Армии и совместно с командармом Тухачевским и комиссаром Калининым был ее организатором.

После взятия Симбирска Красной армией товарищ Куйбышев был назначен комиссаром IV армии.

После взятия Самары в октябре 1918 г. тов. Куйбышев вернулся к советской и партийной работе в Самаре и занял пост председателя Губисполкома и Губкома партии.

В феврале с/г. т. Куйбышев назначается членом Реввоенсовета Южгруппы Востфронта; с июля с/г.—членом Реввоенсовета Астраханской группы.

Красный комиссар-каторжанин.

Белогвардейское генеральство и офицерство бросают злобный упрек нашей Красной армии за то, что в рядах ее за свободу трудящихся бьются каторжане.

Это правда, и Красная армия в праве гордиться тем, что старые борцы против царизма, носившие во время кровавого Николая ржавые цепи каторжника, как символ их неуклонной борьбы против капиталистического строя, после грома Октябрьской революции сменяли эти цепи на серую шинель красноармейца или политического руководителя красноармейца.

Таков политический комиссар I-го Симбирского полка, Александр Григорьевич Самсонов. Какую силу духа, не говоря уже о физических силах, надо иметь для того, чтобы пережить то, что вынес и перестрадал этот, правда, крепкий человек вопреки словам известной песни наборщиков:

«Мы все здоровьем хилики и зелены с лица».

Наборщик при царизме и красноармеец с 27 мая 1918 года, тов. Самсонов полуторагодовой непрерывной борьбой в рядах коммунистической армии до того закалил себя, что, по выражению товарищей, ему «износу не будет».

На карточке, присланной нам, он снят в арестантском халате, такой же шапке и каторжных кандалах. Октябрьская революция освободила его навсегда от этого подарка царя Николая и, едва успев снять собственные кандалы, товарищ Самсонов пошел на освобождение пролетариата от вековых кандалов капитализма. В настоящее время он находится в другой армии, но без него галлерея красных героев нашей армии была бы неполной. Вот краткая цепь пережитого тов. Самсоновым.

По ремеслу наборщик—родился в 1887 году, в партии с 1905 года. В первый раз арестован в Петрограде за напечатание «Известий Р. Д.» Во второй раз арестован 4 января 1906 г.; просидел шесть месяцев в «Крестах» и в «Пересыльной».

20 июля арестован снова, как участник вооруженного восстания в городе Свеаборге, приговорен к смертной казни, каковая заменена 15 годами каторжных работ. Вплоть до Февральской революции находился в тюрьме и в 1908 году в виде протеста против телесных наказаний вскрыл себе вену на-левой руке. Был спасен. После революции и освобождения работал в Совете гор. Бугуруслана, затем с 12 декабря 1917 года по 27 мая 18 года был тов. председателя Губисполкома гор. Самары. 27 мая 1918 года вступил в дружину коммунистов, а с первого августа 18 года по 16 марта 19 года состоял комиссаром I Симбирского стрелкового полка. В последнее время пребывания его в 1-ой армии был политкомом ЗАЧА.

Товарищ Хацкевич.

10 января во время боя пал смертью героя комиссар N-ского полка т. *Хацкевич*, Марк Артемьевич. Тов. Хацкевич все время шел впереди своего полка, показывая высокий пример революционной доблести и сознания своего долга.

Тов. Хацкевич был делегирован на фронт комитетом партии коммунистов (большевиков) г. Кронштадта.

Сначала работал в нашей армии, но потом до конца находился на южном фронте.

Тов. Хацкевич в пребывание свое у нас отличался, как человек железной натуры, и погиб, как истый кронштадтец, стойко на ответственном боевом посту.

Юбилей.

Из . . . полков телеграфируют, что праздник юбилея 1-ой армии Востфронта проведен на передовых линиях торжественно.

Устраивались концерты, митинги и, где было возможно, парады. Кр-цами вынесены резолюции о решительной борьбе до окончательного торжества коммунизма и идей рабочего класса.

«ИЗВЕСТИЯ НАРКОМВОЕН»

4 сентября 1919 г.

№ 193.

ПРИКАЗЫ и ПОСТАНОВЛЕНИЯ:

Награждение орденом „Красного знамени".

Приказом революционного военного совета республики по личному составу армии от *8 августа 1919 года за № 160* награжден за доблесть и мужество, проявленные в боевой обстановке, орденом *«Красного знамени» тов. Гая Карапетович Бежишкян.*

Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики С. Каменев.

Член революционного военного совета республики С. Гусев.

Приказом революционного военного совета республики по личному составу армии от *7 августа 1919 года за № 167* награжден за доблесть и мужество, проявленные в боевой обстановке, орденом «Красного знамени» *командующий армией тов. Тухачевский.*

Приветствия в день годовщины.

Привет N-ской армии.

Реввоенсовет N-ской армии приветствует от лица армии в день юбилейной годовщины доблестную 1-ую Революционную армию и шлет ей свои горячие пожелания дальнейших побед над врагами социалистической революции.

Привет вождя Железн. дивизии.

Всей душой поздравляю вас, дорогие товарищи, с блестящей годовщиной Первой армии. Уверен, что вперед высокое, покрытое победами, почетное знамя славной армии в руках ее новых руководителей увенчается лаврами новых побед, будет еще выше развеваться над головами железных бойцов.

Гая.

Привет с позиций.

В годовщину 1-й Рев. армии . . . полк, с передовых позиций, где он ведет беспощадную борьбу с душителем трудового народа Колчаком, шлет свой пролетарский привет братьям рабочим и крестьянам и клянется победить или умереть. Да здравствует третий Интернационал и мировая социалистическая революция! Да здравствуют вожди революционного пролетариата—т.т. Ленин и Троцкий.

Красноармейцы . . . полка.

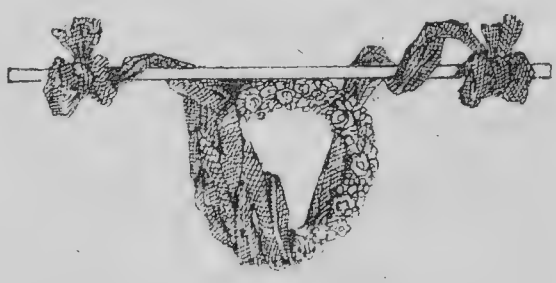
Привет деревни.

Бузулукский Уездный Сезд председателей Волисполкомов, заслушав сообщение о праздновании годовщины 1-ой Революционной армии, с чувством величайшего признания преклоняется пред великими историческими заслугами героев красноармейцев из крестьян и рабочих в деле освобождения Восточной России, в частности Бузулукского уезда, от белогвардейских банд. Приветствуем ее с великим красноармейским праздником, пожелав в дальнейшем самой скорой и решительной победы над кровожадным и жестоким врагом, поднявшим меч восстания против Советской власти!

Да здравствует геройская первая Революционная армия.

Привет от гарнизона с. Тоцкого.

В день празднования годовщины 1-й армии шлем горячий привет от имени Тоцкого гарнизона кр-цев . . . стр. дивизии. Клянемся, как один, выполнять долг перед родиной и перед нашей армией вплоть до сокрушения всех наймитов капитала. Шлем также горячий привет завед. политодом 1 Рев. арм. тов. Юрову со всеми сотрудниками политотдела от имени сотрудников, политкома, от представителей Юж-группы Востфронта и от всего гарнизона. Клянемся выполнить свой долг перед родиной против капиталистов и их наемников.



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Зарождение политической работы в Красной армии.

На долю русского пролетариата выпала роль застрельщика в мировой социалистической революции в решительной схватке с классом эксплоататоров. Русский пролетариат первый должен был поднять красное знамя за освобождение от оков рабства. И как первому в этой борьбе всемирного пролетариата, ему пришлось самому искать пути и средства для достижения победы. Октябрьский переворот, совершонный пролетариатом и беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии под лозунгами «вся власть Советам» и «полное освобождение от рабства всемирного пролетариата», был первый штурм капиталистической крепости; но каждому сознательному пролетарию было ясно, что борьба предстоит длительная и тяжелая. Старая армия с ее палочной дисциплиной, руководимая сынками помещиков и фабрикантов и служившая орудием в руках капиталистов для увеличения их барышей и достижения темных целей, оказалась в целом неспособной участвовать в борьбе за освобождение трудящихся. Это так и должно было быть: рабочие и крестьяне, мобилизованные насильно царским правительством, стремились к скорейшей ликвидации империалистской, им ничего не дающей войны, горели желанием поскорее попасть домой, и часть их действительно разбегалась, часть же, попавшая под влияние офицерской и соглашательской агитации, еще слепо исполняла приказы шайки капиталистов и помещиков. Тогда на защиту своей власти встал городской пролетариат, который был более сознателен, более сплочен. Организуются небольшие отряды красногвардейцев и отправляются на запад, на юг для борьбы с контр-революционными силами и успешно отбивают врага... Но враг был силен. Буржуазия, среди которой сначала царила растерянность, быстро поняла, что вопрос идет о ее жизни и смерти, и начала стягивать свои силы. На ее стороне были наука, техника, военное искусство, реакционное офицерство, помощь иноземных палачей. Для борьбы с таким сильным врагом мы ни на минуту не должны были задумываться над необходимостью организации мощной боевой единицы, об организации своей Красной армии. Но было необходимо не только организовать армию, но и руководить ею. Поэтому встал вопрос о привлечении для работы в области военного руководства в Красную армию военных специалистов, т.-е. тех лиц, которые еще во времена господства буржуазии получим специальное военное образование и опыт в империалистической войне.

Военные специалисты (бывшее офицерство) не все были настроены контр-революционно и, как русская интеллигенция вообще, в значительном числе тяготели по своим об'ективным условиям к трудовому народу. Правда, долго еще после октябрьского переворота интеллигенция колебалась, и частью бросаясь в соглашательские об'ятья или застряв в обывательской среде, приглядывалась к новому строю. Воспитание интеллигенции, начиная с первой ступени,—кадетских корпусов, гимназий и кончая университетами и военными академиями с буржуазными профессорами во главе,—а главное весь уклад русского феодально-монархического строя, безусловно не давал возможности выработать способность быстрой ориентации в головокружительных событиях революции.

Но творчество пролетарской революции в результате не позволило большинству интеллигенции долго обывательствовать. В середине 1918 г. мы наблюдаем начало коренного перелома в настроениях интеллигенции.

Тогда же в партийных кругах сразу подняли вопрос об использовании стоящей в стороне от революции интеллигенции и, в частности, о более широком использовании бывшего офицерства. Первые опыты дали блестящие результаты: в той воинской части, где работали специалисты, сразу чувствовалась умелая опытная рука и повышение боеспособности частей.

Деятельность военных специалистов и отношение их к работе были всегда на виду, однако пролетарская Советская власть, ведя борьбу за освобождение трудящихся, не могла быть гарантирована от всевозможных измен и предательств, ибо, на ряду с честными тружениками, офицерство, благодаря широкому привлечению его к работе, несомненно, могло оказаться способным на предательство.

И вот в связи с этим поднялся вопрос о контроле над ними. Контроль в виде института комиссаров

существовал еще при Керенском, но это была лишь ширма для всех тех генералов, которые орудовали по-своему.

Перед коммунистической партией встал вопрос не только о формальном создании этого института комиссаров, но главным образом о действительном контроле для того, чтобы вполне гарантировать победу пролетариата.

Для этой работы стали выбираться наиболее стойкие и преданные делу революции товарищи. Однако, работа комиссара возле начальника, наблюдение за работой штаба или другого учреждения были недостаточны. Борьба приняла длительный, затяжной характер. Буржуазия с длинным хвостом соглашателей все больше и больше группировала силы то в одном месте, то в другом и наносила сильные удары революции. Европейский пролетариат еще находился в цепях агентов буржуазии.

Добровольцы — рабочие и крестьяне, сведенные из маленьких партизанских отрядов в полки и дивизии, оказались недостаточно сильными против врага, превышающего нас во много раз численностью и техникой.

Во имя революции Советская власть была вынуждена привлечь более широкие трудовые массы к активной борьбе против помещиков и капиталистов. Вскоре после приведения в организованный вид небольших отрядов, была об'явлена мобилизация. Широкий отклик рабочих и крестьян на зов Советской власти дал возможность нам создать полки, дивизии, армии.

И вот тогда-то работа комиссаров стала сводиться не только к контролю, она стала гораздо обширнее, их работа должна была непосредственно протекать в самой массе, так как отсутствие определенного политического воспитания широких масс крестьян и рабочих, несомненно, отзывалось на боеспособности и сплоченности новой армии. Но комиссары, перегруженные канцелярской и штабной работой, слишком мало могли уделять времени делу просвещения красноармейских масс, хотя рядом с широкой мобилизацией трудовых масс и происходила мобилизация членов партии и отправка их на фронт. Однако, благодаря отсутствию на местах соответствующего аппарата, распределение работников было неправильное или, вернее, его совсем не было, в некоторых местах был наплыв работников, в некоторых было полное их отсутствие. Помимо того, условия работы в армии во многом отличались от тыловой партийной работы, и потому не все комиссары и отдельные агитаторы могли достаточно ориентироваться во всех явлениях жизни фронта, а работа их во многом не соответствовала условиям момента.

Ц. К. партии, благодаря отсутствию связи с посылаемыми на фронт работниками, которой отчасти препятствовали кипучая работа на фронте и отдаленность, несомненно не мог дать работникам армии точных руководящих указаний, в которых они очень нуждались. Наконец, необходимо было об'единить отдельных партийных работников и их работу на местах. Правда, в некоторых местах такое об'единение происходило стихийно, по образцу, проделанному нашей партией в старой армии, в виде армейских и полковых комитетов. Но то, что было годно в один период, оказалось совершенно неприменимым при новых условиях, когда власть оказалась в руках трудящихся, в лице советов, от которых измены ждать было нельзя. Необходимо было найти новую систему организаций, которая, во-первых, пользовалась бы полным доверием широких трудовых масс и была бы способна углублять коммунистическое сознание и поднять культурный уровень более отсталых масс, во-вторых, руководила бы административно-хозяйственным аппаратом армии.

Несомненно, что здесь не могло быть выборного аппарата. Красноармейская масса, как случайно об'единенная единица, в которой трудно и даже почти невозможно было быстро узнать друг друга, следовательно и выбрать способных исполнить ту или иную работу, и гражданская война, как таковая, создали целый ряд об'ективных условий, которые заставили отказаться от выборности и широких митингов, отвлекавших от прямой работы. Ведь неприятель не будет ждать, пока происходят выборы, митинги и т. д.

Поэтому в рабоче-крестьянской армии место выборных представителей должны были занять представители, назначенные Советской властью. Российской Коммунистической Партии, пользующейся доверием большинства трудящихся России и руководящей ими, надлежало выбрать этих представителей, обеспечивая этим полную защиту интересов и доверия трудящихся.

В декабре 1918 года В. Ц. И. К. издал декрет о создании Реввоенсоветов армий и фронтов, в составе трех лиц: командующего и двух членов, для полного руководства армиями и фронтами. Двое последних в стратегических вопросах имели совещательный голос, в остальных — решающий, и в то же время для координации распределение партийных работников, для углубления классового самосознания широких красноармейских масс, для культурно-просветительной работы был создан Политический Отдел, с поставленным во главе заведующим.

Таким образом, агитационно-организационная и культурно-просветительная работа в армии приняла еще более определенный характер. Правда, работа эта была новою, и в новых условиях не только отдельные члены нашей партии, но и Ц. К. долго не могли высказаться о ней, но основание, как видно теперь, было, несомненно, правильным. Партийные работники, которые до революционного периода вели работу главным образом среди городского пролетариата и привыкли к организациям того времени, а после февральской революции — массовым легальным организациям среди рабочих, крестьян и отчасти солдат, все-таки долго не могли охватить область новой работы. Постоянные бои, неналаженность армейского механизма, отсутствие своевременного снабжения продовольствием, обмундированием и другим необходимым,— все это долго сбивало с толку армейских партийных работников. Молодые товарищи, которые привыкли работать в советах, развертывали работу только вокруг того города, или деревни, где стоял политотдел, или зарывались в штабе; это, конечно, очень влияло на общий ход работы. В красноармейских частях работа попрежнему слабо двигалась. Долго наблюдалась оторванность политотделов от красноармейской массы. Хотя политотделы и были декретированы, но инструкций для своей работы не имели: все было основано

на личной инициативе. Не приходится отрицать важности личной инициативы, но в данном случае она очень медленно проявлялась. Долго замечалось, как политотделы замыкались в узком круге и работа дальше не шла, особенно культурно-просветительная; только в начале 1919 года раздались голоса о перенесении центра тяжести политической работы ближе к массам, т.-е. в дивизии и полки. Здесь, мы можем сказать, начинается новая жизнь армии.

Создаются политические отделы дивизий, и армейские политотделы уже перестают непосредственно работать в массе, а лишь руководят и распределяют партийные силы. Время топтания на месте прошло, и можно с уверенностью сказать, что работа углубляется и усовершенствуется; мы видим уже широкую культурно-просветительную работу и правильно поставленную агитационно-организационную. Конечно, недостатков еще много, но несомненно, что армия держится на политотделах; необходимость в них теперь больше, чем когда-либо. Наше тяжелое положение может быть изжито только тогда, победим мы только тогда, когда каждый красноармеец, рабочий и крестьянин поймет, за что он борется. Побеждает армия та, которая знает, за что она воюет. *А. Юров.*

Из истории политической работы в Первой армии.

Год существования Первой армии, год борьбы в невероятно трудных условиях гражданской войны дал громадный опыт в области политической работы в армии. Основным и непреложным сейчас сделалось положение о *необходимости политической работы в армии*, готовая работа показала, что единственным средством для крепкой организационной спайки армии, основанной на сознательности и самодисциплине отдельных бойцов, является исключительно политическая работа во всех своих проявлениях, работа агитационная, организационная, просветительная, независимо от того, от кого она исходит, от определенного партийного учреждения или от отдельных политических работников. В разные периоды строительства Первой армии, мы, конечно, находим разные характеры политической работы, различные методы и подходы к ней, различные взгляды на сущность и значение задачи этой работы. Да оно и понятно. В процессе строительства Первой армии—от партизанщины к регулярной боевой единице со строго централизованным боевым аппаратом—перед самой армией в тот или иной момент ее развития ставились определенные задачи, вызываемые потребностями момента; ясно, что и политическая работа никогда не шла по путям, различным с общими путями строительства армии, что политическая работа только способствовала выполнению боевых задач, стоящих перед армией, и изменялась сама от характера этих задач,—казалось еще не время бы давать полную оценку политической работы в армии, так как слишком незначительно время, отделяющее нас от момента возникновения ее, но другие причины заставляют вспомнить политическую работу прежних дней. Помимо важности изучения прошлого опыта важно так или иначе сохранить об этой работе какие-либо сведения, которые в виде материалов и документов нередко бесследно исчезают. Будущий историк нашей партии наверное не сможет дать полной картины революционного недавнего прошлого: материалы гибнут, а память изменяет.

Первый же регулярный полк,—вновь сорганизованная регулярная боевая единица с военным специалистом во главе,—потребовал создания определенного контрольно-политического аппарата, то-есть создания института политических комиссаров. Привлечение к службе в Красной армии военных специалистов началось с момента организации Первой армии. Тов. Тухачевский, который в то время был командующим армией, невзирая на возражения чуть ли не большинства товарищей, участвовавших в кампании, на возражения, граничащие с подозрениями, смело и решительно мобилизовал военных специалистов. Требовалось много умения и такта, чтобы назначать этих «чужаков» в действительно чуждую им среду, смотрящую на этих «спецов» более чем косо, назначать даже на должности высшего командования. Несомненно, что такие назначения могли бы быть проведены исключительно только в том случае, если налицо имелся определенный контрольный аппарат. И вот стали назначать первых политических комиссаров. Назначал их (иногда вплоть до полков) в самое первое время (при операциях под Симбирском) В. Ц. И. К. Политкому, если судить по мандату, давались большие полномочия, но еще больше требовалось от него. Политком по инструкции не только контролировал командный состав, но (особенно это было на деле) входил во все детали командования и хозяйства части, за всякие непорядки политком, особенно за неисполнение частью боевых приказов или за отступление, обычно отвечал головой. Вот что представляли собой первые политкомы; и действительно бывали случаи, правда, не в нашей армии, когда политкомы, лучшие партийные товарищи платились за неудачи части своей головой.

Первыми политическими комиссарами армии были тов. *Калнин* и тов. *Куйбышев*. Тогда же одним из политкомов армии, а именно тов. Куйбышевым, началось назначение комиссаров в части. Отсутствие работников, а также неясность прав и обязанностей комиссаров, боязнь брать столь большую ответственность на себя, делали невозможным назначение таковых во многие части. На местах же, особенно там, где командный состав был партийный, или же где части носили явно партизанский характер, совершенно не понимали функции и смысла назначения комиссаров. Еще в середине сентября тов. Куйбышеву приходится разъяснять, что комиссары должны быть во всех частях и почему это так должно быть....

Неясен был и самый порядок назначения комиссаров. По инструкции старший по команде комиссар имел право назначать комиссаров во все

находящиеся в его ведении отделы с утверждения комиссаров армии. Этот пункт инструкции также вносил некоторую путаницу в порядок назначения.

Еще больше недоразумений получалось на почве отношений между комиссарами и командным составом, что вызвало приказ тов. Троцкого от пятого августа № 617. Приказ констатирует причины конфликтов и ставит их в очевидную связь с участием бывшего офицерства в белогвардейских мятежах. Приказ делает следующие напоминания, которые характеризуют как работу, так и обязанности комиссаров того времени.

1. Комиссар не командует, а *наблюдает*, но наблюдает зорко и твердо.

2. Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами Советской власти *ограждает их право и человеческое достоинство.*

3. Комиссар не перекоряется по пустякам, но когда бьет, то бьет наверняка.

4. Дальнейшее нарушение этих указаний повлечет за собой суровые кары.

5. За перелет тушинских воров (военных руководителей) на театре военных действий комиссары отвечают головой.

Политкомы были необходимы еще и потому, что кроме функций контроля они должны были нести всю политическую работу в части; да и сама инструкция комиссарам с течением времени изменялась, главном образом, в результате разрешения этого вопроса центром: с комиссаров была снята строгая ответственность, которую предполагали предшествующие инструкции, а с другой стороны руководство политической работой комиссаров перешло к специально организованному отделу армии—политическому отделу.

Уже на станции Инза мы находим сорганизованный политод армии. Численный состав работников этого политического центра армии был весьма скуден: заведывающий политодом, тов. Куйбышев, секретарь его, два-три сотрудника при агитационно-просветительном подотделе. Задачи такого политода были грандиозны: ведение всей политической работы в армии, концентрация ее в отделе, ведение, следовательно, всей агитационно-просветительной работы в частях армии, руководство политкомами и информация общая и частная соответствующих центров о политическом состоянии частей. Нельзя сказать, что не было достаточного кадра работников, особенно агитаторов, так как Москва довольно интенсивно отправляла политических работников на фронт. В сообщении, например, от 29-го июля говорится, что 100 агитаторов послано для работы среди мобилизованных солдат и населения.

Действительно, последняя работа в этот период первых мобилизаций была настолько необходима, что подчас отвлекала все внимание от непосредственной работы в частях. 20-го июля был об'явлен первый призыв. Впоследствии, как известно, и шестимесячная служба добровольцев приказом революционного военного совета республики от 29 сентября 1918 года была заменена постоянной до окончания военных действий, чем совершенно уничтожилась разница в положении добровольца и мобилизованного.

Чрезвычайно трудна была эта работа по мобилизации населения, которое подчас либо по своей несознательности, либо подстрекаемое деревенскими кулаками явно враждебно относилось к Советской власти. Когда не помогали все меры агитационного воздействия и приходилось прибегать к вооруженной силе; так, например, в двадцатых числах августа приходилось проводить мобилизацию силой в Алатырском уезде.

В это же время организовывается в г. Саранске под председательством тов. Ибрагимова мобилизационный отдел с политическим подотделом при нем, который влил в себя многих лучших сотрудников политода армии (до 35 человек) и производил всю текущую политическую работу в области мобилизации.

Итак все свое внимание политический отдел армии должен был обратить на работу среди мобилизованных и населения, главным образом крестьян. Эта работа не сводилась исключительно только к одной устной и письменной агитации за Советскую власть; шла работа и организационная, главным образом в области организации комитетов бедноты. Момент требовал классового расслоения деревни, и это производилось через организацию комбедов. Сами части, руководимые политкомами, энергично занимались организацией этих комитетов, особенно во вновь занимаемых местностях. Весь август и сентябрь и следующие месяцы прошли под лозунгом расслоения деревни при помощи комитетов бедноты, при чем одни части начали организацию их раньше, другие позже приступили к этой работе. Так Инзенская дивизия начала работать в этой области с начала августа, Симбирская лишь месяцем позже.

Одновременно шла и другая работа, а именно по уборке полей (июль), в чем сильно себя проявила Симбирская дивизия, по учету хлеба, по учету и реквизиции кожи (на ст. Барыш, Базарная, Акчурино и др.) и т. д. Политический отдел армии принимает также участие в организации необходимых до крайности военных комиссариатов и мобилизационных отделов по волостям.

Несомненно, что при занятии новых местностей приходилось немедленно организовывать власть на местах, устраивать выборы в Советы и помогать им в текущей работе.

Вот в общих чертах наблюдавшаяся в то время политическая работа в армии.

Было бы большой ошибкой утверждать, что всей этой работой непосредственно руководил политотдел. Работа эта очень часто производилась на местах вполне стихийно—все товарищи коммунисты, попавшие в армию еще во времена первой партизанщины, неустанно работали на местах в области агитации и организации.

На долю политода выпадало, главным образом, кроме общего руководства, распределения партийных сил и назначения их в большинстве случаев на должности политкомов, собирание сведений с мест и составление политических сводок, каковые требовал центр даже под страхом ответственности (отношение 14 июля). Определенного информационного подотдела не было; сводки в большинстве случаев непосредственно составлялись самим секретарем.

Агитация и пропаганда печатным словом начались с самого возникновения армии. Сперва центр непосредственно направлял литературу в части, а вскоре при политическом отделе была органи-

зована и центральная экспедиция, тем более, что спрос на литературу был громадный. На станции Инза открывается первая библиотека-читальня, под руководством тов. Захарова, которая имела громадный успех среди тов. красноармейцев проходящих частей. В августе началась организация библиотек в Инзенской и Пензенской дивизиях. Книжные склады открылись в дивизиях гораздо позже (середина октября). В некоторых частях вполне самостоятельно на местах начала налаживаться кой-какая культурно-просветительная работа. Между прочим, на станции Рузаевка читается для тов. красноармейцев цикл лекций по истории (Захаров, В. Козлов, Новокунский, Скориков).

Немедленно же с возникновением армии и организацией политода встал на очереди вопрос об организации собственной армейской газеты. В июле месяце уже было приступлено к изданию газеты «Набат Революции». Сначала газета издавалась раз в неделю, а затем, с приобретением политодом собственной походной типографии, ежедневно. Типография помещалась в двух вагонах, машины и шрифты были получены из города Корсуня, Симбирской губернии. Явилась одновременно возможность издавать листовки и воззвания, что политод и делал. Особенно усиленно издавались и распространялись воззвания к чехо-славакам на чешском языке, воззвания к мобилизованным и крестьянам.

Необходимо отметить организацию при политоде армии чрезвычайной комиссии, а также реорганизацию контр-разведки. Эта важная часть деятельности политода оттянула многих товарищей от непосредственной политической работы. Вскоре начали организовываться чрезвычайкомы и в дивизиях, так в Инзенской дивизии чрезвычайком уже с начала августа приступил к работе.

Последней и очень важной организационной работой политотдела была организация коммунистических ячеек. На местах они возникали вполне стихийно и очень часто политод и не знал совершенно об их существовании. Какой бы то ни было инструкции, на основании которой должны работать ячейки, не было, не было и никакого учета коммунистов. Все это создавало полнейшую оторванность политода от работников коммунистов на местах, не говоря уже о том, что политод при всем своем желании не мог руководить их работой. Это ненормальное положение больше чем что-либо другое давало себя чувствовать. Во что бы то ни стало надо было сделать так, чтобы так или иначе об'единить работу всех коммунистов в армии, да и сама схема организации партийной работы в воинских частях только еще намечалась—Ц. К. партии не пришел еще к окончательному решению относительно плана этой работы и не давал определенных инструкций. В сентябре месяце политотдел армии пришел к заключению о необходимости создания армейского комитета Р. К. П., но, как мы увидим ниже, ни существующая организация политода ни армейский комитет не могли разрешить вопроса и сколько-нибудь подвинуть работу вперед.

Время, предшествовавшее с'езду, а именно снтябрь месяц отмечается некоторым оживленнем работы на местах—и стремлением так или иначе организовать работу и сконцентрировать в определенных учреждениях—политодах.

Части Симбирской дивизии отказываются от денежных наград, происходят манифестации под лозунгом «Да здравствует дисциплинированная Красная армия». Симбирская дивизия за боевые отличия получает название «Железной», и в последующих боях вполне оправдывает свое название. Это было время перелома, окончательного перелома, решившего судьбу Восточного фронта. Вместе с тем, это был конец первого периода политической работы, приведшего к решительному наступлению по всему фронту. И нельзя сказать, что это произошло помимо определенной политической работы в частях и населении. Работа тогда, несомненно, велась, но это была *внутренняя, незаметная* работа комиссаров и вообще коммунистов. Вот как характеризует этот момент один из видных работников на местах (Инзенской дивизии). «Организованная и планомерная работа у нас,—говорит он,—еще не налажена. С самого начала с конца июля месяца до середины августа у нас было всего 3—4 политических работника. В виду того, что тогда в политическом отделе армии не было определенной и ясной цели в смысле направления работ комиссаров частей, ни достаточного числа сотрудников, такая же неопределенность была и у нас. Мы начали направлять работу агитаторов — оставляя деревню в стороне—к решительной работе в частях армии; мы стали агитаторов приставлять к частям и ротам, как примерных красноармейцев, которые, постоянно находясь в частях, могли бы руководить ею в ее жизни и служить примером в бою. К концу августа, таким образом, в связи со сдачей Симбирска, Казани и другими неудачами, мы направили на фронт в части всех работников. И вот к началу и середине сентября, в значительной степени благодаря такой *внутренней незаметной* работе комиссаров и агитаторов стали проявляться успехи на фронте—в войсках выработался навык к особенностям этой войны, в крестьянах стало проявляться сочувствие к красноармейцам».

23-го сентября на станции Рузаевка была созвана первая конференция коммунистов первой армии.

Этот С'езд выяснил, во-первых, количество ячеек и приблизительное количество членов партии, их настроение, наметил путь организационного строительства и выбрал армейский комитет.

На конференцию явились представители от 13 ячеек—число крайне незначительное. Доклады с мест выяснили полную бессистемность организации и отсутствие какого-либо определенного организационного плана. Часть ячеек организовалась еще в период формирования частей (июнь месяц) и об'единяла подчас громадное количество членов (до четырехсот человек), но, потеряв всякую связь с партийными центрами, работала без всяких инструкций, не имея под руками даже устава партии. Деление на действительных членов и сочувствующих было далеко не везде (устава организации сочувствующих не было вовсе), точно своих прав и обязанностей ячейки не знали... Работа сводилась к агитации, поддержанию внутренней дисциплины и кое-где (Пензенский и Смоленский полки) культурно-просветительной деятельности. Даже членские взносы были всюду различны, а подчас и не взимались вовсе. Все это должен был учесть С'езд и в резолюции по организационному

вопросу отметил это и попытался найти разрешение его в организации армейского комитета дивизионных и полковых комитетов.

Привожу полностью принятую резолюцию:

«Заслушав доклады с мест, С'езд констатирует, что, несмотря на присутствие в рядах первой армии значительного количества партийных работников, организация партийных работников находится еще в зачаточном состоянии. Среди ячеек, представленных на С'езде, имеются как сплоченные, удовлетворяющие всем требованиям партийного устава, работающие под руководством опытных товарищей, так и стихийно возникающие, неоформленные группы с преобладанием сочувствующих над членами партии.

При наличии такой организационной пестроты, С'езд не находит возможным избрать постоянный армейский комитет, пока не будет проделана предварительная организационная работа.

Проведение этой работы С'езд поручает временному комитету из 3-х человек, из которых 2-е избираются на С'езде, а третий кооптируется ими в качестве секретаря комитета.

В обязанности временного комитета входит:

1) Разработать принятый С'ездом в основу проект устава армейской партийной организации.

2) Выработать устав организации сочувствующих.

3) Привлечь опытных организаторов для об'езда частей.

4) Профильтровать и оформить, согласно требованиям устава, существующие партийные ячейки и группы сочувствующих и проконтролировать их деятельность.

5) Создать везде, где это окажется возможным, новые ячейки и группу сочувствующих.

6) Организовать дивизионные об'единяющие ячейки.

7) Не позже, чем через полтора месяца созвать правильно организованный партийный С'езд для избрания постоянного армейского комитета Р. К. П.

«Устав», принятый С'ездом, уже конкретно намечает путь и план работы... К партийным комитетам, дивизионным, бригадным, полковым и батальонным переходит вся организационно-партийная и агитационно-просветительная работа*) вплоть до распространения литературы, т.-е. та часть общеполитической работы, которая на местах до сих пор протекала вполне стихийно при наименьшем участии политического отдела. Устав предполагает контакт армейского комитета с политотделом, при чем комитету предоставляется право контролировать *партийную* (?) работу политических комиссаров, политический же отдел оставляет за собой право контроля *военно-политической* (?) работы этих комиссаров. Таким образом, работа политотдела сводилась к назначению комиссаров, военно-политическому их руководству и к общей и частной информации. Все же остальное переходило к армейскому комитету, избранному из 3-х товарищей, а именно; т.т. К. Козлова, Скорикова, Валкаца, которого вскоре сменила тов. Клопова. Избранными оказались как раз главные сотрудники и даже руководители политического отдела. Таким образом, армейский комитет не оказался совершенно новым учреждением, а политотдел лишь выделил из своей среды трех активных работников. Как и можно было ожидать, к каким-либо благоприятным результатам эта новая организация не привела. Ясно, что создание армейского комитета не смогло гарантировать продуктивность работы, не мог он и исполнить все возложенные на него задачи. В результате — никакого изменения в работе не произошло, если опять не считать самодеятельности на местах. С другой стороны, если и предположить, что армейский комитет оказался вполне работоспособным, то наличие двух параллельных организаций, задачи которых тесно переплелись между собой, делало существование одной из них излишним. И действительно—деятельность армейского комитета привела к тому, что 25 декабря 1918 года был издан декрет об уничтожении комитетов и передаче всей политической работы политотделам.

Однако С'езд дал кое-что для развития планомерной партийной организации на местах. В Пензенской дивизии, которая в это время спешно наступала, делая в день по 20 и более верст, попрежнему чувствовался громадный недостаток политработников вообще и в прифронтовой полосе в особенности; по этой же причине остановилась партийная работа. Из-за продвижения дивизия и ее части скверно снабжались литературой, для культурно-просветительной работы нехватало времени. Одним словом, здесь было определенное положение, когда некогда было заниматься какой-либо другой работой, помимо исполнения боевых приказов. С приездом работников из центра положение несколько улучшилось. В Симбирской дивизии в Самаре пошла значительная организационная работа: все политсотрудники и политкомы решительно принялись за организацию коммунистических ячеек и ячеек сочувствующих. В частях ведется и культурно-просветительная работа.

В дивизиях начали организовываться политические отделы; но сколько-нибудь определенной физиономии и определенного плана организации и работы они, конечно, не имели: было только одно вполне понятное стремление наладить работу, но это удавалось в наименьшей степени. Все сводилось к собраниям политических работников дивизии (и то весьма редко) и организации дивизионных экспедиций. Результаты такой работы были очень незначительны. В Симбирской дивизии уже в конце августа бывали такие собрания политработников и работа несколько наладилась, после того, как в политотдел влились сотрудники Алатырской группы. В Инзенской же с средины сентября была сделана попытка организовать настоящий политотдел, но ему так и не удавалось сгруппировать вокруг себя политических работников и приступить к планомерной работе.

Спешно организованная после поражения под Симбирском, Инзенская дивизия не имела даже ни одной партийной ячейки и вся политическая работа велась почти исключительно политкомами и политическими сотрудниками.

Организация политотдела дивизий представлялась в следующем виде:

*) Отмечу, что кое-где еще ранние конференции возникали на местах полковые комитеты. Так в одном из симбирских полков еще в десятых числах августа был организован „комитет коммунистов“, и при нем агитационный отдел, который ставил себе задачей работу не только среди красноармейцев, но и населения. Этот комитет скоро распался и не был представлен на конференции.

В политотделах должно работать минимальное количество работников. Руководство работой возлагается на политкома дивизии, который имеет не больше 2—3 товарищей-сотрудников в помощь. При подотделе организуется агитационно-литературный отдел, состоящий из руководителей его при 2—3 помощниках. В частях же для ведения политической работы назначаются: политком части, один сотрудник при хозяйственной части и один при штабе

Организация политода в дивизиях еще очень долго не проводилась в жизнь и попрежнему политическую работу вел, поскольку он был в состоянии, политком дивизии. Поэтому от личных качеств политкомов зависело очень много в дело налаживания работы в частях. Главное внимание попрежнему было обращено на организацию коммунистических ячеек и ячеек сочувствующих. Обнаруживается громадный интерес в партии Р. К. П. Со всех сторон поступают требования на программу коммунистов. Политкомам вменяется в обязанность организация таковых ячеек, при чем предлагалось обращать серьезное внимание на качество вступающих в ряды партии, так как бывали случаи приема в партию без разбора. Вступающие впервые обязаны были заполнять анкеты, тогда же впервые занялись регистрацией ячеек и коммунистов, для чего рассылались специальные товарищи. Однако, то обстоятельство, что партийные билеты выдавались каждой организацией вполне самостоятельно, вносило страшную путаницу и делало учет почти невозможным.

Особенно больным был вопрос о порядке вступления в партии и о группах сочувствующих. Не только инструкций, но и указаний по этому поводу никаких не было. Одна ячейка устанавливает стаж сочувствующего в один месяц, другая в два, три и т. д., а в одном из мценских полков кандидаты в члены должны были прослушать *четыре* лекции и выдержать двухнедельный стаж... Все это вносило еще большую путаницу в общую организацию партийной работы на фронте.

Итак какого бы то ни было общего руководства со стороны политодов попрежнему не было. Никакого общего единого плана организации и работы тоже не было. На местах работали так, как считали нужным. Не было ни инструкции, ни даже устава. Как пример, приведу картину организации в одном из курских полков.

Ячейка сорганизовалась 5 июня. Во главе всей организации стоит полковой комитет, который избирается на полковой конференции. Комитет разделяется на 3 коллегии: 1) контрольно-хозяйственную, 2) культурно-просветительную и 3) следственную. Контрольно-хозяйственная коллегия разделяется на четыре отдела: 1) вещевой, 2) продовольственный, 3) боевого снабжения и 4) инвентаря (без подписи коллегии все счета считаются недействительными). Культурно-просветительная коллегия разделяется также на 4 отдела: 1) политический, 2) школьный, 3) театральный и 4) библиотечный.

Полковой комитет скоро был переименован в «Полковый Совет». И такие организации, оторванные от всех центров, действительно работали на фронте.

Не меньшее внимание уделялось правильному распространению литературы, однако, все базировалось на той или иной самодеятельности части и ее политкома. Центральные же армейские и дивизионные экспедиции были налажены плохо и не отвечали потребностям на местах. Газета приобретает громадное значение в армии. Повсюду с мест требуется она в неограниченном количестве. Бывали случаи, что неаккуратная доставка газеты тормозила наступление.

К этому времени (начало октября) впервые прибывает из Москвы большой транспорт литературы, какой впоследствии наша армия никогда не видала, учреждается центральный книжный склад при Политотделе армии, организуются библиотеки в частях; книгами снабжаются не только части, но и советские учреждения, так, например, были организованы библиотеки для 7-ми уездных земельных отделов Симбирской губернии. Стала налаживаться экспедиция, где введена более или менее правильная отчетность (с 15-го октября по последнее время возможно проследить количество распространенной газетной литературы).

Типография значительно расширилась; из Москвы были привезены новые машины и шрифты, во главе типографии был поставлен опытный заведывающий тов. Голубев, и в результате типография вполне обслуживала как печатание газеты «Набат Революции» (тираж в среднем 8.000—10.000), так и все «мелкие» работы. «Набат Революции» делается все популярнее и популярнее среди товарищей красноармейцев, хотя в редакционной части и были большие недочеты. Красноармейцы высоко ценили «свою» газету и помогали ей чем могли. При второй бригаде Эйской дивизии постановлено было, например, учредить культурно-просветительный фонд и 50 % отчислять на «Набат Революции».

Но не везде «Набат» удовлетворял имеющиеся потребности. Некоторым частям хотелось получать не только свою армейскую, но даже «свою» полковую. И вот один из симбирских полков издает в конце ноября, в начале декабря свои «Известия» — вышло их три номера; затем Политод запретил дальнейшее издание, как непроизводительный расход бумаги.

В конструкции самого политотдела армии произошли большие изменения. До октября месяца во главе Политода стоял политком армии тов. Куйбышев. В конце сентября, в начале октября тов. Куйбышев покидает свой пост и его заместил тов. Медведев. 30-го сентября 1918 года В.Ц.И.К. принимает положение о Военно-Революционных Советах и вскоре мы видим сорганизованный Реввоенсовет в составе: т. т. Калинина, Медведева и Тухачевского. Заведывающий Политодом назначается тов. Козлов, вскоре за ним тов. Мазо и, наконец, в начале ноября тов. Савельев (т. Савельев скончался от туберкулеза в апреле месяце в Курске).

За время заведывания Политодом тов. Савельевым (в Сызрани, которая была взята 3-го октября) наметилась вполне правильная систематичная организация Политода; все начинания имели глубокий смысл и не могли осуществиться в должной мере исключительно в силу общей неорганизованности работы, зато впоследствии они легли в основу всей работы Политода. Система организации выразилась в строгой централизации работы. Были организованы подотделы: организованно-

агитационный, который разбивался на две секции—военную и крестьянскую, литературно-издательский, культурно-просветительный; налажена экспедиция и библиотечное дело, подразделена работа в армии и среди населения, на что обращалось большое внимание. Политические сотрудники начали работать по единообразным инструкциям, чего раньше не было, из центра армии начали вести и более активно общую организационную работу на местах. Между прочим Политотдел определенно задался целью разработать и распространить нужные инструкции и анкеты, что частью он и сделал.

Помимо усиленной организации коммунистических ячеек на местах (в Симбирской дивизии они были организованы во всех пехотных частях; некоторые затруднения представляла работа в кавалерии и артиллерии, главным образом, в силу разбросанности частей), приступлено было к конструированию товарищеских, ротных и полковых судов и контрольно-хозяйственных комиссий.

Положение об учреждении прифронтовых местных, полковых и ротных судов было введено еще 23-го июля 1918 года приказом № 585, однако, фактическое проведение в жизнь этого приказа состоялось гораздо позже. С ростом дисциплинированности армии и внутренней спайки в частях являлась и необходимость в подобных судах. Только с ноября—декабря месяца мы наблюдаем возникновение то в одной, то в другой части судов, которые энергично приступают к новой работе. Но, не имея общего единого руководства из Центра, эти суды либо совершенно прекращали свою деятельность, и тогда приходилось производить новые выборы, либо становились на ложный путь, что, однако, было крайне редко. Да и сама инструкция судам требовала сильного изменения, что было сделано гораздо позже. При дивизиях в это время работали также и чрезвычайные комиссии, на долю которых, главным образом, выпадала усиленная борьба с пьянством. Бывали случаи расстрела самогонщиков.

Идея необходимости хозяйственного контроля в частях была выдвинута еще на первом Всероссийском С'езде комиссаров (13-го июня). С'езд вынес постановление об организации полковых и ротных комитетов, обязанности которых были чисто хозяйственно-организационные. Несомненно, что существование таких комитетов в переустроенной Красной армии не являлось возможным, да и раньше их почти не было: хозяйство части по-прежнему находилось в руках одного лица, и все недостатки снабжения не могли быть всегда понятны товарищам-красноармейцам, что не раз приводило к конфликтам. Еще в самом начале существования Политода начали назначаться политические сотрудники при хозяйственных частях; план организации политической работы в армии предполагал таких сотрудников во всех войсковых частях. Однако это была немыслимая мера и вскоре было приступлено к организации контрольно-хозяйственных комиссий. В ноябре месяце мы видим первые попытки организовать контрхозы, но не надо думать, что они существовали во всех частях армии—отнюдь нет: это было здоровое начало, пустившее глубокие корни в области работы по хозяйственному контролю частей.

Одной из задач организационно-агитационного подотдела был учет коммунистов в армии. Конечно, работа эта была крайне сложная и непосильная при общей неорганизованности. В этом отношении нашей армии попытался притти на помощь только что организованный политический отдел Восточного фронта, поставивший задачей сконцентрировать работу Политодов всех армий фронта в едином центре. 10-го декабря была получена первая телеграмма, устанавливающая связь Политотдела фронта с политодами армий, такого содержания: «телеграфируйте имя, отчество и фамилию заведывающего Политотделом, число коммунистов армии. Вышлите курьером списки коммунистов с указанием должностей». Вскоре состоялось постановление В.Ц.И.К. о срочной переписи всех коммунистов (*кроме членов красноармейских ячеек*) по анкете (18-го декабря). Это был предварительный первый учет. Анкета была крайне неполная и заключала 13 вопросов.

После этого предварительного учета, который был произведен политодом армии и который явился основой для продолжения организационно-учетной работы, работа по учету встала на новый путь и обещала дальнейшее развитие деятельности Политотдела.

Одновременно начала производиться культурно-просветительная работа. Толчком для ее развития послужили торжества по поводу годовщины Октябрьской революции. Центр (Москва) обещал прислать очень многое ко дню торжества, но в результате пришлось все устраивать собственными силами. Правда, приехало несколько организаторов празднеств из Центра—и только; однако, обещанные подарки красноармейцам не были получены, да и труппа, посланная Московским Уездным Совдепом, прибыла с опозданием, после торжеств. Праздник удался, главным образом, благодаря самодеятельности на местах. Кое-где в частях вполне стихийно организовались культурно-просветительные, драматические и т. п. кружки (затем стали организовываться и культурно-просветительные комиссии), которые ставили спектакли, устраивали лекции и т. д. В общем политод обращал сравнительно мало внимания на развитие культурно-просветительной работы в армии. Основу для ее развития положил отчасти приезд упомянутой рабоче-крестьянской труппы, составленной из рабочих-студийцев.

Январь и февраль месяцы 1919 года сыграли большую роль в истории политической работы в армии. На местах шла усиленная работа: организовывались работоспособные ячейки, которые развивали партийно-агитационную и культурно-просветительную деятельность. Организовывались культурно-просветительные комиссии, читались лекции, ставились спектакли, кое-где открылись школы грамоты и т. д. Ячейки конструировали контрольно-хозяйственные комиссии и товарищеские суды, вели организационно-агитационную работу среди населения, организовывая советы и советские учреждения (так ячейка при штабе N-ской дивизии сорганизовала восемнадцать волостных, восемьдесять девять сельских, два городских совета и три профессиональных союза), ведя усиленную работу среди казачества и т. д. В некоторых ячейках происходили перерегистрации членов.

Политический отдел в своей работе никак не мог поспеть за работниками на местах. Нередко о существовании Политода на местах даже не знали, связь с местами была вполне неудовлетворительна, — инструкций и руководства работой попрежнему не было. Политод, правда, делал попытки связаться с местами, при помощи организации дивизионных Политодов, однако, и эти Политоды далеко не всегда отвечали своему назначению. Руководил работой в дивизии попрежнему политический комиссар дивизии; заведывающий Политодом был в лучшем случае его помощником. Политоды имели крайне незначительное количество сотрудников и, несмотря на все желание, не могли развить работу.

Схема организации Политода армии до последнего времени не была оформлена, не была установлено прав и обязанностей Политода и в частности заведывающего. Все назначения, даже телеграммы проходили через Реввоенсовет. Особенно спорным был вопрос о праве назначения, смещения и контроля Политкомов. Правда, прошло уже время, когда заведывающий политическим отделом являлся лишь секретарем Политкома армии, но ему отнюдь не была предоставлена вся полнота действий в области политической работы. На местах политических комиссаров возлагались большие обязанности по ведению политработы. Политический же отдел не имел возможности полностью руководить ими и единственно, что он мог, это апеллировать коммунистическим ячейкам, что они сделали, созвав на двадцать четвертое февраля 1919 года вторую армейскую конференцию коммунистов.

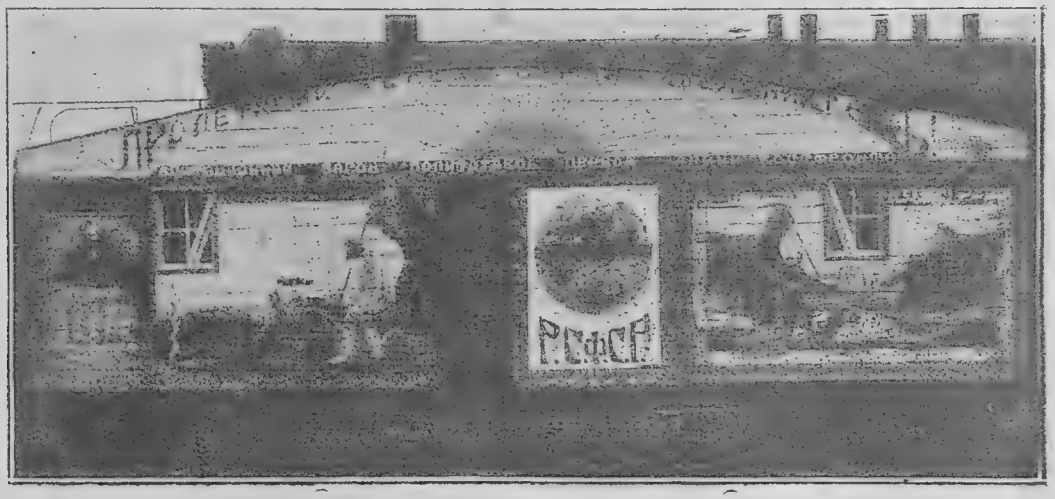
На конференцию с'ехалось тридцать два делегата от 913 членов Р. К. П. Многие ячейки не были представлены.

Доклады с мест выяснили характер и качество работы на местах и подчеркнули оторванность центра. Они показали, что за последнее время в армии производилась громадная организационная работа, о которой Политотдел иногда либо совершенно не знал, либо не дооценивал ее.

Наиболее острыми вопросами конференции были: о военной политике и вопрос организационный, вызвавшие громадный интерес у членов конференции, так как действительно разрешение их во что бы то ни стало требовалось мом нтом. Эти два вопроса в результате все время переплетались между собой и имели самую тесную связь.

В докладах и прениях выяснилось, что Политотдел имеет массу дефектов, которые он не устранил и не мог устранить по разным причинам. Если партийная работа будет поставлена правильно, то за красной социалистической армией победа будет обеспечена. Главным заданием конференции является создание руководящего органа партийной работы, которая должна быть сосредоточена только в политическом отделе, несмотря на возражения некоторых товарищей «сверху». «Кто должен организовать ячейки и направлять всю политическую работу в армии?» спрашивают делегаты, и сами же отвечают: «Конечно, Политотдел». Но он, к сожалению, до сего времени этого не дал. Нужно найти выход.

Главные работы в армии—оперативная и политическая; и эти работы тесно связаны между собой, Политоды, которые должны являться руководящими органами всей политической работы в армии,



Агитационный вагон Политотдела 1-й революционной Армии.

влачат чуть ли не нелегальное положение. Должно создать единый управляющий орган, который бы воспитывал и товарищей-красноармейцев, и политических сотрудников, и комиссаров, и контролировал бы все их действия. Все партийные товарищи, работающие в армии, как наверху, так и внизу, должны быть подчинены Политоду и перед ним отчитываться. Политические отделы должны иметь непосредственную связь с Ц. К. партии, так как Политод фронта вообще не выполняет об'единяющей задачи и, вероятно, явится излишней организацией, тормозящей получение инструкций и указаний Центрального Комитета. Работа Политотдела должна быть строго разграничена с функциями Реввоенсовета, и тогда только эта работа пойдет правильно.

По вопросу о военной политике принята соответствующая резолюция. В трех-четырех резолюциях говорится об отношении к военным специалистам и командному составу, о политике центра по вопросу о специалистах и т. д. Привожу здесь только выдержки из резолюций, характеризующие организацию политической работы в армии, и задачи ее.

Переходя к политике руководящих военных центральных органов (Р. В. С. Р., Наркомвоен и Всебюрвоенком), Конференция констатирует:

1) Что идеология кадрового офицерства, со свойственным ей бюрократизмом, находит себе значительное число сторонников в руководящих кругах «военных коммунистов».

2) Что руководящие военные органы нередко уклоняются в области организационного строительства армии в сторону слепого подражания старым образцам, перенося Центр тяжести в сторону подбора командного состава и не учитывая, что в гражданской войне (по свидетельству даже военных специалистов) руководящая роль в армиях должна принадлежать партийным органам.

3) Что в частности центральные учреждения не сделали всего возможного для скорейшей подготовки красных командиров и не обращают должного внимания на политическое воспитание последних, что подготовка в политическом отношении комиссаров в центре ведется односторонне в смысле сообщения только военных знаний, вследствие чего курсанты являются в большинстве случаев совершенно непригодными как политические руководители.

4) Что в области создания органов политической работы в армии военные центры, так же, как и Центральный К.П., проявили ничем необъяснимую халатность, вследствие чего политические отделы в настоящее время существуют почти без всяких организационных указаний и определения их функции свыше.

Заключение конференции было следующее:

Принимая все вышеуказанное, Конференция находит, что в целях создания боеспособной и сознательной Красной армии, проникнутой духом пролетарской революции, необходимы следующие меры:

а) интенсивная военная и политическая подготовка красных командиров-коммунистов.

б) Об'единение контроля военно-политических комиссаров в политич. центрах армии—Политотделах.

в) Концентрация всей партийно-политической работы в армии в Политотделах и об'единение под их руководством всех органов, занимающихся выяснением политических условий гражданской войны и борьбой с явлениями, разлагающими армию (Военно-контроль, Особые Отделы и т. п.)

г) Установление непосредственной связи Политотделов с Ц. К. Партии в вопросах партийной работы.

д) Самая энергичная работа всех партийных организаций как фронтовых, так и тыловых, над укреплением и организационным об'единением партийных ячеек в красноармейских частях.

е) Непосредственное руководство партийной работой в армии Ц. К. П. и бдительный контроль с его стороны над центральными органами военной власти: дабы предотвратить уклонение их от принципов коммунистической революции и усвоение практических методов, несовместимых с духом этой революции.

Решение Конференции по организационному вопросу видно из принятой резолюции:

1) Без широкого развития сети партийных ячеек армии Советской России не может быть действительно Красной—Социалистической. Конференция считает, что в этом отношении как центральными учреждениями нашей партии, так и коммунистами, состоящими в рядах армий, не делалось всего возможного и партийные организации здесь находятся еще в зачаточном состоянии.

2) Для наиболее успешного выполнения партийной работы политотделы армии должны поддерживать непосредственную связь с Ц. К. партии (наравне с губкомами партий).

3) Считая инструкцию красноармейским ячейкам Ц. К. в общих чертах вполне приемлемой, Конференция находит необходимым сделать к ней следующее дополнение:

а) Политический Отдел дивизии является центром всех полковых ячеек и поддерживает с ними тесную связь, путем дивизионных совещаний представителей ячеек, вплоть до регулярных делегатских собраний и посредством еженедельных докладов председателей полковых ячеек.

б) Каждая полковая ячейка организует своих членов по ротам в ротные коллективы, назначает в каждом ответственного организатора, который должен следить за тем, чтобы все члены проявляли наибольшую активность и должен не реже двух раз в неделю докладывать о работе их президиуму полковой ячейки.

4) Для вовлечения наиболее широких слоев красноармейской массы в партийную работу каждая ячейка обязана создать группу сочувствующих.

Каждая ячейка должна организовать группы сочувствующих по ротам, которые работают по особой инструкции, выработанной политотделом армии.

5) Новые члены партии в ячейку (кроме утерявших документы) могут быть приняты только через группы сочувствующих.

6) Членские билеты выдаются политотделами дивизий всем ячейкам, которые утверждены политотделом дивизий.

7) Ближайшей задачей политотдела армии Конференция считает:

а) созвать в самое ближайшее время совещание заведывающих Политотделами дивизий по вопросу о постановке партийной работы на местах,

б) послать в дивизию ответственных партийных организаторов для проверки и утверждения ячеек,

в) организовать школы *агитаторов.*

Здесь необходимо отметить те поправки, которые были внесены в инструкции красноармейским ячейкам Ц. К. Все они сводились к одному: к использованию всех средств для связи, которая никак не могла наладиться.

Вырабатывается Политодом инструкция ячейкам сочувствующих (до сих пор Ц. К. ее не присылал). Членские билеты выдаются политодом дивизий.

Последний пункт указывает на организацию школы агитаторов, которая действительно была вскоре организована в марте месяце и функционирует беспрерывно, давая выпуск за выпуском.

Конференция выбрала 2-х представителей на 8-й С'езд партии, на который возлагались большие надежды по разрешению организационного вопроса в армии.

Конференцией заканчивается исторический период развития политической работы в первой ар-

мии. В начале апреля строится новая организация политодов в Армии, в основу кладутся новые организационные принципы и работа развертывается во всю ширь и глубь. Учтя ошибки прошлого, мы определенно утверждаем, что эти ошибки повторяться не будут и мощная организация Политической работы в Армии доведет дело до конца, до решительной победы Советской власти и ее передового авангарда—Красной армии над всеми врагами.

Вл. Лопухов.

Действ. Армия.

Итоги политической работы в I революционной армии.

Первое полугодие полит. работа, как и повсюду, носила случайный характер. Неимение опыта в постановке работы, частая смена ответственных руководителей, неопределенность функций политотдела и т. п. причины не дали возможности сразу правильно поставить дело. В I армии работа начинает налаживаться лишь к началу 1919 г. Накопившийся опыт товарищей, проделавших эту работу, дал, наконец, возможность выйти из положения топтания на месте—работа принимает планомерный характер. Вот краткий обзор того, что [1]) сделано в этом направлении работы среди инородческого населения. Политотдел первой армии имел в свое время мусульманскую секцию.

Но после нескольких месяцев работы по инициативе тов. мусульман отделение было ликвидировано, а работники влились в отделения политотдела. Поэтому итоги работы об'единены в отделе работы среди населения.

Также не указан целый ряд аппаратов при политотделе, являющихся вспомогательными к основной работе.

Организационная работа.

Организационная работа долго велась без особой системы и плана, и только с 15 апреля начал налаживаться организационный аппарат при политотделе армии—организационное отделение. Правда, вначале деятельность политотдела протекала в тяжелых условиях, при чем и приходилось главное внимание обращать на непосредственную работу в частях.

Хорошие организаторы отсутствовали. Мобилизация коммунистов не оправдала надежд политодарма: первая армия получила в большинстве молодых неопытных коммунистов, на которых нельзя было возложить исполнение тех ответственных задач, которые стояли перед политотделом. Притом в сравнении с другими армиями первая армия получила немного работников, и они почти все были отправлены на фронт.

Несмотря на это, организационным отделением произведена солидная работа.

Учетно-распределительный аппарат политотдела концентрирует у себя все материалы о политической деятельности в армии и путем научной его разработки дает достаточно живую и полную картину положения дела в армии. Пользуясь этим материалом, руководящие отделения политотдела имеют возможность учесть громадный опыт на местах и претворить его в жизнь в направлениях, указываемых как общими задачами нашей партии, так и потребностями текущего момента. С другой стороны, при помощи этого аппарата, центр вводится в курс дела и может оказать то или иное влияние на ход, характер и размер политической работы в армии, может двигать ее по всей Красной армии республики в желательном направлении, приближая к единому наилучшему образцу.

До сего времени работа по учету коммунистов произведена не полностью. Постоянные бои, частые перегруппировки, связанные с переменой составных частей армии, сильно затрудняли работу. Учет должен был вестись таким образом, чтобы в каждый момент можно было знать, где каждый коммунист находится, что он из себя представляет, как работает и т. д. Это с одной стороны. С другой—необходимо знать, какие ответственные должности кем занимаются, куда требуются работники, на какую должность или работу и т. п. Именно этого пока вполне и не удалось достигнуть организационному отделению. Данные о коммунистах разработаны в статистическом порядке и представляются в ледующем виде:

По возрасту товарищи разделяются:

от 17 до 20 лет	15,7%
— 20 „ 25 „	34, %
— 26 „ 30 „	24,5%
— 31 „ 35 „	13,7%
— 36 „ 40 „	7,1%
— 41 и выше	5,0%

По партийному стажу:

вступивших до революции	5,03%
март 1917 г. по нояб. 17 г.	13, 9%
ноябрь 1917 г. по март 18 г.	8, 7%
март 18 г. по июль 18 г.	2%
июль 1918 г. по март 1919	54, 8%
март 1919 и далее	15, 6%

В каких партиях состояли до вступления в Р. К. П.

меньшевики и правые эс-эры	2,05%
левые эс-эры	3, 2%
анархисты	0, 3%
национальной группы	0, 1%
не состояло в партиях	94, 4%

По национальности.

Русских	80,4%
других национальностей	19,6%

По образованию.

Высшее	1,3%
среднее	9,2%
низшее	79,5%
военное	4,5%
неграмотных	5,5%

[1]) В настоящем очерке не отведено особого места обозрению.

По профессии.

Металлисты	18,1%
текстильщики	0,3%
бумажники	0,5%
пищевики	4,1%
иглы и шила	3,8%
химики	0,1%
кожевники	1,4%
конторщики	4,3%
рабоч. тран.	0,5%
чернорабочие	0,4%
крестьяне	26,9%
почт. и телеграф.	2,9%
деревообделочники	6,6%
неимеющ. определ. проф.	20,1%

По этим цифрам можно судить о партийном составе 1 армии. К производству учета принимаются все меры, какие возможны при настоящем положении. Разосланы циркулярные предписания всем политкомам, комячейкам о представлении списков коммунистов и сочувствующих по определенной форме, по спискам выясняется общее количество коммунистов, после чего рассылаются анкеты для заполнения.

Под распределением политсотрудников нужно подразумевать определенную деятельность организационного отделения, направленную к тому, чтобы, учитывая все партийные силы, следить за тем, чтобы во всех частях, не только в дивизиях, бригадах, полках, но в батальонах, ротах и даже взводах и отделениях существовал известный процент коммунистов. Нельзя допускать, чтобы в полку коммунисты находились в одной роте, другие же роты совершенно не имели идейных руководителей. Необходимо, чтобы основой распределения коммунистов было прежде всего *пропорциональное* распределение, которое давало бы возможность постоянного наблюдения за данной частью.

В настоящее время во всех крупных и даже мелких частях организованы, и довольно хорошо, ячейки коммунистов или сочувствующих. Всего по 25 июля сего года зарегистрировано и проверено 225 ячеек, из которых 28 групп сочувствующих, а остальные ячейки коммунистов и при них группы сочувствующих.

Коммунистические ячейки в целом стремятся обхватить всю жизнь как экономическую, политическую, так и интеллектуальную. Жизнь ключем бьет в них, и очень трудно систематизировать всю работу ячеек. Нет ни одного международного, внутреннего, организационного и др. вопросов, в которые бы старались вникнуть коммунисты и сочувствующие.

Согласно заполненным анкетам выясняется, что все контрольно-хозяйственные комиссии, ротные и полковые суды организованы под руководством ячеек; вся работа контрольно-хозяйственной комиссии и ротных судов проходит под непосредственным контролем ячеек. С половины мая пробуждается сильный интерес к культурно-просветительной работе. $^2/_3$ протоколов этого периода заняты вопросом о постановке культурно-просветительного дела в частях. По инициативе коммунистических ячеек организованы культурно-просветительные комиссии, которые в тесном контакте с ячейками уже приступили к работе. В частях очень большой спрос на литературу как политического содержания, так и на беллетристику и газеты. Больше всего читаются газеты: «Беднота», местная армейская газета «Набат Революции», а потом уже центральные газеты «Правда» и «Известия В. Ц. И. К.». Центральными вопросами, которые подлежали суждению партийных собраний, за последнее время были: 1) организация Красной армии, 2) партийная дисциплина, 3) международное положение, 4) что такое коммуна.

Первая армия уже пережила 2 партийных армейских конференции, 2 полковых и одну дивизионную. Теперь намечается 3 армейская конференция.

Комячейка устраивает ряд систематизированных митингов, проводит тот или иной цикл лекций, ставя себе определенную задачу, организует спектакли и концерты, устраивает красноармейские клубы и библиотеки, следит за работой контрольно-хозяйственных комиссий и товарищеских судов, а в бою идет первая, давая яркие примеры героической смерти. Работа идет полным темпом, замечается усиление партийной дисциплины, классового самосознания и интеллектуального развития. К годовщине первой революционной армии благодаря исключительной работе комячеек и отдельных политических работников армия стала носить яркий классовый характер. Вся армия в целом стоит на стороне защиты интересов пролетариата, политически сознательна и достойна имени Красной революционной армии и своего социалистического государства.

Культурно-просветительная работа.

Никогда еще за весь период существования Красной армии культурно-просветительная работа не достигала такого напряжения, как в настоящий момент. Не было еще такого периода в жизни армии, когда культурно-просветительная работа должна была во что бы то ни стало стать во главу угла всей политической работы. Прошло время партизанщины, прошло время организации и строительства, Красная армия сильна своей мощью, но ей еще много недостает для окончательного укрепления. Должно пустить в ход все для поднятия культурного уровня красноармейской среды. Мало, конечно, давления и влияния сверху—необходима самодеятельность массы. И здесь мы должны установить, что эта самодеятельность в настоящий момент достигает большого напряжения. Все задачи теперь сводятся к одному: к урегулированию и углублению той работы, которая пышно расцветает в низах. До последнего времени культурно-просветительная работа в армии велась, главным образом, агитационно-просветительными отделами военкомиссариатов. Политотделы, в частности и первой армии, уделяли этой работе внимание постольку, поскольку она не мешала другой, организационной главным образом. Виной этому были, без сомнения, недостаток сил и отвлечение их на другую работу.

Однако, и агитационно-просветительные отделы военкомов, создав необходимый, иногда даже черезчур громоздкий аппарат, не достигали наме-

ченной цели, главным образом, из-за неумения подойти к работе: создавались грандиозные планы, проекты, которые, однако, редко приводились в исполнение. И в результате — ни фронт, ни тыл не были обслужены. Работа в тылу, можно сказать, была даже гораздо хуже поставлена, чем на фронте. Малое внимание культурно-просветительной работе уделяли и партийные организации. В настоящее время оживление работы чувствуется и в агитпросветах военкомиссариатов. Очень показательным в этом отношении является С'езд агитпросветов Уральского Военного Округа в мае месяце и предстоящий С'езд в сентябре в Москве. Трудно сказать, конечно, о результатах этой работы, однако, уже по исполненному можно с некоторой уверенностью сказать, что плоды работы будут обильные.

Осветим план организации культурно-просветительной работы в нашей армии. В культурно-просветительном отделении об'единились все виды культурно-просветительной работы, включая и все органы снабжения и распределения, которые прежде существовали вполне самостоятельно. Культурно-просветительное отделение включает секции:

1) библиотечно-экспедиционную,
2) школьно-лекционную,
3) художественно-просветительную,
4) секретариат (учет и распределение).

До последнего времени культурно-просветительное отделение включало и литературно-издательскую секцию, которая в настоящее время выделена в самостоятельное отделение.

В политодах дивизий организованы культурно-просветительные отделения, в составе тех же секций, исключая секретариата.

Работа всех секций должна быть строго согласована и не нарушать общего плана организации культурно-просветительной работы. План этот основывается на принципе: во что бы то ни стало в первую очередь использовать самодеятельность красноармейцев и только тогда приступить к давлению сверху. До сих пор особенно заманчива была организация клубов, столь рекомендуемая инструкциями Всероссийского Бюро Военных Комиссаров.

Практика показала, что клуб всегда нежизненен, если до его устройства не было каких-либо других организаций на местах, возникших при непосредственном участии самих красноармейцев; а такими организациями будут в первую очередь культурно-просветительные комиссии. Было бы большой ошибкой думать, что таковые имеются повсюду. И если имеются, то жизнеспособны. Комиссии, организованные по инструкции Всебюрвоенкома, т.-е. выбранные из трех лиц, в армии безусловно нежелательны, так как ясно, что выборные комиссии в большинстве случаев не работают. В настоящее время комиссии организовываются на новых началах: коммунистическая ячейка выделяет (а не выбирает) группу в 3—9 человек, куда входят и сочувствующие, такая комиссия способна работать и имеет желание работать. Первая задача культурно-просветительной комиссии—это взять в свои руки библиотеки полковые и ротные, наладить дело в них и распределять газеты по частям.

Параллельно с этим стоит организация читален и выделение из красноармейской среды кадра чтецов: Все эти задачи вполне выполнимы каждой комиссией.

Библиотечное и экспедиционное дело в армии об'единено в одну секцию библиотечно-экспедиционную. За таким об'единением необходимо признать большие преимущества: надо сделать так, чтобы газеты не только доставлялись, но чтобы их и читали, а не рвали и выкуривали. Это возможно только в том случае, если экспедиционный аппарат совмещен с общей культурно-просветительной организацией в армии. Библиотечное дело сильно страдает из-за отсутствия литературы—старая прочитана, новая не получается; да и содержание имеющихся книг страдает односторонностью и не отвечает потребности. Больше всего требований поступает на книги по истории, истории культуры, естествознанию, беллетристике и по общественно-политическим вопросам, особенно нужны такие книги, которые написаны простым языком и заключают фактический материал; но таких книг либо совсем нет в библиотеках, либо их слишком незначительное количество.

По содержанию книги разделяются (в масштабе армии):

По вопросам общественно-политическим	63%
Журналов и военной литературы	14,9%
Художественной литературы	13%
По истории	7,7%
По естествознанию и медицине	1,4%

Вторым важным делом является организация школ грамоты. Школьные комплекты, учитель и инструкции высылаются из политодов, самая постановка школы проходит под руководством инструктора по школьному делу.

На первом Всероссийском С'езде по внешкольному образованию тов. Ленин определенно высказал мысль: мы должны взяться за простое насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Ясно, что это относится одинаково ко всем гражданам республики и особенно к тем, кто в настоящий момент занимает подступы к рабоче-крестьянской власти—к Красной армии.

Действительное количество неграмотных в армии невероятно, % грамотности в красноармейской среде гораздо ниже такового в рабочей (см. таблицу).

В третьей армии:

неграмотных	25%
малограмотных	36%
грамотных	39%

В первой армии:

неграмотных	28%
малограмотных	26%
грамотных	46%

Петербургские текстильщики:

неграмотных и малограмотных	18%
грамотных	82%

Все это заставляет немедленно со всей энергией взяться за искоренение неграмотности, за органи-

зацию сети школ грамоты. Эта работа все время шла двумя направлениями к одной цели: путем непосредственной самодеятельности на местах, лихорадочного напряжения работы товарищей красноармейцев и деятельности школьной секции культурно-просветительного отделения армии.

Школы для красноармейцев существуют трех степеней: первая—школа грамоты, вторая — для малограмотных, третья—для грамотных. Предметы, которые там преподаются, общеизвестны: русский язык, арифметика, география, природоведение, история и т. д., но кроме них еще введены во всех школах новый курс мироведения и политической грамоты. В некоторых школах, по желанию учеников, введено изучение иностранных языков.

Характерное отличие новых школ от школ старого типа в том, что теперь главное внимание обращается на развитие сознательности и творчества. Целью ставится не склад теоретических познаний в голове учащихся, но умение разбираться в окружающей жизни, практические знания и развитие интеллигентного понимания. Для красноармейцев важнее, чем для прочих граждан, обладать всеми этими качествами, так как они являются стражами и защитниками нашей советской родины, и от их сознательности и культурности зависит сейчас ее будущее.

Но существует много причин, сильно затрудняющих школьную работу; это недостаток учебных пособий, плохая подготовка учителей, текучесть учащегося состава школ.

Новейших учебных пособий почти нет, приходится пользоваться только тем, что возможно достать при современных тяжелых условиях. Книжный рынок чрезвычайно оскудел, и то, что выпускается в Москве, моментально расхватывается агентами из провинции. Ясно, что почти все старые учебники не отвечают заданиям пролетарской культуры и могут только служить плохим подспорьем для учителя. Кроме того, наши учителя, не обладающие абсолютно никакими сведениями относительно современных принципов и методов обучения в школах для взрослых, тем более на фронте, не могут поставить школы на должную высоту, и дать своим ученикам все те знания, которые необходимы для гражданина Советской республики. Но этот недостаток искупается их искренним желанием работать на пользу просвещения народа и, под руководством культурно-просветительных комиссий и политических комиссаров, они понемногу становятся на правильный путь. Работа на фронте носит о с о б ы й характер и нужна исключительная энергия, чтобы примениться к походным условиям, не прерывать текущих занятий. Интеллигенция, частью которой нужно считать и учителей, привыкла работать в мирной тыловой обстановке, занимаясь творчеством в тиши своих кабинетов. Вот почему, очутившись в осажденной крепости, она потеряла равновесие и до сих пор еще не может прийти в себя и сознать всю красоту и захватывающую широту момента, который требует лихорадочных усилий для удержания и закрепления идеалов, открывшихся перед нашими взорами. Необходимо упомянуть, что на учителей в частях возлагается не только одна формальная обязанность «учить грамоте», они должны работать под непосредственным контролем культурно-просветительной комиссии и в других областях культурно-просветительного дела согласно инструкции.

Все школы красноармейцев отличаются текучестью своего состава, что весьма вредно отражается на результатах занятий и вместе с тем на психологии учащихся; многие из них опускают руки, видя, что их старания пропадают даром. Чтобы уничтожить этот существенный недостаток школ, школьно-лекционная секция выработала «дневник занятий»,—мера чрезвычайно важная и имеющая огромное значение. Каждый красноармеец записывает в своем дневнике каждый урок, все пройденное, и имеет при себе как документ, по которому в другой школе учитель определяет степень его подготовленности.

Первые же опыты с применением дневника показали, насколько удачно это нововведение. Психология учащихся быстро изменилась в благоприятную сторону, что и сказалось в усиленном притоке желающих учиться.

Всего школ в армии (по 1-ое августа 1919 г.)	157
Всего учителей	191
Учащихся	4081

По роду оружия замечаются следующие различия:

Количество учащихся в частях:	
Пехоты	39,4%
Кавалерии	11,4%
Инженерных	9,8%
Санитарных	9,8%
Артиллерии	7,0%
Снабжения	4,8%
Разных частях	17,8%

Количество школ в частях приблизительно соответствует распределению учащихся.

Работа лекционной части секций сводится к рассылке по частям лекторов, составлению и рассылке конспектов лекций и снабжению фонарями, диапозитивами и предметами лекционных демонстраций. Темы, запрашиваемые лекторами, самые разнообразные. Однако, больше всего требований с мест поступает на лекции по истории и естествоведению. Оно и понятно: лектора должны заполнять тот пробел, который оставляют курсы политической грамоты и работ отдельных агитаторов.

И только в том случае, если налажена работа в библиотеке - читальне и школе грамоты, можно переходить к открытию клуба, который сильно расширяет рамки деятельности культурно-просветительных комиссий и при правильной постановке дела дает в руки комиссии орудие для углубления работы и привлечения большого количества работников. Несомненно, что вслед за открытием клуба тотчас же ставится вопрос о спектаклях, о театре. Театр и кинематограф до сих пор служили почти исключительно как средство отдохновения товарищей-красноармейцев и лишь в немногих случаях как средство агитации. До сих пор еще очень мало сделано для того, чтобы приобщить к пролетарской культуре красноармейскую среду. Перед нами теперь стоит задача—дать определенное направление тем спектаклям и концертам, которые имеют место в армии в большом числе. Средства для достижения этого двояки: 1) работа на местах и 2) работа в центре.

На местах организовываются драматические кружки (к 1-му августу их насчитывалось 74), которые ставят спектакли, концерты-митинги и т. д. Репертуар почти исключительно состоит из современных пьес пролетарского характера, революционных, служащих делу агитации. Все рассказы о том, что репертуар красноармейского театра является несоответствующим моменту, по крайней мере, для нашей армии, неверны. Из 110 спектаклей, поставленных за последние два месяца, только две пьесы были абсолютно непригодны. Сейчас в Политоде армии организованы мастерские для устройства передвижных сцен и изготовления декораций, которыми снабжаются части (правда, работа протекает медленно и не отвечает потребности; армия нуждается на первое время в 15 оборудованных сценах), организован и прокатный склад материалов. Имеются при частях хоры, но их очень мало (22)—нет руководителей, имеются и оркестры — струнные (23) и духовые (13). Приняты в настоящее время все меры, чтобы снабжать части целыми комплектами оркестров.

В центре же—в Политоде армии—был задуман большой план—создать образцовую рабоче-крестьянскую труппу, устроить ряд целых образцовых художественных постановок, создать отвечающую всем требованиям сложных постановок передвижную сцену и направить все это на фронт. В начале июля такая труппа выехала на фронт и имеет колоссальное агитационное и художественно-просветительное значение. Задача достигнута.

Труппа скомплектована из студийцев Московского Уездного Совета (профессионалов артистов армия признает лишь как инструкторов) под руководством тов. А. Ровного. С октября 1918 г. труппа работает в армии и пользуется заслуженным успехом у тов. красноармейцев. По чертежам тов. Ровного изготовлена металлическая (из водопроводных труб) передвижная сцена; освещается она электричеством (станция на автомобиле) и развертывается на поле. Зрителей бывает до 12.000. Одновременно демонстрируются и кинематографические картины.

Такого рода меры, несомненно, много способствуют организации театрального дела на местах и серьезному отношению к художественной работе.

Организована также и мусульманская труппа.

Гораздо слабее дело обстоит с концертными труппами, которые в условиях фронта трудно сорганизовать; приходится пользоваться труппами Петроградского и Московского пролеткультов. Фронт испытывает чувства самой глубокой благодарности ко всем товарищам, несущим огонь пролетарского искусства в красноармейскую среду в тяжелой обстановке военных действий.

При Политоде армии имеется театральная студия для товарищей-красноармейцев (25 человек). Взявшись за работу по этому плану с мая месяца текущего года, культурно-просветительное отделение достигло больших результатов. Культурно-просветительные комиссии раньше если и были, то совершенно не проявляли признаков ж и з н и. Два месяца работы дали нам организацию культурно-просветительных комиссий более или менее работоспособных во всех частях. От запросов с мест нет отбоя. Библиотечное дело беспрерывно раз'езжающими инструкторами налажено. Налажена и экспедиция. Получаются политодармом небывалые телеграммы: «Газеты получаются аккуратно». Это большой успех. Библиотеки имеются во всех частях и требуют лишь самого усиленного пополнения. Школ грамоты открыто 157, клубов же только 44 (к 1-му августа 1919 г.).

Базируясь на самодеятельности масс, культурно-просветительное отделение решило созвать на 1-е июля армейскую конференцию культурно-просветительных комиссий. Необходимость такой конференции ощущалась, главным образом, на местах и проявилась в горячей работе участников ее. Эта первая, не только в 1-й армии, но и в Красной армии вообще, конференция культурно-просветительных комиссий в условиях фронта дала очень и очень много. Она окончательно связала работу на местах воедино и вместе с тем подтвердила правильность того пути, по которому шло в своей работе культурно-просветительное отделение. Только в самодеятельности самих товарищей-красноармейцев залог успешного развития работы: давление сверху должно выражаться, главным образом, в инструктировании, снабжении и общем руководстве. «Мы сами хотим и будем работать, скажите только как и помогите нам», говорили участники конференции.

Конференция своими постановлениями окончательно утвердила приводимый выше взгляд на работу. Конференты, оказывается, правильно понимали, что клуб—это комплекс всех культурных начинаний части и что надо начинать именно с этого, а никак не с устройства роскошных помещений и приспособлений. Все резолюции указывают на необходимость в армии гибких негромоздких учреждений, все говорят о том, что надо отказаться от оборудования театральной сцены и перейти на эстрадные подмостки. На улицу все — и наука и искусство.

Прошло около 3 месяцев, как «культурка» в армии стала работать и в результате из ничего создалась громадная организация. Однако армия—это бездонная бочка,—сколько в нее ни вливай сил и материалов, никогда не будет достаточно, а потому необходимо энергично продолжать работу, развивая ее и вширь и вглубь. Для конферентов было устроено все возможное для того, чтобы они получили максимум представления о культурно-просветительной работе в а р м и и. Образцовая читальня-библиотека демонстрировала постановку библиотечного дела в частях, для чего были устроены практические занятия с конферентами. По постановке школьного дела многие конференты вынесли отрадное впечатление сорганизованной к 1-му июля выставки. Выставкашкольных пособий и культурно-работы в армии, созданная колоссальными усилиями просветительной сотрудников отделения, является совершенно новым институтом в а р м и и. Посещаемость ее была громадная (6000 человек в неделю), а значение ее еще больше. Эта выставка должна послужить основой для создания ряда передвижных выставок в армии. Развернут был на площади и наш армейский образцовый т е а т р. Конферентов практически знакомили с постановкой и техникой театрального дела, а вечером ставились армейской рабоче-крестьянской труппой спектакли. В результате полнейшая солидарность в вынесенных резолюциях и единение в работе.

После конференции состоялось совещание сотрудников культурно-просветительного отделения; это совещание, разбившись на секции, дало ряд прак

тических указаний для дальнейшей работы. В результате каждая секция в отдельности определяет конкретно задания на ближайшее время, самостоятельно проводя в жизнь намеченную программу действий под общим руководством заведующего отделением. Отмечу образование при культурно-просветительном отделении секции учета и распределения столь необходимого при текущей работе отделения. Учет всей работы в армии крайне необходим, необходимо и правильное распределение как сил, так и материалов. Без специального учетно-распределительного статистического аппарата здесь не обойтись. Поэтому создание специальной секции вызвано жизненной необходимостью и результаты не замедлили сказаться. Только при правильно поставленном учете возможно и правильное распределение. В дивизиях тем временем вполне сорганизовались культурно-просветительные отделения. С того момента, как начинают функционировать политотделы дивизий, центр тяжести всей работы из армии направляется туда, в дивизии, которые и ведут непосредственную работу в частях. За армией же остается общее руководство, инструктирование и снабжение. Последнее является одним из слабых мест всей работы. Для того, чтобы удовлетворить потребности всей армии, снабжение должно быть поистине колоссальным, чего достичь в данный момент невозможно, за отсутствием на рынке необходимых материалов, снабжения из центра почти никакого нет. Следующим важным обстоятельством в жизни культурно-просветительного отделения является создание летучих отрядов: театров, кинематографов, библиотек-читален, лекторов с волшебными фонарями и т. д. В результате: центр все силы, которые у него имеются, немедленно отправляет в части, чтобы налаживать дело там практическими указаниями, а не туманными инструкциями сверху. За последнее время работы культурно-просветительное отделение широко шагнуло вперед, раскинувшись по всей армии сетью своих подобных организаций, которые творят великое дело просвещения в красноармейских массах. Раньше культурная деятельность стояла на заднем плане и только теперь она получила преобладающее значение в Красной армии, которая, как часто повторяют эту фразу, «сильна своей сознательностью и организованностью». От высоты культурного уровня зависит наша победа на фронте.

Работа среди населения.

Работа среди населения начинается с 3 мая 1919 года. Первый период работы по 12 мая носил чисто организационный характер и только после этого числа явилась возможность планомерно, систематически приступить к осуществлению тех заданий, кои были положены в основу создания крестьянского отделения.

Ставя себе непосредственной задачей создание крепкого надежного тыла для нашей Красной армии, выявление коммунистического сознания среди деревенской бедноты, вообще поднятие культурного уровня крестьянских масс, крестьянское отделение во что бы то ни стало должно было развить свою работу во всю ширь, чтобы удовлетворить потребности на местах. Для этой работы отделение привлекает, главным образом, товарищей коммунистов, мобилизованных организациями и работавших среди крестьянства. Составился таким образом определенный кадр работников, кои имели специальное назначение: агитацию среди населения, путем устройства митингов, собраний, собеседований; организацию волостных и сельских советов, коммунистических ячеек и сочувствующих им; перевыборы советов в тех местностях, где они стояли не на высоте своего положения и устройство чтений, лекций, изб-читален, народных домов, коммунистических клубов и культурно-просветительных кружков. Крестьянское отделение по характеру своему и работе тем существенно отличается от других отделений политотдела, что является организатором непосредственной работы среди деревни. Такая форма организации крестьянского отделения вызвана соображениями существа дела. Если непосредственной работой в красноармейской массе руководит политотдел Дивизии, то вручение ему тех же обязанностей в отношении крестьянства повлекло бы за собой непомерное и нежелательное разбухание аппарата политотдела дивизии.

Политотделы же дивизий должны быть аппаратами легко подвижными, вынужденными обстоятельствами военных действий часто перебрасываться с места на место (в последнее время при политотделах дивизий находятся представители крестьянского отделения, которые руководят деятельностью сотрудников в районе дивизий). Используя местные партийные силы, крестьянское отделение сумеет наладить работу среди крестьянства прифронтовой полосы всей первой армии, организуя ее непосредственно у себя.

По своей структуре крестьянское отделение разбивается на следующие секции:

а) агитационно-лекторскую. На обязанности этой секции лежит непосредственная работа над созданием устойчивого настроения среди крестьянского населения, раз'яснение мероприятий Советской власти, установление доброжелательного отношения их к власти и к Красной армии. Для осуществления указанных целей, крестьянское отделение формирует опытный штат агитаторов, издает специальные брошюры, листовки, воззвания, распространяет плакаты и т. п.

б) Организационную, — которая следит за правильной организацией Советской власти на местах в прифронтовой полосе, дает надлежащие указания всем волостным и сельским советам, работа коих не вполне налажена; организует ячейки коммунистов и сочувствующих среди деревенской бедноты и инструктирует работу тех ячеек, которые в этом нуждаются.

в) Культурно-просветительную, которая заключается в организации среди крестьянского населения культурно-просветительных кружков, народных домов, библиотек, изб-читален, и вообще— в заботе о поднятии культурного уровня крестьянства.

г) Казачью. Секция эта организуется при крестьянском отделении для работы исключительно среди казачества. В задачу этой секции входит все перечисленное выше с тем лишь, что работа эта ведется исключительно среди казацкого населения.

Все сотрудники-агитаторы разбиты крестьянским отделением на группы по 3 товарища в каждой. Из опытных агитаторов назначаются руководители

группы, которым вменяется в обязанность руководство и составление приблизительного плана предстоящей работы по определенным инструкциям и маршруту.

Командированные товарищи снабжаются газетами, плакатами и социалистической литературой, получаемой, главным образом, из экспедиции культурно-просветительного отделения политотдела армии. В стадии своего первоначального развития отделение имело 7 групп. В них влилось большинство товарищей первого выпуска партийной школы политотдела. В дальнейшем, по мере прибытия мобилизованных товарищей-коммунистов из других местностей, крестьянское отделение располагало уже 50 группами общим количеством в 136 человек и получило возможность широко развить свою деятельность. Приходится раскидывать свою работу среди населения нескольких губерний, находящихся в районе расположения фронта первой армии. Рассматривая свою работу лишь как часть общей работы среди крестьянства, которая ведется губкомами и исполкомами, крестьянское отделение прежде всего приняло меры к установлению связи с вышеупомянутыми организациями и присылке представителей губерний.

Работа ведется по нижеследующему плану.

Вся местность прифронтовой полосы разбивается на районы применительно к фронтам дивизии, и в каждый политотдел дивизии посылается представитель крестьянского отделения, как ответственный руководитель работой среди крестьянства, а в его распоряжение прикомандировывается по несколько групп агитаторов-организаторов для непосредственной работы в районе дивизии. Кроме того, отделение оборудовало свои собственные подводы с лошадьми, специально приспособленные для работ по развозке литературы. Подводы эти украшены плакатами, лозунгами и снабжены передвижными библиотеками. Для ведения агитации среди проходящих эшелонов воинских частей, беженцев и крестьянства полосы железной дороги, отделение оборудовало особый вагон. Вагон этот, разукрашенный плакатами и лозунгами, привлекает массу слушателей, он служит также передвижной аудиторией, вмещающей до 70 слушателей, что дает возможность прицеплять этот вагон к эшелонам и вести в нем беседы даже во время хода поезда.

Что касается работы крестьянского отделения по устройству собраний, митингов, перевыборов советов и организации ячеек, культурно-просветительных кружков, библиотек-читален и т. п., то по докладам агитаторов-организаторов только за июнь-июль месяцы проведена такая работа:

Распространено газет, воззваний, листовок, брошюр, плакатов и проч.	171.000
Проведено собраний, митингов в селениях	460
Переизбрано волостных советов	13
» сельских »	39
Организовано вновь волостных советов	10
» сельских » »	84
Комячеек	15
Культурно-просветительных кружков	15
Изб-читален	14

Подводя итоги, приходится указать, что за последнее время работа крестьянского отделения принимает иной характер, чем это было за прошлое время. С одной стороны, в связи с реорганизацией мусульманского отделения, агитаторы которого перешли в ведение крестьянского отделения, с другой стороны, в виду передвижения нашей армии в районы, населенные различными племенами и мелкими народностями, работа крестьянского отделения должна стать довольно разнородной, принять интернациональный характер.

Кроме того, в связи с очищением местностей от казачьих банд на крестьянское отделение возложена работа по содействию эвакуации хлеба, скота и проч. имущества, оставляемого казачьим населением, а также и организация особого управления в этом районе при помощи назначаемых комендантов.

Партийная школа.

Уже давно ощущаемая нужда в политических работниках среди красноармейской массы с каждым днем, по мере организации армии, все больше и больше назревала. Тыл, все время пополнявший ряды партийных работников на фронте, не успевал удовлетворять нужд *армии*. Пришлось изыскивать новые пути для пополнения, т.-е. брать этих работников на месте, но в виду слабой подготовки последних в организационном отношении возникла необходимость создания нового аппарата, где бы эти товарищи могли ознакомиться со строительством регулярной Красной армии, с заданиями Советской власти и проч. Таким аппаратом могла быть партийная школа, которую политотдел и открыл в последних числах марта, а к первым числам мая в распоряжении политотдела имелось уже около 60, вновь подготовленных, товарищей.

Второй июньский выпуск дал 86 новых сотрудников и июльский—163 сотрудника.

Таким путем политотдел вышел из затруднительного положения и вел работу в армии почти совершенно не получая работников из *центра*.

Занятия начинаются с 1 числа каждого месяца и ведутся 6 дней в неделю, по расписанию. На каждый день они распределяются следующим образом: 4 часа лекционных, 2 часа семинарий, 2 часа практических занятий, митинги, собрания, пение—всего 8 часов в *день*.

Таким образом:

теоретические курсы продолжаются	92 часа.
семинарии	30 »
практич. занятия, собрания и митинги	24 »

Программа курсов *такова:*

1) основы марксизма	4 часа.
2) политическая экономия	8 »
3) Капитализм, империализм и диктатура пролетариата	8 »
4) История классовой борьбы	10 »
5) История Р. К. П. программа и III Интернационал	10 »
6) Организация Советской власти	6 »
7) Продовольственная, финансовая и экономическая политика	8 »
8) Земельная политика	12 »
9) Красная армия	6 »
10) Религиозный вопрос	4 »
11) Национальный вопрос	4 »

Общие семинарии по курсам:

Техника ведения собраний пропаганды и агитации	4	чел. »
Организация Советской власти	8	»
Работа в Красной армии	8	»
Организация партии	6	»
Пение	8	»

Семинарии — это практические занятия, параллельные теоретическим курсам. Дополнением к учебной части служат: библиотека-читальня, книги, газеты и грамофон с речами: вождей, социалистической революции, а также совершаемые курсантами экскурсии и прогулки с пением революционных *песен*.

Для поддержания внутренней дисциплины и распорядка выбирается курсантами свой Комитет, библиотечная комиссия, товарищеский суд и организовывается коммунистическая *ячейка*.

Таким образом армия путем привлечения широких масс к партийной школе подготовляет кадр сознательных защитников социалистической революции и пополняет редеющие ряды передовых борцов.

Работа издательская.

Издательскую деятельность, согласно требованиям момента, приходится развивать очень сильно. В Армии издается газета «Набат Революции» (тираж 10.000—20.000), воззвания, листовки, брошюры, инструкции, а также типографией исполняются многочисленные заказы бланков, конторских книг и т. д. Однако издательскую деятельность приходится сильно сокращать из-за отсутствия бумаги. Типография Политодарма помещается в 9 вагонах, где расположены: наборная, печатная (4 плоских машины) и переплетная.

За последнее время с 15 мая по 1 августа 1919 г. издательством выпущено:

Газета «Набат Революции»	613.000	экз.
Мусульманская газета «Красная Звезда»	206.000	»
Народоармейская газета «Сибирский Коммунар»	130.000	»
Воззваний	209.450	»
Летучек	32.000	»
Брошюр	51.397	»
Инструкций	23.830	»
Афиш	1.150	»
Плакатов	11.040	»
Бланков	153.875	экз.
Книг, переплетено их и произведено других работ	133.041	»
А всего	1. 431.732	»

Заключение.

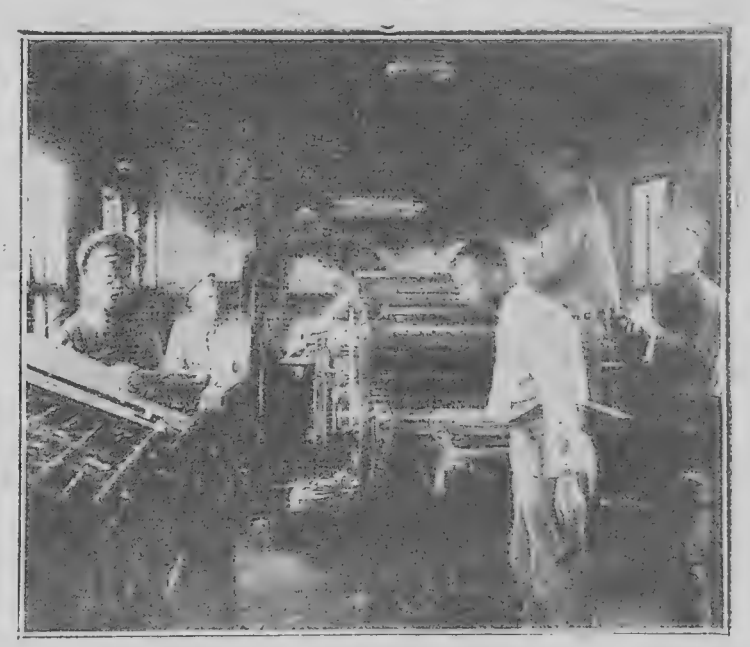
Таким образом мы видим, что мнение многих товарищей о невозможности политической работы в боевой обстановке (особенно работы культурно-просветительной) ни на чем не основано, а, наоборот, вышеприведенные данные доказывают полную возможность политической работы при любых условиях и в любой обстановке.

В частности в Первой армии политическая работа достигла наибольшей интенсивности именно в период наступления и его подготовки, несмотря на недостаток политработников и технических средств.

Опыт работы, проделанный в Политоде Первой армии, конечно, не есть окончательное достижение; необходимо развить, углубить и усовершенствовать постановку полит. работы в армии.

Сила Красной армии—в ее политической сознательности, в ясном понимании своих классовых задач, а последнее возможно лишь при наличности усиленной и регулярной политической работы.

А. Юров.



Типография газеты „Набат Революции".

Организационная работа среди татаро-башкир.

Гражданская война, продолжающаяся уже почти второй год на Восточном фронте, показала нам ясно некоторые наши упущения и недостатки.

Между этими недостатками как раз оказался недостаток связи, между борющимися за светлое будущее—красноармейцами и местным населением прифронтовой полосы.

Этот недостаток, наблюдающийся на многих фронтах Р. С. Ф. С. Республики, был принят к сведению и везде создавались Политотделы, пролеткульт, секции и т. д.

На тех фронтах, где население состояло из русского пролетариата, дело сразу наладилось и этот недостаток был устранен. Там установилась тесная

связь Красной армии с местными трудовыми элементами. Впитывалось устно и печатно, как рабочими и крестьянами, так и Красной армией усвоивалась одинаковая мысль, одинаковая тактика в достижении одной и той же цели. Но совершенно иначе обстояло дело на Восточном фронте, где $^2/_3$ населения прифронтовой полосы состоит из нерусского элемента. Там тоже были организованы те же аппараты: Политотделы и соответствующие организации. Но о них, к сожалению, знал только русский пролетариат, который непосредственно без всяких препятствий мог иметь связь с этими аппаратами. Но могли ли они принести пользу и достигли ли они желанной цели по отношению к татаро-башкирской бедноте? Увы—нет. Я совершенно не хочу этим указать на бездеятельность той или иной полит. организации прифронтовой полосы. Организации эти безусловно исполнили свой долг, в частях Красной армии и русских деревнях. Они наполнили все забытые до сего времени уголки глухих деревень русскими газетами, брошюрами, литературой и, может-быть, даже часть литературы попадала в татаро-башкирские аулы и волости, но польза от них была ничтожна.

Нужны были живые силы. Число политических работников — татаро-башкир было совершенно ничтожно. Всех их можно было перечесть по пальцам, начиная с центра и кончая фронтом.

Татаро-башкирская интеллигенция разбилась на группы, из которых одна была совершенно индифферентна, другая пошла с буржуазией и ставила палки в колеса Советской власти, подготовляя смертные приговоры третьей, которая пошла на защиту угнетенных.

После занятия Красной армией Казанской, Уфимской, Симбирской, Самарской и Оренбургской губерний и восстановления в этих местах Советской власти, лучшая часть татаро-башкирской интеллигенции перешла на сторону Советов и начала работать среди татаро-башкирской бедноты и в частях Красной армии.

При всех Политотделах армий, фронтов и групп начали создаваться мусотделения, мусподотделы и т. д. и т. д. Работа этих отделов заставила татаро-башкирскую бедноту понять смысл гражданской войны, как классовой борьбы. Доверие к нам росло. Разбивая провокационные слухи национал-шовинистов и социал-националистов о том, что Советская власть относится к нам, как к пасынкам—не помогает в распространении литературы, не открывает школ и не помогает в поднятии нашей экономической жизни на одинаковую ступень с другими народами, татаро-башкирские коммунисты и левые течения старались об'единить пролетарские массы для борьбы против союза всемирной буржуазии.

Коммунисты, ясно представляя себе выпавшую на их долю задачу присоединения отсталых татаро-башкирских крестьян и рабочих к общей боевой силе III Красного Интернационала, — вследствие культурной отсталости масс должны были потратить колоссальную энергию для того, чтобы уничтожить буржуазно-национальное течение и создать единый твердый крепко спаянный камень татаро-башкирского пролетариата для воздвижения основного фундамента III Коммунистического Интернационала.

Для того, чтобы положить конец раз навсегда всякому возникновению буржуазно-национальной борьбы в будущем, каждый татаро-башкирский коммунист и, вообще, всякий работник Советской власти должен принять все зависящие от него меры для действительного под'ема политического, культурного и экономического уровня татаро-башкирского пролетариата и сближения его с окружающими пролетариями других наций.

Следовательно, на долю коммунистов и революционных, гражданских и военных организаций татар возлагается двойная и даже тройная работа, нежели на долю русских коммунистов.

Если русским коммунистам приходится работать в деле проведения идей восьмого с'езда ком. партии, то товарищам татаро-башкирам нужно рядом с этим повести усиленную культурно-просветительную работу, поднять умственный уровень масс и доверие к Советам.

После этого только возможно развить заветную идею коммунизма и социализма. Все это должны учесть тов. коммунисты, как татаро-башкиры, так и русские, работающие в среде башкирского пролетариата. Вот основная черта, от которой должны исходить все наши начинания, и здесь весь центр тяжести работ всех прифронтовых и гражданских организаций. Работайте и знайте, что вы ответственны перед всемирной революцией в правильном подходе к вопросу о присоединении татаро-башкирского пролетариата к восставшим народам всего мира, против хищника-капитала.

Н. Ени[illegible].

Воспоминания о работе мобилизационного отдела Первой армии.

Год прошел с тех пор, как стала формироваться Красная армия Восточного фронта. Сколько трудностей и препятствий преодолено!

Вспоминается первое время мобилизации в г. Саранске, Пензенской губернии—время борьбы с чехо-словаками.

Крестьяне, получившие землю, изгнавшие помещиков, инстинктивно сознавали, что нужно помогать Советской власти, но деревня в это время находилась еще под сильным влиянием кулацких элементов. Расслоение в ней еще только начиналось и прибывавшие из разных мест мобилизованные крестьяне, не отдавая себе ясного отчета в происходящей борьбе, представляли бесформенную недисциплинированную массу. Инстинктивно преданные Советской власти, они все же, в силу своей неустойчивости и малосознательности, легко поддавались всяким провокационным слухам и легко возбуждались на почве тех недостатков, которые ощущались в первое время формирования армии. А недостатков, благодаря разрухе, было много. То нехватало обмундирования, то пища

была плоха; а местная власть не шла навстречу; приходилось принимать экстренные меры для того, чтобы сделать жизнь красноармейца более сносной. Рассылались люди для доставки провизии, обмундирования и проч.

Что же касается политической жизни красноармейца, то здесь ровно ничего не делалось; больше того, политическое воспитание красноармейцев на первых порах совершенно игнорировалось. Помню, как на мой вопрос: можно ли устроить митинг или собрание в части, мне ответили, что раньше надо накормить красноармейца хлебом, а потом уже кормить его митингами.

Такая тенденция находила в то время отклик у многих работников. Теперь, после годичного опыта, думается, что каждый партийный работник в армии понимает весь вред такого взгляда.

А контр-революция (в прошлом году она была наглее, чем теперь) вовсе не дрема а. Сынки кулаков, эс-эры и прочая белая нечисть, попадая и в ряды красноармейцев, только и делали, что агитировали и распускали всякую клевету и небылицы и всячески старались использовать затруднительное положение советской власти, сваливая на нее всю вину.

Пользуясь той или иной нехваткой, они призывали красноармейцев не воевать с чехо-словака и, которые, мол, вместе с нашими друзьями и союзниками идут освободить Россию от немцев. И такая агитация, надо признаться, имела успех. Иногда она вызывала волнения, которые, правда, заканчивались мирно.

Так было, например, с первым сформированным нами эшелоном, который на почве контр-революционной агитации отказался итти на фронт; кстати сказать, этот полк впоследствии оказался одним из наиболее боеспособных.

Так или иначе, отсутствие политической работы в частях давало себя не раз сильно чувствовать. Лучше стояла политическая работа в прифронтовой полосе (в деревне).

Несмотря на трудность агитации в деревне по причине, о которой упомянуто выше, а именно отсутствию расслоения и наличия сильного экономического и духовного влияния кулаков, все же в деревне нами было сделано многое.

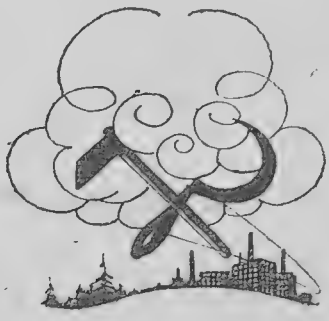
По праздничным и воскресным дням группа агитаторов раз'езжалась по волостям, где устраивала митинги и собрания, и, несмотря на всю трудность, вскоре им удалось вызвать сочувствие крестьян.

Было создано много ячеек и была установлена связь. По прошествии года деревня стала неузнаваема. Здесь должно сказать, что индиферентное отношение к политике в частях, благодаря урокам жизни, тоже понемногу начало изменяться. Прежде всего было обращено самое серьезное внимание на снабжение красноармейцев литературой. Уже с осени 1918 г. мы стали получать из Политотдела Первой армии в большом количестве газету «Набат Революции», а также центральные газеты, брошюры и плакаты. Это сразу изменило настроение красноармейцев. В мобилизационный отдел ежедневно группами стали приходить красноармейцы за литературой. Скоро был открыт клуб-читальня. Стали создаваться коммунистические ячейки в частях; были привлечены лектора, ставились кинематографические сеансы, а также спектакли. Надо признаться, что толчок в развитии такой деятельности был дан Политотделом Первой армии, после чего работа пошла успешнее. Сознание красноармейца стало постепенно расти.

Оглядываясь на пройденный год борьбы, можно с уверенностью сказать, что ни один царский генерал не сядет на шею трудового народа, что Колчак и Деникин окончательно будут разбиты, а с ними вся контр-революция.

Год был труден, тяжел и терпист, но закалил нашу волю, он же наметил дальнейший путь, и мы верим, что к следующему году окончательно избавимся от наших угнетателей.

Е. Герцовская.



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Правда о чехо-словаках в России и их выступлении против Советской власти[1]).

Словаки и чехи — две разные нации; хотя и те, и другие славянского происхождения, и языки походят один на другой как, например, русский и украинский. Чехи при старой Габсбургской Австро-Венгрии были австрийскими подданными, словаки—венгерскими. И те, и другие были одинаково национально угнетаемы своими правителями.

Название „чехо-словаки" стало употребляться после того, как под влиянием национальных чувств чехи и словаки об'единились для одной и той же цели, а именно для достижения национальной свободы.

Около 300 лет тому назад после победы немцев над чешскими „Гуситами" и „Таборитами", остатки приверженцев чешско-братской церкви были принуждены выселиться из пределов тогдашней Богемии, которая сейчас называется Чехией. Они выехали частью в Америку, частью во Францию и Россию, где занимались земледелием; с того времени по 1914 год выехало из Чехии в Россию еще немало чехов, главным образом, такие элементы, которые смотрели на Россию, как на вторую Америку, где ловкий человек путем обмана малоопытного в торговых делах русского населения мог награбить много денег. Это мы особенно видим в Волынской и Киевской губерниях, где до последнего времени жило очень много чехов, имевших там заводы, фабрики и имения. Они чувствовали себя весьма свободно при бывших русских царях. Николай II предоставлял им всякие привилегии, разрешил устраивать школы на чешском языке; чехи занимали в государственных учреждениях высокие посты и т. д.

Вскоре после об'явления войны между Австрией и Россией вышел, как известно, приказ министерства внутренних дел выселить всех австро-германских подданных в Сибирь. Чехи, для того чтобы их в мирное время не призывали на военную службу, не принимали русского подданства; в виду этого вышедший приказ касался и их; буржуазии и кулакам, конечно, не хотелось оставить свои заводы, имения и роскошные квартиры в России и заменить все это какими-нибудь бараками гражданских военнопленных в Сибири. Им пришло на мысль что-нибудь предпринять для того, чтобы им было разрешено остаться на месте своего жительства.

В конце-концов они додумались до мысли о сформировании чешских добровольческих дружин, которые бы оперировали на австрийском фронте. Был выработан проект, с которым обратились к царю, и Николай II не только разрешил формирование дружин, но и позволил остаться всем чехам на местах.

Вот что дало повод чехам-колонистам к формированию боевых единиц из добровольцев. Здесь нисколько не играло роли национальное чувство, и никакого сочувствия к русскому народу тут не было, а просто

---

[1]) Настоящая статья, написанная чешским коммунистом, работающим в 1-й армии, принимавшим во времена Керенского участие в боях чехо-словацкого корпуса, помещается редакцией для иллюстрации политического положения весною и летом прошлого года, когда возник чехо-словацкий фронт.

„Правда" № 200. 18/IX 1918 г.

По ту сторону бело-эсеровского фронта.

Цена предательства.

По сообщениям пензенских газет, чехо-словацкой коммунистической партии удалось захватить часть архива тех, кого они теперь не могут назвать своими братьями: чехо-словаков, громящих русские города. В газете „Прукопник свободы" от 27 июля помещены данные, достаточно ясно освещающие действительные причины контр-революционного выступления чехо-словацкого корпуса.

Соглашение с союзниками состоялось или в последних числах февраля или в начале марта.

7 марта отделению национального совета получило первый взнос от французского консула в сумме трех миллионов руб.

Эти деньги были выданы некоему г. Шин, сотруднику отделения национального совета.

9 марта тому же Шин уплачены были еще 2 милл., 25 марта Шин получил 1 милл., 26 марта тов. председателя нац. сов. г. Богушиль-Чермак получил 1 милл. и 30 марта опять г. Шин — 1 миллион.

Итого французским консулом уплачено было отд. нац. советов с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплачено г. Шин — 1 миллион, г. Б.-Чермак — 1 миллион, г. Шин вторично — 1 миллион.

Кроме того, неизвестному лицу было уплачено 188.000 руб. Итого 3.188.000 рублей.

С указанными выше 8 миллионами получается сумма в 11 миллионов 188.000 рублей, которую французское правительство уплатило отделению национального совета.

От английского консула отделение приняло 80.000 фунтов стерлингов.

От 7 марта до дня выступления вожди отделения национального совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английским империалистам.

До самого дня контр-революционного выступления солдаты и офицеры чехо-словацкой армии получали в месяц 5 рублей жалования. Начиная с первого дня контр-революции, каждый солдат получал 200 рублей в месяц на всем готовом. Офицеры, которые имели раньше такое же жалование, как и солдаты, получают теперь громадные суммы, размер которых нельзя точно определить.

была личная выгода чешской буржуазии, живущей в России.

Вначале сформировали одну роту в Москве, потом организовали запасную роту в Кременчуге. Дальнейшее формирование шло медленно; между чехами-колонистами не было бедняков, которых бы они могли одурачить, а кулаков и сынков буржуазии вербовать в добровольцы было довольно тяжело. Наступил большой кризис в формировании. Наконец, догадались найти выход из положения и решили попытать, нельзя ли продолжать сформировывать воинские части из прибывающих в Россию чехов и словаков военнопленных, что и было разрешено правительством.

Чехи, живущие в Австрии, были воспитаны в шовинистическом духе; они, как имеющие свою обособленную национальную культуру и доходившие в 1914 году численностью до 12 миллионов, были более угнетены австрийским правительством, чем другие нации. Национальные вожди чехов все время стремились к тому, чтобы оторваться от австрийской империи и устроить самостоятельное чешское государство. Были такие, которые мечтали о королевстве, были и такие, которые стремились к республике, конечно, буржуазной. На основании этого чехи-колонисты повели между чехами и словаками военнопленными агитацию в широком масштабе, для того чтобы привлечь их на добровольческую военную службу в России, в чем им всячески помогала чешская интеллигенция в Чехии: она агитировала уже среди австро-чешских маршевых рот, которые отправлялись на русский фронт, чтобы они „не воевали против братской России", а сдавались в плен. В результате такой пропаганды чехи массами, целыми полками добровольно сдавались. Едва только они прибыли в концентрационный лагерь в Дарницу подле Киева, как агитаторы киевского Чешско-Словацкого Общества в России, которых помещали для этой цели в бараках, начали поднимать национальный дух среди чехо-словаков и побуждать их встать вооруженной силой против Австрии, чтобы достигнуть таким образом самостоятельности своего чешского государства, когда Россия победит Австро-Венгерскую империю. Сначала было мало чехов, веривших им и шедших добровольно в ряды чешской дружины, но позднее, когда стали прибывать новые массы чехов военнопленных, рассказавшие, как беспощадно расправляется Австрия с чешскими национальными вождями, расстреливает и сажает в тюрьмы,—сразу поднялось большинство, готовое бороться против Австрии.

Ставка тогда не разрешила формировать большие единицы, а только роты, которые были распределены по русским полкам и дивизиям, как разведочные части на юго-западном фронте. Говорилось много в это время о героических подвигах чешских разведчиков, многие из них получили георгиевские кресты, и русские генералы не могли достаточно нахвалиться ими. Здесь уже было ясно видно, что эти части борются из национального чувства для разрешения своего национального вопроса.

Осенью 1916 года уже были сформированы 24 чешские роты. Тогда генерал Брусилов решил сформировать из этих рот 3 полка и штаб бригады. Командиром бригады был назначен полковник Троянов. В это время командный состав в бригаде состоял еще большей частью из русских офицеров, но у чехов не чувствовались совсем старорежимные порядки; отношение офицеров к солдатам было самое дружелюбное. Отдавание чести существовало, но вытягивания во фронт не было. Старшему по чину в бригаде говорилось так: „Ты, брат-прапорщик, ты, брат-поручик", и так далее.

Когда добровольцы-чехи, раненые на фронте, после излечения приехали в Киев, не имея ни копейки денег в кармане (они получали при старом режиме, так же как и русские солдаты, по 75 копеек в месяц), они обратились в Чешско-Словацкое Общество и потребовали от своих обманщиков, чтобы им выдали какие-нибудь средства и помещение для проживания в отпуску. Надо сказать, что у добровольцев обстоятельства были весьма тяжелые: у них не было в России никакой родни, никакого приюта, вообще им не было куда обратиться за помощью. Однако Чешско-Словацкое Общество отказало им в поддержке, ссылаясь на неимение никаких средств. Чешские буржуа в России держались крепко за свои карманы и не хотели ничего выдавать из своих средств. Русское же правительство не отпускало никаких кредитов на содержание и помощь раненым и выздоравливающим чехо-словацким воинам.

По этому поводу добровольцы решили созвать в Киеве с'езд делегатов всех чехов и словаков, не только служивших добровольцами в русской армии, но и поступивших на работы военнопленных, а также и чешских колонистов, который и состоялся в мае месяце 1917 года в киевском университете. На этот с'езд профессором Массариком, состоявшим председателем Чешского Национального Совета в Париже, был прислан уполномоченный, бывший депутат рейхсрата Дюрих, а с ним — чешский колонист из Франции, поручик французской армии Штафель. Этот Штафель был выслан в Россию с целью агитировать среди чешских добровольцев за переезд их во Францию.

С'езд прошел в бурном настроении; наконец, было решено Союз Чехо-Словацких обществ в России ликвидировать и организовать отделение Национального Совета в Петрограде. Председателем последнего был избран проф. Макса, а его помощником—д-р Чермак. Кроме того, было решено расширить чехо-словацкие части до одного корпуса с артиллерией, и пригласить из Парижа в Россию проф. Массарика, так как он пользовался огромным авторитетом в чешских национальных кружках.

Под влиянием франкофильской пропаганды офицера французской армии чеха Штафеля две роты чехословаков уже в то время уехали по Мурманской железной дороге во Францию. Впоследствии уже зимой еще одна рота пыталась проехать, но, застряв в пути из-за климатических условий, части роты небольшими группами вернулись обратно.

После с'езда проф. Макса было возбуждено перед Временным Правительством ходатайство о сформировании корпуса, Временное Правительство обещало выполнить эту просьбу сначала не совсем охотно, ссылаясь на неустойчивость чешских частей, как бывших австрийских военнопленных, но позднее от Керенского было получено разрешение. Сейчас же приступили к формированию второй дивизии. Организатором был назначен генерал Червинка, русский чех, происходивший из чешских колонистов.

В июне месяце 1917 года по приказанию командующего юго-западным фронтом чешские роты были сняты с фронта, и из них была сформирована одна единица—бригада,—которая предназначалась для участия в наступлении в Тарнопольском районе; бригада дралась хорошо, взяла семь линий окопов, пленных и много военного имущества; при занятии наших окопов бригада имела стычку с одной из финляндских

стрелковых дивизий, которая была против наступления и не хотела, чтобы чехи наступали, но до боя между ними дело не дошло. Бригада находилась на фронте до конца отступления из-под Тарнополя, потом ей было разрешено уйти на отдых в Староконстантиновский уезд, Волынской губернии, где она снова пополнилась и сформировалась в дивизию из четырех полков и одной артиллерийской бригады из шести батарей.

Во время пребывания 1-ой чехо-словацкой дивизии на отдыхе приехал из Франции проф. Массарик, который произвел всем частям смотр и обещал ходатайствовать перед французским правительством о переводе всех чешских частей на французский фронт. Проф. Массарик, благодаря своему политическому выступлению, стал очень популярен среди солдат; он всегда более мягко относился к солдатам, чем к офицерам, к которым был строг; солдаты исполняли приказы Массарика с радостью и, если бы проф. Массарик сказал только одно слово, то никогда бы не было контр-революционного выступления со стороны чехов; он в свое время выпустил приказ во что бы то ни стало не вмешиваться во внутренние дела России и остаться нейтральными. К сожалению, никого из популярных чешских деятелей нейтрального настроения не было в России в момент выступления чехо-словаков.

Настало время наступления немцев в феврале 1918 г. в глубь России, и первая дивизия, стоявшая недалеко от фронта, была принуждена отступать, она переехала в гор. Житомир. Вскоре чехам пришлось и отсюда уехать, и, так как им не дали вагонов, они были принуждены отправиться пешком в Киев. На Житомирском шоссе, когда чехи маршировали в колоннах, их неожиданно атаковали два бронированных автомобиля, один немецкий, а другой украинский. Со стороны чехо-словаков было несколько раненых и убитых. Чехо-словаки, пришедшие по Житомирскому шоссе в Киев, не успели выехать из Киева, как приехала немецкая кавалерия со стороны Фастова. Между немцами и чехо-словаками у моста через Днепр произошел бой; после непродолжительного сражения с немцами было заключено перемирие. Отсюда чехи уехали на станцию Прилуки, все время преследуемые немцами. Здесь они погрузились в вагоны и уехали по направлению к Бахмачу.

При отступлении из Киева проф. Массариком были выпущены листовки с воззванием, что „Советская власть заключила мир с Германией, и на этом основании пребывание чехо-словацких войск в России стало излишним, и они должны переехать на французский фронт, согласно переговоров с французской миссией в России". Чехо-словацкими войсками был принят французский дисциплинарный устав, они стали получать жалование из французской казны, деньги получены были профессором Массариком, в виде займа, от генерала французской миссии в России, Нисселя, и корпус предоставлялся с этого времени в распоряжение французов.

Во время передвижения чехов на Бахмач немцы так быстро наступали, что угрожали перерезать чехам путь у Бахмача. Вторая дивизия почти вся проехала станцию Бахмач, потому что она все время стояла в Борисполе у Киева, но первая дивизия осталась еще позади Бахмача. Поэтому чехо-словаки были принуждены в собственных интересах, а не как думали тогда — для защиты Советской власти, выгрузиться и часть своих войск послать немцам навстречу с целью задержать их до того времени, пока все эшелоны переедут ст. Бахмач. Чехо-словаки высадили один полк и двинулись вместе с войсками Советской власти навстречу немцам, но лишь только последний эшелон выехал из Бахмача, чехи бросили позицию и уехали, что повлекло за собой отступление Советских войск.

Чехо-словацкий корпус в это время насчитывал около 30 тысяч человек, был хорошо вооружен, имел 8 батарей из 3-дюйм. орудий, 2 броневика и воздухоплавательную эскадру, которая ему была передана французами в Киеве.

В марте 1918 года, после от'езда проф. Массарика обратно во Францию, представители Отд. Чехо-слов. Национального Совета, проф. Макса и д-р Чермак, обратились с просьбою к Наркомвоен Р. С. Ф. С. Р. товарищу Троцкому о разрешении чехо-словацкому корпусу выезда из России на французский фронт. Тов. Троцкий ответил: „Если чешские солдаты сами желают, то я не считаю себя в праве им в этом мешать". Было решено, что чехо-словацкий корпус поедет во Владивосток, но тов. Троцкий, видя в этом хорошо вооруженном корпусе в случае выступления против Советской власти огромную опасность, ибо уже тогда ему было известно, что среди корпуса ведется антисоветская агитация офицерством, поставил условием, чтобы все эшелоны сдали оружие Советам и чтобы на всякий эшелон было оставлено лишь минимальное количество оружия, нужное для поддержания порядка, а именно 120 винтовок и один пулемет (всех эшелонов было 56).

Представители чехов, Макса и Чермак, на это согласились, но тайно распространяли через Нац. Совет, а также через посредство чешской газеты „Чехословак" и командного состава провокационные слухи о том, что тов. Троцкий, по требованию представителя Германии в Москве, графа Мирбаха, намеревается разоружить чехов для того, чтобы их потом выслать в Германию, которая их за добровольный переход к неприятелю и за вооруженное выступление против Австрии накажет. Встревоженные этой провокацией, чехи начали всевозможными способами прятать оружие, а сделать это было довольно нетрудно, потому что комиссия, которой было поручено следить за разоружением чешских войск в Пензе, не проверяла как следует эшелоны, так что у них еще осталось много оружия, после того как они уже проехали ст. Пензу. В это самое время генеральным штабом чехо-словацких войск был издан секретный приказ о сформировании в каждом эшелоне боевой единицы и инструкция о боевых действиях эшелонов.

Когда, в начале апреля 1918 г., первые чехо-словацкие эшелоны приехали во Владивосток и со стороны союзников не принималось никаких мер для дальнейшей отправки корпуса во Францию, Народный Комиссар, тов. Троцкий, обратился к начальнику французской миссии с вопросом: „Заберет ли Франция чехословаков на свои корабли для дальнейшей отправки во Францию?" На этот вопрос тов. Троцкий не получил никакого ответа. Второй запрос был обращен тов. Троцким к Англии, согласна ли она забрать чехословаков на свои корабли. На это Англия ответила: „Это вопрос очень острый, у нас нет свободных кораблей". И чехо-словаки ждали в течение нескольких недель ответа от Франции, но ожидаемого ими ответа не было получено. Об этом молчали как Национ. Совет чехо-словаков, так и командный состав и вся буржуазная и меньшевистская печать; наоборот, с помощью контр-революционных русских офицеров и правых эс.-эр. власть среди чехо-словаков усиленная

агитация и распространялись заведомо ложные слухи, что будто бы тов. Троцкий умышленно задерживает дальнейшее продвижение чехо-словацких эшелонов. Первое вооруженное выступление чехо-словаков в Челябинске произошло благодаря провокации со стороны контр-революционных элементов.

После этого выступления профессором Макса, который в это время был в Москве, был выпущен приказ немедленно прекратить все враждебные действия со стороны чехо-словаков против Советской власти; этот приказ мотивировался словами проф. Массарика „о невмешательстве во внутренние дела России", но, не имея среди чехо-словаков, как солдат, так и офицеров, никакой популярности, Макса даже был обвинен в бездеятельности и торможении дальнейшего передвижения чешских эшелонов; офицеры не подчинялись ему и скрывали приказ от солдат. 27 мая 1918 г. был выпущен приказ Наркомвоен тов. Троцкого: „Немедленно остановить всякие передвижения чехо-словацких эшелонов и разоружить всех чехо-словаков; добровольно сдающим оружие предоставляется полная свобода передвижения и обеспечивается поддержка со стороны Советской власти; оказавшие малейшее сопротивление будут расстреливаться на месте". И этот приказ был первое время задержан командным составом, что доказало разоружение Советской властью эшелона штаба 1-го чехо-словацкого полка в Златоусте. Начальнику эшелона приказ был об'явлен в Уфе комиссаром станции, но вместо того, чтобы об'явить солдатам приказ, чешский начальник сказал, что „Советы хотят их силою разоружить и выслать в Германию". Солдаты, напуганные этим сообщением, потребовали немедленного от'езда в Челябинск для того, чтобы соединиться с другими стоящими там эшелонами. Эшелон уехал, но из Уфы была передана в Златоуст телеграмма: „эшелон не пропустить и разоружить". Эшелон, приехавший ночью в Златоуст, был на рассвете обстрелян советскими войсками пулеметным и ружейным огнем, но приказ тов. Троцкого солдатам не об'явили. Застигнутые врасплох, чехо-словаки раздетые разбежались по горам и лесам и пошли пешком в Челябинск; во время обстрела было около 100 убитых и раненых и 25 пленных, которых держали до сентября 1918 г. в тюремном заключении, но, после выраженного ими желания вступить в Красную армию, их выпустили на свободу и зачислили в Красную армию.

Все время усиливающаяся провокация среди отравленных шовинизмом и национализмом чехо-словаков со стороны контр-революционеров, которые говорили чехо-словакам, что Троцкий хочет их отдать на распятие в руки немцам, втянула, наконец, возмущенных чехо-словаков в эту позорную авантюру, из-за которой Советской России пришлось так много страдать.

Можем ли мы обвинять чехо-словаков — солдат в том, что они сознательно выступили против Советской власти?

С самого начала чешско-русская буржуазия, а потом Чехо-словацкий Национ. Совет с помощью командного состава все время всевозможными способами поддерживали национализм солдат чехо-словацких частей, потому что без под'ема национального духа у них армия так же разложилась бы, как и всякая другая. Этим об'ясняется то, что русская революция на чехо-словаков не имела почти никакого влияния. Этим, конечно, воспользовались мировые захватчики союзных держав и с помощью русских контр-революционеров: к.-д., правых эс.-эр. и меньшевиков под вывеской учредительного собрания устроили нападение на Советскую власть.

Франция, как привыкшая эксплоатировать для своих целей иностранные войска, провозгласила чехо-словаков, содержавшихся на их средства и, следовательно, бывших в полном их распоряжении, своими союзниками и вовсе не намеревалась переправить чешский корпус во Францию, а хотела воспользоваться им для контр-революционного восстания.

Чехо-словаки, конечно, в первое время своего выступления об этом не знали и думали, что только пробивают себе дорогу во Владивосток. Лишь повоевавши в течение нескольких месяцев, они узнали, что их обманули, но, по их мнению, у них другого выхода сейчас уже не было, так как они боялись, что если они потерпят в боях с красными окончательное поражение, то Красная армия всех их перебьет. Они посылали в это время к своему правительству в Праге резолюцию за резолюцией, но им на это даже не отвечали, потому что пражское правительство работало с союзниками в тесном контакте, боясь предпринять что-либо неугодное союзникам, а потому оставило корпус на произвол судьбы.

Сейчас остатки чехо-словаков находятся внутри Сибири, в областях оккупированных царским адмиралом Колчаком, и пытаются пробраться через Владивосток на родину, увозя с собою захваченное оружие.

После разгона Колчаком учредительного собрания даже они, до сих пор успешно обманываемые своими офицерами, в конце-концов, поняли, что их обманывали, и потребовали немедленного отправления в Чехию. Некоторые эшелоны, особенно бурно протестовавшие против использования их на русском фронте, были сняты с фронта, расформированы и в числе до 3.000 человек были отправлены в концентрационный лагерь. После этого не было среди чехо-словацких солдат, за исключением явных контр-революционеров и буржуазных сынков, человека, который бы не сознавал, что он был лишь слепым орудием преступных замыслов своей и международной буржуазии.

* * *

Карл Прохазка.

Чехо-словаки в Пензе.

(Наброски очевидца).

В конце 1917 года чехо-словацкие части сосредоточивались в эшелонах в районе Пенза—Саратов—Сердобск; они собирались проехать на Владивосток и затем перебросится на французский фронт.

Они были все хорошо вооружены, дисциплинированы, снабжены техническими средствами. В указанном районе они ненадолго задержались и требовали отправки дальше в полном вооружении; им отказали,

так как Сов. Рос. нуждалась в оружии, а оно было чехам дано от русс. правит., но дали гарантию, что их доставят в безопасности до Владивостока, при чем им оставили некоторое количество вооружения для несения караульной службы и для самоохраны. Некоторые части согласились, но большинство отказалось—особенно настаивал на отказе командный состав, поддерживаемый державами Согласия. Те чехо-словацкие части, которые успели проехать в Сибирь, свергли в Омске Советскую власть; одновременно в Пензенском Совдепе и в Военном Комиссариате было получено приказание из центра о немедленном разоружении и расформировании всех чешских частей, об отпуске желающих по домам и о превращении нежелающих уехать в дружины; эта мера была вызвана тем, что чехо-словаки могли явиться очагом восстания (как это было в Омске). Это было 26—27 мая 1918 года.

Начались переговоры между Губернским Пензенским Совдепом и чехо-словацким дивизионным комитетом и командным составом; чехи упорно отказывались разоружиться и расформироваться. Пензенскому Совету предстояла нелегкая задача, и подходить к ее решению нужно было очень осторожно. Пытались все уладить мирным путем, и 27 мая в 2 часа ночи мне и еще одному члену Совета (я в это время состоял комиссаром по формированию и обучению пензенского гарнизона) было приказано вызвать представителей чехов в Губернский Совдеп на совместное заседание. Заседание продолжалось до 6 часов утра, но ничего не вышло, представители чехов разоружиться отказались. 28 мая днем был устроен митинг на вокзале Пенза 2-я; целью митинга было дать понять массе, что их желают втянуть в войну с трудовым народом, что Советская власть кровопролития не хочет и что их командный состав искажает и представляет в неверном освещении все, исходящее от Советской России по этому вопросу. Митинг состоялся, но к несчастью большинство чехов не понимало по-русски или понимало очень слабо; представители их командного состава выступали против наших ораторов на чешском языке. Митинг не удался и не дал никаких результатов, кроме незначительного количества чехов, которые поняли положение. Но большинство было под влиянием командного состава; атмосфера сгустилась, положение все осложнялось. Гарнизон Пензы доходил до 2.000 человек и состоял из отдельных маленьких отрядов при 5 орудиях. С таким небольшим количеством мы не могли надеяться на удачный исход борьбы. Только на вокзале Пенза 2-я чехов было до 8.000, а на всей линии Пенза-Саратов до корпуса; последний в это время стал стягиваться к Пензе.

На заседании условились не принимать никаких активных действий до получения ответа из центра, куда также были отправлены их представители на с'езд.

В центре представители власти доложили о создавшемся положении, о малочисленности наших сил, о превосходстве сил чехо-словаков. Ответ последовал следующий:

— Приказы издаются не для обсуждения, а для исполнения.

Таким образом мирным путем уладить конфликт не удалось и пришлось приступить к активным действиям.

28 мая в 12 часов чехи вышли из эшелонов и расположились цепью вдоль реки Суры; наши силы также были выведены, приготовлены к бою и распределены по городу. Надеясь на помощь из Москвы (оттуда были направлены броневой поезд и 2 броневика), мы старались оттянуть время и продолжали переговариваться чехами; в то же время составился оперативный штаб в состав которого вошли Губвоенком Островский, инж. Толстой, начальник Инструкторского Отдела Карицкий и я; по председатель Совдепа Кураев по недоразумению составил также штаб (туда вошли люди незнакомые с военным делом, не военные) поэтому наш штаб распался, и руководство действиями перешло к штабу Кураева. Около 4 часов дня прибыли ожидаемые из Москвы 2 бронированные автомобиля и попали между чешскими эшелонами и так как не знали положения, то ими завладели чехи. Это обстоятельство еще более обостряло положение. На этих автомобилях они хотели пробраться в город, их не пропустили и начались военные действия.

Наша батарея открыла огонь—задача была следующая: обстрелять эшелоны чехов, не дать им подойти к Пензе и соединиться; но стрельба под руководством Н., сочувствовавшего чехам, велась плохо. Поручено было это мне, и после принятия мною соответствующих мер (я приказал переменить прицел) начались удачные попадания в эшелоны, которые перестали подходить к станции; цепь чехов мы не пускали пробраться через Суру; к нам подошли рабочие петроградских заводов, находящихся в Пензе; за день ничего серьезного не произошло, кроме небольшой перестрелки;—жертв было немного. По сведениям, 4 чешский полк стал обходить Пензу. 29 мая в 3 часа утра началась пулеметная и ружейная стрельба, чехи перешли в наступление и стали теснить наши малочисленные части; под натиском противника мы стали отходить к Совету; подошла еще помощь из Симбирска (Интернациональный полк в составе около 400 чел.) и ее сразу ввели в бой. К 10 часам утра Совдеп под прикрытием наших частей эвакуировался по направлению на Рузаевку. (За один-два часа до эвакуации подошел из Москвы бронированный поезд, но помочь не мог, так как чехи разобрали путь перед станциями). В 10 час. утра мне было поручено руководить у артиллерийских казарм обстрелом наступающих частей чехов артиллерийским огнем; но обстрел произвести я не решился, так как впереди и справа находились склады с пироксилином и динамитом и был возможен взрыв; город сильно бы пострадал. Мой сборный отряд, находившийся около Белинского парка, был невелик: осталось до 50 человек при двух недействующих пулеметах. Чехи продолжали наступление, я выдерживал их натиск, отразил 3 атаки (они подходили на 100 шагов). Но держаться дольше было невозможно, так как я рисковал быть обойденным и попасть в плен; в то же время я узнал, что город уже во власти чехов, и что Совет эвакуировался; связь со своими частями была утеряна. Тогда я начал отступать по единственному пути на Попову-Гору по направлению к Рузаевке.

В 2 часа 30-го город был окончательно занят чехами; отношения тогда не были еще так сильно обострены, пленных отпускали, но комиссаров и красноармейцев-чехов расстреливали и вешали. На 2-й день чехи взяли что возможно из Пензы и уехали по направлению к Сызрани.

Перед от'ездом чехи предложили власть в гор. меньшевикам и буржуазии, которые не решались принять ее.

Наши части сосредоточились в Рузаевке и 1—2 июня вернулись в Пензу, где не было никакой власти. Город был снова занят нами.

К чехам стали примазываться контр-революционные элементы с целью свергнуть Советскую власть. Разго-

релась гражданская война, началом которой и являются события, описанные выше.

Участники пензенских событий, описанных в настоящем очерке, будучи вовлечены в водоворот гражданской войны, приняли в ней деятельное участие; контрреволюционеры активно примкнули к чехо-словакам и вместе с ними убежали в Сызрань; коммунисты и сочувствующие Советской власти добровольно вступили в ряды красных борцов и влились в ряды только-что сформировавшейся 1 Революционной армии.

19 июля были мобилизованы военные специалисты и довольно много б. офицеров, занимавших должности инструкторов и военных руководителей Пензенского Губвоенкома, вполне лояльных к Советской власти, вошли в состав 1 армии, как ближайшей к Пензенскому району.

Н-ик Инструкторского Отдела т. Корицкий впоследствии занял должность Н-ка Штаба Армии, а Инж. Толстой—Начинжарма армии.

Соловьев.

Очерки гражданской войны на фронте I армии.

I армия в конце июня и начале июля 1918 г. об'единяла направление: Бугульминское, Сергиевское, Ставропольское, Сенгилеевское, Инзенское и Кузнецкое. На всех этих направлениях действовали небольшие отряды, совсем не связанные между собой и очень мало. Война велась, главным образом, по железным дорогам, при чем войска находились в эшелонах и из них почти не высаживались; от железных дорог далеко не отходили; противник действовал так же, и кто первый решался отойти от железной дороги с целью обхода, тот оставался победителем. Могущественным средством борьбы считались броневые поезда и броневые автомобили; их прикрытие действовало ободряюще и успокаивающе на пехотные части.

Силы I армии в то время распределялись следующим образом:

Бугульминское напр....	1500 шт., 17 пул., 1 брон. поезд.
Сергиевское напр.....	780 шт. 10 пул.
Ставропольское напр...	850 шт. при 36 пул., 7 оруд. и 52 саб.
Сенгилеевское напр.....	1370 шт. при 50 пул., 3 оруд. и 5 бр. авт.
Сызранское напр.....	920 шт. при 30 пул., 3 оруд. и 70 саб.

Таким образом общая численность армии достигала до 6.000 штыков, при 140 пул. и 14 орудиях. Цифры эти приблизительные, так как тогда точного учета наших сил еще не было.

Силы противника еще труднее учесть, но нужно думать, что приблизительно были равны нашим или немного превышали. Техническими средствами противник был сильнее.

Общая задача армии тогда была следующая: овладеть Бугульмой, Сергиевским и Ставрополем; прочно там закрепиться и подготавливаться к нанесению решительного удара на Самару; к Самаре на помощь спешили части чехо-словаков из Уфы. Левофланговая 2-ая армия, отступившая из Уфы, должна была, сделав полукруг, подойти к Бугульме и тем обеспечить левый фланг 1-ой армии. Правофланговая 4-ая армия должна была содействовать наступлению на Самару, двигаясь к ней с юга.

Главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев категорически требовал выполнения этого плана, который он называл действием по внутренним операционным линиям; незначительным силам армии для выполнения этой задачи приходилось действовать и наступать сразу в шести направлениях—справиться с этими задачами было трудно; войска выдыхались накануне успеха.

Положение войск на фронте к началу июля 1918 г. было следующее:

Бугульминское напр. Части в эшелонах были растянуты по линии Волго-Бугульминской ж. д. от Симбирска до Уфы. После падения Уфы эшелоны откатились к Бугульме. 5 июля происходили бои с чехо-словаками в 15 вер. от ст. Дымка (зап. Бугульмы). Приказано было занять Бугульму и держаться там; силы наши были небольшие и командование на этом направлении опасалось обхода.

Сергиевское напр. Отряды занимали Липовку (7 июля) и двигались на Сергиевск.

Ставропольское напр. Наши части занимали район Верхне-Сенгилеево, Троицкая-Тагила (6 июля). 8 июля были обнаружены части противника (в количестве 400 шт. при 1 тяж. и 4 легких орудиях, 6 пулеметах и 200 саб.), двигавшиеся на Верхне-Сенгилеево.

Сенгилеевское напр. 4 июля занят был Сенгилей отрядами армии и велось дальнейшее наступление. 11 июля занята была Климовка, разведка высылалась на Мазу, Левашевку и Благодатовку — противник отошел к Сызрани.

Сызранское напр. об'единяло 2 направления: Кузнецкое и Инзенское, на которых действовали Пензенская и Инзенская группы войск, превратившиеся впоследствии в Пензенскую и Инзенскую дивизии. На Инзенском напр. части к 4 июля занимали следующее положение: левый фланг наших войск опирался на дер. Заборовку, кавалерия левого фланга была в дер. Рамино. Правый фланг—дер. Ново-Рачейка, кавалерия двигалась к берегу Волги по направлению с. Образцово. Кроме того, наступал отряд по тракту Тереньга-Сызрань.

Обе группы войск (Пензенская и Инзенская) были об'единены под начальством т. Лациса (Начдив. Инзенской), которому было приказано взять Сызрань, занять Александровский мост, и очистить правый берег Волги от противника. 6 и 7 июля велось наступление, и 8 утром Сызрань была взята; во время боев нашими войсками были взяты трофеи: 4 орудия, пулеметы, более 300 винтовок и пленные.

Противник отступил в сторону Батраков, 10 июля чехо-словаки обошли наши войска, находившиеся в Сызрани со стороны Заборовки; их батарея стала обстреливать во фланг и тыл; части вынуждены были оставить Сызрань, которая была занята чехами. По агентурным данным, в Сызрань вступили 4 полка по 800—1000 чел. в каждом.

На Пензенском направлении войска отошли к Кузнецку, где и стали собираться и приводиться в порядок. На Инзенском напр. отход продолжался до ст. Барыш. Положение, в котором находились войска после отступления, характеризуется следующим разговором по прямому проводу между штабом Пензенской дивизии и штабом армии:

«Кто просил Пензенскую дивизию? Я, Каминский (Нач. штаба), сам работаю, дел мои очень скверны, остался в Кузнецке один только штаб и санитарный поезд; впереди нас, в Евлашеве, находится бронированный поезд Брянского отряда—единственная единица, сохранившая боеспособность; все отступление прикрывает штаб—есть 97 человек кавалерии латышей, которые присланы Пензой сегодня; они посланы в рав'езд для разведки по флангам и для сторожевки; остальные части категорически отказались оставаться на фронте и силою оружия заставляют отправлять их эшелоны дальше к Пензе; положение критическое; я и начальник дивизии бессильны что-либо сделать...»

А вот и другое донесение того времени от к-ра полка, вышедшего из Сызрани:

«Из Чаадаевки, № 123, 13 июля 1918 г., 3 ч. 30 м.

Инза, Команд. фронтом, Второй Московский Рев. полк.

Под Сызранью разбит, потерял весь командный состав; в виду того, что полк пять месяцев находился беспрерывно на фронтах и людям пришел конец шестимесячного срока службы, прошу Московский полк отозвать в глубокий тыл на отдых для формирования; в противном случае люди одиночным порядком разбегутся, оставив техническое имущество на произвол судьбы.

Команд. 2 Моск. полка Плахущенко».

По этим донесениям видно, в каком положении находились части Красной армии; и какой путь пришлось пройти, чтобы из неорганизованных, недисциплинированных отрядов создать ту мощную армию, которая 2 месяца спустя разбила армию Самарского правительства и учредилки и победно прошла на восток!

На Бугульминском направлении наши войска старались удержать Бугульму, согласно директивы штаба фронта (см. выше); ее занял со своим отрядом к-р броневого поезда Полупанов; из Симбирска ему обещали поддержку. В то же время в тылу было приказано укреплять Мелекесс и ж.-д. мосты. 8 июля Бугульма была оставлена нами, но к вечеру того же дня снова занята без потерь, при чем противник отошел, взорвав мост на р. *Юшазе*. Обещанное подкрепление в количестве 250 чел. послано было 10 июля; 13 июля посланы еще Казанский и Уфимский отряды общей численностью до 1.000 чел. при 3-х броневиках.

Противник снова сосредоточил превосходные силы и перешел в наступление; 13 июля на Сергиевском напр. наши отряды оставили Липовку и отошли к ст. Погрузная (на Буг. ж. д.), при чем добровольческий 1-й Казанский полк понес значительные потери; 14-го пр-к занял Липовку, Дементьевку и ст. Челны. По Бугульминской ж. д. наше отступление продолжалось; 15—17 июля пр-к занял ст. Погрузную; 19 наши войска укрепляются у ст. Брянцино; 21-го они отходят к Часовне и 22—23 июля пал Симбирск...

На Инзенском, напр., после отхода от Сызрани 4-й Лат. полк был сменен прибывшим на ст. Базарная Украино-Белорусским полком (13 июня). Пр-к продолжал еще понемногу продвигаться, но в районе Должниково был окончательно задержан (21 июля) и немного оттеснен в район ст. Заводская-Решетка—Барыш.

На Кузнецком напр. главные силы Пензенской див. занимают 20 июля позицию восточнее Кузнецка (Козляковка—Евлашево), а к концу июля пр-к отошел в район ст. Ново-Спасское. На Сенгилеевском напр. под давлением пр-ка войска тоже отходят и к 21 июля занимают район Сенгилея. После взятия Симбирска чехами сенгилеевская группа потеряла связь с нашими силами и была под угрозой окружения пр-ком. (Она 28 июля прорвалась и соединилась с нашими войсками).

В штабе I армии первые сведения об угрожающем положении Симбирска были получены *21 июля* 1918 г. и в тот же день было прервано с Симбирском телеграфное сообщение.

Чтобы выяснить создавшуюся обстановку, для производства разведки пр-ка был послан т. Толстой (начинарм I), который установил следующее: конный отряд пр-ка силою до 150 сабель, прикрывая левый фланг его наступающих колонн, двигался в направлении от с. Поповка через Скрыпина, на Степное-Матюнино, этот отряд прервал телеграфные провода и сжег мост на 128 версте М.-К. ж. д. в направлении Инза—Симбирск; со стороны Симбирска было слышна орудийная стрельба; по словам бежавших из города, город находился еще в наших руках.

Для помощи осажденному городу был создан сводный отряд, в состав которого вошли:

1) 4 стр. Латышский полк,
2) 6 пех. Мценский полк,
3) 1 тяжелая лат. батарея;

приданы были после отряду отдельная Корсунская пех. рота и 20 рота Чрезвычайной жел.-дор. охраны. Общая численность отряда была следующая: 1.100 шт. при 35 пулеметах, 4 тяжелых и 1 легком орудиях и бронированная площадка при 5 пулеметах.

23 июля эшелоны отряда отбыли, и штаб его расположился на ст. Чуфарово; отряд развернулся в боевой порядок по линии деревень: д. Степное Матюнино—Карлинское—Ляховка—Кочетовка—Выры—Ленивцево. Разведка обнаружила, что 22 июля г. Симбирск был взят противником, что наши части после неудачного для них боя отступают на Буинск в северном направлении, и что противник, видимо в целях защиты своего тыла, выслал значительный отряд вдоль ж. д. на Инзу, сторожевое охранение которого вступило в соприкосновение с разведкой отряда и потеснило ее на главные силы сводного отряда. Одновременно штаб отряда получил донесение, что части пр-ка всех родов оружия появились в районе д. д.: Смышляевка, Калда и Бутырки, что представляло прямую угрозу правому флангу отряда; правый фланг не имел связи, в виду отдаленности и отсутствия конницы, с соседней дивизией справа (позиция на Инзенском направлении в районе ст. Базарная). В тот же день неизвестными злоумышленниками в тылу отряда была взорвана стрелка на ст. Глотовка, и отряд лишился своей единственной коммуникационной линии. Вследствие этого отряд отступил. Отступление прошло в полном порядке, пр-к не наступал, и к утру 25 июля было занято следующее положение: Араповка, далее по р. Стемас и р. Криуша до д. Крпуши—Новая; резерв в д. Мухино и на ст. Вешкайма. Однако обходное движение противника против правого фланга настойчиво продолжалось, и его части появились в районе Поповой Мельницы и Малого Хомутера. Одновременно штаб Инзенской дивизии донес, что накапливаются силы пр-ка в районе обороняемого им участка. Для противодействия штаб

отряда приказал загнуть правый фланг по линии—Красная Сосна,—Куроедово—Сурки—Мухино—Сондевка; левый фланг остался без изменения. Пр-к продолжал развивать свою операцию и постепенно занимал д. д. Саводеркино—Девятовка—Старо-Зиновьевка—Дурасовка. Вследствие этого части отряда отошли на новую позицию: Красная-Сосна—Мордовский—Кондорат—д. Вешкайма—Большая-Станичная. Для помощи Инзенской дивизии 6 Мценский полк был переброшен в вагонах на ст. Базарная, а батарея направлена в район Анненково в распоряжение Начдив Инзенской. 27 июля положение отряда было следующее: Красная-Сосна—Шарлово—Вешкайма; резерв ст. Глотовка и броневая площадка на ст. Чуфарово.

В виду успешности контр-атаки 6 Мценского полка серьезность положения у ст. Базарная миновала, пр-к отошел, и связь с ним была утрачена. Части отряда начали продвигаться вперед; к вечеру 27 июля сторожевое охранение было на прежней линии Араповка—Криуши; конная связь с Инзенской див. через Красную-Сосну; в ночь с 27 на 28 июля части отряда вошли в соприкосновение с какими-то частями, обстреливавшими разведку в районе Андреевки—Анненково; определить, что это за части, не удалось.

28 июля по уцелевшему телефонному соединению со ст. Майна получилась телефонограмма, коей неизвестный тогда Толстому начальник сводного Сенгилеевского отряда Гая приказал „Именем Революции" поддержать всеми силами его наступление на Симбирск.

Оказалось, что это прорвался из Сенгилея отряд Гая; он прошел 160 верст и присоединился к Симбирской группе на ст. Майна, приведя с собой до 2.000 чел., 110 саб. при 11 орудиях и 100 пулеметах. Переход из Сенгилея к Майне был сделан в 5 дней из кольца пр-ка. Этот отряд вместе с находившимися на Симбирском напр. частями был сведен в дивизию, впоследствии получившую название 24 стр. Симбирской железной дивизии (под начальством Гая).

Операции в июле м-це на фронте I армии закончились отступлением на всех направлениях и рядом неудач; но внутри армии началась усиленная организационная работа; цель—создать новую сильную армию на новых началах; прежние отряды были сведены в правильные боевые единицы, в полки, бригады, дивизии; батареи в артилл. дивизионы. Части стали высаживать из вагонов; перешли от войны эшелонной к войне полевой, маневренной. Началась организация штабов. Мобилизация бывших офицеров в Симбирске (4 июля) и в Пензе (19 июля) дала военных специалистов—был создан *штаб армии* со всеми отделами, было налажено правильное функционирование *оперативного* отдела, *снабжения* армии всем необходимым; отдела *административного*, выполнявшего огромную работу; для пополнения армии создан был *мобилизационный* отдел, сформировавший и давший армии готовые воинские части... Одновременно велась такая же работа и в дивизиях; возглавлял всю эту творческую работу командующий армией тов. М. Н. Тухачевский—и результаты налицо: с сентября м-ца начинаются блестящие успехи; армия опрокидывает пр-ка за Волгу и победно шествует, освободив огромное пространство, до Стерлитамака—Оренбурга—Орска!

II.

В августе силы армии стали значительно увеличиваться; пополнения в полки и отдельные части прибывают все время: прибыла 2 свод. Курская бригада под начальством т. Азарха. К 16 августа состав армии был приблизительно следующий:

	Штыков.	Пулеметов.	Орудий.	Сабель.
Пензенская див.	2400	53	14	159
Инзенская див.	1010	40	6	—
Финский б-н.	400	15	4	—
Симбирская див.	2300	120	11	332
2-я св. бригада	2000	8	12	—
А всего:	8110 шт.	236 пул.	47 ор.	491 саб.

Кроме того были еще брон. поезда.

На всех направлениях (Кузнецкое, Инзенское и Симбирское) началось продвижение, которое продолжалось весь месяц.

На Кузнецком напр. Пензенская див. овладела местечком и станц. Канодей (11 авг.) и линия расположения 11—12 авг. была следующая: Теплый-Стан—Канодей—Лава—Александровка. На Инзенском напр. 1 августа в руках пр-ка была Заводская-Решетка.

4 авг. на ст. Базарная были отправлены 1 Курский и 3 Моск. полк (Курская бр.) с дивизионом артиллерии, кроме того, в распоряжение комбрига отд. сводной бр. (Курской) поступил Воронежский брон. поезд. подрывная команда и эскадрон Карачейского полка. Войскам дана следующая задача: решительным наступлением взять ст. Барыш; выслать для обеспечения флангов боковые отряды: на правый фланг—в район Жадовки и на левый—в район Попова-Мельница, имея в виду овладение в этих районах переправами через реку Барыш. По овладении ст. Барыш продолжать энергично наступление до овладения ст. Безводовка. Иметь связь вправо с Пензенской и влево с Симбирской дивизиями. Задача эта была выполнена и 9 августа занята указанная линия по р. Барыш: Жадовка—Ново-Зиновьевка—Барыш—Попова-Мельница.

3 августа пр-к перешел в наступление по шоссе из Симбирска на Буинск и занял последний.

Командующий фронтом приказал левому флангу I армии перейти в решительное наступление и тем содействовать частям 5 армии, наступающим на Буинск с севера, со стороны Тетюшей.

Того же числа был отдан им же приказ решительно атаковать Симбирск. Во исполнение этого приказа из штарма I было отдано приказание Симбирской дивизии перейти в наступление на д. Юшанск—Карлинская в перерез шоссе Симбирск—Буинск.

На этом фланге Тагай был занят нашими частями 1-го авг.; Уржумское—Козловка—Абрамовка—4—5 авг. Противник силою до 200 саб. при 2 ар. пытался наступать 4 авг. на д. д. Кадыковку и Абрамовку, но был отбит.

Одновременно началась подготовка наступления на Симбирск. Отдельную сводную бригаду, находившуюся в районе ст. Барыш, приказано погрузить и спешно направить по жел. дор. на ст. Майна в распоряжение начдив Симбирской Гая; она прибыла туда 13 авг.

11 авг. силы пр-ка под Казанью были втянуты в бой с нашими войсками (5 армией) и, в случае наступления на Симбирск, не могли быстро оказать ему поддержку. Находя этот момент благоприятным, командование I армии приказало войскам под Симбирском перейти в решительное наступление, атаковать город; обратить особенное внимание на охранение флангов, особенно левого. Инзенская див. должна была способствовать Симбирской див., наступая на Безводовку и прекратив сообщение на линии Сызрань-Теренька, а Пензенская—продолжение наступления.

После сосредоточения войска под Симбирском стали развертываться и 8 августа заняли линию: Путиловка—Ляховка—Кочеговка—Абрамовка—Копышевка. Пр-к вел себя пассивно.

9 авг. продвижение продолжалось и войска достигли следующего рубежа: Крюковка—Каменка-Ртищево—Бухтивка—Софьина—Опалиха—Ольгино-Тетюшское и 10 августа линии дер. Ключищи—Грязнушка—Волосниковка—Елизаветино. Пр-к кавалерией атаковал 9 августа д. Поповку, но был отбит. Того же числа неприятель силою до 2-х рот офицерского георгиевского б-на при 2-х орудиях и при поддержке чешской и добровольческой рот повел наступление на дер. Тетюшское; деревня несколько раз переходила из рук в руки; наши передовые части отошли назад, подошедшими главными силами пр-к был отброшен. В этом бою особенно отличились артиллеристы Смоленской батареи.

Когда после сильного натиска пр-ка наша пехота отошла, батарея осталась без прикрытия и до последнего момента отстреливалась картечью; когда же неприятель ворвался на батарею, доблестные артиллеристы бросились в атаку, обратили в бегство неприятеля, захватив 4 пулемета, и тем спасли батарею; потери батарейцев—10 уб. и около 40 ран.; пр-к потерял несравненно больше, т.-к. он шел в атаку густыми цепями.

В тот же день к ст. Охотничьи подходил броневой поезд пр-ка и открыл огонь, но удачными попаданиями Казанской батареи был обращен в бегство.

На прочих участках пр-к держался пассивно и производил переброску на свой правый фланг. 13 августа неприятельский аэроплан произвел воздушную разведку над ст. Охотничьей, затем начался обстрел станции тяжелой артиллерией, в этот момент на станции разгружались эшелоны—произошло замешательство, и некоторые выгрузившиеся части стали отходить к Майне. Но части скоро были приведены в порядок и пр-к, пытавшийся наступать, отбит. (Разгружалась отд. Курская бригада, переброшенная со ст. Барыш; части бригады, подошедшие еще 12-го, находились на левом фланге и держались стойко).

14-го на правом фланге с боем занята была д. Кременки и началось наступление на Белый-Ключ.

На левом фланге противник, еще раньше сосредоточившийся в районе д. Н. Урень, перешел в наступление; в центре также атаковал д. Грязнушку; под давлением пр-ка левофланговые части оставили д. д. Опалиху и Волосниковку; т. обр. левый фланг был потеснен и 15 авг. линия была следующая: правый фланг на старом месте, затем Грязнуха—Софьина—Екатериновка—Козловка. Пр-к продолжал обходить левый фланг и наступал на Софьино, Выры и артиллерийским огнем обстреливал раз'езд Выры. Курская бригада (лев. фланг) была окончательно дезорганизована и 16 авг. отошла к Майне, где части стали приводиться в порядок. Вследствие глубокого обхода левого фланга, правофланговым частям пришлось отойти до Елшанка и к 16 авг. отступившие части располагаются на линии: Поповка—Березовка—Командак—Аксаково.

Во время этих боев Инзенская и Пензенская дивизии перешли в наступление, помогая этим Симбирской дивизии. 7 авг. Инзенская занимала Юрловку—Патрикеево; 9-го овладела Барышем (см. выше) Жадовка—Барыш—Попова-Мельница). 9-го же продолжалось продвижение на флангах, на правом до Румянцево—Марьевка и на левом до Ханаеево. Пр-к отошел к Поливаново, 11 заняли *Поливаново* и расположились по рубежу: Румянцево—Кармалейка—Поташ—Мард, Темрязань—Поливаново—Водорецкое—Выселки. Пр-к продолжал отступать к Налейке и Кузоватово. 13, 14 и 15 авг. велась усиленная разведка на всем фронте дивизии; на правом фланге происходил бой за обладание д. Лесное—Матюнина.

На Кузнецком напр. содействие операции под Симбирском выразилось в занятии м. Канадей. (Александровка—Ивановка—Канадей—Теплый-Стан) продвижение продолжалось до Ново-Спасского, но 16 авг. пр-к вынудил отойти дивизию к Канадею.

Так кончилось неудачное наступление на Симбирск. По агентурным данным пр-к в этих боях понес большие потери; инструкторский б-н потерял половину состава; другие части были сильно потрепаны. В Симбирске началась паника и бегство за Волгу буржуазии. Только благодаря глубокому обходу нашего левого фланга, белые отстояли временно Симбирск. Этим обходом была дезорганизована курская бригада, командир ее Азарх был убит и правому флангу, все время удачно двигавшемуся вперед, пришлось отойти.

После отхода Симбирской дивизии на линию, указанную выше (Поповка—Березовка—Командак—Аксаково), положение на этом направлении оставалось без перемен; с 17 по 23 авг. части приводились в порядок, устанавливались на новых позициях; пр-к вел себя пассивно; один только раз появился над ст. Чуфарово аэроплан, сбросивший неудачно бомбы.

На Инзенском же напр. с 17 авг. пр-к упорно наступал и теснил части дивизии; им заняты д. Русс. Темрязань (17 авг.), Измайловка (19 авг.), Ханаеево (19 авг.), Измайл. Выселок (18 авг.), Попова-Мельница (19 авг.) и Поливаново. Дивизия отошла к Акчуринскому раз'езду и далее за р. Барыш; на правом фланге дивизии оставлено Лесное—Матюнино.

На Кузнец. напр. в это время без перемен.

III.

К 24 августа I армия занимала следующее положение:

1) Пензенская дивизия занимала линию: Лава—Воздвиженка—Канодей—Рокотушка—Троицкий Сунгур, имея 2775 шт. при 57 пулеметах и 9 легких орудиях.

Пр-к силою до 1500 шт. при легкой и тяжелой артиллерии занимал линию Зыкова—Маловка—Темышово.

2) Инзенская див. силою в 1034 шт. при 40 пулеметах и 4-х орудиях занимала линию: Сорокино—Аристовка—Богдановка—Гурьевка—Куроедовка—Ханаеево, имея на правом фланге в д. Климовке 1 эскадрон в 60 сабель.

Пр-к силою до 1200 шт. занимал линию: Рус. Темрязань—Морд. Темрязань—Н. Измайловка—Витечевка, имея поддержки на линии Кузоватово и в ст. Тимошкино.

3) Симбирская див. силою в 2458 шт. при 73 пулеметах и 22 орудиях расположилась по линии: Поповка—Репьевка—Анненково—Сущевка—Константиновка—Приселоника, имея на правом фланге в дер. Б. Мура два эскадрона и один эскадрон на левом фланге.

Пр-к силою до 2500 шт. при 4-х батареях занимал линию Елшанка—Ляховка—Выры—Козловка—Петровка—Шумовка, имея резерв в г. Симбирске.

Армии было приказано перейти в наступление. В исполнение приказа конечной задачей ставится очищение всего правого берега Волги от пр-ка и за-

крепление его за собой. Главное направление удара выбирается на Симбирск. Ближайшая задача—овладеть Симбирском.

Для выполнения ближайшей задачи было решено начать активные действия инзенской дивизии с целью приковать внимание пр-ка на этом участке, сбив его с занимаемой линии, продвинуться на линию Волынщина—Кивач, и закрепиться здесь, дабы была возможность фланговых маневров в сторону.

По выполнении этой частной задачи было решено начать непосредственные действия на Симбирск. Таким образом операция на Симбирск была разбита на две стадии: 1) подготовительные действия и 2) непосредственный удар на Симбирск.

24 августа отдается следующий приказ по армии: Витебскому полку Симбирской дивизии, находящемуся в районе Поповка, перейти в наступление на д. Бесштановка, разбить здесь пр-ка и двигаться в направлении Коромысловка—Кузоватово и выйти т. о. в тыл пр-ка. Остальным частям дивизии вести усиленную разведку.

Инзенской дивизии: энергичным наступлением на обе стороны жел. дор. уничтожить передовые части пр-ка и по достижении витебцами Кузоватова стремительно атаковать части пр-ка в направлении Кузоватово. Пензенской дивизии: выслать сильный отряд из трех родов войск для энергичного наступления от Канадея на д. д. Барышек — ст. Мостяк — Шиковка с целью не дать возможности пр-ку перебрасывать части в Кузоватово.

1-й день 25 августа Витебский полк стягивается в Поповку и выступает на дер. Бесштановку.

Инзенская див. занимает исходное положение и высылает отряд в д. Попова-Мельница для активных действий противнику во фланг во время его противодействия Витебскому полку.

2-й—день 26 августа. Витебский полк занимает д. ст. Тимошкино.

Инзенская дивизия левым флангом начала движение на Н. Измайловку и центром вдоль жел дор. В районе Нов. Измайловка происходят столкновения. Пр-к спешно очищает д. Бесштановку и отходит на Дворянское. В районе Н. Измайловка он отходит на Акшуат.

3-й—день 27 августа.

Витебский полк занимает д. Баевка. Инзенская дивизия подвигается восточнее линии Акшуат—Поливаново—Рус. Темрязань.

Пр-к, благодаря стремительному фланговому маневру Витебского полка, попадает в мешок и поспешно уходит в направлении на Налейку и Кузоватово.

К этому времени, опасаясь за Сызрань, пр-к спешно подает резервы со стороны Сызрани на Рачейку, а из Самары им высылаются отряды на Сызрань. За весь этот период Симбирская дивизия ведет усиленную разведку и заставляет пр-ка очистить Выры.

Пензенская дивизия продвигается вперед и овладевает ст. Ново-Спасское.

4-й—день 28 августа.

Витебский полк и Инзенская див. занимают линию Дворянское—Кузоватово, а пр-к занимает д. Кивач и группируется в районе Волынщина—Томылово.

Во время подготовительных действий пр-к проявляет некоторые активные действия в направлении на Алатырь. 25-го он подал отряд силою в 150 чел., который появляется в районе Б. Батырево, и небольшие конные части пр-ка появляются в районе Буинска. Алатырской группе дается строгий приказ выдвинуть сильные заставы в Промзино—Городище—д. Стемас и отряд в напр. *Н. Айбеси*. В это же время на ст. Ибреси посылается отряд в направлении Батырево—противник под угрозой движения указанных отрядов за 26—27 и 28 августа отходит к Буинску.

После того, как все подготовительные работы для решения частей задачи были выполнены, и как только выяснилось, что внимание пр-ка отвлечено на Инзенское напр., командующий армией стал ожидать обещанных фронтом резервов. Когда же из штаба фронта сообщили, что резервы могут запоздать, решено было атаковать противника имеющимися силами. Чтобы создать солидный кулак на Симбирском направлении, с других направлений было снято все, что возможно. Из Пензенской дивизии был взят Орловский полк, погружен в вагоны и переброшен на ст. Чуфарово. От Инзенской дивизии был взят Витебский полк, которому приказано перейти походным порядком из д. д. Дворянское—Коромысловка—Боевка—ст. Тимошкино и к 7 сентября в д. Игнатовку. Коммунистическому конному дивизиону т. Боревича было приказано погрузиться в вагоны и к 7 сентября прибыть на ст. Чуфарово. Переброска прошла хорошо и к назначенному дню все части были на своих местах.

К началу непосредственной операции на Симбирск Симбирская Железная дивизия располагала следующими силами: 5170 шт., 117 пулеметов, 21 орудие и 163 сабли.

По данным, попавшим в наши руки после взятия города, выяснилось, что силы пр-ка состояли из следующих частей:

4 пех. полка, б-н чехо-словаков, инструкторский бат-н, инженерный бат-н и несколько отрядов. Артиллерия: дивизион легкой артиллерии, тяжелый дивизион—всего 22 орудия. Кавалерия—200 саб.

IV.

План операции был построен на быстром, широком развертывании частей и стремительном, концентрическом движении, с захватом пр-ка с обоих флангов. Для выдержанности удара на участке Симбирской дивизии пр-ка не тревожили до последнего момента. 8 сентября был отдан приказ по войскам I Революционной Восточной армии о взятии Симбирска. Приказ этот особенно настаивает на том, чтобы начальники всех степеней ознакомились с идеей и планом выполнения операции, приказано обратить внимание на точное соблюдение направлений и на занятие назначенных рубежей для того, чтобы маневр мог привести к желанному результату. Также обращено внимание на сохранение связи и ведение беспрерывной разведки.

Соответствующий приказ был отдан и по Симбирской дивизии, и, во исполнение этого приказа, части стали занимать исходное положение и к вечеру 8 сентября выдвинулись на линию: д.д. Игнатовка—Александровка—Сосновка—Березовка—Карцевка—Сергиевский-Приют—Б. Жеребятниково—Аксаково—Прислониха. От всех частей была выслана пешая разведка, на флангах производились поиски кавалерийских разведчиков. С рассветом 9 сентября войска повели наступление 8-мью колоннами. Движение частей шло нормально. Только в районе д. Каменка-Ртищево пр-к оказал упорное сопротивление; части развернулись и выслали роты для охвата флангов сопротивляющегося пр-ка. Маневр прошел удачно и пр-к отступил, оставив убитых, раненых и пулеметы. К вечеру части до-

стигли рубежа: д.д. Крюковка—Каменка-Ртищево—Софьино—Опалиха—Юшанск.

10 сентября. С утра части повели дальнейшее наступление. Противник в этот день оказывал упорное сопротивление, и, лишь после обхода на правом фланге на д. Елшанка и Солд. Ташла и на левом фланге на Авдотьино—Михайловку, отошел на линию Бухтеевка—Ивановка—Тетюмское. Дальнейшего наступления пр-к не выдержал и стал в беспорядке отходить, бросая оружие, снаряжение и раненых. К вечеру 10 сентября уже была занята линия: Ключище—Охотничья—Арская Слобода.

Было дано наставление для взятия города: не задерживаться частям в городе слишком долго, а проходить и занимать указанные места; т. обр. у пр-ка отнималась возможность собрать разбитые части и перейти в контр-атаку. Было также указано, что всякое насилие и бесцельная жестокость над мирным населением могут дурно отразиться на отношении жителей к Красной армии. Заранее были назначены полки для охраны города и им дана соответствующая инструкция.

К вечеру же 10 сентября исполнил свою задачу и 5 Курский полк; ему было приказано: 8 сентября рано утром погрузиться на ст. Чуфарово в грузовые автомобили и к рассвету 9-го перебросится в с. Ст. Алчаши, имея отдых в д. Тенькова. В селе Алчаши оставить заслон, а главными силами на грузовиках двигаться на с. Начаткино, входя в связь с конницей Боревича. К вечеру 10 сентября занять д. Лапшевку и войти в подчинение Симбирской дивизии. Д. Лапшевка была занята 5 Курским полком к вечеру 10 сентября.

11 сентября наступление повелось более оживленно. Настроение солдат приподнялось. Близость города, паника среди частей пр-ка давала солдатам железной дивизии уверенность в том, что город будет взят. В этот день на всем фронте Симб. дивизии шел бой. Пр-к отходил, оказывая местами упорное сопротивление. К вечеру 3 дня части дивизии заняли следующую линию: Кременки—Белый Ключ—Вырыпаевка—Сельдинская—Мостовая—Лапшевка. Из солдатской слободы 5 батарея около 16 час. открыла огонь по северо-восточной окраине города и по западной. После удачных попаданий западная окраина загорелась. Чтобы не стягивать части в город ночью, было решено атаковать Симбирск 12 сентября с рассветом. Пр-к упорно удерживал натиск, но скоро покинул город, и наши части ворвались. В 12 час. 30 мин. гор. Симбирск был взят.

Таким образом операция против города продолжалась 3 с половиной дня. За это время часть прошли 70 верст, почти все ежедневно участвуя в боях.

На следующий день после взятия Симбирска обстановка сложилась следующим образом:

К утру 13 сентября почти все войска Симбирской железной дивизии втянулись в город. В связи с утомительными маневрами и боями предшествовавших дней наступила для солдат кажущаяся возможность несколько отдохнуть и привести себя в порядок. Полки начали было понемногу терять свою боеспособность; однако порядок был водворен; но положение Симбирской дивизии, овладевшей лишь правым берегом Волги, было далеко не безопасное, так как точных сведений об очищении от неприятеля всего правого берега не было. Естественно, возникало опасение, что пр-к, получив подкрепление, попытается отрезать город, высадившись или переправившись где-либо у Тетюш или у Сенгилея.

Противник стал проявлять себя, видимо желая перейти в наступление. В 14 час. 13 сентября начался обстрел города его артиллерийским огнем со стороны Часовни. Разведчики 2-го Симбирского полка пытались перебраться рано утром на левый берег Волги, но пр-к встретил их сильным пулеметным и ружейным огнем. Им удалось выяснить наличность окопов и пулеметных гнезд в д.д.: Карольчиха, Канава, Часовня. Тем не менее обстановка требовала продолжения наступления, чтобы, преследуя морально подавленного пр-ка, закрепиться на той стороне реки и обеспечить владение городом.

Вследствие всего изложенного, начдив Гая еще вечером 12 сентября, т.-е. в день занятия города, отдал приказ к-ру 2 бригады Недзвецкому возможно быстрее переправиться на левый берег Волги. Моста испортить пр-к не успел; попытка разведчиков перейти на тот берег кончилась неудачно; с утра 13 сентября был пущен по мосту бронированный поезд, который задержался из-за порчи в паровозе. Переправу решено было произвести в ночь с 13 на 14 сентября; даны следующие категорические приказания:

2 бригаде Симбирской дивизии немедленно собраться и сосредоточиться в районе моста, имея в голове 2-ой Симбирский полк с разведчиками; артиллерии начать пристрелку района д.д. Карольчиха, Канава, Часовня, чтобы ночью поддержать сильным огнем переправляющиеся наши части. Обозы направить к станции и начать погрузку, чтобы по овладении мостом сразу переправить по жел. дороге на ту сторону.

Впереди бронированного поезда приказано было пустить полным ходом пустой паровоз, чтобы проверить, не испорчен ли путь на левом берегу реки, и разбить броневой поезд пр-ка.

Кроме того к-ру 2 Симбирского полка приказано было приготовить баржи, разгрузив их, для переправы, приспособив буксирный пароход.

Была отправлена разведка в район д. Криуши для выяснения возможности переправы в этом районе. (В случае неудачи предполагалось форсировать Волгу у названной дер.).

К 24 час. сосредоточение колонн для переправы было закончено, в 1 час ночи подошел паровоз и бронированный поезд имени „Ленина“. В 1 час 10 м. пустой паровоз был пущен через мост, артиллерия открыла сильный огонь по указанному району, перенося его каждые 5 минут далее, вглубь расположения пр-ка. Когда по ходу паровоза выяснилось, что путь свободен, двинулся броневой поезд, а за ним 2-ой Симбирский полк во главе с командиром, комиссаром железной дивизии т. Лившицем, и начальствующими лицами. Пр-к открыл по мосту пулеметный огонь; обстрел моста облегчался тем, что еще днем неприятелю удалось зажечь снарядами 2 барки с нефтью, стоявшие близ моста. Яркое зарево освещало переправу и давало возможность пр-ку бить чуть ли не на выбор. Несмотря на потери, красноармейцы мужественно шли вперед. Разведчики, переправившиеся первыми, завязали ожесточенный бой с пр-ком, который, не выдержав, наконец, стремительности напора, бросился бежать. Удвоив энергию, полки бросились вперед и овладели огромным количеством орудий, пулеметов и другим имуществом. К 14 сентября район левобережных деревень был очищен от неприятеля и наши части выдвинулись на восточную опушку леса, выслав впереди себя разведку и охранение флангов.

15 сентября была уже занята ст. Чердаклы. На правом берегу Витебский полк, преследуя пр-ка.

17 сентября занял город Сенгилей, а 1 Пензенский—Терешгу—Тумкино—Собакино.

В районе Бугульминской ж. д. пр-к снова начал сосредоточивать свои силы и перешел в наступление на наши позиции у ст. Чердаклы; наши части 22 сентября вынуждены были отойти на линию Красный-Яр—Сосновка, а 23—отошли на правый берег Волги. Положение становилось серьезным и решено было окончательно ликвидировать этот временный успех пр-ка и твердо закрепиться на левом берегу. 24 сентября снова был отдан приказ о переправе на тот берег; подошли по Волге части 5 армии (1 и 6 Латышские полки, 6 номерной Петроградский и 2 Москов. п. и 3 легких батареи), которые на пароходах были направлены к югу от Симбирска, высадились в районе д. Красный-Яр; им было приказано ударить со фланг пр-ку, ведя наступление на Петровское—Сучья. В то же время другой десант был направлен по Волге к северу от Симбирска и высажен в районе д. Головкино; задача—энергично наступать через Ясачное—Урейкино на ст. Бряндино и отрезать пр-ку путь отступления. Благодаря этим двум удачным маневрам, пр-к был обойден с двух сторон и, вынужден отступить; войска заняли ст. Бряндино и окончательно закрепились на левом берегу Волги. Вскоре части 5-ой армии сменили Симбирскую железную дивизию, которая стала двигаться к югу для выполнения новой задачи.

V.

После взятия Симбирска очередной задачей являлось: разбить и обеспечить успех под Симбирском—освободить весь правый берег Волги от пр-ка: для этого требовалось овладеть Сызранью, что и было блестяще выполнено к 3 октября.

Сызранская операция подробно описана в ст. тов. Стоянова, к которой мы и отсылаем читателя.

После взятия Сызрани 7 октября Симбирской дивизией был взят г. Ставрополь и занята линия: Рязань—ст. Рязань—Жегули—Ставрополь. Началась подготовка движения на Самару. 4 армия наступала на Самару с юга—6 октября была занята ст. Сретенская и велось наступление на Воскресенское.

8 октября рабочие г. Самары восстали против белых и изгнали их из города. Того же числа вступили в город части 4 армии, а четыре часа спустя части 1 армии.

Так завершилось полное очищение правого берега Волги от пр-ка; вся Волга теперь была в руках Советской власти; началась сквозная навигация и усиленно стали перевозить грузы до замерзания реки.

VI.

Почти одновременно со взятием Самары частями 5 армии была взята Бугульма; в связи с этим I армии было приказано наступать на Бугуруслан; с занятием последнего должен открыться сквозной железнодорожный путь Симбирск—Бугульма—Бугуруслан, что парализовало вред, причиненный взрывом Александровского моста; выход на линию Бугуруслан решал участь Уфы, помогая группе 5 армии, оперировавшей в районе Бугульмы.

Во исполнение задачи 4 армия, окончив сосредоточение восточнее Самары, 15 октября перешла в наступление и 18 числа того же месяца достигла линии Анзамасовка—Пустоваловка—Егорьевка—Тростянка—Черновка. В виду отступления на левом фланге Самарской дивизии 4 армии, конница I армии для обеспечения заняла Богатовку.

Продвижение вперед продолжалось успешно; 20 октября правый фланг был на линии: Неплюевка—Кохановка—Кожемякино—Алтуховка; на левом фланге Инзенская дивизия заняла Сергиевск; движение продолжалось безостановочно; пр-к отступал и 25 октября взят Бугуруслан. Под этим городом удачным маневром на ст. Похвистнево были отрезаны 3 эшелона чехов, которые были вынуждены оставить вагоны (свои эшелоны они зажгли) и бежать на восток, неся большие потери.

Правый фланг армии, а именно Симбирская дивизия двигалась на Бузулук и заняла его в конце октября.

С выходом армии на линию Бугуруслан—Бузулук являлось естественным дальнейшее наступление на Уфу; был дан приказ из штаба фронта начать эту операцию совместно с 5 армией, поддерживая последнюю с ее правого фланга. Симбирской дивизии приказано помогать боевыми действиями 4 армии.

По взятии указанных городов расположение дивизий армии было следующее: Симбирская железная в районе Бузулук, Пензенская и Инзенская в районе Бугуруслана.

Фронт Симбирской дивизии был следующий: правый фланг по реке Бузулук на линии д.д. Кретовка—Федоровка—Кутум—Курманаево—Петровка—Лобазы; далее Обуховка—Никифоровка—ст. Тепловка—Н. Тепловка—Ероховка—Ключи—Сергиевское (Жилино)—Дурановка (Озеры)—Александровка (Поповка). Дивизия двинулась вперед, при чем сопротивления не встречала; лишь 8 ноября начались столкновения в районе Тоцкая, при чем пр-к с большими потерями был отброшен; захвачены орудия, пленные, лошади. Продвижение продолжалось и к 20 ноября дивизия была в следующих районах: 1 бригада в составе Корачевского, Витебского, Симбирского полков и 5 и 6 батарей—д.д. Ковыляевка—Приютная—Марковка—Мевежкина—Павло-Антоновка—Тихоновка.

2 бригада в составе полков Московского, Крестьянского, Курского, отдельного эскадрона и 3-х батарей—в деревнях Сорочинское, Николаевка-Никольское.

Левый фланг занимал интернациональный полк и мелкие части дивизии. 3-ей бригаде, занимавшей район Сорабакино—Янково, приказано было двинуться походным порядком на ст. Сарай-Гир (по жел. дороге от Бугуруслана на Уфу) для поддержки Пензенской дивизии.

Пензенская и Инзенская дивизии стали готовиться к очередной задаче; поддерживая движение 5-ой армии на Уфу, необходимо было занять *Белебей*. На Белебей пришлось бросить только Пензенскую дивизию, т. к. Инзенскую приказано перебросить на южный фронт. Завершить операции (взятие Белебея) предполагалось к 16 ноября.

Но в это время пр-к стал наступать на правый фланг 5-ой армии и стал накапливаться против центра той же армии; для того, чтобы облегчить ее положение, приказано энергично наступать на Белебей, обойти правым флангом пр-ка, овладев Белебеем ранее указанного срока (16 ноября).

4 ноября Пензенская дивизия уже находилась в движении, столкновений пока не было, при чем части последовательно занимали рубежи: Х. Косарева—Х. Войцеховский—Мукменево (6 ноября); Х. Рязанский—Тарханово—Воскресенка—Иванова (Кармала)—Алексеевка (Зерикло)—Степановка (7 ноября) и 8 ноября

ОБЩАЯ СХЕМА ДЕЙСТВИЙ 1ой АРМИИ

Чиркова
Шумовка
Вырки
Бояма
Брандино
Липяевка
Тетюшское
СИМБИРСК
Мелекес
Степ
Тенево
Токмакла
Суранчева
Сергиевск
Ключи
Ст. Сосны
Сок-Карнула
Богатырь
Уренская
Малай
Охлажинка
Ключищи
Кротинки
Турнеево
Никитина
Давыдкино
Ново-Обошня
Кудрино
Знаменка
Таныкино
Чегал
Тат. кондыр
Покровское
Яковлева
Васильевка
Ялангачева
Белебей
Петр. отдел.
Самар. отдел.
Ляпенкова
Отемное
Почовка
Белый Яр
Рязаново
Анненское
Филипповка
Кириловка
СЕНГИЛЕЙ
Сенгил. группа
Ташелка
Ставроп. группа
Мусорка
Узюково
Красное посел.
Алексеевка
Кандаулы
Минер. Воды
Н. Орлянка
ЧЕРТИЕВСК
Кабельно
Черновка
Ст. Бурун
Коринтовка
Ст. Бинарадка
Красный Яр
Кирилловка
Григорьевка
БУГУРУСЛАН
Сарайлыр
Чертаговка
Теневка
Ягодное
Н. Тукшум
Вадимовка
Кирилловка
Сабаевское
Ширайкино
Фроловка
Никулино
Никольское
Кулымаровка
Богоявленское
Емельяновка
Наталькино
Никольское
Дворянское
Горюши
Жиза
СТАВРОПОЛЬ
Вольск
Жигули
Ст. Рязань
Бодячино
Ивановское
Шиловка
Николаевское
САМАРА
Ст. Сосновка
Бобровка
Мочинское
Сергиевское
Арбузовка
Борское
Мочка
Переполовенское
Васильевка
Покровское
Каменный Брод
Тимовка
Дубовый Умет
Лопатино
Елшанка
Кашкин
Кузнецк
Канадей
Покровское
Спасское
Кирюшкино
Зеленовка
Кулунжа
Елшанка
Колояр
Кузьм. Поселок
Тушкино
ВОЛЬСК
Долга
Хворостянка
Озерецкое
Студенец
Ивановка
Вязовка
Николаевское
Ивинтеева
Таволжанка
ПУГАЧЕВ
Чапурник
Ломовка
Умет-Караульский
Лишаева
Н. Россошинный
Домашка
Ст. Погромная
Любезы
Архангельское
БУЗУЛУК
Тоцкое
Сорочинское
Ефимовка
Любимовка
Баришина
Б. Ремизяка
Емангильдина
Беловерская
Земляная
Тамлинский
Озерный
Соболевская
Ивановка
Ст. Самар. Бугульм.
Ст. Самар. Бугульм.
Ст. Самар. Бугульм.

уже достигли линии: Сарай-Гир—Зерикло—Тирис—Усмановка—Старая.

9 ноября пр-к перешел в наступление против 5-ой армии и на фронте Пензенской дивизии; преодолев наступление и сопротивление неприятеля, 12 ноября части достигли линии деревень: Ниж. Курмей—Каменка—Емелькино—Васильевка (Сара-Гир)—Абдиллино—Яковлевка—Исламбахтино—Абдулино (Тарказы).

Пр-к продолжал получать подкрепления и на левом фланге сбил наши части с позиции у села Ново-Троицкого. В центре также происходили упорные бои, Абдиллино 2 раза переходило из рук в руки. Упорные бои начались также и на фронте 5-ой армии, и являлась настоятельная необходимость сломить упорство врага. Но силы пр-ка все прибывали (на Исаяково, занятое нами 14 ноября, наступало более 3000 чел. с тяжелой и легкой артиллерией), наступление его продолжалось, и 15 ноября дивизия отошла на д.д. Камыш—Садак—Радовка—Новаткино—Артемьевка—Захарьино.

Чтобы облегчить тяжелое положение Пензенской дивизии, были приняты следующие меры: 1) командарм просил 5-армию о поддержке нашего левого фланга; 2) взят на поддержку от грузившейся Инзенской дивизии 1 полк (Саранский) с батареей и направлен по железной дороге на ст. Сарай-Гир, а оттуда в обход пр-ка по направлению: Тирис—Усмановка—Старая—Андреевка—Степановка (Суммея)—Чегалы; 3) третью бригаду Симбирской дивизии приказано сменить армейским резервом из Бузулука и направить на Сарай-Гир, где она должна поступить в распоряжение начальника Пензенской дивизии.

Саранский полк прибыл 19 ноября и направился по указанному маршруту; 3-я бригада Симбирской див. к 22 ноября уже была на правом фланге Пензенской дивизии, где и заняла позиции.

Положение после этой перегруппировки было следующее: 3-я бригада Симбирской дивизии—Егорьевка—Камыш—Садак; 1-я бригада Пензенской дивизии—Камыш—Садак—Радовка—Новаткино; 2-я бригада Пензенской див.—Артемьевка—Захаркино—Чегалы.

Общее руководство всеми этими частями для нового наступления на Белебей принято начальником Симбирской дивизии тов. Гай.

Для обеспечения операции на Белебей командарм просил 5-ю армию занять к 26 ноября район д. Заптово; войскам белебеевской группы приказано было перейти в энергичное наступление, выслав для содействия продвижению 5-й армии сильный отряд на Николкино (Албан)—Н. Шалты для действий во фланг и тыл пр-ка. По сведениям разведки в 60 вер. юго-восточнее Богородское (Пономарево) находились конные части пр-ка, и поэтому в этом направлении приказано было выставить заслон.

5-я армия опять должна была содействовать этому наступлению, не давая пр-ку перебрасывать свои силы на Белебеевское направление.

Наше наступление началось и с 24 ноября части группы вышли на линию: Васильевка—Емелькина—Васильевка (Сарай-Гир)—Абдулино—Чегалы—Петровка; 26 ноября войска были уже в 30 вер. от Белебея; наступление совершалось при неблагоприятных условиях: свирепствовали снежные бури; морозы доходили до 25°.

28 ноября 1-я бригада Пензенской дивизии взяла г. Белебей. Разбитый пр-к стал сосредоточиваться у ст. Глуховской, которая была занята 1 Пензенским полком 30 ноября.

Продвижение 5-й армии шло медленно; пр-к воспользовался этим, перебросил с Бугульминского направления значительные силы и атаковал Белебеевскую группу с двух флангов: со стороны Тузлукуш и со стороны Слок и Ивановка. 3 декабря нашими войсками был оставлен Белебей. В последующие дни пр-к продолжал атаковать наши части на всем фронте группы и прорвался 6 декабря на ст. Талды—Булак; 7 дек., получив подкрепление, продолжал наступать; наше командование старается вывести войска из-под ударов превосходных сил пр-ка, чтобы сорганизовать крепкий фронт, и 8 декабря отводит их на линию: Исякаева—Исламбахтина—Яковлевка—Ново-Троицкое—Чегалы—Петровка.

На Оренбургском направлении не произошло ничего существенного: стычки сторожевых частей и разведка. 1—2 декабря пр-к ударил на наш правый фланг, потеснил его, заняв ряд хуторов; 3 дек. наступление его было ликвидировано; в следующие дни происходили бои местного значения (пр-к наступал на отдельные расположения наших частей и был отбиваем). К 7 декабря положение на фронте Симбирской дивизии было следующее: 1 бригада—Ковыляевка—Романовка—Покровка—Михайловка и 2 бригада: район Алексеевка—Бурдыгино—Кодяковка—Малаховка—Киселевка.

Пр-к продолжал наступать упорнее; эти попытки продолжались до конца декабря; но дивизия оставалась почти на месте до начала решительного наступления на Оренбург.

16 дек. Белебей был захвачен отрядом Ц. Н. К., разбившим вторе сильнейшего пр-ка; пр-к, видимо, не мог держаться более, и продвижение продолжается без особых препятствий: 29 дек. Смоленский полк занял гор. Сгерлитамак, после чего I армия стала готовиться к наступлению на Оренбург.

А. Гавронский.

Сызранская операция, проведенная 1-ой Рев. армией Восточного фронта.

Состав 1 Рев. армии Восточного фронта.

Командующий армией—т. Тухачевский (Михаил Ник.).

Симбирская дивизия. Начальник дивизии—т. Гай.

Состав к 8 сентября (период формирования и организации армии):

Пехота.

полки.		стр.	пул.	
1-ый	Симбирский	570	22	
2-ой		442	22	
3-ий	Витебский	550	20	(придан из Инзенской дивизии).
4-ый	Московский	319	13	(бригада из Курска).
5-ый	Курский	500	8	
6-ой	Интернациональн.	180	—	
1-ый	Курский	500	7	
	Крестьянский	850	—	
	Орловский	1280	25	(придан из Пензенской дивизии).

Артиллерия.

3-я Симбирская артиллерийская бригада	19 оруд.
Зенитная батарея	2 оруд.
Броневой поезд имени тов. Ленина	

Кавалерия.

1-ый Симбирский эскадрон	83 сабли.
Отдельный драгунский эскадрон	80 сабель.
1-ый и 3-ий эскадроны Карачевского кавалерийского полка	120 сабель.

Всего: 5191 стр., 117 пул., 21 орудие, 283 сабли.

Пензенская дивизия—начдив. тов. Воздвиженский.

Пехота.

2-ой Петроградский Морской п.	605	стр. 11	пул.
Смоленский полк	397	„ 21	„
Пензенский „	1200	„ 17	„
Иващенский Коммунистический отряд	61	„ —	„
Подрывная команда	21	„ —	„

Артиллерия.

Петроградская батарея	1 орудие.
Орловская батарея (2-ая)	4 орудия.
Вяземская батарея	3 орудия.
Брянский блиндированный поезд	

Кавалерия.

Сызранский кавалерийск. отряд 46 сабель, 2 пул.

Всего: 2284 стр., 51 пул., 8 оруд. 46 сабель.

Инзенская дивизия—начдив. тов. Лацис.

Пехота.

6-ой Мценский полк	517	стр. 17	пул.
1-ый Украино-Белорусский полк	314	„ 22	„
Кромский полк	737	„ 14	„
Боевой отряд В. Ч. К.	200	—	
Сызранский отряд	29	„ 1	„
Саперно-подрывная команда	40	„ 1	„

Артиллерия.

4-ая Орловская батарея	4 орудия.
7-ая Курская батарея	4 „
2-ая Ардатовская 6-дюймовая гаубичная батарея	2 „

Кавалерия.

2-ой эскадрон Карачевского полка 100 сабель.

Всего: 1837 стр., 55 пул., 10 орудий, 100 сабель.

Вольская дивизия, действовавшая в районе Хвалынска, в состав 1 армии не входила. В Сызранской же операции она была придана 1 армии.

Состав дивизии—начдив. тов. Гаврилов.

Всего: 2350 стр., 40 пул. 12 орудий, 300 сабель.

Непосредственное участие в занятии гор. Сызрани принимали упомянутые дивизии 1-ой Революционной армии.

Пензенская дивизия продвигалась вдоль жел. дороги Кузнецк—Сызрань, с запада на восток. Инзенская дивизия—вдоль жел. дор. Инза—Сызрань с с.-з. на ю.-в. Вольская дивизия—от Хвалынска, с юга на север. Эти три дивизии составляли правую группу со штабом ее при Пензенской дивизии — гор. Кузнецк, затем село Прасковьино, Новоспасское. Начальник группы — тов. Энгельгардт. Симбирская Железная дивизия своим правым флангом (Пензенский полк, взятый из Пензенской дивизии) оперировала по путям с с. на ю. на город Сызрань и составляла левый фланг армии.

Силы противника. Какими частями располагал противник во время Сызранской операции и какого состава, точных сведений не имелось. Силы противника на каждом боевом участке определялись приблизительно по данным агентурной разведки или по словам перебежчиков.

Характер местности.

Район Сызранской операции по характеру местности представляет собой:

1) Участок заключенный между полотном жел. дор. Инза—Сызрань и р. Волгой; 2) участок между полотном жел. дор. Инза — Сызрань и р. Томашевкой, текущей параллельно жел. дор., начиная со ст. Волынщина и до пересечения с полотном жел. дороги Кузнецк — Сызрань и дер. Коптевка. Линия жел. дороги Инза—Сызрань идет по водоразделу направлений на в. к р. Волге и на з. к р. Томашевке; 3) участок линии жел. дор. Кузнецк — Сызрань. Полотно этой дороги идет по долине (тальвегу) р. Сызрань от ст. Канадей до с. Коптевка у слияния рек: Сызрани и Томашевки и далее по склонам левого берега р. Сызранки; 4) участок к югу от жел. дороги Кузнецк—Сызрань до реки Волги.

Первый участок — местность равнинная, лесистая, прорезанная глубокими оврагами, крайне затрудняющими маневрирование больших кавалерийских и артиллерийских частей. Второй участок также лесистый и равнинный, разрезан рядом мелких ручейков, притоков р. Томашевки; к этим ручейкам спускается большое количество очень глубоких оврагов со множеством разветвлений, в общем трудно проходимых даже для пехоты. Плато, образующиеся между ручьями, представляют собой ряд удобных опорных линий обороны, крайне затрудняющих продвижение наступающего. Более равнинный и удобный район для маневрирования — это местность, по которой идет полотно жел. дороги Инза—Сызрань. Третий участок—долина (тальвег) р. Сызрани и, по слиянии ее с рекой Томашевкой, реки Сызранки. Участок этот лесистый, пересеченный также оврагами перпендикулярно направлению течения реки Сызрани; он представляет ряд гребней, удобных для обороны. Четвертый участок — правый берег Волги, возвышенный, переходящий в весьма гористую местность, покрытую густой сетью оврагов. Р. Терешка, протекая с запада на восток, круто повертывает на ю.-з. у дер. Лебежайки, не доходя до р. Волги, и является таким образом серьезной преградой для движения на Сызрань с юга. Но это направление на Сызрань, с юга, имеет ряд дорог, способствующих продвижению войск.

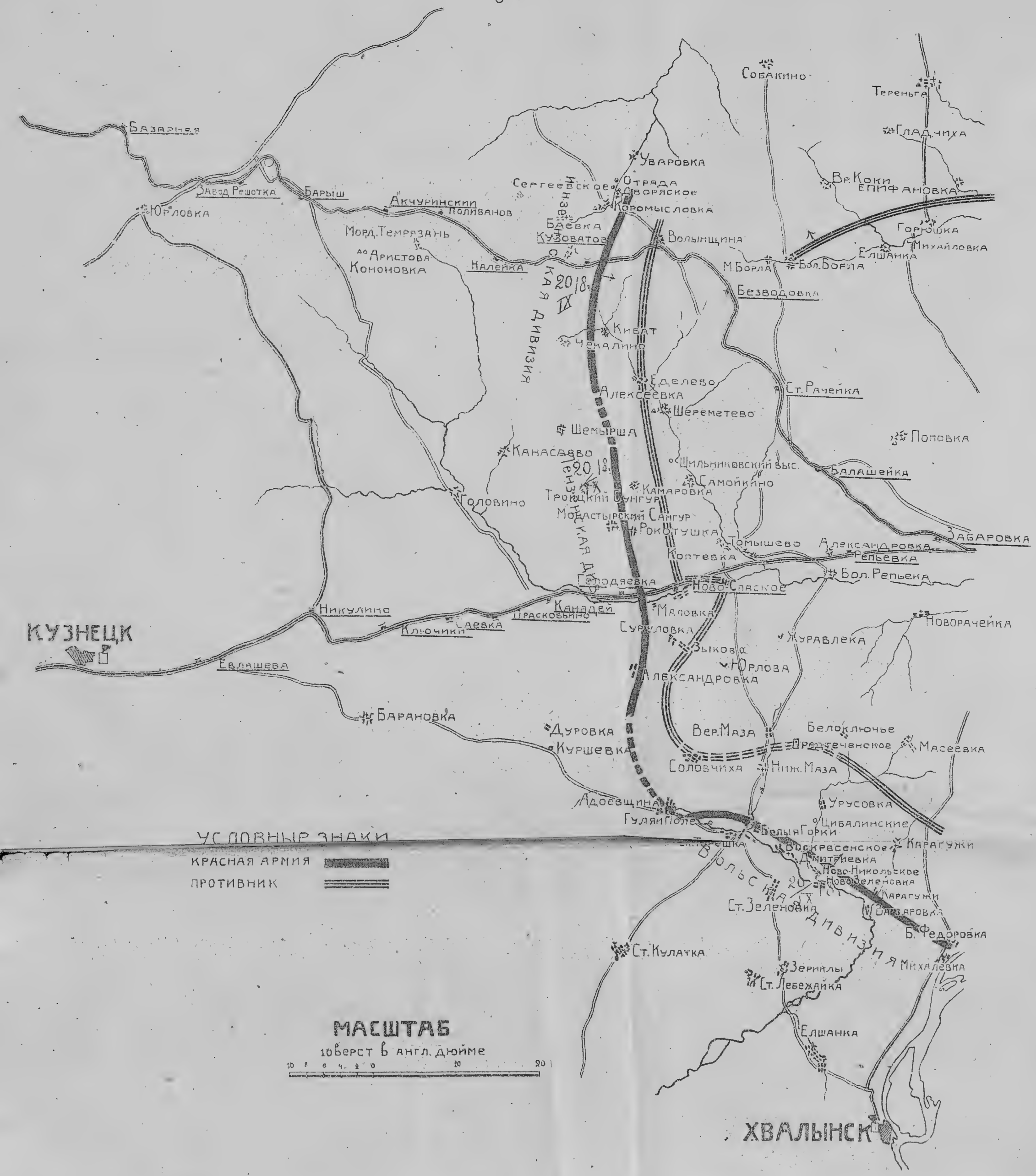
Наконец, характер ближайших подступов к городу Сызрани со всех направлений весьма благоприятствует наступающему, который будет продвигаться, пользуясь природным уклоном всего района к р. Волге и города Сызрани.

После стремительного и героического удара Симбирской Железной дивизии и блестящей работы ее артиллерии 12 сентября в 12 ч. 30 м. гор. Симбирск был взят. Командующий армией, пользуясь замешательством и беспорядочным отступлением противника, приказом от 12-го же сентября поставил армии задачу—развить и обеспечить симбирский успех, подготовить операцию за обладание городом Сызранью и таким

СХЕМА

К СЫЗРАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ В СЕНТЯБРЕ 1918 Г.

№ 1.



УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

КРАСНАЯ АРМИЯ

ПРОТИВНИК

МАСШТАБ

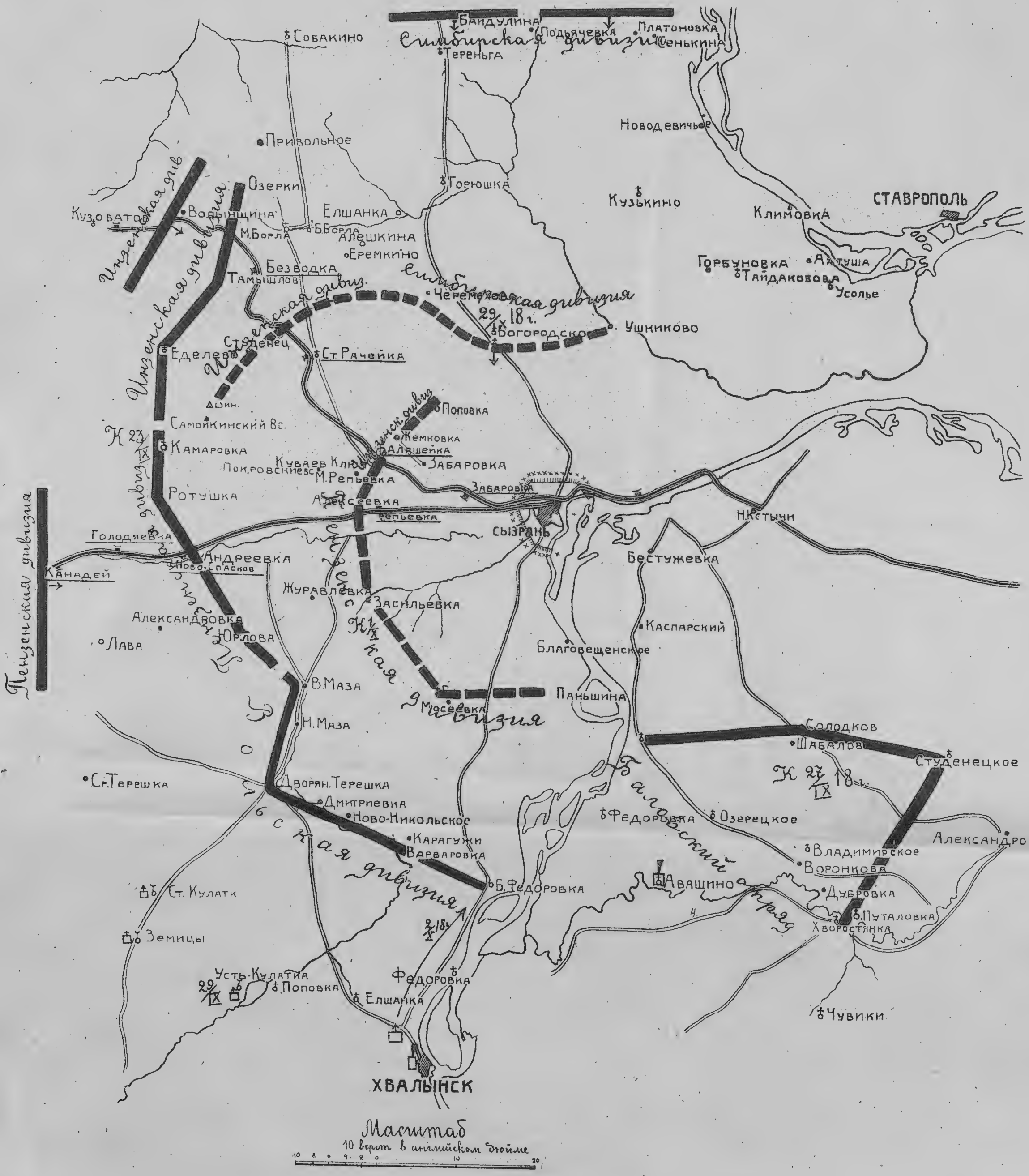
10 верст в англ. дюйме

10 8 6 4 2 0 10 20

СХЕМА

К СЫЗРАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ В СЕНТЯБРЕ 1918 г.

№ 2.



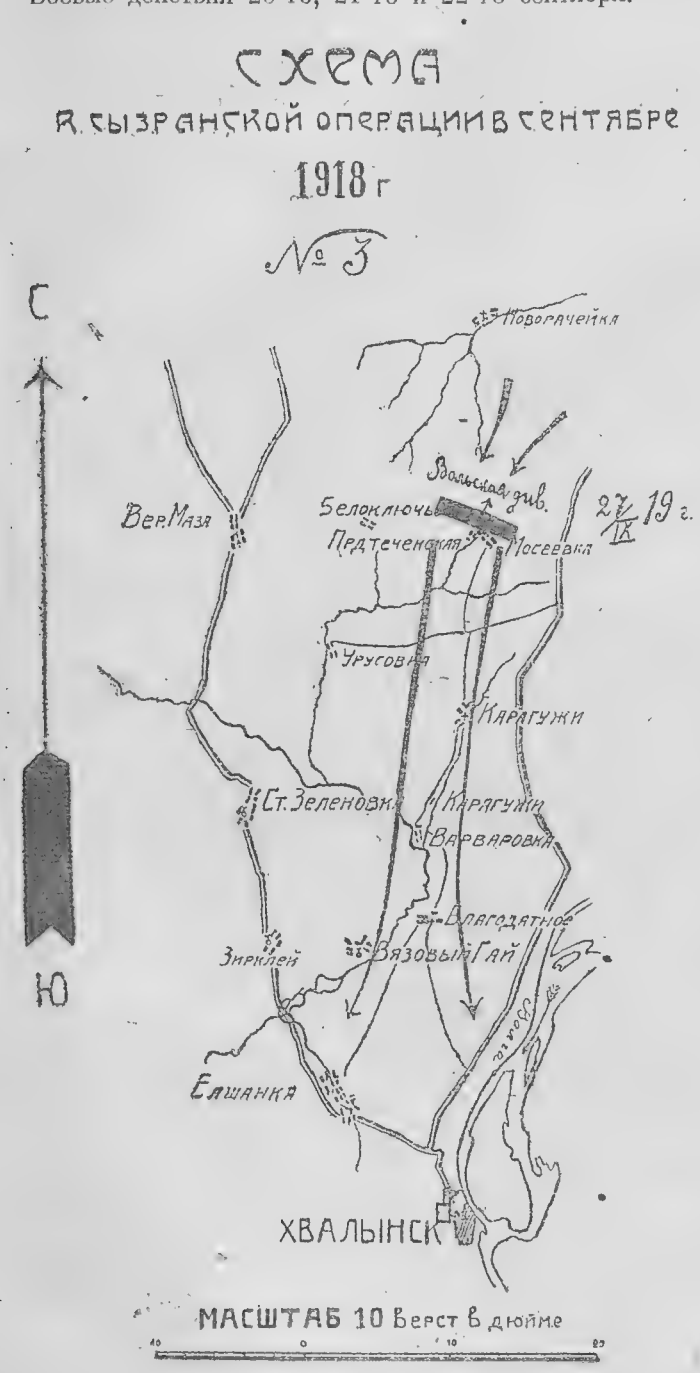
Масштаб

10 верст в английском дюйме

образом освободить весь правый берег Волги на участке армии.

В развитие этого приказа части правой группы имели ряд боев, приведших к непосредственному занятию г. Сызрани.

Боевые действия 20-го, 21-го и 22-го сентября.



Расположение противника. Против нашего правого участка противник занимает позиции к востоку от станции Ново-Спасское, к югу от нее в районе дер. Куршевка (и к северу, в районе винных заводов). Численность частей противника по данным агентурной разведки около 1800 чел.

Против среднего участка армии противник занимает район дер. Волынщина и ст. Рачейка, около 1500 чел.

Против левого участка, по занятии нами гор. Симбирска, противник отошел на восток к ст. Мелекес и в южном направлении к гор. Сызрани, заняв линию: Новодевичье, Горюшки, Большая Борла.

Комгруп т. Энгельгардт 20/IX прибыл в г. Кузнецк, вступил в командование правой группой и доносит, что противник укрепляет свои позиции проволокой и с бронированного поезда обстреливает наше расположение. Т. Энгельгардт надеется еще 21 сентября занять с боем линию: Благовещенское — Васильевка — Коптевка—Алексеевка—Рачейка.

22 сентября. Части правой группы перешли в решительное наступление на фронте: Поляновка—Предтеченское—Юрловка — Темышево — Еделево — Томилово — Волынщина, при чем части *Инзенской дивизии* пройдя Кузоватово, заняли с боем с. Волынщину, потеряв одного убитым.

После упорных боев в районе ст. Безводовка—Студенец—Борла захвачены 1 бронированная площадка, 2 вагона со снарядами, 5 паровозов и 100 вагонов.

На участке *Пензенской дивизии* около 8 часов наш бронированный поезд наткнулся на бронированный поезд противника, выпустил 20 снарядов, чем и принудил противника отойти, но преследовать его не мог, в виду недостатка воды на паровозе. К 3 часам, заняв д. Александровку, части дивизии двинулись на д. Юрлово, что к ю.-в. от с. Ново-Спасское, далее на д. Журавлевские и, по занятии д. Рокотушки, на д. Томашево, что с.-в. с. Ново-Спасское, выставив в самой деревне заставу. К 17 часам они заняли д. Самойкино и продолжили движение на д. Томашево, к югу от д. Самойкино, Ляховские Выселки, к северу от д. Коптевки.

На участке *Вольской дивизии* противник повел наступление превосходными силами и оттеснил правый фланг дивизии к д. Карагужи. Но точных сведений относительно этого участка не поступало; поэтому комгруппп особенно просит командарма в целях обеспечения правого фланга группы ускорить наступление Симбирской дивизии и уведомить его о положении дел на этом участке. По сведениям, полученным позднее от Вольской дивизии, видно было, что на правом фланге группы операция проходит успешно: заняты д.д. Мосеевка, Ноянова, и наши части продвигаются на д. Каликур, при чем одна рота противника сдалась в плен целиком.

К этому времени т. Энгельгардт определял фронт группы: Маза—Журавлевские—Коптевка—ст. Рачейка.

К вечеру 23 сентября части правой группы т. Энгельгардта занимали приблизительно линию: Карагужи—Белаключье—Журавлевские — Самокино — Еделево—Озерки. Окончательно заняты:—*Инзенской дивизией*—Еделево, Волынщина, Озерки; *Пензенской дивизией* — Александровка, Юрлово, Верхнее Мазаново, Спасское, Томашево; с *Вольской дивизией* комгруппп временно теряет связь; поэтому донесения поступают очень неправильно и обстановка для него к вечеру 23 сентября являлась не вполне ясной. Он делает усилие к восстановлению связи и просит о высылке в г. Хвалынск каких-либо частей на поддержку Вольской дивизии.

В виду постоянного передвижения частей дивизии *связь* между ними и штабом комгрупп и армии часто терялась, чему способствовали также: порча проводов противником, умышленная порча их мирным населением и отсутствие должного количества технических средств.

Кроме того, штабы, переходя на новые места, не обеспечивали заранее связь даже со штабом армии.

Поэтому распоряжения не всегда доходили до частей своевременно, а донесения от них либо отсутствовали, либо приходили с опозданием, что крайне затрудняло управление и руководство частями.

Многие из начальников не лишены были порыва и стремления вперед, почему и опережали в своих действиях главного руководителя.

23 сентября последовал приказ по армии, выдержки из которого приводим:

Приказ № 8

1-ой Восточной Революционной армии.

(Карта 10 верст в дюйме).

Штарм. (23 сентября 1918 г.)
Пайгарм. 24 часа „ “ мин.

§ 1.

Сведения о неприятеле: на правом фланге армии противник, не принимая боя, под давлением наших войск отходит на Сызрань. Против участков Пензенской и Инзенской дивизий сведения о неприятеле остались прежние (см. приказ № 7).

А этот приказ № 7 гласит: против нашего правого Пензенской дивизии) участок противник занимает позиции к востоку от ст. Н во-Спасское, к югу от нее в районе д. Куриловка и к северу в районе винных заводов, всего по данным агентурной разведки около 18 0 чел.

Против среднего участка (Инзенской дивизии) — дер. Ключище, Арская слобода, Баратаевка, Шумовка около 1200 чел.

На фронте Симбирской дивизии противник отходит на Мелекес.

§ 2.

Сведения о своих и соседних войсках: правый фланг — Вольская дивизия занимает участок: Хвалынск—Белая Гора. Пензенская и Инзенская дивизии на прежних позициях, т.-е. занимаемых к 23 сентября.

Симбирская дивизия наступает от Симбирска на юг и на восток. Справа 4-ая армия продвигается на север по левому берегу Волги. Слева 5-ая армия заняла Лапшев—Спасск и продвигается к юго-востоку.

§ 3.

Вверенной мне армии приказываю окружить и взять Сызрань, для чего:

А. Группа южных дивизий. Комгрупп тов. Энгельгардт. Состав: *Вольская дивизия.* 2350 шт., 40 пул., 12 ор., 300 саб.	Атакует Сызрань по обоим берегам и с запада. К вечеру 24 сентября занимает исходное положение: Большая Федоровка, Урусовка, Дворянская Терешка, Ново-Спасское, Еделево и Томылово.
Пензенская дивизия. 2000 шт., 35 пул., 8 ор., 46 саб.	К вечеру 25 сентября, отбросив противника, занимает положение: Семеновский (Митриевка), Паншино, Наяновская, Васильевка, Большая Репьевка, Ключовка, Жемковка.
Инзенская дивизия. 2300 шт., 55 пул., 8 ор., 100 саб.	К вечеру 26 сентября занимает исходное положение для атаки гор. Сызрань и с рассветом 27 сентября атакует город.
Авиотряд: 6 самолетов.	
Батальон связи, 1 кабельное отделение.	
Волжская флотилия.	
Всего: 6650 винт., 446 саб., 130 пул., 28 ор., 6 сам.	

а) Правый фланг группы:	Дыховницкое, Урусовка, Спасское, Бестужево, Н.-Костычи включительно.
б) Левый фланг группы:	Валуевка, Трубетчино, Озерки, М. Борлы, Жемковка, Заборовка, переезд через Сыз.-Вя. ж. дор. т. акта Сызрань—Симбирск включительно.

По занятии города все части, кроме гарнизона, вывести за город и двигаться для занятия участка Н.-Костычи—Правая Волга.

Б. Северная группа. Начгрупп тов. Гая. Штаб дивизии г. Симбирск. Симбирская Жел. дивизия. Состав: 6671 шт., 125 пул., 31 орудие, 263 сабл.	Атакует Сызрань с севера и отрезает пути отступления противнику. К вечеру 24 сентября занимает положение: Большая Борла—Горюшка. К вечеру 25 сентября достигает рубежа: Поповка—Требетчино—Степная—Губино. Сильным боевым отрядом занимает Усолье. К вечеру 26 сентября занимает участок Волги, Сызрань—Правая Волга и прочно укрепляется на ж.-дор. мосту, построив по обоим берегам предмостные укрепления. Утром 27 сентября занимает Н. Костычи до смены частями правой группы дивизии.
а) Правый фланг дивизии.	Левый фланг южной группы исключительно.
б) Левый фланг дивизии.	Левый берег Волги. Усолье — Львовка — Печерское — Никольское включительно.

Оставить гарнизоны в Симбирске, в Сенгилее, в Белом Яре, в Хрящеве и в Новодевичье.

§ 4.

Командующий армией М. Тухачевский.
Начальник штаба армии Корицкий.
Политический комиссар армии Калнин.
Начальник полевого управления армии.

При этом 23 сентября командарм Тухачевский телеграммой уведомляет комгруппа Энгельгардта, что Пензенский полк займет 24 сентября исходное положение, и приказывает 25 сентября начать наступление.

24 сентября части *Пензенской* дивизии имели упорный бой в районе ст. Коптевка. Бронированный поезд противника и пехота оказывали упорное сопротивление нашим частям, но вынуждены были отойти. Мы захватили 2 орудийных передка, 2 телеф. аппарата и 12 лошадей. Сведений за этот день от *Вольской* и *Инзенской* дивизий не поступало. Общее положение неопределенно.

25 сентября утром частями Мценского полка занята ст. Рачейка и д. Лобановка. Захвачено: 1 зарядный ящик со снарядами, 2 кухни и несколько тысяч ружейных патронов.

В течение дня противник вел упорные контр-атаки на участки к в. от д. Коптевка, но был с потерями отбит. Нами захвачены пленные Кузнецкого добровольческого батальона и 2 пулемета; на остальных участках поиски разведчиков. Комгрупп Энгельгардт настаивает для общего успеха на необходимости выбить противника днем 26 сентября из района д. Горюшка частями *Симбирской* дивизии.

26 сентября тов. Энгельгардт предлагает нанести противнику ряд комбинированных ударов в районе Предтеченское — Ключевка—ст. Балашейка. Он вновь просит об очищении от противника района Елшанка—

Михайловка; при этом доносит штарму 1-ой, что 2-ой Пензенский полк (Симбирской дивизии) (со слов комиссара инзенской дивизии) отказывается подчиняться приказаниям политкомарм'а тов. Калнина. По сведениям агента контр-разведки, в д. Горюшка—300 белых с 6 орудиями. Бой у Балашейки предположено начать к 14 часам.

Нельзя не обратить внимания на донесение начальника штаба Инзенской дивизии то. Максимова комгрупп'у наштарм'у и политкомарм'ам, тт. Медведеву и Калнину, о невыполнении 2-ым Пензенским полком Симбирской дивизии возложенной на него задачи, согласно приказа по Инзенской дивизии № 20, подписанного поли комарм'ом, т. Калниным. Командир упомянутого пол а запретил произвести ука анное при азом движение, а из Симбирской дивизии наштадив'у Максимову была прислана телеграмма с подписью. «За старшего ад'ютанта Хованович» с просьбой не трудиться впредь отдавать приказы полкам Симбирской дивизии. Тов. Максимов, донося о происшедшем, говорит: «прошу произвести по сему делу расследование для внушения кому следует азбучных истин в стратегии и истинного порядка субординации, требующих одновременно твердости в тактике и ясности в логических требованиях дисциплины».

26 сентября по всей линии группы шли упорные бои, при чем были заняты Новорачейка, Б. Репьевка, Ключевка, ст. Репьевка, Балашейка.

27 сентября под давлением частей Инзенской дивизии, взявших с боем д. Елшанку, части противника из д. Горюшки отступили на Троицкое. Утром же занята ст. Балашейка. Все части дивизии находились в движении по всему фронту: Лобановка — Елшанка. Штаб 4-ой армии доводит до сведения наштарм'а 1-ой.

1) В районе Федоровка—Озерецкое [1]) действует Балаковский отряд, которому отдано распоряжение с 22 час. 27 сентября перейти в распоряжение команарм'а 1; 2) начальником группы назначен тов. Шкарбанов со штабом в д. Абашино; 3) состав отряда—1334 штыка, 8 пулеметов, 4 легких орудия, 2 гаубицы и 180 сабель; 4) телефонной и телеграфной линии нет и связь поддерживается постами летучей почты. По берегу Волги есть постоянная телеграфная линия, но состояние ее после бури не исследовано; 5) в районе Александровское—Майтуга—Соло ское до 26 сентября действовали мелкие части противника с центром управления в Студенецкое. 27 сентября в районе Озерецкое — Хворостянка появились разведывательные части чешского полка с управлением в д. Марьино.

На участке *Вольской дивизии* развивался бой по всей линии в направлении Вязовки - Предтеченское и Софьино. В направлении на Вязовку бой шел успешно и противник к 14 часам был разбит и бежал к Сызрани. Преследование продолжалось успешно: противник понес большие потери.

В направлении Моисеевка — Предтеченское Московский полк встретился с превосходными си ами противника, быстро перешедшего в контр-атаку, которой полк не выдержал и стал отступать в беспорядке, отхлынув к самому Хвалынску.

Кавалерия противника, около 2 эскадронов, и пехота силою 1 рота при 2 о удиях напали на обоз и тыл 1 Поволжского полка и произвели там панику, передавшуюся и на батарею. Артиллеристы отстегнули лошадей и бросили орудия, предварительно сняв замки, кроме обоза, Поволжский полк отступил в порядке до села Б.-Федоровка. Материальные потери большие. Противнику досталось 7 орудий и несколько пулеметов.

[1]) По левой стороне р. Волги, с.-в. Хвалынска. (*Примеч. автора*).

Начдив'ом отдан приказ занять Б.-Федоровку, Ново-Никольское. Он просит спешно выслать полк на подкрепление и приведение в порядок отступивших частей, т. к. Московский полк совершенно потерял боеспособность, а Поволжский полк сильно пал духом.

На фронте Пензенской дивизии противник повел в $8^1/_2$ часов наступление значительными силами на Б. Репьевку, Ключевку и ст. Репьевку со стороны Куваева-Ключа. Наступление велось энергично, но, благодаря стойкости Петроградского полка и его батареи, после 3-часового боя был опрокинут и начал отступать. Наши части продолжали преследовать противника.

Комгрупп Энгельгардт в донесении своем штарм'у от 27 сентября указывает на ожесточенные контр-атаки противника на всем фронте группы, в результате которых 500 человек противника на голову разбиты, оставив нам пленных и оружие, в районе Куваев-Ключ. Части Инзенской дивизии с боем выходят на линию Балашейка—Жемковка—Поповка.

28 сентября. Полевой телефон Инзенской дивизии был включен в телефон белых и из подслушанного разговора узнали о движении двух эскадронов, идущих правым флангом на Безводовку; кроме того был обнаружен броневик. Обстрелянные утром на ст. Балашейка нашим броневиком эшелоны противника бежали к д. Заборовке. Одновременно наша пехота готовилась к атаке ст. Балашейки с севера, со стороны большого леса, но, будучи окружена превосходными силами неприятеля, отошла и заняла исходное положение на опушке леса, что к с.-з. от Лобановки, у ст. Рачейка и у леса, что к северу от Рачейки. Но, при отходе нашей пехоты, ей был нанесен сильный удар со стороны леса, что к югу-западу от Балашейки.

Вследствие отказа частей крайнего правого фланга Симбирской дивизии от выхода на линию Елшанка—Горюшка — Н. Тукшум, частям Инзенской дивизии вместо предполагавшегося сжимания фронта к югу от направления на Троицкое, пришлось растянуться, чтобы выбить ударную группу противника из дер. Горюшка. Однако после движения частей Инзенской дивизии на д. Елшанку и занятия ее, части Симбирской дивизии получили приказ выйти на линию Байдеракова—Кочуговка — Надеждино, результатом чего явилось обратное движение частей Инзенской дивизии для сжимания фронта к югу.

26 и 27 сентября были потеряны поэтому для дела, уйдя целиком на эти операции. Несвоевременное начало движения частей Симбирской дивизии явилось причиной тяжелого положения правого фланга Инзенской дивизии, не получившего своевременной поддержки от центра, в виду растянутости участка дивизии, а также и от лево-фланговых частей Пензенской дивизии. Мценский полк едва не потерял весь свой обоз и 4-ую батарею.

К вечеру части *Инзенской дивизии* заняли фольварк Черемоховку; части правого участка дивизии снова перешли в наступление, восстановив связь с левым флангом Пензенской дивизии, занимающей ст. Репьевка — Александровка — Малая Репьевка. С наступлением темноты движение частей Инзенской дивизии было приостановлено у ст. Балашейка. В эту ночь с 28 сентября на 29 на нашу сторону перебежало 130 мобилизованных белых.

В этот же день комгрупп Энгельгардт со штабом прибыл из Прасковьино на ст. Новоспасское.

Политком Вольской дивизии Зенсаров доносит из Б. Федоровки, что с. Предтеченское атакуется с трех сторон; бой идет; наступление продолжается. Он про-

сит Пензенскую дивизию поддержать наступление на д.д. Васильевку и Новорачевку; настроение в частях отличное.

На участке Пензенской дивизии противник усиленно обстреливал артиллерийским огнем ст. Репьевка и с. Б. Репьевка с расстояния 1—1½ версты.

Боевые действия 29 сентября.

Штарм'ом подтверждается т. Энгельгардту, что Балаковский и Николаевский полки переходят в распоряжение начальника правой группы армии. Тов. Энгельгардт делает распоряжение о передаче этих полков начальнику Вольской дивизии, т. Гаврилову, получившему право распорядиться о немедленной переправе Балаковского полка на правый берег Волги.

Положение на левом фланге операции. Первым Симбирским полком занята с боем д. Климовка (на правом берегу Волги). У Климовки же наша флотилия имела бой с неприятельскими судами. Десант, высадившийся у этой деревни, занимает линию: Горбуновка—Климовка—Барковка. Против Сызрани через Новодевичье отправлен второй полк Симбирской дивизии вместе с Витебским полком. Пензенский полк с боем занял д. Троицкое и с боем продвигался дальше, имея связь с Инзенской дивизией в д. Смолькино. В это время шла перегруппировка частей дивизии и переброска 2-ой бригады на левый берег Волги. Штаб Симбирской дивизии предположено на следующий день перевести в Новодевичье. 5-му Курскому полку, взявшему ст. Бряндино, дана задача сосредоточиваться для операции против Ставрополя. К 3 октября предположено занять мост. Положение в Мелекесском направлении устойчивое.

Нашими летчиками сброшено на ст. Мелекес 2 бомбы, там находилось около трех эшелонов противника. Глубокий обход Курского полка окончательно дезорганизовал противника, который сдавался в плен целыми ротами. Вообще положение на фронте Симбирской дивизии представлялось отличным. Флот был сосредоточен у Климовки. В ближайшее время было предположено занять д. Усолье, Вольской дивизии, находившейся еще в Хвалынске, было приказано всеми имеющимися у нее частями перейти в решительное наступление на д.д. Большую Федоровку и Белые Горки, т. к. противник силою около двух батальонов повел наступление на Пензенскую дивизию от Белых Горок и угрожал ее флангу.

Комгрупп Энгельгардт доносит штарм'у о результате действий вверенной ему группы за 29 сентября: под давлением все время переходящего в контр-атаки противника части Вольской дивизии отброшены на линию д. Наяновская и, будучи совершенно деморализованы, отошли на Хвалынск; части *Инзенской дивизии* отброшены к дер. Лобановка; в связи с общей обстановкой им отдано приказание о немедленной атаке противника в районе ст. Балашейка и ст. Куваев-Ключ; части *Пензенской дивизии* держатся устойчиво на прежней линии. Идут горячие бои на рубеже Васильевка—Ключевка—М. Репьевка—Балашейка. Энгельгардт просит усилить давление на противника с севера (Симбир. див.). В бою под Балашейкой захвачен бронированный поезд, состоящий из 4 площадок при 3 орудиях, одном бомбомете, 23 пулеметах, и взято 30 человек пленных.

1 октября. Переправа частей Симбирской дивизии на левый берег Волги у д. Климовки и продвижение их к г. Ставрополю заранее предопределяли отступление чехо-словаков и народной армии на Самару и далее на Уфу и Оренбург. Сызранский фронт явно ослабевал и, видимо, противник своевременно эвакуировал главную часть своих сил и средства обороны города. Наши части продвигались вперед, встречая самое слабое сопротивление. С рассветом 1 октября части *Инзенской дивизии* занимают д.д. Демидовку, Поповку, Трубетчину, затем Жемковку и Куваев-Ключ. Правофланговые части *Симбирской дивизии* занимают дер. Степная. Противник тяжелыми дальнобойными орудиями обстреливает Демидовку со стороны Ивановки, а части, расположенные у Куваева-Ключа, подвергаются обстрелу со стороны Заборовки. Наш бронированный поезд отвечает противнику, находясь в 2 верстах впереди Куваева-Ключа. Части *Вольской дивизии* находятся в большом отдалении от г. Сызрани: в дер. Нов. Мостяк, ст. Кулашки, г. Хвалынске и д. Федоровке. Связь между дивизиями временно утеряна; поэтому части армии к этому времени продвигаются вперед по собственному почину и усмотрению.

2 октября. Приказом по *Вольской дивизии* были сделаны распоряжения: Балаковскому 4-му полку, переброшенному на правый берег Волги, выступить и занять Б. Федоровку, Саратовскому полку, находящемуся в д. Н. Мостяк и ст. Кулашка, занять д. Дворянскую-Терешку; Московско-Саратовскому полку — занять Ново-Никольское. Полкам указывалось, что эти пункты должны быть заняты на рассвете 3 октября. Бронированный поезд *Инзенской дивизии* выпустил 12 снарядов на Сызрань из 42-линейного орудия. В виду перегруппировки частей *Симбирской дивизии* сведений за 1 октября от нее не поступало. Части *Вольской дивизии* продвигаются по линии Б. Федоровка, Дворянская-Терешка. Неприятельская разведка замечена в Черном Затоне; в Карагульчи противник не обнаружен. По показанию жителей, с этого фронта противник снимает войска и отправляет куда-то к Кузнецку. По показанию сызранских жителей, Сызрань эвакуируется уже три дня. Те же сведения неоднократно повторяются: противник очищает город от войск и отправляет их в Батраки, где и группируется. Обыватели города также уезжают на Самару. В городе идет широкая торговля всевозможными спиртными напитками. Оставшиеся солдаты белогвардейцы поголовно пьянствуют. По частным сведениям, делается это с целью воспользоваться слабостью красноармейцев, почему рекомендуется принять соответствующие меры.

В ночь на *3 октября* разведчики с бронированного поезда Инзенской дивизии ночевали на окраине города. *3 октября* с утра части Инзенской дивизии заняли Заборовку. К 12 часам дня части Финского отряда *вступили в г. Сызрань.* Сотрудники бронированного поезда № 41 образовали в городе временный революционный совет. В виду повреждения ж.-д. моста в 6 верстах от города по линии Сызрань—Инза, движение поездов прервано. В виду необходимости исправления моста, срочно испрашивался паровой под'емный кран для поднятия фермы. В 12 ч. дня начдив Симбирской т. Гая телеграфирует в штарм: „Нахожусь в Сызрани". Таким образом, боя непосредственно за овладение Сызранью не было. Город оставлен противником заблаговременно, и участь его решалась боями в одном-двух переходах от Сызрани по линиям железных дорог Инза — Сызрань и Кузнецк — Сызрань, в которых участвовали части Пензенской и Инзенской дивизий при важном содействии Симбирской дивизии, на крайнем левом фланге армии. Переправой части этой дивизии на левый берег Волги у Климовки создавалась серьезная угроза Сызранской группе противника.

К 12 часам дня 1 октября в городе не было ни одной части противника. С этого времени по 9—10 часов утра 3 октября, когда появились отдельные разведочные части, в городе было полное безвластие, и обыватели, боясь злодеяний местного хулиганского элемента и красных войск, которые должны были войти в город, попрятались по домам, и „город замер", как передают жители. К полудню 3 октября прибыл в город начдив 1-ой Симбирской железной дивизии тов. Гай и об'явил жителям об их безопасности и о вступлении красных войск в город. Комендантом города был назначен вначале комбриг I т. Павловский, которого вскоре сменил т. Пугачевский. Город разукрасился красными флагами и в нем почувствовалось полное успокоение. Боязнь населения бесчинств красных войск об'ясняется прецедентом в июне месяце, когда при двухнедельном занятии города Красной гвардией имели место случаи некорректности отдельных красноармейцев. Поэтому-то перед вступлением в Сызрань красных войск она и была покинута как зажиточными обывателями, так и многими семействами бедняков, которые потом уж постепенно возвращались по домам из Самары и др. городов и селений.

Примечание. 3 октября т. Пугачевский донес из штаба комгрупп'а (село Новоспасское) штарм'у, что он этого числа принял командование группой (Вольская, Пензенская и Инзенская дивизии).

20—V. 1919 г.

Заключение.

Формирование 1-ой Рев. армии относится к июлю 1918 года. До этого времени на Восточном фронте в направлениях Симбирск, Сызрань действовали отдельные отряды, которые носили название городов, высылавших их на фронт, либо фамилии своих начальников, либо тех военных частей, из которых они выделялись по расформировании старой армии. Действия этих отрядов были разрозненные и ограничивались работой по линиям железных дорог. Общего сплошного фронта не было. Обходы и окружение противника и наоборот были делом легким и расправа с захваченной частью бывала жестокой.

Для удальства и молодечества было много простора. Состав отрядов был, главным образом, добровольческий — Красная гвардия; вооружение — самое разнообразное. Дисциплина определялась сплоченностью товарищей отряда и авторитетом его начальника, большей частью выборного. Были и такие отряды, которые были набраны людьми, преданными революционному делу, ставшими во главе этих отрядов; однако эти люди были без всякой военной подготовки. Тактические приемы боев сводились к отваге и решительности этих отрядов и их начальников. Борьба с отлично организованными и дисциплинированными чехословаками и мобилизованными солдатами народной армии являлась делом трудным и непосильным для слабых по своему составу отрядов Советской власти.

С мобилизацией бывших офицеров и частью солдат командующим 1-ой Рев. армии т. Тухачевским в июле 1918 года, с реорганизацией отрядов в полки и дивизии, а также с формированием штабов дивизий и армий—явилась возможность перейти в наступление более широким фронтом под общим командованием командующего армией, начальников групп дивизий и проч. Но все же армия не была боевой единицей, сплоченной, дисциплинированной и снабженной всем необходимым для ведения боя.

Тем не менее, несмотря на: 1) очень слабый численный состав дивизий; 2) на недостаточность технических средств; 3) недостаточность обозов; 4) несмотря на слабый командный состав, которого по многим причинам нельзя было заменить опытными инструкторами, и, наконец, 5) несмотря на не вполне налаженный характер штабной службы, следует признать, что Сызранская операция, совпавшая с периодом реформирования и реорганизации прежних отрядов в полки и дивизии, все же прошла вполне успешно и что возлагаемые на армию высшим командованием задачи ею были выполнены легко. Части соперничали между собою в достижении первыми указанной цели. Революционная отвага начальников и их молодых товарищей подчиненных оправдала доверие Советской власти, вверившей им командование новой, Красной армией [1]).

В. Стоянов.

Борьба на Восточном фронте.

ВВЕДЕНИЕ.

Каждый день приближает нас к победе над нашими заклятыми классовыми врагами. К годовщине существования 1 революционной армии мне хочется передать некоторые факты из ее истории. Здесь, в этом отрывке я свою речь поведу о первоначальном периоде работы в этой армии, создавшейся и окрепшей во время постоянных боев с противником на Восточном фронте.

ГЛАВА I.

Прибытие штаба фронта на ст. Балашейка.

В конце мая месяца 1918 года, когда в городах Пензе и Самаре вспыхнули мятежи чехо-словаков, этому событию не придавали должного значения, какого оно заслуживало. Точно так же за подавление мятежа взялись очень вяло. Большинство из наших товарищей верили в революционную энергию рабоче-крестьянских масс и думали, что местные пролетарские силы сами подавят мятеж без особой помощи со стороны центра. Наши победы на Дону, победы над Калединым и разливающаяся волна революции как-то опьянили и одурманили нас, московских рабочих, успехом, что частично отразилось также на наших военных руководителях.

Наша ошибка оказалась и в переоценке наших собственных сил. Каледина мы разбили красногвардейцами [2]),

[1]) Помещаемая статья написана старым военным специалистом, по поручению бывшего командарм'а т. Тухачевского. Считая выводы ее несколько смутными, редакция дает ей место в настоящем сборнике, в виду обилия ценных историко-стратегических деталей.

[2]) *От редакции.* Это не верно, главной боевой силой против Каледина, Корнилова явились части, снятые с фронта

Но эти же красногвардейцы, хотя и переименованные в красноармейцев, не могли справиться с войсками белых и чехо-словаков. С 25 мая наши войска у Самары уже больше не выдерживали боя. С каждым днем получались известия одно печальнее другого. Наши войсковые части отступали—по пути производили грабежи и пьянствовали.

7 июня 1918 года из своей среды президиум Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов Рогожско-Симоновского района делегирует на Восточный фронт меня. Одиннадцатого числа я уже нахожусь в поезде командующего чехо-словацким фронтом Муравьева. В том же поезде находится состав Военно-Революционного Совета фронта тов. Кобозев, Благонравов и секретарь Миронов. Все чувствуют себя попраздничному. За 2 часа до отправления поезда главком Муравьев дает распоряжение прицепить к составу поезда, как верное средство победы, 2 вагона химических снарядов, что составляет весь артиллерийский парк фронта. Из числа всех 60—70 сотрудников штаба, за исключением тов. Кобозева и Благонравова, нас партийных людей было 7 человек: из них 4 коммуниста и 3 левых социалиста-революционера. Все остальные были люди „специалисты", которые были набраны главкомом Муравьевым.

После двухдневной езды мы прибыли на ст. Инза, где встретили первые войсковые эшелоны и бронированные автомобили.

От местных властей мы получили сведения, что город Сызрань как будто оставлен нашими войсковыми частями и сдан чехо-словацким бандам. У станции Базарная встречаем отступающий бронированный поезд под командой тов. Полупанова. Главком Муравьев его останавливает, созывает всю команду и произносит речь, из которой мы узнаем, что он вместе с Полупановским поездом уже раньше победоносно сражался на Украине и у Одессы. Главком Муравьев призывает всех их показать себя здесь точно так же храбрыми, как на юге. Муравьев говорит с увлечением, речь его сопровождается большими овациями и выкриками стойко бороться за Советскую власть.

На следующей станции встречаем массу в беспорядке бредущих красноармейцев как конных, так и пеших.

На станции Барыш происходит маленький инцидент. Там стояла Эн-ая легкая батарея, люди которой почти все перепились и грабили железнодорожные склады. Большие тюки шерстяной материи расхищались и увозились проезжающими войсковыми частями. Отдали приказ не задерживать больше на станции проходящие войсковые эшелоны, а отправлять их немедленно дальше. После этого наблюдалась следующая картина: находящиеся на станции красноармейцы берут из склада тюки материи весом по 5 пудов, разматывают их при проходе эшелона, подают концы находящимся в вагоне красноармейцам. Машинист прибавляет ход, а за эшелоном развеваются длинные черные хвосты. Последние медленно пропадают или втягиваемые в вагон или, обмотавшись о железнодорожные столбы, вырываются из рук держащих их. Подобные хвосты у проходящих эшелонов с каждой стороны наблюдались по два и по три. Пьяные батарейцы были все арестованы, но потом, по указанию некоторых товарищей, что данная батарея является одной из храбрейших в боях, отпущены на свободу главкомом Муравьевым. На всех последующих станциях картина почти такая же: везде пьяные бродящие красноармейцы. На станции Рачейка встретили 4 Латышский стрелковый полк. Командир полка тов. Азен передает, что вслед за ними находится только штаб группы войск без всяких войсковых частей и что они последними покинули город Сызрань. В полку точно так же, как и в предыдущих частях, много пьяных людей. На станцию Балашейка прибыли только поздно ночью. Все пусто... Нет даже пьяных, которых мы так часто встречали по пути. У пяти штабных вагонов командующего войсками тов. Мясникова нет даже караула. Нам передают, что он поехал обратно на ст. Куваев Ключ (в 17 верстах от города Сызрани) произвести разведку и что он будет обратно лишь к утру.

ГЛАВА II.

Отступление от г. Самары через Сызрань до ст. Балашейка.

С прибытием командующего войсками тов. Мясникова и отряда отступавшего от города Самары, а впоследствии и от города Сызрани, нам передали следующее.

Из Москвы на станцию Майтур прибыл отряд Чрезвычкома во главе с тов. Поповым, который принял командование всеми войсковыми частями, атакующими город Самару со стороны Безенчука. По приказу тов. Попова войска должны были занять позицию по реке Степной-Безенчук и по обе стороны дороги Васильевки. Приказ был исполнен. По другой стороне реки виднелись отдельные солдаты противника. Завязывается перестрелка, противник отвечает вяло. Командующий отрядом тов. Попов стоит на крыше железнодорожной будки, рассылает кавалеристов в разные стороны с целью разведки и для передачи разных приказаний. К вечеру вся картина меняется. Войсковая часть, которая занимала самый левый фланг и считалась отдельным отрядом, вдруг покидает свои позиции и отступает под предлогом, что их противник обходит и обстреливает из орудий. В паническом страхе все начинают грузиться в вагоны. Впоследствии выяснилось, что причиной бегства оказалось следующее: Автономный отряд, который занимал левый фланг боевого участка, находился далеко от железной дороги и деревень. Походных кухонь не имелось. К вечеру изголодавшиеся красноармейцы начали покидать самовольно позиции и отправляться кто на станцию железной дороги, кто в деревню за пищей. В позициях на своих местах остались только несколько человек. В это время неприятельский аэроплан, пролетавший по линии расположения наших войск, бросил сверху несколько снарядов, которые послужили сигналом бегства. Разгоряченная и голодная фантазия красноармейца работала во-всю. Передаваемая быль о неприятеле из мухи выросла в слона. Все двинулись назад не шагом, а бегом до самой Сызрани. Не помогли наставления высшего командования остановиться, а рядовых командиров частей совершенно не слушались и встречали их сплошной бранью. Маленькие группы, боевые единицы или отряды, которые насчитывали от 300 до 500 чел. в своем составе, кроме выборного командира, никакого другого командного состава не имели. Во время отступления от Безенчука до Сызрани в разговорах ничего другого не было слышно между красноармейцами, как возгласы, что командиры их продают; долой командиров, обойдемся и без них и т. д. Были даже случаи, когда группы солдат, требующие от командующего группой войск немедленной отсылки их в тыл, при отказе стреляли вслед за ним в вагон. Такое отношение красноармейцев было ко всему командному составу, который вел себя достойно и принимался энергично за работу

и исполнял свои обязанности. Попов, который не был в силах руководить таким отрядом, уехал. Заменивший его тов. Мясников встретил свои войска уже у Волги. Было решено здесь укрепиться, но это не удалось. В Сызрани красноармейцы разбили все винные склады. Началось поголовное пьянство и грабеж. Стали распространяться слухи о приходе чехов. 2 полка отошли на станцию Пенза в самом безобразном состоянии. Они, находясь в Сызрани, на своих собраниях решили, что драться с чехо-словаками не следует и постановили, что надо немедленно послать одну делегацию к чехословакам, а другую—в Москву, чтобы помирились, а сами после этого постановления напились и первыми покинули город, уезжая в Пензу.

В таком положении встретили мы свои войска у Инзы и Рачейки.

ГЛАВА III.

Поражение у г. Сызрани и отступление до ст. Балашейка.

По приезде нас из Москвы на ст. Балашейка в ту же ночь было решено главкомом Муравьевым наступление на г. Сызрань. С 6 июня началось обратное движение бегущих красноармейских эшелонов. Уже на следующее утро 7 числа, когда мы вдвоем с членом Военно-Революционного Совета фронта тов. Кобозевым прибыли на место боя—в трех верстах от г. Сызрани, то там уже находились и Полупановский бронированный поезд, и Финский, и железнодорожные отряды, Интернациональный полк, поезд с Курским бронированным автомобильным отрядом и несколько легких и тяжелых орудий.

Цепь пехоты была расположена по обоим сторонам железнодорожной линии и тянулась на версты полторы. С каждой стороны железной дороги были расположены по одному орудию, а с броневого поезда по городу были 3 орудия. Первоначально из Сызрани нам совершенно не отвечали, а только через некоторое довольно продолжительное время и то очень редко Наша пехота медленно двигалась вперед, главком Муравьев стоял на высоком мосту, под которым перекрещивается Казанская железная дорога, наблюдая, как рвутся снаряды, и отдавал приказания. Верховые на лошадях летали от него во все стороны, заменяя телефонную связь с войсковыми частями: эту службу несла конница железнодорожного отряда.

Под прикрытием артиллерийского огня наши малочисленные части пехоты двигались к городу. В это же время пулеметный и ружейный огонь противника все начал усиливаться. Исход борьбы становился ясным. Нам нехватало пехоты. Я предложил главкому Муравьеву наступление не развивать, чтобы дать возможность прийти на помощь Латышскому стрелковому полку. На это Муравьев не согласился, но только предложил мне отправиться навстречу упомянутому полку и способствовать его скорейшему прибытию. Я отправился немедленно в путь и в тот же вечер прибыл со с релками на ст. Безводовка. Дальше же пропустить нас штаб Муравьева, который находился на ст. Балашейка, категорически отказался, несмотря на все мои увещевания. Я запрашивал по этому поводу начальника штаба Муравьева тов. Оглоблина, но тот по телефону отвечал, что от главкома Муравьева приказ о дальнейшей отправке полка не поступил и что мы должны ждать распоряжений. На следующее утро, не дожидаясь распоряжений, я с помощн. командира полка тов. Лацисом отправились верхом в штаб и прибыли на ст. Балашейка. Было уже поздно. Там встретили только-что прибывшего из-под Сызрани главкома Муравьева и разбитые войсковые части. Последний нервничал все время и ругал красноармейцев. Выяснилось, что наступление на г. Сызрань не удалось. Первая цепь, дойдя улицы города, была отбита огнем. Вторая попытка гр. Муравьева втянуть в город части Инте, национального полка, который состоял из китайцев, тоже кончилась поражением. Китайцы храбро рвались вперед, но на первой же улице были окружены и перебиты пулеметным огнем из застав противника. Самый исход боя был ясен уже с самого начала. Победы не могло быть за нами потому, что нам пришлось итти на укрепления и пулеметный огонь. Применить способы наступления обходами не было возможности: во-первых, потому, что почти у всех отрядов и полков не было подвод, необходимых для передвижения без помощи железных дорог, чтобы отойти от нее хотя бы на 10 верст; во-вторых, не было также походных кухонь, перевозочных средств и санитаров. Раненые под Сызранью рвали сами свои рубашки и перевязывали раны, кто как умел. Многие не сумели сделать сами и этого и, истекая кровью, добирались до эшелона, где раны завертывали как-нибудь полотенцами и портянками. Даже воды не было в чем подвезти для обмывки ран. В таком положении находились наши красноармейцы первые 3 дня нашего пребывания в армии.

ГЛАВА IV.

Общее положение. Формирование 1-ой армии.

10 июня 1918 года можно считать официально днем начала существования 1 рабочей армии на Восточном фронте. В действительности были войска и до нашего приезда, но тогда действовала не армия, а так называемые отряды, из которых каждый в отдельности действовал автономно на свой риск и страх.

После от'езда главкома Муравьева в Симбирск вся наличность штаба состояла из 5 лиц, которые остались под Сызранью и взялись за реорганизацию наших войсковых частей. По должностям они распределились следующим образом: во главе штаба находился, как командующий, тов. Харченко; политическим комиссаром я; начальником штаба тов. Шиманис; казначеем тов. Разумов, начальником снабжения Штейнгауз без всяких помощников и служащих. Все мы помещались в одном вагоне, который представлял собою как жилище, так и канцелярию штаба.

Вышеупомянутые пять лиц, которые представляли основу штаба 1 армии, приняли на себя командование над 6 полками, 7 отрядами, 11 батареями, броневым поездом Полупанова и остановились на станции Инза.

Печальным окончанием наступления на Сызрань и от'ездом главкома Муравьева события не исчерпывались. Вслед за ним по его разрешениям, а также и без разрешения поднялись некоторые отряды, как Брянский броневой автомобильный отряд и др., а также пехота за некоторыми исключениями и стали оставлять свои позиции. Когда стали препятствовать от'езду, поднялся ропот. На собраниях выносились резолюции, при помощи которых стали требовать от командиров отрядов отвода в тыл. Когда это не помогло, тогда вынесли резолюцию о недоверии командному составу. Положение создалось серьезное. Части отказываются и все собираются уехать, т.-е. пок нуть железнодорожный узел — Инза, откуда распределяется железная линия на Симбирск и Сызрань. Кроме того, на ст. Инза

находился склад пироксилина весом около 300.000 пудов. Около ст. Барыш уже нам[и] была обнаружена разведка противника (50 верст от ст. Инза). Исход один:—во что бы то ни стало Инза должна остаться за нами, так как в противном случае группа войск, наступающая на Самару со стороны Симбирска, будет отрезана. Я об'ехал все полки и отряды, начал их убеждать и даже грозить, но положение не менялось. Все осыпали меня лишь страшной руганью и опять потребовали отправления их в тыл. Положение спас только Латышский стрелковый полк. Их мне удалось уговорить занять позиции у ст. Базарной. Это положение я использовал, когда бранил остальные части, давая понять—если они только откажутся исполнить боевой приказ—то они будут Латышским полком обезоружены и расстреляны. Это помогло только на время. Скоро стали слышаться жалобы от командиров, что они должны исполнять волю красноармейцев, которые их избирали, а не те приказы свыше, хотя в то же время я получил резолюцию красноармейцев о недоверии к командному составу. Частично, недоверие и упреки командному составу сыпались вполне основательно. Рядовой командный состав действительно был вне всякой критики. Его даже и вовсе не было, те из командиров, которые и были, частью были людьми, которые гнались исключительно за славой и в то же время не имели абсолютно никакого понятия об управлении и формировании наших частей и не могли поднять духа и боеспособности нашей армии. При уничтожении винных складов во вновь занятых местностях, они сами вместе с красноармейцами напивались и валялись где попало.

В основу для создания 1 армии легла мысль: военная дисциплина, ответственность командного состава, привлечение специалистов под строгим контролем наших товарищей-коммунистов под названием политических комиссаров. Это удалось выполнить, и наша армия в действительности мало-помалу стала принимать теперешний вид и итти к победе. Везде и всюду на всякие должности мы старались назначить коммунистов-специалистов, а если таковых не оказывалось, назначали расторопного коммуниста из рядовых. Дело тут поправилось, но не надолго. По поводу назначений поднялась целая буря. Благодаря нашему упорству дисциплина росла и командирами оставались нами назначенные, но недостаток в опытных командирах остался огромный.

С 18 июня наш штаб в вышеуказанном составе из 5 лиц приступил к своей работе. Самая первая наша работа состояла в том, чтобы из *убегающих* красноармейцев создать силу, способную защищать и остановить наступающих белогвардейцев. Все отряды, которые были настроены анархически, мы выделили, разбивали на части и расформировывали по другим частям более или менее настроенным в защиту рабоче-крестьянской России. Это были дни самого кошмарного состояния и работы. На фронте у нас оказалось 10,000 человек, но способных хоть к ничтожной обороне против наступающего врага всего около трех тысяч. Остальные частично размещались по разным хозяйственным частям, и если попадали на боевые линии, разбегались тотчас же при первом выстреле. Снабжение у нас было самое жалкое. Не было повозок, лошадей, запасных частей для пулеметов, орудий, не было соответствующего командного состава ни для полков, ни для рот, ни для взводов. Нехватает орудий, нет командира батареи, нет даже наводчика для них. Не было у нас также инструкторов ни для какого рода оружия.

Боевой единицей считался у нас отряд, который состоял из 700 — 1000 красноармейцев. Во главе каждого отряда стоял начальник и его один или два помощника. Кроме упомянутых, ровным счетом никакого другого командного состава не имелось. За глазами командира отряда и его помощников делалось все — как разгул, пьянство, грабеж, бегство во время боя. Сознательные красноармейцы в таких отрядах были мучениками. Даже в отрядах, в которых были организованы ячейки коммунистов, ст яло дело не лучше. Все начальники отрядов были выборные, большинство из них были люди, которые не прошли даже военной службы, а потому о руководстве в боях не имели никакого представления и соответствующих понятий о военном деле. Требовались всесторонние меры также и от высшего командования, но это хромало и не стояло на своем месте. Нехватало умелого и твердого руководства. В конце июня я добился смещения нашего командира тов. Харченко. С вновь прибывшим командиром Тухачевским вся картина начала меняться. Мы начали жестокую борьбу за порядок в армии. Подтянули ее боевую мощь. Первым долгом надо было поставить на должную высоту командный состав и революционную дисциплину, привлечь специалистов под строгим контролем наших товарищей-коммунистов — политических комиссаров. Насколько это удалось показало дальнейшее. (А. Д.).

ГЛАВА V.

Вторичное неудачное наступление на г. Сызрань

Как ни трудно и с какими усилиями ни шло формирование 1-ой армии, но к половине июля уже нам с несозрелыми силами пришлось итти в наступление одной частью на город Сызрань, а другой со стороны Симбирска на Ставрополь и Самару. Для наступления на Сызрань и Самару главкомом Муравьевым применялась своеобразная система. Сидя в Казани, он лично управлял каждой отдельной группой и отрядом и направлял их и отзывал, не спрашивая о том штаб данной армии. Создалось положение, что Муравьев стал командовать и приказывать отдельным полкам и отрядам без ведома, даже не сообщая об этом штабу армии. И все такие распоряжения отдавались по железнодорожному проводу Морзе от Казани — Симбирск. Эти распоряжения читались в телеграфе почти на каждой станции. Для наступления на Самару им применялись несколько мелких групп, у которых между собой не имелось никакой связи. Они должны были следовать по разным направлениям. Последствием всего этого было то, что ни одна из групп не являлась организованной боевой силой. Из-за неимения связи они разбивались противником поодиночке, а также были очень легко окружаемы и уничтожаемы целиком, т.-к. помощи ждать было неоткуда ибо они не знали, где находятся другие соседние отряды. Но скоро цель такого распоряжения и маршрута следования стала ясна для всех.

8 июня 1918 года нашими частями был занят город Сызрань. Это была первая победа нашей 1-ой рабочей армии и следствием создавшейся возможности наступать уже более широким фронтом, нежели в июне. Наша цепь тогда растянулась на протяжении 30 верст. Но и это не помогло. В войсках нехватало еще дисциплины. После занятия города Сызрани повсюду началось прежнее пьянство. Вследствие слабого командного состава и недостатка политических сотруд-

ников, еще трудно было держать эту анархически настроенную массу в своих руках. Солдаты поодиночке тайком покидали свои позиции и перебирались в город. На следующий день нам стало ясно, что удержаться в городе не можем, тем более, что из-за недостатка людей нам не удалось развернуть цепь в желательную длину. По обсуждению положения начальником Пензенской дивизии был дан приказ частям пойти немедленно в атаку и сбить противника с горы у ст. Батраки и тем лишить его возможности обстреливать город. Но наше намерение совершенно разрушилось внезапным приказом Муравьева немедленно отправить в Симбирск Интернациональный полк. Мы пытались оспаривать, но вместо ответа получили категорическое подтверждение первого приказа—пришлось исполнить и снять с позиции полк и наступать совершенно жидкой цепью, чтобы сбить противника с Батракской горы. Но это не удалось. В то время, когда нами собирались все силы для атаки укрепленного пункта—противник сделал 25-верстный обход и очутился у деревни Заборовки, где стал из пушки обстреливать нас с тыла. Расчет его был правильный: части, недостаточно дисциплинированные, находясь так близко к городу, не устояли. После нескольких выстрелов противника с бока—в панике стали отступать.

ГЛАВА VI.

Авантюра Муравьева.

События 16 июля при наступлении на г. Сызрань с таким расчетом, как взять его одним ударом наобум, возбудили много толка о целях главкома Муравьева и поставили перед многими неразрешимую задачу. Многие спрашивали у себя, действовал ли гр. Муравьев с предвзятой целью или просто не учел своих сил. Со дня от'езда главкома Муравьева, члены Реввоенсовета взялись за разрешение этой задачи. Мы совместными силами вместе с тов. Благонравовым пришли к заключению, что Муравьев нарочно пытался показать разбитыми существующие жалкие отряды, чтобы получить из центра **неограниченные права и власть**, которые дали бы ему возможность сыграть роль спасителя Советской или, по крайней мере, Федеративной Республики... События грядущих дней подтвердили во всем наши скромные заключения. Организованный Муравьевым мятеж в г. Симбирске вывел его на чистую воду и заклеймил его изменником и предателем рабоче-крестьянской власти.

В 2 часа ночи 12 июля, когда я находился на ст. Кузоватово и руководил отступлением от города Сызрани, меня вызывают к телеграфу в штаб армии. Передают полученную телеграмму приблизительно следующего содержания: „Всем войскам Сибири, всем чехо-словацким войскам Уфа—Владивосток. Война с Германией началась. Об'являю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем чехо-словацким корпусам вернуться к Волге и итти вместе с нами против Германии и т. д.“ Подписал главком Муравьев. В то же время штаб армии сообщал, что командарм Тухачевский поехал в г. Симбирск и что только оттуда получена телеграмма главкома Муравьева с приказанием всему Штабу немедленно отправиться в Симбирск. Заведывающий Политическим Отделом тов. Мазо запрашивает, что делать. Во время разговора телеграф сообщает, что меня требуют для переговоров с Казанью. Нас соединяют. Я слушаю. Говорит член Революционного Совета тов. Кобозев и сообщает, что главком Муравьева из ставки сбежал в Симбирск и при помощи вооруженной силы разогнал Симбирский совет, поднял мятеж и намерен вместе с чехо-словаками двинуться против Германии. Дальше сообщает, что Реввоенсовет фронта об'являет гр. Муравьева вне закона, что необходимо во что бы то ни стало принять меры к обороне Симбирска. Разговор кончается словами: „Военно-Революционный Совет Восточного Фронта предписывает Вам принять командование 1-й армией и приступить немедленно к скорейшей ликвидации предпринятой авантюры гр. Муравьева“. Была трудная минута. Первая половина 1-й армии под натиском превосходных сил неприятеля бежит по двум направлениям: на Пензу и ст. Инза. Необходимо остановить их и восстановить фронт. Другая часть армии находилась за Волгой и по случаю симбирской авантюры Муравьева оказывается совершенно отрезанной от штаба армии. Известно ли им о случившемся? Может-быть часть войск идет вместе с Муравьевым. Вот вопрос, нас волновавший в данный момент. К утру на следующий день мною было тайно послано несколько надежных товарищей в г. Симбирск с предписанием отыскать Муравьева и тайком расстрелять, другое—связаться с войсками, которые находятся за Симбирском у ст. Мелекес. Были приняты также все меры к скорейшему восстановлению фронта и выдвиганию резервов, назначение которых теперь было двинуться против Симбирска. Со ст. Рузаевка тов. Кобозев дает указания и приказывает разобрать железную дорогу. Но этого сделать не пришлось.

На четвертый день вернулись из Симбирска посланные товарищи, которые доложили следующее: Четыре дня тому назад в Симбирск прибыл в сопровождении восторженных войск главком Муравьев, который арестовал затребованного им командарма Тухачевского, приказал занять телеграф, разогнал Совдеп и арестовал председателя тов. Варейкиса и несколько членов. Потом занял штаб Симбирских групп войск, устроил митинги и сообщил им от имени Реввоенсов. Восточного фронта, что заключено перемирие с чехо-словаками и белогвардейскими войсками и об'явлена война Германии, на которую будут направлены совместные силы всей земли русской. Кроме того, дал понять, что в Москве как будто произошел переворот и что Советское правительство приняло другой курс. Был созван новый Совет, организованный самим Муравьевым под охраной раз'езжающих по городу броневиков курского отряда. Президиум старого Совдепа к этому времени сумел выпустить и распространить воззвание к войскам, раскрывающее цели и контр-революционные намерения Муравьева. На торжественном открытии нового Совдепа Муравьев был убит при входе в зал латышским стрелком 1-го полка... Этим была закончена так блестяще начавшаяся авантюра и карьера предателя Муравьева. Гроза прошла и мы свободно вздохнули, радуясь такому концу. После Муравьева командование на время фронтом принял наш командарм Тухачевский. Но скоро был назначен командфронтом т. Вацетис. Не успело новое командование даже познакомиться еще с фронтом, как последовало падение Симбирска. Хотя Муравьев и был убит, но его работа цвела. Акт измены Муравьева не мог не отразиться на настроении войск. По случаю маленькой неудачи у г. Бугульмы, войска стали в панике отступать до самого города, но и здесь долго не удержались. Везде и всюду красноармейцы видели измену и предательство. Ни в одну атаку не шли больше с уверенностью. Все бежали при первой встрече с про-

тивником. Так покидали г. Бугульму и остановились у г. Мелекеса. Другая группа красноармейцев, которая наступала от Мелекеса на Самару, с отступлением войск от Бугульмы тоже откатилась назад. Не помогли никакие новые силы, не помог и весь армейский резерв, высланный из Симбирска. Только группа, атакующая город Ставрополь, стала у д. Новодевичье. Но противник наступал вовсе не с востока, а с юга. В то время, когда наши войска концентрировались по ту сторону Волги, противник после падения Сызрани выслал по этому берегу Волги отряд и артиллерию через дер. Теренгу и направил свои действия на наш тыл. 19 июля противник у узловой ст. Охотничьей и Канадей стал стрелять по городу и снова повторилась Сызранская история. Под крики „нас обошли" „нас продали" 21 июля наши части стали в панике бежать. В городе все осталось, как было, на пользу противника. Отступающие войска от Мелекеса и Симбирска рассыпались, как горох в траве—одна часть поместилась на пароходах, другая часть бросилась к Казани пешком. Только часть наших войск, находящихся под Новодевичьим у г. Сенгилей, под командой тов. Гая, не растерялась. По дороге, по которой пять дней тому назад прошел противник, двинувшийся на Охотничье и Канадей, они прошли вслед за ним через село Ташла на ст. Майна (50 верст южнее ст. Охотничья) и расположились фронтом к Симбирску. Эта красноармейская часть осталась единственной боевой единицей, способной обороняться. Но только обороняться. Прошедшие в четверо суток около ста верст войска не могли наступать, несмотря на настойчивый приказ главкома Вацетиса.

ГЛАВА VII.

Второй период организации 1-ой армии.

27 июля я прибыл в Казань с докладом в Военревсовет Восточного фронта. Поехал с намерением изложить все положение армии, раз'яснить наши недостатки, обвинить тыл и военные комиссариаты в саботаже и сообщить, что у нас всего нехватает, что, несмотря на все обещания штаба фронта, нам ничего не дают. Возвращался я оттуда с тем же, с чем приехал. Из разговора с должностными лицами фронта мне стало ясно, что нечего ожидать для армии из тыла.

С этого начался второй период развития армии. Первый период во главе с главкомом Муравьевым и Харченко был неудачен и приводил нас от поражения к поражению, как сдача Сызрани, Самары и Симбирска, а также впоследствии потеря Казани,— все это являлось откликом работы предателя Муравьева.

У нас не было соответствующего командного состава, не было штабной организации. Тогда об'явили самопроизвольно мобилизацию офицеров в г. Симбирске и Пензе. Результаты превзошли наши ожидания. Мы получили много инженеров, артиллеристов и пехотных офицеров, многие из которых и посейчас честно исполняют свой долг перед Советской Россией и рабочей властью.

Нехватало у нас также пушек, обратились с телеграммами во все ближайшие Военные Комиссариаты, но оттуда ответили, что без разрешения Центрального Артиллерийского Управления таковых они дать не могут. Послали немедленно телеграмму туда. Через неделю отвечают, что старый Центральный Отдел снабжения разрушен, а новый еще не создан, а посему они не могут дать пушек и офицеров, ни командного, ни обслуживающего состава. Посоветовали нам обратиться в Областной Военный Комиссариат. Все тянется, путается со дня на день. Точно так же не было повозок и лошадей. Что делать, армию надо создать во что бы то ни стало. Тогда началось время так называемого „самоволия и бесчинства". Из прибывших товарищей, политических сотрудников выбираем уполномоченных и рассылаем их по всем ближайшим уездным и губернским городам с чрезвычайными полномочиями отыскивать военные запасы и забирать их от местных Комиссариатов, если нельзя добром, так злом, и добытое представлять в армию. По разным уездным городам Симбирской и Пензенской губернии нашлось масса всякого добра. В наше распоряжение попали пушки, винтовки, повозки, снаряды, а также целые склады обмундирования. Наша армия расшевелилась, ожила и начала расти. Удалось поставить на должную высоту и наладить Отдел Заготовок и Снабжения продовольствием наши войсковые части. Работа шла во всю. Из отдельных пушек, разбросанных по полкам, пытались устроить батареи с соответствующим командным составом, а из разрозненных войсковых частей сформировать строго разграниченные полки. Вместо выборных начальников назначали командиров полков из мобилизованных офицеров. Разграничили права и ввели строгую ответственность красноармейцев перед высшим командованием армии и командного состава.

Из орудий и батарей мы создали артиллерийские дивизионы. Рядом при каждом мобилизованном командире, занимающем ответственный военный пост, поставили своего ангела хранителя, члена нашей партии, надлежащего товарища коммуниста с чрезвычайными правами, вплоть до ареста самого командира. Учредили Военно-Революционный Полевой Трибунал. Начали разбирать дела нарушения революционной дисциплины, грабежа, пьянства, дезертирства и т. д. Так велась борьба ожесточенная за уничтожение и армии июньской анархии. Много неприятностей и упреков пришлось слушать от сознательного красноармейца. Были моменты, когда от нас политических сотрудников при помощи угроз пытались тр бовать выдачу грабителей и пьяниц, а также признание Реввоенсоветом выборного командира полка и т. д. Много также пришлось слышать упреков со стороны военных комиссаров так называемой „власти на местах" за самовольное присвоение военного имущества и самовольную мобилизацию офицеров, военных специалистов, сапер, артиллеристов, кавалеристов по Симбирской и Пензенской губерниям. По поводу мобилизации в Пензе в партийной газете эс-еров была помещена целая передовица, в которой упрекали советских руководителей в общем и особенно политических руководителей Реввоенсовета 1-й армии. Насколько мы руководились твердым намерением создания 1-й Рабочей армии, настолько же строги и необычны были и наши мероприятия.

ГЛАВА VIII.

Неудачное наступление на город Симбирск.

К 10 августа собирались атаковать город Симбирск. Нам на помощь была прислана Курская бригада под командою тов. Азарха. Положение в то время под Симбирском у нас было неважное. Из Симбирской группы войск у нас осталась лишь одна бригада,

остальные части рассеялись и были разбиты по разным дорогам по пути в г. Казань. К 3 часам ночи начальник штаба тов. Захаров звонит мне по телефону и сообщает, что прибыл один эшелон пополнений и еще прибудут три, и просит придти в штаб армии. Там мне представляют тов. Азарха, как командира только-что прибывшей Курской бригады. Первые слова, направленные ко мне тов. Азархом, были: «Вот я прибыл с тремя полками. Дайте мне самостоятельный боевой участок». Смотрю передо мной стоит действительно бодрая воинская фигура, человек молодой лет 22-х, стройный, невысокого роста, с энергичным выражением лица. На следующий день получаем приказ от штаба фронта — один из трех прибывших полков бригады отправить немедленно по направлению города Казани, а других два—по направлению к Симбирску. После долгого упорства со стороны Азарха, которому не хотелось расстаться с полком, приказ был приведен в исполнение. Очень жаль было молодому герою расстаться с полком.

13 августа 1918 года оба полка вместе с четырьмя другими уже наступают на город Симбирск. Но день этот был днем несчастья. На левом фланге боевого участка, на котором находился тов. Азарх, неприятелю удалось прорвать фронт. Молодой командный состав, привыкший и обученный командовать «церемониальным маршем», позабыл выслать заблаговременно разведку, а также прочно связаться с соседними частями. Неожиданно столкнувшись с противником, один из полков был рассеян и принужден отступать. Другому полку было приказано двигаться правее первого. Но тот, выгрузясь из вагонов и отойдя верст 5 за ст. Охотничьей остановился в лесу и попал в такую же историю. Офицерский батальон противника, подойдя на самое близкое расстояние, открыл по нашему бивуаку артиллерийскую стрельбу, обращая наши войска в бегство по направлению к ст. Охотничья, откуда они в эшелонах и пешком собирались отступать. Положение спасло настойчивость командира Симбирской Железной дивизии тов. Гая, который во главе кучки храбрецов пошел в контр-атаку и отбил противника от ст. Охотничьей.

Командарм Тухачевский и я находились на правом фланге фронта в 18-ти верстах от ст. Охотничья на берегу Волги. Получив сообщения, что дела на левом фланге плохи, мы немедленно поехали туда. Прибыв вечером на ст. Охотничья, мы встречаем в беспорядке бродящих стрелков бригад Азарха. Мы не узнаем их полки, которые видели так превосходно марширующими на ст. Инза за два дня перед их отправлением на фронт. Теперь все смешалось в нестройную бегущую массу, нет командиров, нет больше солдат, царит полный хаос. В ту же ночь вместе с Азархом был выработан план, по которому он должен снова собирать свою бригаду и занять снова свою определенную боевую позицию деревни Выры. Но это не удалось; на следующий день бригада не выдержала боя и вместе с ней должны были отступать и другие полки, наступавшие на Симбирск. В этом бою пал также командир бригады Азарх. Левый фланг был принужден отступить на 30 верст, вследствие чего пришлось отступать и правому флангу, чтобы не быть отрезанному. Первая попытка овладеть городом Симбирском окончилась неудачей. План наступления разрушила Курская бригада. В параде блестящие полки в бою оказались негодными, т.-е. невыдержанными. Причина поражения скрывалась в недостаточной боевой подготовке, недостаточной организации разведки и связи. После этого боя вся Курская бригада распалась окончательно. 20 августа в ней насчитывалось всего 1200 штыков. Часть разбежалась, а другая часть легла костьми на поле брани. К этому несчастью прибавилась еще потеря броневого поезда № 5, который нам пришлось взорвать, так как одновременно с отступлением Курской бригады противником был подожжен железнодорожный мост южнее ст. Охотничья. Эта неудача оставила как в нас самих, так и в рядовых красноармейцах очень тяжелое впечатление, тем более, что мы сами располагали на взгляд такими хорошими превосходными силами и были уверены в полной победе присутствия духа; надежды мы не потеряли, а принялись снова за работу, напрягая все наши силы, способности и знания.

Эта наша крупная неудача принесла за собой для нас хорошие последствия, каких мы совершенно не могли ожидать. Наш политический горизонт после всей эсеровской авантюры был для нас самих, фронтовиков, очень неяснен. Всюду между нашими только-что прибывшими товарищами, политкомами и командным составом слышались разговоры о скором крахе и реставрации керенщины. Должен признаться, что все это на нас с тов. Тухачевским так повлияло, как на умирающего, для кого никакие лекарства не горьки, лишь бы о таваться живым. Так и нам пришлось использовать все средства для излечения нашей армии. Мы с тов. Тухачевским тогда поставили для себя девиз: „если умереть, то умереть только истинными борцами, после последнего выстреленного патрона— даже при условиях, если весь центр будет захвачен и отрезан от нас". Это помогло.

ГЛАВА IX.

Взятие города Симбирска.

Через три недели, т.-е. к 8 сентября мы снова собрали силы, снимая таковые с других направлений, как с фронта Пенза — Сызрань, чтобы пойти в наступление и занять Симбирск. Это было рискованно, но другого выхода не было, — пришлось оголить один фронт, чтобы победить на другом. Наша цепь находилась тогда верстах в 60-ти от города. Линия тянулась длиною около 90 верст. 8 сентября 1918 года начинаем планомерно двигаться вперед. К утру 10 числа мы стояли уже в 30 верстах от города, а к вечеру всего в 15 верстах. День 10 сентября был днем штурма. С самого утра до позднего вечера гремели орудия. Завязывались серьезные бои у д. Выры-паевка. Рота 1-го Симбирского полка бросилась в штыковую атаку, выбила оттуда белогвардейский офицерский батальон и взяла трех офицеров из них в плен. Весь день 10 сентября пришлось выдержать жестокий бой. Белогвардейцы сражались геройски — но наши не хуже. К вечеру начали приостанавливать свои действия один за другим неприятельские орудия и, в конце-концов, совершенно утихли. Наша цепь, которая теперь окружала город полукругом, сократилась до 50 верст и начала все теснее и теснее сжимать неприятеля своим железным кольцом, подходя все ближе и ближе к городу. Утром 2 числа противник вывез из города свои орудия и переправил через Волгу. Продолжалась только редкая ружейная стрельба. К трем часам дня посреди цепи на автомобиле, который сопровождал взвод кавалерии, мы с начальником Симбирской дивизии тов. Гая в'ехали в город Симбирск. Везде из углов раздавались выстрелы, а у го-

родского сада по нас открыли ружейный огонь. Мы ответили захваченным с собою ручным пулеметом,— завязался уличный бой. Но он был скоро ликвидирован. Несколько продолжительней тянулась перестрелка у железного моста через Волгу. На мосту стоял бронированный поезд противника, который стал в свою очередь обстреливать город. Но он был уже нашим. Трогательно было освобождение из губернской тюрьмы красноармейцев и сторонников Советской власти. Мы освободили в этот день около полуторы тысячи людей. Нас окружала толпа освобожденных, оборванных, грязных и бледных товарищей, которые целовали нас, плакали от радости и кричали, прорезывая воздух громкими кликами радости о победе и „ура".

Начальник дивизии тов. Гая, окруженный товарищами, произносит речь. Он по национальности армянин. Говорит хорошо по-русски, но от возбуждения и наплыва чувства начинает путаться, размахивать руками и большинство слов произносит на своем родном языке... Мы все прислушивались и отлично поняли друг друга... Это для нашей армии был первый миг радости после протекших шестимесячных поражений.

Следующий день был опять днем усиленных и трудных боев. Нам необходимо было прогнать противника на почтенную дистанцию, откуда бы он не мог продолжать орудийный обстрел города. Удалось. Наши части перешли реку Волгу и прогнали противника, но не надолго. Через пять дней принуждены были вернуться обратно к м сту.

Противник 10 сентября тесным кольцом стал двигаться на мост, но был отбит. Особенно геройский подвиг совершила рота Интернационального полка, которая состояла из мадьяр и австрийцев. Ей было поручено охранять мост и она блестяще исполнила свою задачу. Несмотря на сильный пулеметный огонь наступающих белогвардейцев, наши интернационалисты двигались вперед, и в штыковой атаке отбросили противника назад. На следующее утро из роты в 130 человек нехватало 29 героев, из них 17 были убиты, а остальные ранены. Три дня город Симбирск подвергался артиллерийскому огню. В городе взорвались снаряды противника, стоящего по той стороне Волги. Из города отвечали мы, отвечали из орудий. Все части отступали на этот берег—мост противником был взорван. Переправы нет. К счастью прибыли силы с пароходами из Казани, которые, высаживая десант в верстах 30 южнее города, грозили обойти противника и тем принудили отойти его к Волге. В это время был взят город Буинск и Сенгилей. После взятия Симбирска нам стала улыбаться „богиня Победы". Больше упорства и героизма пришлось применять в боях уже под Сызранью и Хвалынском.

ГЛАВА X.

Взятие городов Сызрани, Хвалынска и Самары.

29 сентября 1918 года мы снова уже третий раз охватили кольцом город Сызрань. Наступление на Сызрань и поражение противника для него произошло совершенно неожиданно. Мы напали на него с тыла. После взятия Симбирска были отделены несколько полков, которым пришлось сделать пешком около 200 верст, наступая в тыл противнику. Противник укрепился и ждал наши главные силы со стороны Инзы и г. Пензы. По этому направлению белые укрепились, вырывая глубокие окопы и строя проволочные заграждения, тянувшие я на десятки верст. Но никто из нас не бросился атаковать их, а только последние дни мы тревожили их постоянно непрерывным орудийным огнем, показывая вид, что серьезно подготовляемся наступать. В это время подкрадывались к ним полки, идущие от г. Симбирска, отрезали у них путь к отступлению у Александровского моста через реку Волгу. Больше чем один полк чехо-словаков и белогвардейцев бросились в рыбачьи лодки, или прямо вплавь, чтобы только не попасть в плен. Боясь быстрого преследования, они пытались загородить мост и пустили по нем товарный поезд, который сошел с рельс, а за ним отдельные паровозы, вызывая таким образом крушение и загромождая мост горами разбитых вагонов. Но этого им показалось еще мало. Вечером при помощи пироксилинных шашек они взорвали пролет и провалили в воду две фермы. На уцелевших частях моста стояла груда из 20 разбитых вагонов. Один из паровозов лежал поднявшись одним концом на другого. По всему мосту валялись трупы убитых людей и лошадей. Тут же стояли три вагона снарядов, которые были загнаны на мост для усиления взрыва, но как-то чисто случайно уцелели. Вся эта картина опустошения развертывалась перед самыми глазами на огромной высоте над Волгой.

Все это задержать наше наступление не могло. К 7-му октября мы уже с нашими войсками из гор. Сызрани находились в городе Самаре.

О. Калнин.

Год работы Отдела Снабжения.

Отдел Снабжения армии начал свое существование с 20 июня 1918 года в составе 4 человек служащих и начальника снабжения. Он начал фактически свое существование немного раньше, но я беру начало отдела с появления 1-го номера приказа. После памятной муравьевской авантюры в Симбирске, когда вопрос о дальнейшем существовании партизанских отрядов был поставлен ребром и разрешен в отрицательном смысле, мы приступили к организации регулярной Революционной армии, сколачивая из существующих отрядов полки, бригады и дивизии. Существующий в то время орган снабжения армии из пяти человек не мог бы справиться с такой ответственной задачей, как снабжение вновь сформировавшихся частей всеми необходимыми видами довольствия; у него не было ни системы ни работников; был только начальник снабжения и четыре неопытных в работе сотрудника, которые и вели всю работу, исполняя по несколько должностей сразу: так начальник снабжения бывал часто и капенармусом, удовлетворяя проходящие одиночки, т.-е. одиночных красноармейцев, идущих на фронт и в тыл, то продовольствием то обмундированием. Такая система работы с реорганизацией армии не могла быть рациональной; условия разгоравшейся гражданской войны, как то: расширение фронта, усиленный приток живой силы, все это требовало создания стройной и мощной

организации с заготовительным и распределительным аппаратом, с достаточным количеством опытных работников, которые в условиях маневренной войны могли бы быстро и своевременно снабжать части и вести учет расходуемому. Кроме указанных причин, которые властно требовали скорейшего создания отдела, было много и других. Главной и основной было отсутствие в довольствующих учреждениях центра и фронта какого бы то ни было имущества; фактически оно было, но старый прогнивший аппарат достался нам в разрушенном виде и трудно было собрать и учесть разбросанное имущество по всей территории Республики. Это была, я думаю, главная причина отсутствия притока всякого рода имущества в армию. Армии приходилось изыскивать все самой, чтобы питать свои части, что при существующем в то время положении, т.-е. отсутствии централизации и процветании „власти на местах" было не легко. Все время создавались междуведомственные трения, вредно отражавшиеся на снабжении армии. Приехав в армию в первых числах августа месяца и получив соответствующее назначение в Отдел Снабжения, я застал период организационной работы. Только что проведенная Реввоенсоветом армии мобилизация специалистов из бывших офицеров царской армии в своем районе дала для Отдела Снабжения нескольких специалистов, в том числе опытного начальника снабжения с академическим образованием, человека с практическим опытом по службе в старой армии и не пропитанного старым интендантским духом, с назначением которого организационная работа быстро подвинулась вперед, и теперь, когда можно оглянуться назад и проверить пройденный этап, можно с уверенностью сказать, что скорой организацией отдела и успешностью проделанной за год работы мы обязаны, главным образом, специалистам, против которых так восставали многие товарищи в центре. Организация отдела шла быстро и уже в конце августа мы имели армейские вещевые и продовольственные магазины, артиллерийские и инженерные склады, Управления: Интендарма, Зача, Зинча и армейский орган заготовок; правда, набранный в то время состав сотрудников был не так опытен, нехватало специалистов, на почве чего происходил ряд курьезов, один из которых ниже я помещаю. В составе сотрудников было всего 5%, занимавших в старой армии хозяйственные должности. Набор сотрудников происходил без предварительного испытания и попадали люди совершенно неопытные. Так, интендант армии отбыл в служебную командировку и, не имея помощника, оставил своим заместителем смотрителя продовольственного магазина с оставлением за ним исполняемых обязанностей по магазину. В магазин спешно потребовалась пшеничная мука для удовлетворения лазаретов, а порядок получения этой муки требовал обязательно разрешения интендарма. Как тут быть? Мука нужна, а интенданта нет... И тут догадливый товарищ находит выход: как смотритель магазина, он эту муку требует, составляя на то определенное требование за своей подписью, он же, как врид. интендарма, разрешает получение муки, накладывая соответствующую резолюцию на том же требовании и, наконец, опять-таки, как смотритель магазина, принимает муку, давая надлежащую расписку. Выход найден, формальности как будто соблюдены и мука получена.

Но, несмотря на множество таких курьезов, созданные управления были работоспособны и справлялись со своей задачей более чем удовлетворительно; тормазом всякого рода организационной работы являлось неполучение руководящих указаний для дальнейшего формирования отделов и магазинов. Не было указаний, как формировать отделы и управления, не было схемы и порядка. На все вопросы центру и фронту следовало или гробовое молчание или ответы приходили с большим запозданием; так схема положенных магазинов армии была нами получена в апреле месяце 1919 г. телеграммой из штаба фронта, а фактически она была проведена в армии еще в августе — сентябре 1918 г. При таких условиях приходилось налаживать работу Отдела в начале его существования. Главным тормазом снабжения частей продовольствием, как я указывал, было отсутствие притока такового из центральных органов Снабжения. Центральные довольствующие управления в армию совершенно ничего не давали и нам приходилось, преодолевая всякие препятствия со стороны разных гражданских учреждений, заботиться о себе самих. Тяжесть положения еще усугублялась тем, что одновременно с армией приходилось снабжать и гражданские учреждения: так были снабжены железнодорожники Рузаевского и Инзенского узла, которым было дано 4000 пудов зерна и другие продукты, заполучить которые до нового урожая представляло громадные трудности. Приходилось пускаться на товарообмен с деревней, меняя мануфактуру, которая попадала в армию, и сахар на хлеб; это было, конечно, не совсем правильно, в особенности обмен сахара, так как такая операция наделяла кулаков, имеющих запасы хлеба, сахаром, но другого выхода не было; требовался хлеб и нужно было его достать. После сбора урожая картина изменилась, но все-таки товарообмен с деревней давал реальные плоды. Продовольственных отрядов в армии не было, за деньги деревня хлеб не давала и указанный мною способ был в то время единственным, который приносил реальные плоды, и вследствие которого армия получила хлеб своевременно. Отношение губпродкомов, упродкомов было к армии если не совсем отрицательное, то во всяком случае индифферентное, что видно хотя бы из следующего: декретом Совнаркома были утверждены для всей Советской Республики определенные твердые цены, но получить от учреждений что-нибудь по твердым ценам не представлялось возможным. На наши запросы губпродкомам и упродкомам о нужном нам продовольствии мы получали ответы, в которых продовольствие нам предлагалось, но по вольным ценам и сейчас в делах Отдела заготовок можно найти много телеграмм с такими ответами. И это исходило от учреждений, стоящих во главе продовольственных учреждений губерний, уездов и волостей, про сельские учреждения говорить не приходится. Снабжать своевременно части и придерживаться строго распоряжений центра при такой обстановке не представлялось возможным. Если же иногда и нападали на какой-нибудь губпродком или упродком, который и придерживался твердых цен и давал армии продукты, то это было очень редко. У населения непосредственно можно было, особенно после занятия Сызрани, Симбирска и Самары, закупить дешевле твердых цен, но на этой почве происходили недоразумения и не только в прошлом году, когда учреждения были еще не окрепшими, но и теперь, всего несколько месяцев тому назад, нам пришлось встретиться с случаем слепого соблюдения твердых цен одним из упродкомов.

Исключением была только работа с пензенским губпродкомом. Приходилось и с ними иногда попачкать бумагу на разные отношения, но все-таки отношение товарищей было к нам хорошее, требования армии

выполнялись своевременно. Были и у них моменты, когда они пускались на реквизиции наших продуктов для удовлетворения своего населения, но это были единичные случаи. Все мною описанное являлось результатом непонимания товарищами военной обстановки.

Существовала еще одна тенденция у некоторых учреждений, как-то: у губвоенкомов и центроколлегии; это нежелание расстаться со своими запасами, в подтверждение чего приведу еще один случай. Узнаю, что у Пензенского губвоенкома имеются большие запасы консервов, сахару и крупы, а в армии этих продуктов не было. Специально еду из Рузаевки в Пензу, чтобы добиться разрешения от губкомиссара уступки хотя бы части указанных продуктов для армии, но неуспешно: получаю отказ; доказываю товарищам неправильность их доводов, но все напрасно. В ответ называют мне цифру предполагающихся у них формирований, довольно-таки внушительную, и говорят, что продукты потребуются для них. Прибегаю к помощи товарища Юренева, который случайно оказался в Пензе, где и добиваюсь определенных результатов. На другой день выпущенным приказом В. В. И. за № 1 продукты были нам даны. Продукты удалось получить, но потеряв лишнее время. В такой атмосфере приходилось снабжать части продовольствием.

Движение продовольствия в армии за истекший год представлялось в следующих цифрах. Если к сентябрю месяцу 1918 года мы не имели никаких запасов, то уже в ноябре мы имели двухнедельный запас, а к январю месячный запас. Я говорю про продовольствие, которое при существующем армейском органе заготовок нам удавалось заготовить самостоятельно, такими продуктами являлись: мука, соль, картофель, капуста. Кроме указанного периодического прироста запасов, мы имели небольшой запас консервов. (В Симбирске, после очищения его от чехословаков, было взято 70.000 порций). Большим плюсом работы по снабжению армии продовольствием являлось и то обстоятельство, что армия в своем движении вперед от Инзы до Верхне-Уральска проходила по хлебным районам. Острая нужда наблюдалась: в табаке, сахаре и чае; но после очищения Украины с сахаром вопрос уладился, вместо чая вырабатываются суррогаты; что же касается табаку, то с таковым дело обстоит неважно.

Касаясь все время продовольствия, я умышленно ни слова не написал про обмундирование, чтобы не путать их вместе, и дать более подробное описание.

В начале организации армии, когда приток живой силы увеличился, положение с обмундированием, снаряжением и обозом было неважно. Спрос на обмундирование усиливался с каждым днем, а в магазинах такового не было. Поступавшего же из центра, главным образом из Москвы по нарядам Главхозупра, было далеко недостаточно, да и получение его наладилось только с августа месяца, а армия начала свое строительство с июня месяца. Перед Отделом Снабжения вставал остро вопрос о немедленных самостоятельных заготовках; так как мастерских и материалов в распоряжении армии не было, то нужно было найти другой способ пополнения вещевых магазинов. Было хорошо известно, что все узловые железнодорожные станции, да не только узловые, но и маленькие станции были забиты военными грузами, которые простаивали месяцами. Все эти грузы частью совсем не имели конечного назначения или же имели назначения в города, к тому времени занятые неприятелем, а поэтому болтались по станциям железных дорог, загромождая пути и занимая подвижной состав. Учитывая все время возрастающую потребность в обмундировании и снаряжении, мы предпринимали обревизирование этих грузов, для чего создалась комиссия, в которую входили представители армии и представители железнодорожной администрации, которая осматривала вагоны и брала годное для нужд армии имущество. Правда, такой способ пополнения магазинов не давал особенно реальных результатов и создавал массу конфликтов с существующими в то время Центро-Коллегиями (эвакуационными комиссиями), на обязанности которой и была работа, которую проделывали мы, т.-е. разгрузка станций от грузов, не имеющих прямого назначения или имеющих назначение в города, занятые неприятелем. Все конфликты возникали, главным образом, из-за нежелания отдать грузы для нужд армии, так как у комиссии существовал особенный порядок: отправка грузов в центр, а оттуда уже последние переотправлялись по нашим требованиям нам. Безусловно, такой порядок работы для страшно нуждающейся в то время армии был невыгоден во всех отношениях. Происходила задержка в получении обмундирования и красноармейцы не получали во-время положенного им имущества, что вызывало у них недовольство. В своих стремлениях разгрузить станции Центро-Коллегии доходили иногда до таких шагов, как отцепка от состава наших вещевых магазинов (в то время магазины стояли на колесах) грузов, добытых нами вышеуказанным способом, проделывая это без всякого предупреждения. Такая картина незаконного пополнения наблюдалась до сентября месяца, когда командарм получил от Реввоенсовета Восточного фронта мандат на право осмотра всех складов и железнодорожных станций в районе расположения нашей армии.

Обследование складов дало массу открытий, конечно, не неожиданных: так на складах одного из военных комиссариатов было найдено 3000 штук седел, а в армии в то время наблюдалась в седлах сильная нужда. В другом складе — до 100.000 шт. шанцевого инструмента и так далее, но больших запасов обмундирования открыть не удалось, почему пополнить свои склады и одеть красноармейцев, несмотря на наши открытия, нам не представлялось возможным. Седла, например, были взяты на Южный фронт, а из обнаруженного небольшого количества обмундирования получить ничего не удалось (получили кое-что только от Пензенского губвоенкома).

Период организации собственных мастерских начался в сентябре месяце, когда появились материалы на постройку обмундирования. По взятии Симбирска в сентябре месяце в городе были обнаружены большие запасы сукон: шинельного и защитного, а также и бязи для белья. Была предпринята спешная эвакуация, так как события могли принять совершенно противоположный для нас оборот, что и сказалось к 21 сентября, когда неприятель вновь стал угрожать городу. Гражданские учреждения еще не возобновили своей работы. Учреждения, коим бы надлежало ведать эвакуацией, явились только тогда, когда главные склады были почти эвакуированы армией. Заводские комитеты фабрик, коим принадлежали частные склады, ждали распоряжения Центротекстиля, от которого никаких распоряжений не поступало. Эвакуация города производилась под огнем неприятельских батарей, обстреливающих город, и была проделана армией успешно. Было вывезено до 200 вагонов разного рода грузов. Часть этих грузов была направлена в Москву, часть передана фронту, др. армиям и в армейскую базу в

Сасове. По окончании эвакуации мы и приступили к организации мастерских для шитья обмундирования, обуви и починки и постройки обоза. Были организованы обмундировочные и белошвейные мастерские в Кирсанове, с. Пяше, белошвейные—в Вознесенском монастыре, сапожные — в с. Бекове и обозно шорные—в Сердобске. Спешно приступили к шитью обмундирования, что сильно помогло снабжению красноармейцев обмундированием.

Производительность была сначала не особенно велика, так как все время сказывался недостаток то приклада, то ниток. Так же трудно было и расширить мастерские, нехватало машин и рабочих рук. За последнее время производительность усилилась, введены две смены рабочих (в кирсановской мастерской), но мастерские от армии отошли фронту. Кроме указанных мастерских в Сызрани, на армию работают все мастерские союза „Игла", которые шьют шинели, белые халаты лазаретные, шаровары и гимнастерки. Из всей суммы полученного за год обмундирования, принимая во внимание только прошедшее чрез интендарма, 36% заготовлено усилиями армии и 64% получено через фронт. Особенно остро обстоял и обстоит в армии вопрос с обозом; за период годичного существования с введением конско-повозочной повинности вопрос потерял такую остроту, но все-таки оставляет желать много лучшего. В армейских обозных мастерских удалось сделать только до 130 парных хозяйственных повозок. Большим минусом в снабжении частей вещевым довольствием являлось несвоевременное получение обмундирования из фронта, как, например: в марте месяце нами был получен наряд на белье—халаты для разведчиков; получить их удалось только в конце марта, а в части они дошли бы еще позже, когда вместо снега на полях была бы трава, а вместо белых халатов нам потребовались бы зеленые, так что вместо того, чтобы удовлетворить разведчиков, халаты эти пришлось сдать в лазареты. Конечно, в этом много виноват наш разрушенный транспорт, но были и другие причины, о которых будет судить история. В общих же чертах снабжение армии вещевым имуществом стояло все время удовлетворительно.

Снабжение частей армии о г н е п р и п а с а м и обстояло все время и стоит лучше, чем с другими видами довольствия. За год своего существования армия ни разу не ощущала недостатка в огнеприпасах и даже имела излишек, приходя посильно на помощь другим армиям. Наблюдался частичный недостаток винтовок, но он был сразу же изжит. За период своего годичного существования Отдел артиллерийского Снабжения окреп. Имеет две мастерских для починки не только ручного оружия, но и орудий. Работа развилась настолько, что от починок перешли к изготовлению новых частей. Так в мастерских 24-ой дивизии, несмотря на то, что мастерские являются передвижными и помещаются в вагонах, в них успешно производится отливка новых пулеметных станков к пулеметам „Максима" (см. рисунок). В армейской мастерской делаются новые зарядные ящики. Недостаток металлов выучил нас относиться бережно к каждому гвоздю, и поэтому всякий лом употребляется в мастерской в дело. Например, ломаные шомпола употребляются на выделку спусковых пружин и т. д.

За время своего годичного существования армии часто приходилось производить эвакуацию артиллерийского имущества, оставленного неприятелем в занимаемых городах, что проделывалось успешно. Кроме вышеуказанных мастерских, починки ручного оружия, в особенности незначительные, производятся в полковых мастерских, которые имеются при многих полках, чем достигается скорость починки.

Пулеметно-починочная мастерская 24 дивизии.

Все имущество эвакуировалось в тыловой артсклад, где сортировалось и соответствующим образом распределялось.

В большинстве бросаемые неприятелем артгрузы представляли из себя легкие снаряды и патроны иностранных систем. В своей работе Отдел артиллерийского Снабжения имел все время преимущество пред другими отделами тем, что пополнялся отбитым у неприятеля имуществом, пересылая даже излишки в центр.

Что же касается инженерного имущества, то снабжение им частей армии представлялось в следующем виде: шанцевого инструмента, к лючей проволоки у армии имелось все время в избытке. Наоборот, телефонного имущества был и наблюдается сейчас недостаток. В частях большой некомплект положенного им телефонного имущества, что вредно отражается на связи.

Не наблюдалось недостатка и в подрывном имуществе, которое расходуется не так часто, а поэтому было всегда и есть сейчас после года существования армии в избытке. Сознавая недостаток телефонного имущества во всей Республике, армией организованы мастерские для починки телефонных аппаратов и проводника. В общем же с инженерным имуществом вопрос обстоит в армии далеко не так, как с артиллерийским, и оставляет желать много лучшего.

В общих же чертах, подводя итоги за год работы Отдела, можно смело сказать, что работа наладилась и протекает успешно, доказательством чего может служить продвижение нашей армии вперед, начиная от Инзы до Орска. Если и есть в работе недостатки и пробелы, то они не результат неумелой работы, а вызваны условиями гражданской войны. Армия снабжена удовлетворительно, во всяком случае лучше,

чем была снабжена в империалистическую бойню старая демобилизованная армия, принимая во внимание, конечно, наличие всякого рода имущества тогда и теперь, а также учитывая и помощь извне от союзников всякого рода имуществом, которую получало царское правительство и не получает Рабоче-Крестьянское Правительство.

А. Поздышев.

Год существования инженерных частей в армии.

Год тому назад 1 армия, после отступления из Симбирска представляла собой не ту грозную, сплоченную армию, какою она является теперь, а отдельные партизанские отряды и группы войск, благодаря своей малочисленности и отсутствию обозов, тяготевшие к железной дороге. Инженерных частей в армии совершенно не было, т. к. Управление Начальника Инженеров армии во главе с самим начальником, инженером *Зигерикорном* в полном составе осталось в Симбирске после отхода оттуда красных войск. Командиры групп, полков, батальонов, имея смутное понятие в инженерном деле, только на основании своего боевого опыта выбирали позиции, разбивали окопы. Особенно большая нужда ощущалась в технических силах и рабочих для починки мостов и других железнодорожных сооружений, разрушаемых по линии железной дороги нашими и неприятельскими войсками, чтобы остановить наступление противника. Сам собой, благодаря самому характеру войны по линиям железных дорог, при полках образовались подрывные команды из 4—5 человек, для взрыва мостов и других искусственных железнодорожных сооружений, чтобы удержать наступление противника и тем самым дать возможность укрепиться на новых позициях. По окончании ликвидации муравьевской авантюры, 1 армия получила боевое задание: овладеть городом Симбирском и тем самым открыть доступ к р. Волге.

Учитывая то обстоятельство, что при отступлении чехо-словаки будут разрушать железнодорожный путь и мосты, надо было создать техническую организацию для их восстановления в целях скорейшего продвижения армии вперед.

Согласно приказа командарма 1 теперешний начальник инженеров армии, тов. Толстой, 28 июля 1918 года приступил к формированию управления начальника инженеров, воспользовавшись для этой цели имевшимся в распоряжении начальника дежурства армии кадра мобилизованных в г. Пензе бывших офицеров-сапер. Первоначальный штат управления значительно отличался от современного штата начальника инженеров армии, ибо в него входили ныне не существующие уже отделы, как то: *связи, дорожный, снабжения, автопарк.*

По отделу *связи* было сформировано 2 под'отдела: *телефонно-телеграфный* и *полевой почты*. Впоследствии же, когда телеграфная связь армии упорядочилась и при штабе армии образовался отдел связи, *телеграфно-телефонный* под'отдел был расформирован. Под'отдел *полевой почты* имел главную контору на ст. Инза и отделения в Рузаевке и Пензе. Для их обслуживания было оборудовано 11 крытых вагонов, которые и курсировали в районе армии.

В целях упорядочения движения по железным и прочим дорогам в районе армии, приказом Командарма все дороги были переданы в распоряжение начальника инженеров армии. При управлении был сформирован *дорожный отдел*, в ведение которого поступали все дороги в районе армии. Для более успешного проведения в жизнь приказа командарма были мобилизованы 8 и 10 участки службы пути М.-Каз. ж. д. и из служащих этих участков была образована отдельная железнодорожная рота, под названием 1 Инзенской железнодорожной роты, под командой начальника 8 участка службы пути инженера Федорова, которая и была первою инженерной частью армии.

Она работала на участке Инза-Охотничья по починке мостов в непосредственной близости от противника, под орудийным огнем, и имела потери убитыми и ранеными около 25 человек. Впоследствии, когда армия создала свои инженерные части, рота была расформирована. Кроме того, из Абдулинского железнодорожного отряда была образована Абдулинская команда, которая работала по починке железнодорожного пути и мостов в районе армии.

Снабжение армии инженерным имуществом носило случайный характер и потому при управлении начальника инженеров был образован *отдел снабжения*, имеющий на ст. Сасово инженерный склад армии, а впоследствии при нем починочную мастерскую и на ст. Рузаевка и Инза — расходные магазины инженерного имущества. Впоследствии отдел снабжения был передан в ведение начальника снабжения армии. Починочные же мастерские с течением времени расширились и являются теперь главными мастерскими армии и за годовое свое существование выпустили из ремонта 147 легковых и грузовых автомобилей и несколько мотоциклетов.

Автопарк управления начальника инженеров служил базой сбора и передачи в части армии автомобилей, мотоциклетов, горючего и смазочного материалов. Из машин автопарка была сформирована боевая автоколонна под командой тов. Чудакова, оказавшая большую помощь войскам в наступлении на Симбирск в сентябре 1918 года. Впоследствии эта автоколонна была придана Симбирской Железной дивизии, участвовала в боях под Самарой, переформирована в отдельную автороту и, наконец, расформирована с передачей всех машин в автомотоциклетное отделение армии.

Первая военная инженерная часть, которая влилась в армию, была команда подрывников из электротехнического саперного батальона в количестве 15 человек. По занятии г. Симбирска войсками 1-ой армии этой командой была минирована р. Волга у Поливного Врага на случай наступления чехо-словаков со стороны Казани по р. Волге. Затем команда находилась при 24 инженерном батальоне и исполняла поручения по минированию мостов и др. подрывные работы.

В июле 1918 года армия состояла из добровольцев; сапер в частях не было, мобилизационный отдел армии еще не был сформирован и формировать инженерные части представляло большие затруднения. Приказом начальника инженеров т. т. Тимофееву и Реммер было поручено сформировать две инженерные дружины т. т. Николаеву и Литвинову—кабельное отделение в г. Пензе. Все эти части комплектовались из специалистов по

вольному найму. Перед началом операции под Симбирском эти две дружины, первая в количестве—106 чел. и вторая—120 чел. и кабельное отделение—56 чел. прибыли в армию и поступили в распоряжение начальника Симбирской железной дивизии. По окончании операции кабельное отделение было передано в отдел связи дивизии, а дружины послужили основанием для формирования двух отдельных саперных рот.

В распоряжении начальника инженеров армии находилось три головных отряда №№ 2, 3 и 4, работавшие по Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской ж. д., а по мере продвижения армии вперед—по Волго-Бугульминской, Самаро-Златоустовской и Ташкентской ж. д. Из выдающихся работ указанных отрядов необходимо остановиться на следующих: постройка Сло Барышского, Грязнушенского, Свиярского, Ак-Булакского, Кинельского, Самарского, Днигуского мостов и организации переправы через реку Волгу по льду, а также принятия участия в теоретической разработке проекта восстановления Александровского Волжского моста. Впоследствии указанные отряды были переданы в распоряжение К. И. С.

К работам управления Начинарма необходимо отнести и так называемую „саперную разведку“. В особенности таковая была жизненна при исправлении мостов в районе Корсунского уезда Симбирской губернии.

В период подготовки наступления на Симбирск Симбирской железной дивизии начальником инженеров были командированы 4 техника управления в Корсунский уезд для осмотра и приведения в полную годность дорог и мостов в направлении на Симбирск.

Командированными техниками были выполнены следующие работы: на участке с. с. Анненково—Карауловка—Криуши—Капышовка—Уренская—Холмогоровка—техником тов. Гаврюшиным исправлен путь по шоссейным и грунтовым дорогам; построено и исправлено 11 мостов.

На участке с. с. Чирикеево—Богдашкино—Алгаши—Цимблевка—техником тов. Н. Павловым-Мельниковым исправлены дороги; исправлено и вновь построено 5 мостов.

На участке с. с. Холмогорская—Б.-Урень—Теньковка—Н.-Маклауши—Чирикеево—техником тов. В. Павловым-Мельниковым исправлены дороги; исправлено и вновь построены 25 мостов.

На участке с. с. Чирикеево—В.-Темерсяны—Ср.-Темерсяны—Н.-Темерсяны—Цимбаевка—Прибрежное—Норовка—Ногаткино—Репьевка—Ознанки—Никулино—Воронцовка—Вольненское—Герасимовка—Теньковка—Б.-Урень—техником тов. Ивановым-Жигуловым исправлены дороги; исправлено и вновь построено 22 моста. Безусловно, армия не все оказалась полностью исполненными техниками управления работами, но общие интересы государственного хозяйства и мирного населения много от них выиграли.

В целях распространения знаний, необходимых стрелкам для самозащиты, в целях указания простейших способов самоокапывания пехоты, защиты ее от огня противника, в целях исправления разрушенных дорог и мостов, при управлении начальника инженеров были организованы *саперные курсы*.

Слушатели курсов вызывались из частей войск грамотные. Курс прохождения—месячный. Произведено было два выпуска: 1-й—42 чел. и второй—76 чел. Занятия велись теоретически, путем чтения лекций бывшими саперными офицерами и практическими работами в поле. Главное внимание уделялось саперному делу. Кроме того, на курсах давались краткие сведения, теоретически и практически, по топографии и подрывному делу.

За неимением достаточного количества специальной литературы для прохождения курса, как учебных пособий и для выдачи слушателям по окончании курсов, управлением начальника инженеров были переизданы следующие издания:

1. *В. Яковлев.* Сведения по саперному делу, обязательные для молодого солдата саперной роты (по программе № 1 по специальному образованию инженерных войск 1914 года). С чертежами и приложениями.

Издание Главного Военно-Технического управления 1917 года.

2. *Ю. И. Толмачев.* Окапывание пехоты в наступательном бою. Необходимые добавления к наставлению окопного дела. Москва 1917 года.

3. Сведения по саперному делу, необходимые для унтер-офицеров. Приложение к приказу Казанского военного округа 1916 года № 234.

4. *В. Новикова.* Новый тип стрелкового окопа. С чертежами.

5. *Вербицкий.* Сведения об образцах проволоки разных систем, устройстве проволочных заграждений, применяемых неприятелем, и о лучших способах уничтожения и преодоления проволочных препятствий.

Вновь составлена помощником заведывающего саперными курсами тов. Портновым с предисловием политического комиссара начальника инженеров тов. Сентябова, применительно к программе курсов.

6. Краткие сведения по постройке стрелковых окопов. Выпуск 1.

Кроме того управлением, как руководство для частей войск при постройке мостов, был издан атлас «Типовых чертежей деревянных шоссейных мостов».

В виду срочности замены фермами шпальных клеток на разрушенных железнодорожных мостах с наступлением разлива рек и ледохода, начальник инженеров предполагал собственными средствами при управлении изготовлять готовые деревянные фермы и для этой цели были переизданы чертежи:

1. Деревянной фермы «Лембке» пролетом 10 сажен, и

2. Рассчитана и издана в чертежах деревянная мостовая ферма системы «Тауна» пролетом 15 сажен.

Согласно новым штатам, утвержденным Реввоенсоветом I армии, управление начальника инженеров армии было переформировано в управление инспектора инженеров. Для работ в тылу армии под непосредственным наблюдением инспектора инженеров было сформировано управление главного руководителя работ с 4-мя конторами младших производителей работ. Последние являлись фактически исполнителями заданий управления Главрука, при помощи имеющихся в их распоряжении технических сил и наемного труда.

За год существования управления начальника инженеров были сформированы инженерные батальоны и отдельные саперные роты.

Год прошел. Армия, представлявшая собой отдельные отряды войск, является теперь крупной боевой силой, дисциплинированной и мощной, об'единенной одним общим стремлением: разбить наемников буржуазии и освободить народ из-под гнета капитала. Инженерные части, о которых ранее не было и помина, теперь почти в полном составе, по штату и за годовое свое существование вполне оправдали свое назначение.

Инженер для поручений при инспекторе

инженеров I армии *И. Руд...*

Год работы в санитарном управлении I армии.

Так как я прибыл в управление санитарной части армии одним из первых и непрерывно с тех пор принимаю участие в организации санитарной части армии, то и беру на себя смелость дать краткий очерк истории возникновения и дальнейшего развития ее.

Прибыл я в штаб армии 10 июля на ст. Инза, имея предписание Начсанвоста принять должность помощника начальника санитарной части армии, вместе с доктором Григорьевым — начальником санитарной части. Доктор Григорьев, человек и без того больной, почувствовал себя худо и через пару дней уехал обратно, а мне хочешь-не-хочешь пришлось взяться за мало знакомое мне дело—организацию санитарной части.

Положение я застал своеобразное: управление санитарной части армии еще не было. Санитарных учреждений и организаций почти тоже не было. Были три санитарных поезда (144, лит. К. и лит. С.).

Близ станции Инза — находилась наскоро приспособленная под лазарет уездная больница; на платформе станции сидели несколько сестер милосердия, не знающих куда деться—вот и все. Медицинский персонал в весьма скудном количестве был вкраплен в некоторые войсковые соединения; медикаментов и перевязки не было совершенно. Эвакуация больных и раненых совершалась стихийно. Просто больные и раненые подбирались товарищами, помещались в эшелоны, привозились на ст. Инза, где часть из них поступала на санитарный поезд, часть ехала дальше.

Никакой связи с войсковыми группами, никакого учета медицинских сил. Ведал всем санитарным делом начальник снабжения (просто потому, что некому больше было ведать).

Первым моим делом было изъять ведение санитарным делом из рук начальника снабжения; привести в известность и взять на учет все медицинское имущество, находящееся в органах снабжения армии, которого—увы!—оказалось очень немного; установить связь с войсковыми частями армии и наладить дело снабжения их медицинским имуществом и персоналом, также установить отчетность о движении больных и раненых, медицинского персонала, наличия имущества и пр.

Дело это оказалось не таким уж легким, и установить, например, хоть какую-нибудь статистику удалось лишь к октябрю месяцу.

Первая сводка, составленная 1 декабря, дала следующие результаты:

О медицинском персонале:

Состоит налицо 40 врачей, 137 лекарских помощников, 6 фармацевтов и 48 сестер милосердия.

О больных и раненых:

К 1 октября в лечебных учреждениях армии состояло раненых 241, больных 630, из них заразных 54.

Затем цифры эти непрерывно возрастали в связи с ростом армии и увеличением количества лечебных учреждений.

Так к 1 января 1919 года состояло: врачей 101, лекарских помощников 162, фармацевтов 10, сестер милосердия 60.

Больных и раненых состояло:

Раненых 602, больных 1348, из них заразных 127 и обмороженных 12. Но самое главное внимание было уделено формированию санитарных учреждений и истребованию их из центра. Прежде всего были наскоро сформированы и отправлены в районы дивизий 3 санитарных летучки; при ст. *Рузаевка*, при содействии местного железно-дорожного персонала, был создан армейский эвакопункт, конечно не типовой, с небольшим изоляционно-пропускным пунктом; при штабе армии — штабной околодок; в дивизиях стали формироваться дивизионные лазареты; в имении близ станции Рузаевка был устроен заразный барак, в монастыре Пайгарма—лазарет.

При Симбирской дивизии кое-какой лазарет уже существовал, но в Инзенской и Пензенской дивизиях пришлось их создавать вновь. Из центра были затребованы еще два поезда—87 и 181. 28 июля в армию прибыла военно-полевая аптека, правда скудно снабженная, но все же с этого момента дело снабжения армии медикаментами и перевязкой стало постепенно налаживаться.

С переездом штаба армии в Сызрань, маленький штат управления санитарной части армии был несколько расширен, и работа его стала интенсивнее.

В ноябре месяце была сделана первая робкая попытка формирования санитарных учреждений собственными средствами. Так как попытки эти, несмотря на невероятные трудности, оказались все таки удачными, то дело формирования продолжалось всю зиму и не закончилось еще и поныне. За зиму было сформировано 12 полковых перевязочных отрядов, 6 бригадных отрядов, столько же дезинфекционных, 4 эпидемических, 4 санитарных транспорта, 1 санитарно-гигиенический отряд и 4 полевых подвижных госпиталя. Из центра был прислан один полевой подвижной госпиталь и 2 запасных. С того же приблизительно времени стали делаться попытки организации специальной медицинской помощи, в первую очередь зубной, венерической и глазной. С этой целью было сформировано шесть зубоврачебных кабинетов, при каждом дивизионном лазарете небольшие венерические отделения со специальным оборудованием, при 58 запасном госпитале—глазной кабинет. В ноябре месяце в армию прибыл головной эвакуационный пункт (105) и с этого времени стало возможным вести точный учет свободных мест во всех санитарных учреждениях не только армии, но и вообще Республики и более быстрое и точное распределение больных по лечебным учреждениям соответственно роду заболевания. И, вообще, эвакуация больных и раненых с тех пор перестала носить случайный и стихийный характер. Все больные и раненые без исключения попадали на эвакопункт, где они пересматривались, сортировались и распределялись по лечебным учреждениям.

В конце декабря была сформирована постоянная врачебная комиссия, на обязанности которой лежит освидетельствование больных и раненых красноармейцев на предмет увольнения в отпуск и вовсе от службы. До того времени освидетельствования производились почти в каждом госпитале в комиссиях из госпитальных врачей, и дело это не носило должного единообразия и законности. В последнее время сформирована еще одна комиссия при 145 эвакопункте.

С переездом в г. Оренбург управление санитарной части поставило себе целью, чтобы ни один раненый и больной красноармеец не эвакуировался дальше Волги, а получал бы все виды медицинской помощи в

местности, наиболее благоприятной по продовольствию и наиболее благополучной в смысле распространения эпидемий. С этой целью оно приступило к энергичному формированию и развертыванию в г. Оренбурге и по линии Кинель — Оренбург, Кинель — Уфа лечебных учреждений, имеющих в общей сложности количество мест, вполне достаточное для всей армии, оборудуя Оренбург, как главный приемник, куда бы направлялась почти вся эвакуация из дивизионных санитарных учреждений. Эта задача была уже близка к осуществлению. К сожалению, отступление пятой армии и загиб левого крыла первой заставили временно отказаться от этой мысли и эвакупировать из Оренбурга все армейские санитарные учреждения, перестроив их таким образом, чтобы они в каждый момент готовы были обслуживать переходящую в наступление первую армию и даже частично пятую.

В последнее время управление санитарной части армии работало над проведением в жизнь специализации лечебных учреждений, т. - е. каждое лечебное учреждение должно было быть приспособлено для приема только определенного рода больных—один госпиталь должен был быть только хирургическим, другой—только терапевтическим, третий—кожным и венерическим и т. д. Это значительно увеличивало трудоспособность каждого учреждения. Наконец в последнее время управление санитарной части старается завязать возможно больший контакт с санитарными организациями других армий и других ведомств (Наркомздрава, Центропленбежа), с каковой целью устроено межармейское эвакуационное бюро с одной стороны и междуведомственное с другой, для того, чтобы деятельность всех этих организаций вела к одной общей цели— быстрая и планомерная эвакуация больных и раненых с передовых линий до лечебных учреждений, надлежащий уход и лечение в этих последних и наиболее успешная борьба со всеми видами эпидемий.

Оглядываясь теперь назад и перебирая в памяти события минувшего года—первого года Первой Революционной армии, — приходится сказать, что трудно, неизмеримо трудно было из ничего создавать такое большое и сложное дело, как санитарную часть армии. Прошлая империалистская война оставила нам тяжелое наследие. На полях Галиции, Бессарабии, Румынии, Подолии и пр. брошено и расхищено ценное санитарное имущество. Прахом и пеплом пошло то, что копилось веками.

И теперь из ничего пришлось создавать все.

К чести медицинских работников, ставших в ряды российского пролетариата, следует сказать, что они с честью выполняют возложенную на них трудную задачу. Их, правда, мало и все больше зеленая молодежь. Но, позабыв о таких вещах, как радость жизни, довольство и личное счастье, работают они не покладая рук, долго и упорно. Зато они знают иную радость— радость борьбы и победы. Врач *Алексеев.*

От Сенгилея—Инзы до Оренбурга—Орска [1]).

(Очерки и воспоминания о борьбе железной дивизии на чехо-словацком фронте).

ГЛАВА I.

Политическое положение Р. С. Ф. С. Р. в июне 1918 г.— Чехо-словацкое восстание.—Военные силы Советской России, партизанщина. — Отношение населения: рабочих, крестьян, интеллигенции.

В июне 1918 г. тяжелые тучи нависли над молодой Советской Республикой. Со всех сторон наседали враги и, казалось, не справиться коммунистической власти с наступавшими международными хищниками. Украина стонала под железной пятой „вельможного“ гетмана Скоропадского; на Дону царил и угрожал Воронежу продавшийся немцам Краснов; Красный Царицын был накануне падения.

Вся Белоруссия, Литва и Прибалтийский Край были во власти немцев, покровительствовавших белогвардейцам всех мастей и принимавших деятельное участие в организации белогвардейских партизанских отрядов в пограничной зоне и даже в нашем тылу. В последней работе с немцами успешно соперничали слуги Антанты.

Нашими крайними рубежами на западе и юге были: Орша, Брянск, Унеча, Курск. Мурманский край был захвачен англичанами, грозившими и Архангельску. Северный Кавказ был об'ят пожаром кровопролитной гражданской войны между бандами Бичеракова, наступавшими от Темир-Хан-Шуры на Владикавказ и русскими большевистскими войсками, мужественно отстаивавшими каждую пядь советской территории. Центр и Север изнемогали от продовольственного и транспортного кризисов, белогвардейские восстания вспыхивали в деревнях и городах. В Ярославле, Костроме, Тамбове, Кинешме, Иваново-Вознесенске, Шуе произошли мятежи на почве голода и подстрекательства подпольных организаций, правых эс-эров и меньшевиков.

В это-то время на востоке, в Пензе произошло возмущение чехо-словацкого корпуса, направлявшегося с юго-западного фронта через Владивосток на французский фронт. Подстрекаемые контр-революционными агитаторами и белогвардейскими офицерами, чехо-словаки отказались подчиниться приказу Наркомвоен Троцкого о разоружении и, восстав, захватили в свои руки некоторые учреждения в Пензе и вокзал. Вытесненные вскоре из Пензы они распространились по Сызрано-Вяземской ж.-д. дальше на восток и захватили Кузнецк и Сызрань. Против них были стянуты все имевшиеся в наличии красногвардейские силы, пущены были в ход все миролюбивые средства, но чешский командный состав, имея, очевидно, соответствующие инструкции от своих вдохновителей — российской и международной буржуазии,—наотрез отказался от всяких переговоров и выкинул правоэсеровский лозунг: „Долой советы и комиссаров. Вся власть Учредительному Собранию!“ Таким образом чехо-словаки сделались орудием махинаций учредиловцев и своим выступлением активно вмешались во внутренние дела оказавшей им гостеприимство страны.

[1]) В интересах самого широкого и всестороннего освещения исторических фактов, связанных с организацией первой армии, редакция Юбилейного Сборника дает место настоящей статье, представляющей ряд эпизодов и воспоминаний участника, несмотря на некоторую пристрастность в описаниях отдельных событий.

Установлено, что вождь чешской буржуазии, профессор Массарик получил от союзников для чешского Генерального Штаба многомиллионную субсидию на борьбу с Советской властью. Кроме того, им же была привезена большая сумма, собранная чешской буржуазией в Америке якобы на отъезд чехо-словацкого корпуса из России во Францию.

После взятия Сызрани под чешские знамена стали стекаться со всех сторон белогвардейцы: тут были помещичьи сынки—юнкера, жаждавшие мести за потерянную собственность и разгромленные имения, генералы без армий, сенаторы, изгнанные из сената, и всевозможные разновидности царских чиновников и контр-революционных офицеров, не могших примириться с захватом власти большевиками и спешивших занять теплые местечки под сенью учредительного знамени. А в тылу чехов спешно сформировывалась уральская контр-революция и создавались колчаковские армии. Таким образом, мало-помалу *возник чехо-словацкий фронт*, который, несмотря на свои вначале незначительные размеры, причинил много затруднений и бедствий Советской России. Прерыв сообщения по Волге, вследствие захвата и вооружения чехами стоявших в Сызрани пароходов, крайне тяжело отразился на доставке сырья с низовьев и фактически отрезал южную половину волжской артерии от северной.

Из Сызрани чехи двинулись на восток одновременно по Волге и сушей.

Это продвижение было роковым для Самары.

Самара в конце мая представляла из себя бурлящий котел. В клубах и на заседаниях Гор- и Губисполкома шла ожесточенная партийная борьба за власть между коммунистами с одной стороны и левыми эсэрами и максималистами (большей частью моряки) с другой.

Борьба эта при первом поводе (неправильная реквизиция лошадей коммунистами) вылилась в открытое восстание. Со стороны максималистов, которым вначале удалось захватить все важнейшие советские учреждения и организовать свой Революционный Совет, но не прошло и суток, как восстание было подавлено и левые эсэры были вынуждены на время уйти в подполье.

Наблюдая эту борьбу, черная сотня и контр-революционная обывательщина ликовали. Из уст в уста передавались злорадные слухи о движении казаков с востока и юга, о паническом бегстве красных дружин и пр. Опасность надвигалась и, удостоверившись в том, что на Самару движутся казачьи банды, недавние враги об'единились для совместной работы по обороне города. Но было уже поздно. Враг подошел не только с востока, но и с запада — враг дисциплинированный и стойкий.

Напрасны были усилия горсти партизан, образовавших несколько боевых дружин, отстоять красную Самару, они не в силах были противостоять отборным, раз'яренным войскам бело-чехов, действовавшим под командой опытных офицеров в то время, как красные добровольцы состояли на три четверти из наскоро обученных самарских рабочих и командовали ими часто совершенно штатские люди.

Героизм отдельных личностей и целых отрядов был сломлен подавляющим численностью, прекрасно организованным и снабженным всем необходимым противником, и 9 июля остатки смельчаков вынуждены были частью сушей, частью на пароходах под градом свинца отступить от Самары по направлению к Ставрополю и Симбирску.

Вооруженные силы, на которые Советская Республика могла опираться в то время, состояли большей частью из молодых, неопытных и плохо обученных добровольцев с ничтожным процентом бывших фронтовиков. Это была так наз. *Красная гвардия*, в которую входили, конечно, и рабочие, особенно в крупных фабричных городах, но которые на фронте почти сплошь состояли из отдельных независимых друг от друга партизанских отрядов, добывавших себе продовольствие случайно и беспорядочно, нередко путем вооруженного грабежа мирного населения.

Командный состав в этих партизанских отрядах тоже состоял большей частью из людей случайных, часто авантюристов, которые пошли на фронт отнюдь не из идейных соображений, а руководимые либо честолюбием, либо стремлением к легкой наживе, либо тем и другим одновременно. Нельзя, конечно, отрицать и того, что встречались отдельные светлые личности и в это время; их особенно было много в отрядах, носивших партийный характер так были левоэсеровские, коммунистические, анархические отряды. Но таких идейных командиров все же было значительное меньшинство. Кроме того, принцип выборности командиров красногвардейцами и пережитки разложившейся царской армии — митингование по поводу отдаваемых боевых приказов—при почти полном отсутствии культурно-просветительной и организационной работы в частях — вели к отсутствию дисциплины и делали даже лучшие из частей, состоящие из фронтовиков, мало боеспособными и подверженными панике.

Деморализованность партизанских отрядов Красной гвардии не могла, конечно, вызывать особой симпатии к ним мирных жителей — не только зажиточных, но даже части рабочих и среднего крестьянства.

В то время часть рабочих еще была загипнотизирована правоэсеровскими и меньшевистскими лозунгами и держалась в стороне от капитальной ломки старого буржуазного строя и лихорадочного строительства новых форм гражданского общежития. Среди железнодорожников и почтовиков еще были ходки и популярны предательские лозунги „Викжеля“ и „Почтеля“ о нейтралитете их в гражданской войне.

На почве продовольственных и транспортных затруднений, умело использованных, как орудие пропаганды, меньшевиками и правыми эсэрами, то здесь, то там вспыхивали проявления неудовольствия против Советской власти, и к сожалению, находились группы недостаточно сознательных рабочих, которые верили ядовитому шипению социал-ренегатов.

В деревне, где декретами вводилось классовое расслоение, кулаки, почуяв опасность, утроили свою ярость против ненавистной им Советской власти. Последнюю обвиняли в том, что она—власть рабочих, а не крестьян, у которых красная гвардия все отбирает: большевики назывались грабителями и антихристами. На почве темноты масс кулаками и попами успешно велась анти-семитская и погромная агитация.

Городская интеллигенция: врачи, адвокаты, инженеры, учителя, чиновники и банковские служащие единодушно саботировали, надеясь этим в своей озлобленной слепоте скоро свалить Советскую власть и поставить на ее место власть учредилки. Что могла сделать Советская власть с ее партизанскими отрядами против дисциплинированных кадров чехо-словацкого корпуса и против фанатиков—белогвардейских черносотенцев, прекрасно знавших военное дело. Существовавшие уже в то время военные комиссариаты еще не имели должного опыта; в них работали люди мало-

сведущие, буржуазных „военных специалистов“ почти не было. Напряженная трудная работа по созданию Красной армии еще не успела показать своих результатов.

Тем не менее, после занятия чехами Сызрани и Самары наспех был организован Штаб Симбирской группы войск (командующий Иванов), который предпринял попытку об'единить разрозненные партизанские группы, действовавшие на разных фронтах.

ГЛАВА II.

Штаб Сенгилеевской группы войск. — Командиры. — Политические сотрудники. — Снабжение. — Санитарная и ветерин. организации.

Группы противника наступали на четырех главных направлениях: *Бугульминском, Сызранском, Сенгилеевском и Ставропольском.*

Соответственно этому и наши красноармейские части, действовавшие против белых, носили тогда названия *групп* или *фронтов*, там был *Сенгилеевский фронт, Сызранский, Ставропольский* и т. д. Дело командования и состояние снабжения санитарной и ветеринарной части оставляли желать много лучшего.

В своем очерке я хочу описать состояние одного из тогдашних фронтов—*Сенгилеевского.*

Сенгилеевский фронт в середине июня прошлого года имел в длину не более пятидесяти верст и тянулся от Климовки у берега Волги (левый фланг) до деревень Горбуновки, Шлюны, юго-западнее Тереньги (правый фланг). На нем оперировало до 10 отрядов, численностью от 10 до 250 человек.

Отряды эти были следующие:

1) Казанский коммунистический отряд (до 250 ч.).
2) Отряд моряков Прохорова с Казанской батареей при нем.
3) Симбирский отряд.
4) 1-й Симбирский эскадрон.
5) Сенгилеевский отряд.
6) Самарский отряд коммунистов.
7) Самарская дружина левых эсеров.
8) Отряд металлистов.
9) Тверской коммунистический отряд.
10) Отряд товарища Ш.

Общее число штыков не превышало 800, сабель было от 80—100. Число пулеметов доходило до 20, орудий было 5.

Отряды эти находились под общим командованием т. Гая, составившего из них один сводный отряд Самарских боевых дружин.

Штаб сводного отряда (он же штаб Сенгилеевской группы войск), для удобства передвижения и связи, помещался на пароходе „Нижегородец“ и в момент наибольшего продвижения красных партизан на юг находился в с. Новодевичьем, Сенгилеевского уезда.

Штаб состоял из командующего, начальника штаба, делопроизводителя, письмоводителя, коменданта и шести конных ординарцев. Помещался он в рубке 1-го класса.

В конце июня в штабе была получена пишущая машинка, на которой печатались приказы по фронту. До этого времени приказы писались на лоскутках бумаги карандашом и скреплялись печатью одной из дружин. Н-ком канцелярии был т. С-ев, левый эсер.

Во главе отрядов на Сенгилеевском фронте все же были люди, более или менее знакомые с военным делом. Было 4 бывших офицера, остальные были бывшие кадровые унтер-офицеры или рядовые фронтовики.

Разведка в отрядах была поставлена отвратительно: ночью дозоры часто спокойно спали, походное охранение при передвижении отрядов не высылалось. Сведения о противнике большей частью получались уже после того, как он нападал врасплох или же узнавались у крестьян, которые были крайне несловоохотливы или же говорили взлор.

Оперативные планы вырабатывались единолично командующим, имевшим при себе карту—десятиверстку старого издания, что было, конечно, недостаточным при незначительности протяжения фронта. Часто пункт, отмеченный нами на карте, не мог быть занят нами по той простой причине, что время изменило характер местности и там, где прежде был лес, теперь оказывалось пустое пространство или засеянное поле.

Все это не могло не осложнять ведение операций, особенно в партизанской войне, с приемами которой мало кто был знаком до того времени.

Ведя операции, приходилось учиться на основании опыта совершенных ошибок.

Тем не менее, бодрый воинственный дух, все время поддерживавшийся командирами в партизанах, преодолевал все препятствия и, несмотря на недостаточную еще стойкость и наклонность к панике при первой же тревоге, все же в отрядах царила относительная боеспособность и имелся наступательный порыв.

Нельзя закрывать глаз, что одним из главных факторов бодрого и воинственного духа, царившего среди войск Сенгилеевской группы, было влияние командиров выдвинувшихся из среды товарищей боевыми достоинствами, инициативой и находчивостью.

В маленьких отрядах, действовавших в этом районе, несмотря на господствовавший в то время принцип выборности командного состава, командиры в большинстве своем *назначались* старшим начальником, при чем при назначении последний руководствовался, помимо храбрости и опытности данного лица, также и симпатиями, доверием и уважением к нему товарищей.

Таким образом, на командные должности выдвигались лучшие, храбрейшие и любимейшие дружинники, что вызывало соревнование в среде наиболее сознательных партизан.

Кроме того, партийный характер некоторых отрядов влиял на умственный уровень и поднимал сознательность в среде дружинников, знавших, во имя чего борются они и их враги.

Многие из дружинников были жителями г. Самары и окрестностей и, помимо прочих соображений, естественно, стремились отбить обратно у белых захваченные последними родные места, где томились в плену их семьи и близкие.

После н-ка с одных отрядов, т. Гая, наибольшей любовью и уважением в среде сенгилеевских дружинников пользовался *т. Устинов*, ближайший помощник и друг т. Гая. Это был неутомимый, отважный и решительный воин, все время бывший *впереди* своих товарищей. В июне он командовал Самарской дружиной левых эсеров. В тот момент, когда в центре шли разногласия между коммунистами и Ц. К. левых эсеров, вылившиеся в полный разрыв, на фронте не было разногласия, некогда было заниматься партийными раздорами пред лицом общего врага. Такие люди, как т. Устинов, т. Воробьев, т. Евстропов и т. Филатов, все время призывали к сплочению и до и после муравьевского заговора определенно порицали всякие авантюры, могущие ослабить красный фронт. Вместе с ними и вся Самарская дружина л. эсеров определенно заявляла, что все члены ее, как верные солдаты революции, кля-

нутся бороться до последней капли крови с врагами Советской власти и считают преступными всякие раздоры.

Неоднократно раненый и контуженный еще в германскую войну, выходивший невредимым из целого ряда схваток в тылу у белых на гражданском фронте, т. Устинов впоследствии, будучи уже командиром 1-го полка Железной дивизии, при бомбардировке Симбирска белыми, был ранен осколком снаряда в левую ногу и грудь, но остался со своими товарищами, с которыми и вступил в родную Самару. Сейчас т. Устинов, не знавший еще отдыха, командует 3-ей бригадой Железной дивизии.

Т. *Воробьев*, быв. подпоручик военного времени, был н-ком штаба Сенгилеевской группы и руководил совместно с т. Гаем всеми боями на этом фронте, командуя I полком, который он же организовал. Принимал деятельное участие во взятии Симбирска и был назначен командиром Симбирского укрепленного района, а вскоре после этого командиром I бригады.

Т. *Евстропов*—десятник, а потом взводный командир, выделялся своей храбростью. Впоследствии, будучи ротным командиром I Симбирского полка, погиб в бою под селом Спасским, Орского уезда, идя впереди цепи.

Пулеметчик *Литовский* (анархист)—организатор пулеметной команды; необыкновенно выносливый и легендарно отважный; смертельно раненый, не позволил сместить себя и умер у своего пулемета.

От них не отставали и другие командиры. — Тов. *Анфимов*, быв. унтер-офицер, командир Тверского отряда, т. *Шведов*, б. унтер-офицер, коммунист, командир Самарского отряда, *Андронов*, коммунист, быв. поручик, командир Самарского отряда коммунистов *Мельников*, быв. унтер-офицер, взводный командир дружины лев. эсеров, попавший в плен с 7 товарищами и зверски изуродованный белыми перед смертью. *Петухов*—коммунист, командир Казанского отряда, и другие.

Были на Сенгилеевском фронте среди командиров и недостойные проходимцы, маравшие имя красноармейца. Так, командир матросского отряда, *Прохоров*, именовавший себя левым эсером, поощрял грабежи, разврат и пьянство в своем отряде, где царила вакханалия разнузданности и трусости; впоследствии сбежал, захватив с собой отрядные суммы (до 10,000 руб.); матросы тоже разбежались и отряд совершенно разложился.

Бывший командир Самарского отряда коммунистов, *Чуче*, в самый критический момент, когда Сенгилей находился в опасности, увел из отряда всех латышских стрелков и ушел с фронта, захватив 4000 рублей.

Бывший прапорщик *Кондратьев*, примкнувший одно время к красным и затем арестованный за выступление против Советской власти, во время отступления из-под Сенгилея, был освобожден местной буржуазией и, сформировав отряд белогвардейцев, двинулся с ними на Ставрополь, но впоследствии был арестован красными.

Некоторые командиры пьянствовали и производили бесчинства, с которыми все время боролись сознательные красноармейцы и штаб Сенгилеевской группы войск.

Все же таких позорящих себя и отряды командиров было немного, и они искоренялись беспощадным образом.

Так бывший комендант штаба *Зушко*, изобличенный в Чуфарове в грабежах и вымогательстве, был расстрелян по приговору Военно-Революционного Трибунала.

Матрос *Мельников*, б. комендант пристаней в Сенгилее, уличенный во взяточничестве, был посажен в тюрьму. Беспощадные меры, принимаемые против грабителей и хулиганов, в конце-концов, приостановили бесчинства несознательной части партизан. Приходится признать, что все эти решительные меры стали проводиться в жизнь лишь после того, как командующим Сенгилеевской группой войск был назначен тов. Гая.

Предшественник последняго, б. капитан *Мельников*, трусливый и враждебный Советской власти, по иронии судьбы, был расстрелян в Новодевичьем белыми при попытке перейти на их сторону. Другой предшественник т. Гая, *Афанасьев*, отличался бездеятельностью и нераспорядительностью и вскоре был смещен.

В борьбе с бесчинством огромную роль сыграли партийные товарищи. Политическая работа на Сенгилеевском фронте велась крайне неорганизованно, т.-к. ни политотделов, ни комиссаров в то время не было. Командир отряда был одновременно и комиссаром, и лектором, и санитаром, и разведчиком, и судьею. Тем не менее в конце июля отдельные политические работники, отступившие из Самары вместе с партизанскими отрядами, по инициативе т. Гая, сорганизовали *Юридическо-Следственную Комиссию* под председательством дружинника Самарского отряда коммунистов, двадцатилетняго юноши *Бориса Лифшица* (впоследствии политкома железной дивизии), и при членах т. т. *Самсонове*, *Андрианове*, *Зейфене*, *Панове*—тоже дружинниках.

Т. *Лифшиц*—еще с гимназической скамьи работавший в партийно-литературных кружках, а потом, будучи юристом—первокурсником в Петрограде, действовавший среди рабочих в дни революции, в мае 1918 года занимал пост комиссара труда при Самарском Исполкоме, был душою всей организационной политической работы. Мягкий, добрый и гуманный по природе, он многих спас от поспешного осуждения и расстрела, которые так часто практиковались в то суровое время. Он был истинным товарищем и другом красноармейцев, которых привлекал своею простотою и приветливостью; участвуя во всех боях и набегах вместе с ними и вместе с ними разделяя все неудобства и лишения походной жизни, он был горячо любим всеми товарищами, начиная с обыкновеннаго дружинника и кончая т. Гаем, правою рукою которого он являлся во всех его мероприятиях по оздоровлении красноармейских частей и укреплении в них сознательного воинского духа и воли к победе.

Т. *Самсонов* дополнял т. Лифшица: он был энергичен и решителен и не считался с голосом чувства при решениях, которые требовались долгом и справедливостью.

Т. *Панов*, б. рабочий трубочного завода, и т. *Зейфен*, б. студент-юрист, были деятельными сотрудниками Юрид.-След. Комиссии, этого зародыша будущаго политотдела.

Впоследствии т. *Панов* был 2-м комиссаром Железной дивизии, т. *Самсонов* был комиссаром 1 Симбирского полка, а т. Зейфен—комиссаром I артиллерийской бригады.

Таким образом Сенгилеевская группа войск—это ядро железной дивизии имела уже свою политическую организацию, ядро политотдела дивизии, и одновременно трибунала, к организации которых было приступлено уже после прорыва из-под Сенгилея на ст.

Чуфарово. Организация эта, правда, была примитивной, но она способствовала единению между красноармейцами и командным составом, с которым работала в тесном контакте.

Деятельность ее, в первое время, преимущественно, следственно-судебная постепенно стала организационной и содействовала созданию партийных ячеек в частях. Культурно-просветительная работа почти не велась и ограничивалась лекциями, которые читались партизанам в свободное время.

Агитационная работа протекала весьма успешно в частях, где, в общем, все были коммунистами и левыми эсерами или же сочувствующими тем или иным, но не была еще совершенно налажена в деревне по недостатку сил и отсутствию каких бы то ни было директив или связи с центром. Любопытно, что уже на Сенгилеевском фронте была среди политических работников попытка издавать свой красноармейский журнал или газету, но осуществилась эта попытка уже впоследствии, в Симбирске, где вышло несколько №№ „Известий Железной дивизии" под редакцией т. Лифшица и т. Литвицкаго, талантливого поэта-самоучки, впоследствии политкома 2 Симбирского полка.

Снабжение наших отрядов совершалось без всякой системы, плана и отчетности. Преследовалась одна цель: накормить до-сыта, одеть и вооружить с ног до головы; в средствах для достижения этого были неразборчивы. Отряды, имея собственные авансовые суммы, самочинно закупали по вольным ценам молоко, яйца и другие ненормированные продукты у крестьян; случаи грабежей и бесплатных реквизиций хотя и наблюдались, но были на Сенгилеевском фронте все же редки и, по обнаружении их, виновники жестоко карались.

Базой снабжения был пароход „Владимир Маномах", имевший в своем распоряжении буксирный пароход „Чехов": „Мономах" был нагружен продовольствием и всевозможным обмундированием. Надо отдать справедливость тогдашнему заведывающему снабжением тов. Белугину и его помощникам, они принимали все меры к тому, чтобы красные партизаны не нуждались ни в чем. Благодаря их работе, последние питались хорошо, имея вдоволь табак, сахар, чай и консервы. Правда, учет сильно хромал, но зато партизаны были довольны и могли позволить себе роскошь — ежемесячно менять гимнастерки и когда угодно белье. Впоследствии, при отходе из Сенгилея, почти все эти запасы пришлось бросить, и все это было расхвачено населением, кинувшимся грабить цейхгауз, куда были сложены все запасы.

Остается еще сказать несколько слов о нашем транспорте. В виду особенных условий гражданской войны на Сенгилеевском фронте, происходившей большей частью на пароходах, сухопутный транспорт, конечно, почти отсутствовал. Было, правда, два грузовика для перевозки снарядов, но их нельзя было использовать, т.-к. шоффера всегда отнекивались от поездок на фронт, ссылаясь на то, что мотор испорчен, и то и дело ездили из Сенгилея в Симбирск и обратно, якобы, для починки. Был еще легкий автомобиль у командующего Сенгилеевским фронтом, который был много раз под неприятельским обстрелом, неустанно возя командующего, лично руководившего ходом боев на этой миниатюрной и изящной машине. Шоффер, Гайлачук, был неутомим во время таких поездок и много раз вывозил из беды своего начальника.

Гужевой обоз появился только тогда, когда пришлось отходить из Сенгилея, помощник заведывающаго снабжением, добряк К., согнал из окрестных деревень до 600 подвод, и наш обоз растянулся на 10 верст. Санитарный транспорт ограничивался парой двуколок в Тверском отряде, и то они были взяты из какого-то госпиталя. Зато водный транспорт был более чем удовлетворителен. В полном распоряжении штаба были все пароходы, как буксирные, так и пассажирские, застрявшие на этом участке Волги в начале чехословацкого восстания.

На пристанях Сенгилея, Новодевичья и Климовки стояли: штабной пароход „Нижегородец", „Владимир Мономах", где был отдел снабжения, „Отец", а потом „Фортуна", где был плавучий госпиталь и санитарный отдел, „Василий Лапшин" с вооружением, и ряд мелких пароходов: „Чехов", „София", „Дело Совета", „Алатырь" и другие...

Из Казани прибыл в Симбирск плавучий хирургический госпиталь „Одесса", который прибыл было в Новодевичье, но, узнав, что при штабе Сенгилеевскаго фронта уже есть плавучий госпиталь на „Фортуне", ушел обратно в Симбирск, забрав раненых. Маленькие буксиры, „Республиканец" и „Республиканка", непрерывно возили донесения в Симбирск и обратно.

Телеграфная связь с Симбирском совершалась через гражданский телеграф; чувствовалось, что за каждым шагом красных партизан следят притаившиеся враги и предатели, каких много оказалось среди телеграфных служащих. Наши приказы и донесения списывались и о них сообщалось противнику; впоследствии мы прочли точный их текст в самарских белогвардейских газетах. Связь с фронтом поддерживалась полевым телефоном, соединявшим штаб с наиболее крупными отрядами; часто проволока оказывалась перерезанной, но злоумышленников найти ни разу не удалось.

К 20 июля санитарная организация Сенгилеевской группы войск представлялась в следующем виде:

Санитарной базой и, одновременно, плавучим эвакуационным госпиталем был пароход „Фортуна", на котором помещалось также Управление санитарной части, амбулатория и аптека.

В Управлении санитарной части работали под руководством заведывающаго санчастью, врача Д-на, 2 переписчицы и фельдшер; обязанности бухгалтера и одновременно заведывающаго хозяйственной частью исполнял т. Б-в. При управлении санчасти помещался резервный персонал. Персонал плавучего госпиталя, рассчитанного на 40—50 больных, состоял из 2 врачей, 1 аптечнаго фельдшера (школьного), 3 ротных фельдшеров и 3 сестер, из которых одна была палатной, одна перевязочной и одна ведала хозяйством госпиталя. Санитаров и санитарок было мало: кажется, не больше пяти человек; их обязанности частью выполняла прислуга парохода. Кроме того, был 1 капенармус, 1 повар и один помощник повара.

Больные, поступавшие в плавучий госпиталь, эвакуировались сперва в Сенгилеевскую Советскую больницу, а затем, по ее переполнении, на буксирных пароходах направлялись в Симбирск на стоявший у пристани плавучий военный госпиталь „Одесса", специально оборудованный для лечения раненых и имевший врачей—хирургов и прекрасную операционную.

Продовольствия и обмундирования было в госпитале более чем достаточно, благодаря т. Б-ву, ухитрившемуся во время пребывания и стоянки в Симбирске заполнить весь трюм.

Медикаментов было очень мало. Врач Д. об'яснял это тем, что в Симбирске Санитарный Отдел военкома, истощив все запасы, имевшиеся в его аптечном складе,

по каким-то, ему одному понятным соображениям, не хотел разрешить разгрузку подвижного Бобруйского военно-аптечного склада, стоявшего на ст. Симбирск, где имелось колоссальное количество медикаментов и перевязочнаго материала. Этот Бобруйский склад так и остался неразгруженным, несмотря на настойчивые требования медикаментов со всех тогдашних приволжских фронтов: Бугульминского, Ставропольского, Сызранского и нашего.

Впоследствии, уже после занятия Симбирска чехами, о судьбе поезда ходили легенды: одни утверждали, что он остался в руках белых и был немедленно использован ими; другие говорили, что поезд благополучно стоял неразгруженный на одной из советских станций. Последняя версия была вполне правдоподобна среди хаоса, который в то время царил, но факт был налицо: медикаментов не было и неоткуда было их взять.

С инструментами дело обстояло лучше: имелось 2 батальонных набора, один лекарский и довольно много фельдшерских; имелся автоклав для стерилизации перевязочного материала, имелся даже специальный раздвижной операционный стол.

На фронте санитарная организация была самой примитивной, приспособляясь к партизанскому характеру войны.

Соответственно 10 отрядам, составлявших Сенгилеевский фронт, было сформировано 10 фельдшерских летучек; эти летучки частью уже существовали еще до прибытия врача Д. на фронт.

Состояла каждая из фельдшера и 2—3 сестер, иногда сестер было меньше, в двух отрядах фельдшеров было по 2. Медикаментов у этих фельдшеров почти не было.

Транспортных средств почти не было никаких: только в одном Тверском отряде было две пары носилок и двуколка; были выписаны 5 санитарных автомобилей, но прежде, чем они прибыли, чехи взяли Симбирск, а мы вынуждены были отступить от Сенгилея.

Ежедневно принималось от 20 до 50 больных амбулаторно.

Каждые три дня в среднем эвакуировали по 40—50 человек. 2 раза врач Д. лично объезжал фронт.

Впоследствии, когда отряды Сенгилеевскаго и Ставропольскаго фронта отступили к ст. Майна, в них оказалось 6 врачей, и эти врачи создали организацию, послужившую ядром санитарной организации Симбирской железной дивизии.

Ветеринарная организация совершенно отсутствовала. Был ветеринарный врач, с большим трудом раздобывший себе ящик с кое-какими медикаментами, но никак не могший найти себе помощников и помещения для работы. Он вынужден был приютиться на санитарном пароходе „Фортуна“, поставив ящик в свою каюту; больных же лошадей к нему водили на нижнюю палубу, где он один и производил лечение.

ГЛАВА III.

Тяга к централизации среди сенгилеевских партизан и их характеристика.

Из этого краткого очерка видно, что партизанский характер отрядов больше выражался в способах ведения войны путем мелких единиц и набегов, нежели во взаимоотношениях между командирами и солдатами, которые, конечно, основывались на чувстве товарищества, но были проникнуты сознанием необходимости революционной дисциплины и неуклонного подчинения младших старшим. Наоборот, в отрядах Сенгилеевского фронта настолько замечалась *тяга к централизации*, что нередко в минуты опасности, по настойчивому желанию дружинников, командиры мелких отрядов вызывали к телефону т. Гая для личного руководства операциями, что он всегда в таких случаях выполнял. Точно так же и штаб Сенгилеевской группы всеми силами старался наладить постоянную связь с Симбирском, но Симбирское командование в лице командующего Симбирской группой, Пугачевского, к сожалению, слабо шло навстречу, давая запоздалые распоряжения и требуя повиновения, и в то же время отказывая часто в просьбах о подкреплении или помощи деньгами и припасами.

В сущности говоря, партизанский характер тогдашней войны, давая выдвинуться талантливым военным командирам из среды партизан, способствовал созданию первых кадров красных боевых командиров, получивших свою подготовку тут же на поле брани, и первых кадров стойких и сознательных красноармейцев. В партизанской войне б. офицеры, добровольно вступившие в ряды партизан, имели возможность в оригинально завоевать себе звание командиров своими подвигами, сразу выдвигавшими их из среды красноармейцев.

Процесс превращения партизанских отрядов в регулярную армию совершился на Волге не только безболезненно, но вызвал общее дружное ликование как партизан, так и их начальников, почувствовавших себя окрепшими, соединившись с товарищами.

В штабе Сенгилеевской группы командование всегда стремилось к тому, чтобы их дружины походили на регулярное войско, как обученностью, так и дисциплиной.

Единственное, что отличало партизан Сенгилеевской группы от других—это любовь к своему начальнику, заслужившему громадную популярность энергией и неукротимой решительностью, быстротой и умелостью ориентировки, невероятной отвагою и рыцарским благородством характера. Герой Эрзерума, начальник боевых дружин в Армении, из простых добровольцев ставший батальонным командиром, по убеждениям коммунист и по образу жизни спартанец, он быстро завоевал общие симпатии партизан, ободряя их одним своим присутствием и будя в них смелость огненными речами. Энергично искоренял все тогдашние язвы партизанщины—пьянство, грабежи, вымогательства,—он так же энергично боролся с *разгильдяйством* и *партизанщиной* в своих отрядах, действуя не словами, а живым увлекательным примером.

Но и партизаны наши были превосходным военным материялом: все без исключения добровольцы, многие побывавшие на фронте, многие—сознательные самарские рабочие, все здоровые, бодрые, закаленные, но в ту пору в них причудливо переплеталась безумная отвага с боязнью обходов и пыток в плену, вызывавшей в свою очередь нередко беспричинную панику и отсутствие стойкости; доверие и любовь к командирам, с нередким отсутствием дисциплины, высокая классовая сознательность и часто умственная развитость—с дебошами и бесчинствами при удобном случае.

ГЛАВА IV.

Прорыв из Сенгилея.—Положение на фронтах.

В средине июля, после непродолжительного отступления из Сенгилея на пароходах вследствие обхода

чехов, отряды Сенгилеевского фронта занимали линию Горбуновка — Тайдаково — Левашевка — Мазы — Клинмовка. 19 июля противник повел одновременно наступление по всему фронту и предпринял обход нашего правого фланга, при чем ему удалось конными отрядами в несколько сот человек выйти через Тереньку и Ключище на линию М.-К. ж. д. и отрезать Симбирск, к которому, на плечах убегавших от Мелекеса деморализованных красноармейцев, уже подходили белые из-за Волги.

20 июля отряды, погрузившись на пароходы, отступили к Сенгилею, а 21 в полдень противник, подошедший на расстояние двух верст от Сенгилея на пароходах „Вульф“ и „Вандал“, обстрелял из орудий в самом Сенгилее пристань, где находилось до 6 пароходов, на которых помещался штаб и его отделы. Выстрелами был приведен в негодность и выбросился на берег буксирный пароход „Дело Совета“, где находилось одно орудие; на нем было несколько убитых и раненых из числа команды. Санитарный пароход „Фортуна“, с 50 ч. больных, стоявший рядом с „Делом Совета“, стал полным ходом уходить вверх по Волге, спасая раненых и больных, среди которых началась паника. Тогда неприятель, отлично видевший флаг Краснаго Креста, сосредоточил свой огонь по пароходу, но, благодаря искусным маневрам, произведенным по инициативе врача Николаева, быстро водворившего порядок среди хотевших броситься в воду матросов и пароходной прислуги, из 10 выпущенных по судну снарядов, только один, разорвавшись у самаго борта, осколком расщепил деревянные части верхней палубы и стенки каюты 2 класса и контузил 2 человек.

Обстрел продолжался 2 часа, после чего „Фортуна“, отошедшая на 7 верст, вернулась в Сенгилей и, вследствие отсутствия других свободных пароходов, немедленно была отправлена в Белый Яр на левом берегу, откуда под покровом ночи перевезла несколько батарей и две сотни партизан со Ставропольского фронта. Стало ясно, что красные отступили по всему фронту.

В этот же день было получено известие о падении Симбирска.

Несмотря на то, что отряды Сенгилеевской группы очутились в кольце, т.-к. со всех сторон был противник, и последняя надежда—отступление по Волге—рушилась со взятием Симбирска, после короткого совещания в штабе было постановлено не оповещать партизан об их окружении, а попытаться прорваться сквозь неприятельское кольцо, следуя в боевом порядке.

Всю ночь шли лихорадочные приготовления к эвакуации; лишнее военное имущество, запасы снарядов и вооружения, находившиеся на „Василие Лапшине“ топились в Волге, чтобы не доставались неприятелю; спешно упаковывалось необходимое военное имущество.

Под прикрытием темноты были перевезены на правый берег последние группы Ставропольского отряда т. Павловского (в 1000 человек с 5—6 орудиями) и всем командирам отрядов были разосланы секретные инструкции о порядке следования.

Силы противника были неизвестны; каждую минуту можно было опасаться нападения или вторичного обстрела; гнетущая неизвестность и зловещая таинственность и безмолвие левого берега заставляли сжиматься сердца у самых храбрейших.

Командующий Сенгилеевской группы войск, т. Гая, с момента перваго выстрела до утра не переставший работать в штабе, хладнокровно отдавал спешные приказы, предусмотрительно вникая во все мелочи. Он был крайне утомлен, щеки были небриты и впали, но энергия его была неисчерпаема.

Часть отрядов была погружена на пароходы и отправилась в Шиловку, где они должны были высадиться, а затем соединиться с остальными в с. Тушне. Большая же часть отрядов в полном походном порядке, с конной разведкой впереди и дозорами на флангах, с обозом в центре и с артиллерией позади, должна была завтра утром выступить из Сенгилея по заранее намеченному маршруту.

Утром 22 июля пристань Сенгилея кишела народом и красноармейцами. По сходням бегали взад и вперед люди и вытаскивали винтовки, зарядные ящики, припасы, обмундирование, белье и всякое имущество. Груды тюков, ящиков, узлов и корзин лежали на берегу.

У пейхгауза происходили отвратительные сцены мародерства, вследствие объявления о раздаче беднейшему населению Сенгилея военных запасов: мирные жители (среди которых были и спекулянты) кинулись расхищать запасы, из-за обладания которыми происходили драки и перебранки. Было согнано до 600 подвод, которые спешно нагружались припасами, вооружением и людьми. Стремились вывезти все, но кое-какие громоздкие предметы пришлось бросить в Волгу. Все разобрали винтовки и вооружились как могли. Раненые и больные были посажены на подводы, все орудия были готовы к отъезду.

Одновременно с нами эвакуировался и Сенгилеевский Исполком со всеми советскими работниками. Были увезены все документы и вся наличность казначейства.

Толпы любопытных горожан глазели на бесконечную вереницу подвод, начавших выезжать из города в 12 часов дня.

Неприятель не показывался, и в 2 часа дня выехала из города последняя подвода.

В 4 часа дня Сенгилей был занят белогвардейским отрядом, который, однако, не рискнул тотчас преследовать красных, а занялся наведением „порядков“ и ожиданием подкреплений, которые вскоре прибыли и осторожно пустились вслед за отступавшими в полном порядке и спокойствии красными сенгилеевцами, занимая селения, которые те уже оставляли.

Маршрут, избранный т. Гая по стратегическим соображениям, был крайне извилист и смысл его был в том, чтобы избежать преследования и не показываться в районе Теренька-Ясашная Тацила-Ключище, где уже прошел неприятель. 22 июля отряд, получивший название сводного Сенгилеевско-Ставропольского отряда под общим командованием Гая, ночевал в Тушне, где, по настоянию части больных, не желавших ехать дальше на тряских подводах и требовавших отправления в больницу, 14 человек было отправлено в Тушнинскую больницу, где были расстреляны на следующий день пришедшими чехами.

Днем 23 июля, приближаясь к Солдатской Ташле, разведка Сенгилеевских отрядов была обстреляна неизвестным отрядом, открывшим пулеметный огонь. 2 красноармейца были убиты.

Немедленно, по приказанию н-ка сводных отрядов, выехала вперед наша легкая батарея и несколькими залпами рассеяла противника и, очистив путь, красные сенгилеевцы двинулись дальше.

Как потом оказалось, это была разведка отряда т. Толстого, высланного из Инзы штабом I армии. Недоразумение выяснилось лишь впоследствии, а пока т. Гая пробирался вперед в полной уверенности, что вокруг шныряет неприятель; в свою очередь, отряд т. Толстого, основываясь на данных своей разведки,

стал отступать к Инзе перед несуществующими белыми. 2-я стоянка была в *д. Суровке*, куда прибыли ночью, промокшие от страшного ливня, и разместились кое-как до рассвета, когда было приказано выступать.

В Суровке всем служащим и красноармейцам было уплачено жалованье, так как в виду скудного питания консервами и хлебом отступающим приходилось покупать у крестьян продукты.

Отношение к крестьянам было корректное: требовали лишь постой и сменные подводы; за продукты и фураж расплачивались наличными.

24 вечером сенгилеевцы прибыли в большое село *Воецкое*, где ночевали 3-ю ночь. Здесь был расстрелян нашей разведкой белый шпион, принявший разведчиков за белых, и дававший им сведения о проходивших незадолго перед тем красных войсках (повидимому, т. Толстого).

25 июля вечером, после небольшого привала в с. *Карминском*, отряд благополучно достиг ст. *Майна*, где не было ни белых ни красных, пересек ее и двинулся дальше на *Сергиевку-Жеребятниково-Аксаково*, где окончательно остановился. 26 июля все отряды собрались на линии ст. Майна, выставив разведку по направлению к раз'езду Выры.

Командующий отрядом, опередив обоз, поехал на автомобиле к ст. Чуфарово, для того, чтобы связаться со штабом I-й армии, о котором было известно, что он находился в Инзе.

С большим трудом ему удалось переговорить по телеграфу из с. Анненкова с т. Куйбышевым и т. Тухачевским и заставить их поверить, что он и весь Сенгилеевско-Ставропольский отряд числом в 3000 человек со всем обозом и артиллерией благополучно вышли из крайне опасного положения.

Впоследствии выяснилось, что неприятельские раз'езды по 10—20 чел. были поблизости, но, повидимому, осведомленные о численности отряда Гая, уклонялись от встречи с ним.

С присоединением Сенгилеевско-Ставропольских отрядов к I-й рев. армии кончился партизанский период войны на востоке и начался новый период — период строительства регулярной армии, предпринятый соединенными усилиями командарма Тухачевского и его штаба и Политкомармов Калнина и Куйбышева.

В этом новом периоде войны Сенгилеевским отрядам суждено было сыграть выдающуюся роль.

ГЛАВА V.

Сформирование Железной дивизии и первое ее наступление на Симбирск.

В настоящих очерках, не претендующих на исчерпывающую полноту, а зарисованных на основании личных впечатлений и наблюдений, автор хочет познакомить читателей с одной лишь боевой единицей, выросшей из Сенгилеевских дружин—с I-й Симбирской Железной дивизией.

Другие дивизии выступили на боевую арену частью одновременно (Инзенская), частью позже (Пензенская) и, несомненно, еще найдут своих беспристрастных летописцев.

После соединения с I-й рев. армией 28 июля отряды т. Гая расположились полукругом по обе стороны М.-К. ж. дороги на уровне ст. Майна — раз'езд Выры.

Правый фланг находился на линии сел Воецкое—Карлинское—Сергиевка, левый фланг—на линии Тогай—Абрамовка—Жеребятниково. Тотчас же, согласно приказу по I-й Револ. Армии, было приступлено к формированию из всех отрядов I-й Симбирской дивизии. Штаб новой дивизии 29 июля перешел в с. Анненково, что в 2 верстах от ст. Чуфарово. Н—ком дивизии был назначен т. *Гая*, Н—ком штаба был назначен т. *Вилумсон* из отряда т. Павловского. Из всех отрядов были составлены 2 полка: 1-й и 2-й Симбирский.

2 августа в распоряжение н—ка дивизии прибыл I-й Витебский полк, затем последовательно прибыли Карачевский кавалерийский эскадрон и *Курская бригада* под нач. т. *Азарха*, состоявшая из полков *Московского, Крестьянского и Орловского*, которые были предназначены для наступления на Симбирск.

В ночь на 8 августа на левый фланг дивизии, находившийся в с. Тетюшском, напал Георгиевский офицерский батальон белых. Бой длился до 11 ч. утра. Наши части несколько раз переходили в штыковую контр-атаку, при чем особенно отличилась Смоленская батарея; оставшись без прикрытия, артиллеристы шашками отбили атаку и удержали за собою орудия.

В результате боя противник понес большие потери: среди убитых было 8 офицеров, в том числе начальник отряда и н—к пулеметной команды; село осталось за нами. Нашими артиллеристами были захвачены четыре пулемета.

В ознаменование блестящего прорыва из-под Сенгилея и боев под Симбирском I-я Симбирская дивизия получила название *Железной*.

11 августа, еще не вполне оправившись после утомительного боевого прорыва из-под Сенгилея, полки молодой дивизии были двинуты в наступление на Симбирск.

Наступление это было, однако, неудачным. Правый фланг, состоявший из 2-х Симбирских полков, успел благополучно продвинуться до с. Белые Ключи, откуда уже был виден Симбирск, левый же фланг, где действовала Курская бригада, получив неожиданный удар в Погребах—Отрада, не выдержал и дрогнул; в частях началась паника. Ст. Охотничья, занятая было нами, подверглась бомбардировке неприятельского бронированного поезда, с которым вступил в единоборство наш бронированный поезд, после чего противник несколько отступил. Станция была перегружена составами; нехватало паровозов.

Многие бежали из вагонов, оставив на произвол судьбы свое и казенное имущество. Командир Курской бригады, т. Азарх, вместе со штабом находился на ст. Охотничья и не принимал должных мер. Лишь после энергичных настояний наштадива, он лично отправился на фронт, где и погиб смертью героя. Остановить бегущих не было никакой возможности и волна их докатилась до ст. Чуфарово.

Ст. Охотничья вновь подверглась ожесточенному обстрелу; кавалерия противника, зашедшая нам в тыл у раз'езда Выры, вынудила штаб взорвать наш бронированный поезд и, бросив часть подвижного состава, отступить вместе с правым флангом через с. Воецкое к селу Поповке, откуда штаб вновь вернулся в Чуфарово. Даже во время этого неудачного похода было

много эпизодов, рисующих геройство наших частей и неустрашимость начальников [1]).

ГЛАВА VI.

Взятие Симбирска.

Урок августовского наступления не прошел даром для нашей дивизии. Потрепанная и окончательно деморализованная Курская бригада была отведена в тыл, где постепенно приводилась в боевой порядок для новой попытки взять Симбирск.

В штаб стали прибывать добровольцы, рабочие и крестьяне окрестных сел; из с. Поповки, близ которой находилась суконная фабрика, прибыл отряд в 300 чел. с оркестром. Одновременно штабом была объявлена мобилизация последних возрастов: была организована врачебная комиссия из врачей санитарного управления дивизии. В короткое время наши поредевшие ряды пополнились свежими и крепкими новобранцами, большую часть которых составляли фронтовики старой армии.

В начале сентября штаб I-й Армии стал нам непрерывно присылать подкрепления: из Инзенской и Пензенской дивизии были взяты 1-й и 5-й Курский, Мценский (он скоро был отозван) и Пензенский (присоединен после взятия Симбирска) полки.

Количество бойцов значительно возросло и доходило до 4500 чел. Кроме того, прибыл кавалерийский дивизион „Победа“ т. Баревича, зенитная батарея из 3 орудий на платформах и 3 аэроплана с летчиками, тотчас же установившими воздушную разведку.

Ст. Чуфарово ожила. Ежедневно выгружались новые эшелоны. Настроение стало великолепным. Чувствовалось, что на этот раз наступление будет удачным.

К тому времени части дивизии уже делились на 2 пех. бригады и 1 артиллерийскую. 1-я бригада состояла из 1 и 2 Симбир. полка, 3 Витебского, Симбирского эскадрона и 3 батарей с 11 орудиями (всего 1700 шт., 64 пулемета, 83 шашки, 11 орудий). 2-я бригада состояла из Московского, 5 Курского, Интернационального, Крестьянского, Орловского, 3 кавалерийских эскадронов: Карачевского, Баревича и драгунского, а также 2 батарей с 8 орудиями (всего 2000 штыков, 240 сабель, 50 пулеметов).

1-й бригадой (правый фланг) командовал т. Павловский; 2-й бригадой (левый фланг) — т. Недзвецкий. Артиллерийской бригадой командовал т. Мираевский.

8 сентября части дивизии, занимавшие фронт Прислониха—Игнатовка, получили приказ „овладеть Симбирском коротким энергичным ударом“.

Ночью того же числа наши части начали стремительно продвигаться вперед. Почти не встретив сопротивления, им удалось продвинуться к ст. *Майни* и к раз'езду *Выры*, где противник пытался было задержаться, но был смят и, после упорного сопротивления, 10-го отошел к ст. Охотничья.

11 сентября произошел бой у ст. Охотничья, где отличился Интернациональный полк, наголову разбивший белых и взявший много пленных—мобилизованных крестьян молодых возрастов, большей частью чувашей и татар, обутых в лапти и плохо обученных. Взятый в плен белогвардейский офицер был расстрелян на полянке недалеко от станции. Перед станцией Охотничья и вдоль леса убежавшими в панике белыми были наскоро вырыты окопы и устроены проволочные заграждения, которые, однако, не остановили красных бойцов.

В этот день почти по всей линии фронта шли бои с отступавшими, но упорно оборонявшимися белыми. Железная дивизия суворовским натиском гнала безостановочно белых, преодолевая их сопротивление всюду, где оно оказывалось.

Вся Симбирская операция, начатая 9 сентября, была выполнена в 3 дня: на второй день в наших руках была линия Тетюшское — Елшанка — Ключище—Шумовка—Кременка; на третий день пехота уже переправилась через Свиягу, залпами отогнав неприятеля, пытавшегося разрушить железнодорожный мост.

В это время белая гвардия выставила инструкторский батальон в Виноновской роще, дабы встретить красноармейцев, идущих из Кременок, но войска со стороны Свияги зашли в тыл и инструкторский батальон, снабжавший белых командным составом, был истреблен почти поголовно.

Наибольшее сопротивление противник оказывал при подступе к городу в деревнях района Баратаевка—Отрада—Белый Ключ. Защищать Отраду был выставлен отряд чуван, мобилизованных белыми перед тем. Эти невольные защитники, оборванные, разутые, голодные, необученные, почти все легли на поле сражения; оставшиеся были взяты в плен и отпущены на свободу.

Вечером 11 числа наши войска были всего в нескольких верстах от предместья Симбирска Кашпяковки,

---

[1]) Вот как описывает член Реввоенсовета Республики, т. Кобозев, один из эпизодов похода на Симбирск:

„Ночь. Станция Выры осталась за нами. Прибыл броневой поезд, один из тех, что панически отступал, начиная от Бугульмы... Приказ т. Гая перейти в атаку... Обычные отговорки трусов. Т. Гая берет с собою десять разведчиков и садится на броневой поезд. Едем. Верст через пять трусость команды броневого поезда достигает апогея—их свыше ста человек, два орудия, восемнадцать пулеметов—как можно рисковать, а вдруг их неприятель отрежет, взорвет сзади путь, а потом расстреляет орудийным огнем. Дальше ехать отказываются. Остановились среди поля, далеко не доехавши до предназначенной цели—ст. Охотничьей. Тогда т. Гая слезает со своими разведчиками с поезда и со словами: „Нам с трусливой сволочью не по дороге“ идет один вперед броневого поезда к ст. Охотничьей. Небольшое колебание—и трусы устыдились, сначала потянулись, как побитая собака, сзади охотника, а потом начали уговаривать т. Гая, чтобы он сел снова на поезд, а не шел пешком“.

Другой эпизод:

„Во время моего приезда в штаб дивизии т. Гая получаем известие, что около ст. Выры две роты чехо-словаков со взводом артиллерии внезапным ночным нападением выбили нашу заставу из деревни и заняли ее. Т. Гая дает приказ своему взводу артиллерии из с. Тогая с левого фланга занять позицию и взять деревню под обстрел, а сам с двумя ротами пехоты, в полном боевом порядке, двинулся на эту деревню. Противник, издалека увидевши наши цепи, быстро начинает нервничать и обнаруживает свое присутствие, пуская в ход артиллерию. Ни одного ружейного выстрела с нашей стороны; медленные методические передвижения цепей; перебежки в опасных местах; все стройно, ясно и четко. К несчастью, наша артиллерия не получила приказания [illegible] связь еще не успели наладить как следует, момент был решительный; проходят часы ожидания—наших шрапнелей не слышно, а неприятельские рвутся над нашими головами.

И испытание на храбрость. С нашей стороны все то же жуткое молчание при паническом огневом ужасе у неприятеля. Наконец, подойдя на расстояние верного прицела, наши цепи расстреливают одиночными выстрелами врага наверняка.

Темпест... Неприятель не выдерживает и бежит; бежит от ужаса перед этими, почти молчаливо двигающимися цепями, бежит, имея явный перевес артиллерийского огня. В это же время в центре белогвардейский георгиевский офицерский батальон производит внезапную бурную штыковую атаку. Командир кидается вперед с криком: „бей эту красную сволочь смелее; они сейчас убегут“. И вдруг, о ужас, встречная штыковая атака... и бегут георгиевские кавалеры...“

где уже побывала наша разведка, но в виду наступления темноты решено было вступить в город на следующий день.

Приводим описание взятие Симбирска, сделанное тов. *Горным* в „Известиях Симбирского Совета" от 20 сентября 1918 г.:

„Под Симбирском неприятель выставил против Железной дивизии следующие части войск:

Инструкторский батальон, сербский отряд, конницу, чешские роты, три аэроплана, 1-й Симбирский полк, 2-й батальон 2-го Симбирского полка, 3 батареи тяжелой артиллерии, 2 броневика с тяжелыми орудиями и 4 батареи легкой артиллерии.

Войска Железной дивизии окружили город с трех сторон, оставив противнику свободный путь лишь переправу через Волгу".

12 сентября утром, развернувшись цепью, войска 1-й бригады не сдержимой лавиной с криками „ура" ринулись на противника, и в 12 ч. дня Симбирск был взят. Буржуазная охрана города, бросив свои посты, частью убежала с белыми, частью попряталась в домах. На улицах города наши наступавшие цепи были встречены градом пуль из окон и с крыш.

Начальник Симбирской Железной дивизии, т. Гая, бывший все время впереди своих войск, один из первых вступил в Симбирск на автомобиле с политическим комиссаром армии, т. Калининым, и, въехав на Старый Венец, стал обстреливать бегущих белых, стягивавшихся со всех сторон города к мосту и переезду, из пулемета, бывшего на автомобиле.

Белогвардейцы, после слабой попытки задержаться в самом городе, бежали по мосту на левый берег.

Наша артиллерия, расположившись в центре города, на Смоленской ул. и на Завьяловской площади, стала громить отступающие в беспорядке обозы противника. В руки Красной армии попала большая военная добыча.

Насколько поспешно отступали белые, видно уже из того, что на правом берегу оставлен был весь обоз и артиллерия; четыре тяжелых орудия им пришлось бросить в Волгу. Отступление по мосту прикрывал броневик, отстреливающийся от нападающих. Много белых, в особенности только-что мобилизованных из ближайших сел, побросав оружие в садах Подгорья, в беспорядке убегали по правому берегу Волги вверх по течению. Их уже не преследовали. Все три аэроплана противника, попали в руки красноармейцев: 2 из них были забраны в плен при д. д. Баратаевка и Киндяковка, а один у моста через Свиягу сожжен.

На ст. Киндяковка забрано много вагонов с военным имуществом белых.

В 12 ч. ночи посланы войска за Волгу, с поручением выбить укрепившегося в В.-Часовые неприятеля. Распоряжение отрядом выполнено с большим успехом. Белые бежали к Мелекесу, оставив огромное количество оружия, патронов и много вагонов прочих вещей, даже канцелярию штаба.

Все это забрано в числе трофеев блестящего Симбирского похода.

С какою легкостью произошло занятие Симбирска, о том свидетельствует малое количество жертв со стороны Железной дивизии; затем при переправе через Волгу произошли небольшие потери. Со стороны белых легло не менее тысячи человек. Раненые противника подбирались победителями на поле сражения и отправлялись вместе со своими в дивизионные лазареты. Такого великодушия со стороны белых не наблюдалось.

Нельзя обойти молчанием мужественного порыва войск Железной дивизии при наступлении на Симбирск. Весь командный состав, во главе с товарищем Гаем, шел в цепи вместе с солдатами—товарищами.

Штаб дивизии не отставал от своего начальника. Некоторые из батальонных и ротных командиров получили при наступлении ранения.

Не дав опомниться противнику, начальник дивизии предпринял наступление в трех направлениях: по Буинскому тракту, вниз по течению Волги и за Волгу. Во всех перечисленных направлениях войска Железной дивизии одержали славные победы. Особенно отличились в боях полки: 1 Симбирский и 1 Курский.

При эвакуации Симбирска белыми бежала вся буржуазия и большая часть интеллигенции, напуганная провокацией белых о предстоящей поголовной резне и о том, что на Волгу движутся немцы.

В первое время обыватели попрятались; выпущенные из тюрем арестанты стали бесчинствовать. Тогда 13 сентября был издан приказ по дивизии, где говорится: „Отдельно шатающихся солдат и мародеров арестовывать и расстреливать без суда. В городе должен быть водворен строжайший порядок".

В течение трех дней был восстановлен революционный порядок и было расстреляно 15 грабителей в красноармейской форме. Город был об'явлен крепостью; комендантом был назначен командир 1 Симбирского полка т. Воробьев. Немедленно в городе была восстановлена Советская власть; из Алатыря приехал Гор- и Губисполком.

ГЛАВА VII.

Обстрел белыми Симбирска и вторичное поражение их.

Член Реввоенсовета Республики, т. Кобозев, восторженно отзывается о красноармейских частях, взявших г. Симбирск. Говоря о телеграмме командарма I Тухачевского в Ревсовет Республики о том, что Симбирск будет занят через 3 суток, Кобозев пишет:

„Командир Тухачевский ошибся лишь на одни сутки; разве это не лучшая характеристика нашей новой армии? Я обязан публично ходатайствовать пред В. Ц. И. К. Республики о присвоении Симбирской дивизии названия „Железной". Да, Симбирская дивизия—действительно „железная". Она в непрерывных боях—уже несколько месяцев... Прорвавшись из Сенгилеевского кольца, дивизия Гая имела еще силы тогда же броситься в контр-наступление на Симбирск, чем был положен предел катящейся наступательной волне чехо-словаков".

„Взятие вашего родного города Симбирска,—телеграфирует командир Симбирской дивизии, тов. Гая, Ильичу, это ответ за одну вашу рану, а за другую рану будет Самара".

Через три дня после занятия Симбирска и ряда пунктов на левом берегу Волги одним из наиболее отличившихся полков—1 Симбирским был устроен банкет в честь Железной дивизии, на котором присутствовали командарм 1 Тухачевский, начштарм Корицкий, комиссар армии т. Калинин и весь президиум Симбирского Губисполкома. На банкете были произнесены приветственные речи в честь войск, освободивших Симбирск от чехо-словацких банд.

Этой же ночью неустойчивые части Орловского полка (входившего прежде в Курскую бригаду) под натиском белогвардейских банд, после разгрома под Казанью скопившихся против Симбирска, отступили на правый берег, и на следующий день Симбирск стал

обстреливаться белыми, занявшими Н.-Часовню и имевшими батарею в Верхней Часовне. Им энергично отвечала наша артиллерия с Венца. Защита моста была поручена Интернациональному полку; под убийственным пулеметным огнем белых командир полка, т. Варга с горстью храбрецов не только отстояли переправу, но захватили у белых на том берегу 2 пулемета. Во время героической битвы на мосту погибло 17 человек товарищей-интернационалистов.

Город Симбирск был под артиллерийским обстрелом белых четыре дня. Снаряды падали большей частью на пристань и в Волгу. В городе все же было несколько разрывов, вызвавших пожары и жертвы. 25-го противник обстреливал ст. Симбирск, где разорвались 3 снаряда, одним из которых в слободе Туть, близ станции, была убита женщина.

Положение было довольно серьезным, тем более, что в это время Симбирск оборонялся одною лишь артиллерией и несколькими стами интернациональных храбрецов. Нами был взорван мост через Волгу. К счастью, из Казани от штаба 5 армии прибыла на помощь нам флотилия, высадившая десант на левом берегу Волги к югу от Симбирска, в д. Красный-Яр и Городище, двинувшийся к линии В.-Часовня—Мелекес, наперерез частям белых, бомбардировавших Симбирск.

26 белые быстро отступили: 2-й бригадой была занята ст. Черемшаны, 28—ст. Бряндино.

Оба берега Волги у Симбирска были прочно закреплены за Советской Россией.

28 сентября Ц. И. К., через посредство т. Кобозева, было передано почетное знамя Симбирской Железной дивизии, получившей в лице командира тов. Гая ряд приветственных телеграмм от Симбирского Губисполкома, от Симбирского Комитета Р. К. П. (большевиков), от Главкома Вацетиса и других.

Тов. Кобозев в своих телеграммах на имя Совнаркома и Ц. И. К. доносил:

„Констатирую, что Симбирская Железная дивизия по-прежнему стойка. Железная не выходит из маневренной борьбы, не ищет отдыха, не просит смены, в походах непрерывно с начала июня. Полки дивизии сейчас в бою в восемнадцати верстах от Сызрани".

ГЛАВА VIII.

Дальнейшие успехи Железной дивизии. — Взятие Сызрани.— В Самаре.—Взятие Бугуруслана и Бузулука.

В это время 1 бригада, пополненная Пензенским полком, уже наступала на *Сызрань* в тесной связи с Инзенской дивизией. 2 бригада (без Интернационального полка, оставшегося в Симбирске) наступала на *Батраки* к Александровскому мосту, а третья бригада (вновь сформированная из 1 Симбирского, 3 Симбирского, 5 Курского, кав. эскадрона и 3 батарей) обеспечивала левый фланг 2 бригады, занимая правый берег Волги у *Климовки* и блокируя *Ставрополь*; 5 Курский полк, переброшенный на Бряндино и Черемшан, наступал на Ставрополь по левому берегу.

Один за другим под натиском неутомимых частей Железной дивизии падали города Симбирской и Казанской губерний, занятые белыми. К 30 сентября были взяты *Сенгилей, Новодевичье, Бунинск, Тетюши, Тереньга*. На левом берегу был занят *Мелекес*. 3 октября была занята *Сызрань* частями *Инзенской и Пензенской дивизий* при тесном содействии Симбирской. Решающее значение сыграло появление частей 1 и 2 бригады у Александровского моста, вызвавших паническое бегство чехо-словаков и белогвардейцев, взорвавших за собою два пролета у правого берега. Приводим описание боя у Александровского моста, честь выигрыша которого принадлежит 1 Витебскому полку, сделанное красноармейцем этого полка Шнатковым.

(„Приволжская Правда" 15 октября 1918 г. № 24 (307)).

„2 октября после занятия с боем д. Губино в 17 вер. от Александровского моста, наш полк получил приказ о его занятии. С рассветом 3 октября полк выступил и, не доходя верст 7—8 до своей цепи, обнаружил противника, расположенного на высотах, укрепленных двумя линиями окопов с проволочными заграждениями. Несмотря на ужасный обстрел, наши цепи повели наступление как в лоб, так и с флангов.

После непродолжительного сопротивления противник начал в беспорядке покидать окопы и отступать к Волге.

Полк, разделившись на две группы, начал энергичное преследование противника. Левая группа, достигнув правой стороны Волги, взяла под артиллерийский и пулеметный обстрел Александровский мост, благодаря чему противник едва успел переехать на левый берег Волги бронированный поезд, артиллерию и массу другого военного вооружения и имущества.

Одновременно с этим правая колонна, наступая на д. *Костычи*, выбила противника из 2 укрепленной линии и преследовала до самой Волги, где противник искал спасения в переправе на левый берег.

В это время со стороны ст. *Батраки* показался броневой поезд и эшелон белогвардейцев, спешивших на поддержку разбитым.

Красноармейцы, несмотря на свою малочисленность, на виду у приближающегося противника на али загромождать железнодорожный путь шпалами и открыли пулеметный огонь по поездам. У противника от такой неожиданности началась паника. Паровозная прислуга на всем ходу остановила поезд, отчего произошло крушение. Красноармейцы с криком „ура" бросились в атаку на броневик и эшелон. Белогвардейцы, как крысы с тонущего корабля, начали выпрыгивать из эшелона и разбегаться в разные стороны. Большая часть их бежала к Волге, в надежде на лодках переправиться на левый берег, но мало кому из них удалось сделать это. Перегруженные лодки тонули, отправляя ко дну искавших в них спасения. В этом месте противник понес большие потери, как от огня красных, так и утонувшими в Волге.

Таким образом полк наголову разбил в несколько раз превосходящего его как по количеству, так и по вооружению противника, захватив 2 броневых поезда, 9 орудий, 40 пулеметов и массу снарядов, вооружения и имущества.

Наши потери за время боя незначительны".

3 октября т. Гая и несколько человек из его штаба уже были в Сызрани. 7 октября нашими пароходами и пехотой, переправившейся на левый берег у с. Климовки, был занят *Ставрополь*.

8 октября на рассвете части Курского полка, сделав огромный переход, появились в *Самаре*, на 3 часа позже 4 армии, вступившей в город с юга со стороны *Николаевска*.

Ликование трудящихся г. Самары при вступлении красных войск не поддается никакому описанию. Красноармейцев засыпали цветами, жены со слезами радости бросались в объятия своих мужей, которых они считали погибшими; на улицах собирались импровизированные митинги.

Вечером Советская улица была полна народом. Несмотря на то, что Самара была взята IV армией, начальником гарнизона был назначен сперва командир 2 бригады, Седякин, а через несколько дней в эту должность вступил нач-к Железной дивизии.

По приезде командарма IV Хвесина т. Гая сдал должность последнему, а сам принял руководство дальнейшими военными операциями своей дивизии.

Во время пребывания Железной дивизии в Самаре частям ее (1 и 2 бригаде) пришлось разоружить Пугачевский полк имени „Стеньки Разина“ (IV армии), отказавшийся выполнить боевой приказ и самовольно вернувшийся в Мещанскую слободу г. Самары, где стал бесчинствовать.

Выступление было ликвидировано без пролития крови.

Оставаться долго в Самаре было невозможно, т. к. город находился в зоне расположения IV армии, командование которой стремилось подчинить себе и Железную дивизию, далеко выдвинувшуюся вперед от штаба своей армии, который в это время переезжал из Инзы в Сызрань.

Тем не менее Железная дивизия оставалась несколько дней в резерве, в течение которых успела пополниться и отдохнуть.

Из состава Железной дивизии были в эти дни взяты Пензенский (1 бригада) и 5 Курский (3 бригада) полки; первый был передан Пензенской, а второй—Инзенской дивизии.

Обе эти дивизии должны были, согласно приказу по 1 рев. армии за № 11, 15 октября продолжать наступление и преследовать противника в направлении Бугуруслан—Уфа.

16 октября, во исполнение приказа по 1 рев. армии за № 12, двинулась в наступление и Железная дивизия. 3 пех. бригада (полки 1 и 3 Симбирский, 2 кавал. эскадрона и 2 батареи), форсированным маршем двинулись вдогонку за Пензенской дивизией, находящейся к северу от железной дороги Самара—Бугуруслан, по маршруту:

Самара—Смышляевка—Кинель.

Справа от нее, южнее линии Кинель—Смоленское, наступала IV армия; слева—Пензенская дивизия, правый фланг, которой занимал железную дорогу.

Противник спешно отступал по железной дороге под неутомимым натиском наших войск; взорвав мосты через р. Кинель и не успев вывести из района Тимашева и Кротовки громадные запасы сахару, находившиеся там, облил их керосином и поджег.

19 октября, когда V армией был занят Сергиевск, а IV армия продвинулась к реке Бузулук, в 45 верстах южнее Бузулука, получили приказ выступить также и 1 и 2 бригады.

1 бригада (2 Симбирский полк, Витебский полк, Карачевский кавал. полк и 2 батареи) 21 октября выгрузилась на ст. Кинель и повела 2 колоннами наступление на *Бузулук*; 1 колонна двинулась через ст. *Немчанка* и *Неприк* далее через реку Боровку в 10 верстах севернее ст. *Колтубанка* и через д. Андреевку.

2 колонна двинулась севернее по большой дороге Бугуруслан—Бузулук через д. *Дверьяновку, Скобелево—Магурово—Березовку*. Связь с 3 бригадой, находившейся слева, была установлена кавалерией через Смоленское—Сергиевка.

2 бригада (1 Курский п., Московский, Крестьянский, 2 кавалерийских эскадрона и 2 батареи) была двинута южнее железной дороги Кинель—Бузулук, примыкая к железной дороге левым флангом, и наступала главными силами по шоссейной дороге, через д. Боровка — Андреевка — Благовещенская, Елшанское, имея конечною целью также Бузулук. Таким образом в 20 числах октября все 3 бригады железной дивизии форсированным маршем продвигались на восток, параллельно линиям Самаро-Златоустовской и Ташкентской дорог и, энергично тесня отступавших белых, не давали им возможности приостановиться и вывезти запасы хлеба и амуниции.

В Самаре в это время, кроме штаба, оставался лишь дивизионный резерв под командой т. Частека в составе Интернационального и Самарского полков и формировавшегося тяжелого дивизиона.

В результате настойчивых переходов с боем и энергичных маневров, предпринятых впервые в открытом поле, вопреки господствовавшему в то то время обычаю вести военные операции по линиям жел. дорог, 25 октября частями 3 бригады и Инзенской дивизией был занят Бугуруслан, а 31 октября частями 2 бригады и Пензенской дивизией—был занят г. *Бузулук*.

29 октября штаб дивизии выехал из Самары в *Бугуруслан*, а 10 ноября уже был в Бузулуке.

Вскоре вся Самарская губерния была очищена от белогвардейцев, т. к. частями 5 армии был освобожден Бугульминский уезд и велось наступление на Уфу, а 4 армия, овладев Ново-Узенском и Александровым-Гаем, стала продвигаться к Уральску.

Заключение.

Начиналась зимняя кампания с ее тяжелыми сорокаверстными переходами в день средь снежных буранов и мятелей, с ее тридцатиградусными морозами и леденящими дыхание ветрами.

Железная дивизия, сконцентрировавшись по обоим сторонам Ташкентской ж. д. и получив задание двигаться на *Оренбург*, не замедлила вписать новые славные страницы в летопись своих боевых переходов. К сожалению, за недостатком места, описание дальнейших подвигов Железной дивизии, взявшей *Оренбург и Орск* и угрожавшей в начале марта Троцкому и Кустанаю, не может появиться в настоящем сборнике.

Однако, об этих подвигах известно каждому красноармейцу 1 револ. армии и будем надеяться, что скоро наступит время, когда беспристрастный историк восстановит величественную эпопею героической борьбы, легендарного мужества и трогательного самопожертвования, выказанного доблестными красными воинами Железной дивизии.

История сохранит о них благодарную память, равно как и об их мужественных вождях и руководителях.

История не забудет, как командир Железной дивизии, т. Вилумсон, при апрельском наступлении белоказацких банд на Оренбург, во главе горсти рабочих храбрецов, организовал оборону подступов к городу и был тяжело ранен в живот, сражаясь на передовой линии.

История не забудет, как закаленные части Железной дивизии, отходя согласно приказу, перед напирающим осмелевшим врагом, шаг за шагом сдерживали натиск последнего, при всяком удобном случае ощетиниваясь штыками и переходя в контр-атаку.

История не забудет их, стойких выносливых защитников Ташкентской дороги, сохранивших нам Оренбург, вернувших Бугуруслан и Абдулино и помогших армии вернуть обратно Уфу.

История не забудет этих скромных героев красноармейцев Крестьянского, Витебского, Симбирского и

других полков, для которых не было невозможного, которые удивлялись интересу к их боевым подвигам, казавшимся им такими обычными и естественными, этих подвижников, свыше года оторванных от родных, почти не знавших отдыха, но не помышляющих о смене раньше окончательной победы над заклятым врагом. И нисколько не преуменьшая заслуг других доблестных дивизий нашей боевой армии, хочется во всеуслышание крикнуть:

Да здравствует Железная дивизия, авангард победоносной Красной армии Восточного фронта, сломившей Колчака!...

Да здравствуют неутомимые и зоркие борцы за идеалы коммунистической революции!..

Да здравствует наша славная 1 революционная армия, *первая* регулярная армия Восточного фронта, *первая* показавшая возможность дружной совместной работы с военными специалистами под контролем политических комиссаров, *первая* по дисциплинированности и сознательности красноармейских частей, *первая* пробудившая среди них наступательный порыв и *волю к победе!*..

Борьба на нашем фронте, хотя и потеряла свою остроту после разгрома Колчака под Златоустом и Челябинском, все еще продолжается, и наскоро окинув взглядом боевое прошлое 1 армии, созданной усилиями т. Тухачевского, Калинина, Куйбышева и их сотрудников, пожелаем ей в лице новых руководителей—командарма Зиновьева и политкомармов—Мирского и Дьяконова успешного завершения блестяще начавшегося наступления на Урал и Сибирь.

От Сенгилея и Инзы—вперед к дальнейшим победам под врагами революции!..

Александр Клементьев.

О работе в Пензенской дивизии.

Советской власти пришлось взять в свои руки военный аппарат в тяжелый момент. Старой армии не стало. Она умерла. Новой армии тоже не было. В это время разбитые царские генералы, помещики, царские чиновники стали группироваться на окраинах России для свержения рабоче-крестьянского правительства. С внешней стороны казалось, что Советская власть при данных условиях не может продолжительное время просуществовать, т. к. народное хозяйство было разрушено в корне.

Армии не было и формировать новую армию в то время, когда все солдаты были измучены долгой войной, было невозможно. Одновременно нужно было вести гражданскую войну. У старых генералов и буржуазии был хотя административный опыт формировать и управлять армией, к тому же к услугам контр-революции оказались чехо-словаки и в большинстве своем реакционное казачество. Первое время контр-революция имела успех. В нашем распоряжении были отряды добровольцев, которые действовали хотя и храбро, но без всякой связи и организованности. В процессе гражданской войны, при всеобщей разрухе и усталости масс, при саботаже офицерства и интеллигенции пришлось строить роты, полки, дивизии и т. д. Враг не дремал. Был занят ряд городов в Поволжьи.

В то время мне пришлось прибыть на восточный фронт. Я был назначен в 1-ю Пензенскую (ныне 20-ю стрелковую) дивизию. Наша дивизия состояла из двух полков и двух отдельных батальонов, всего штыков 2000—2500. Конечно, здесь приходилось принимать меры к пополнению дивизии, ибо это была не дивизия, а хороший полк. Так как резервов в тылу еще не было, то приходилось прибегать к всевозможным мерам. В это время производил мобилизацию Кузнецкий Военком, который должен был всех мобилизованных направлять в Саратов, но, благодаря нашему настоянию, Военком, без ведома Саратова, отпустил нам свыше 1000 человек пополнения. Таким образом дивизия получила пополнение „незаконно“.

Но при продвижении вперед мы набирали добровольцев и впоследствии создали 1-й Пензенский полк. В конце ноября 1918 г. в дивизию стали поступать пополнения из тыла.

В настоящее время мы видим дивизию во много раз многочисленнее, организованнее и дисциплинированнее, чем год тому назад.

Снабжение дивизии стояло в прошлом году из рук вон плохо. При приезде в дивизию я был назначен председателем ревизионной комиссии. Отдел снабжения представлял из себя картину полной разрухи; было полное отсутствие отчетности и системы в работе, что давало полную возможность растрачивать народное хозяйство. Во главе отдела стояли люди сведующие, но постановка работы точно нарочно была вся перепутана. При проверке счетов оказалось много счетов поддельных и прочих злоупотреблений. В результате два руководителя отдела снабжения были расстреляны. Пришлось назначить в отдел снабжения людей без специальных познаний и за год существования отдел снабжения развился и наладился лучше других частей управления дивизии.

Что же касается строевой части, то в дивизии командный состав состоял почти целиком из бывших солдат. Первое время до некоторой степени командование в полках хромало, но с течением времени вырабатывалась практика, и мы смогли управлять полками хорошо. Из некоторых командиров-солдат вышли лучшие командиры батальонов, полков и бригад. В настоящее время эти командиры гораздо лучше справляются со своей задачей, чем прибывающие „воен-спецы“.

Управление дивизией хромало все время и до некоторой степени улучшилось в последнее время. В дивизии находились с самого начала военные специалисты. Туго налаживающаяся работа в управлении дивизией зависила от многих причин:

Одной из них было обилие работы, которая требовала опыта и энергии от всех сотрудников. Но этой-то энергии и напряжения как раз и не было. Делалось как-то все довольно примитивно, точно только на сегодня, а завтра все будет не нужно. Заведующие отделами (оперативная часть, административная и др.) не старались подобрать сотрудников, которые могли бы работать так, как этого требует общее дело, а

работали как бы для того лишь, чтобы провести время. Правда, среди них были и люди энергичные, но таковых было меньшинство. Так, дивизия не имела нашт-дива около полугода и до последнего времени его обязанности исполнял врид нашт-дива (если не не считать т. М—ха, который пробыл около трех недель).

Политическая работа первое время в полках совершенно не велась. Так, в полках было по одному комиссару, сотрудников же совершенно не было. По мере увеличения состава дивизии увеличивался и приток политических работников. Когда Ц. К. нашей партии издал целый ряд постановлений об организации ячеек, ротных судов, хозяйственно-контрольных комиссий и др., было приступлено к созданию означенных организаций. К сожалению, должен отметить, что систематической правильной работы в этих организациях до последнего времени наладить не удалось.

Объяснялось это целым рядом причин: 1) полк или батальон не находился все время на одном месте и в ту или другую организацию попадали тов. из разных частей, разбросанность частей не давала возможности совместно работать; 2) отсутствие опытных и способных товарищей, которые могли бы взять инициативу в свои руки. Правда, в некоторых полках были зачатки организации и даже наблюдалась некоторая работа, но она была довольно ограничена. Так, в 175 полку существовали десятки (по декрету т. Грацкого); эти десятки работали довольно успешно. Успех зависел исключительно от тов. комиссара Травкина, который сгруппировал вокруг себя лучших бойцов и сам ими руководил непосредственно в боях. В случае же выбытия комиссара из полка можно было предвидеть заранее, что эти десятки распались бы немедленно. Были десятки и в 4-м Пензенском полку и ячейка полковая около 100 чел. В Смоленском полку (ныне 173-м) ячейка вела кое-какую работу, но 2 председателя ячейки попали в плен, в апреле с/г. ячейка совсем не работала за отсутствием работников; ротные суды существовали, но не работали за отсутствием работников. Приблизительно такая же картина наблюдалась и в других полках дивизии.

За последнее время в дивизии число политических работников значительно увеличилось. Часть товарищей получили специальную работу, как-то: учет коммунистов на местах, организацию судов. Наибольшую пользу можно было бы принести в смысле поднятия сознания т. красноармейцев в том случае, если бы тов. коммунисты, находящиеся в организации, работали непосредственно в рядах.

В последнее время это и стало проводиться в жизнь.

С мая месяца политическая работа в дивизии оживилась и стала налаживаться, согласно инструкции Политотдела 1-й Революционной армии. Стали усиленно создаваться ротные и батальонные ячейки, культурно-просветительные комиссии, которые стали устраивать, где возможно концерты, митинги, собрания, организовывать библиотеки, читальни, клубы, музыкально-драматические кружки. Несмотря на отдаленность нашей дивизии от штарма 1, между политическими работниками установилась тесная связь.

Подводя итоги существования нашей дивизии в течение года, могу в заключение сказать следующее:

Несмотря на целый ряд шероховатостей и недочетов, которые мы в настоящее время стараемся исправить, мы достигли такого успеха в строительстве и достижении мощи нашей дивизии, равно как и всей Красной армии, какого не в состоянии была бы достигнуть при данных обстоятельствах никакая другая власть.

Ст. Филипповка, Уфимской губ. Политком дивизии *Самсонович*

Как наш козловский отряд воевал с чехами.

Когда я и мои товарищи красноармейцы стояли в г. Козлове, Тамбовской губ., и несли в нем гарнизонную службу, то, конечно, никто из нас не представлял, что такое гражданская война.

И вот, 29 мая вечером, нам было приказано погрузиться в вагоны и ехать. Куда — об этом в военных приказах не говорится. Но когда мы погрузились, нам все же сообщили, что мы едем разружить чехо-словаков, стоящих на ст. *Ртищево*. Нам было сказано, что едем только на 4 суток, так что приказано было взять только котелок и ложку, а из вещей ничего.

Мы, конечно, с радостью согласились ехать, как нам казалось на прогулку, которая, как потом оказалось, была довольно продолжительной. Захватив с собою орудия, 9 пулеметов и 300 человек пехоты и поставив по 2 пулемета на пульманы, из которых один находился около поезда, а другой сзади всего состава, мы тронулись.

Была ночь. Мы все были в веселом настроении. Шли бодрые разговоры:

— О, это нам повезло! Мы им (т.-е. чехам) покажем, как делать восстания в России.

Наконец, ст. *Ртищево*. Мы приготовились. Тихо, спокойно. Ни выстрела. Под'ехали. Спрашиваем:

— Были чехи?

— Были.

— Где они сейчас?

— Уехали на ст. *Сердобск*.

— Великолепно,—отвечали мы,—едем вдогонку.

Не доезжая Сердобска, путь был испорчен. Его исправляли рабочие. Тут же был сожжен чехами эшелон с съестными припасами, обмундированием и патронами. Путь готов был только через сутки. Поехали к Пензе. Под'езжаем, — все на своих местах. Смотрим, все спокойно. Снова спрашиваем:

— Ну, что, были чехи?

— Были, да уехали.

— Чорт возьми! И здесь не застали,—говорили со злобой мы и решили ехать до Сызрани.

В Сызрани повторилась та же история. А нас начальник предупредил, что если только в Сызрани чехов не встретим, то поедем обратно.

Чехи были в Самаре и наступали с двух сторон. Нас погнали туда, на подкрепление наших частей. Мы соединились с нашими отрядами под Нов. Москвою и пошли на позицию. Двуколок и лошадей не было, пришлось пулеметы тащить на себе. Пришли. Окопались. Смотрим—левый фланг бежит в панике. И неудивительно. Командиры отрядов действовали самостоятельно. Старшего над ними не было.

Были и такие эшелоны, которые не защищали Советскую Русь, а нарочно панику делали, бегая и крича:

— Кавалерия с тыла!

Конечно, тут и подавай бог ноги: все бегут без оглядки, бросая пулеметы, винтовки, вообще все, что мешало уходить.

В нашем отряде было большинство старых фронтовиков. Мы не струсили и отошли в порядке. Приехали в Сызрань, все красноармейцы стали говорить: едем обратно. Вшей развелось, как в муравейнике. Бани нет. Белья нет. Поехали на 4 суток, а ездим уже целый месяц.

Наш начальник был коммунист. Он сказал, что ехать нельзя, пока не разоружили чехов. А потом говорит: если кто желает, пусть подадут список. Такие нашлись. Их арестовали и отправили в тюрьму. Однако от этого дело не менялось. Вещи были в Козлове, мы проспались, чтобы за ними с'ездить. Тогда нам дали белье, мы сходили в баню и на другой день отправились в Симбирск. В Симбирске нас стали грузить на пароходы. Отошли. Красноармейцы стали заболевать холерой. Их положили на выдержку в госпиталь. Проведя семь суток в лазарете, я и товарищи, попавшие со мной, вылечились и отправились на Мелекес, откуда на подводах мы отправились на Ставрополь, но остановились, не доезжая до него, в селе Мусорках, где и стояли две недели. В этой деревушке стояло, кроме нашего, еще 2 Нижегородских отряда и других названий. Мы бездействовали, а противник уже занял Мелекес. Был отдан приказ: Козловскому (т.-е. нам) и Нижегородскому отрядам ударить во фланг противника по направлению на Белый Яр и Сенгилей. Мы двинулись. Не доезжая 8-ми верст до ст. Чердаклы, поехали в разведку тов. Великанов со своим ординарцем. Разведка была удачна. И наступая ночью на станцию, мы здорово пощипали противника. Пришло приказание ударить во фланг противнику и присоединиться к своим частям у Часовни. Но, благодаря измене командира Муравьева, мы остались, как щука на мели, и вдобавок в кольце, так как Симбирск был уже занят белыми. Пришлось отступать обратно к той деревене, откуда вышли. Измученные, не спавшие трое суток, мы заснули на подводах. Не доезжая шагов ста до этой деревни, мы попали под обстрел белых. В панике мы стали беспорядочно метаться, но были остановлены т. Великановым и начали отстреливаться. У нашей батареи было убито 15 лошадей, да и нельзя было наводить огонь близко. Двух наводчиков убило, а остальные разбежались, отстреливаясь. Стали отступать по направлению к Белому Яру. Одно орудие везли на паре лошадей верст десять, но все-таки пришлось бросить, как бросили раньше уже 3 орудия. Бросили также некоторые вещи из обоза.

У Белого Яра наших войск уже не было. Они были на правом берегу Волги, но Белый Яр все же был еще в наших руках. Парохода не было, сообщить об его присылке было некому. Мы погрузили часть пулеметов на лодки и отправили их на ту сторону. К счастью вдруг мы заметили один пароход на реке, дали ему сигнал, и он нас со всем имуществом переправил в Сенгилей.

Из Сенгилея тронулись по направлению к ст. Инза, но сообщения с внешним миром мы не имели, по слухам и эта станция была уже занята белыми, однако, мы не боялись, так как нас было много.

Так мы доехали до ст. Майна, она была нейтральной. Мы узнали, где расположено наше войско и где неприятель. Здесь мы сформировали из отрядов два полка—1 и 2 Симбирский, так как нам пришлось стоять на этой станции 3 недели. Полки были 2-батальонного состава по 150 человек в каждом батальоне. Когда к нам присоединились еще два полка, Витебский и Курский, мы решили наступать на Симбирск, но нас отбили. Простояв еще месяц и получив резервы из тыла, мы снова двинулись на Симбирск и взяли его на третьи сутки. Шли просто бегом, тут уже противник был сбит окончательно.

Наша 1-я армия преодолевала все трудности, и ничто не могло ее задержать. Вечная слава 1-й армии, которая сформировалась в самые тяжелые минуты и до сего времени непоколебимо и стойко бьется за Советскую республику.

Привет и слава 24-й железной дивизии и бывшим ее командирам, т. Гаю, т. Павловскому и т. Великанову.

Красноармеец 24 дивизии . . полка

Ф. Малютин.

Боевые эпизоды.

На линии огня.

(Из рассказа агитатора).

Штаб N бригады стоял в деревне Милюзи. Боев не было, за исключением разведывательных стычек.

С х. Александровского приехали делегаты и просили прислать к ним организатора Совета. Делегаты много рассказывали о том, как их обижали башкиры. Например, говорят делегаты: „В соседнем Андреевском хуторе проклятые люди чуть не засекли хуторянина за то, что у него жил мальчик, брат советского служащего. Воскресенский хутор почти до основания сожгли. Сейчас у нас плохое положение в деревнях".

Я была откомандирована к ним. Наскоро собравшись, мы тронулись в путь. На улице совсем стемнело. Стоял сильный мороз. Была ясная лунная ночь. Временами раздавался сильный, глухой треск. Один из крестьян говорил мне: „Земля лопается от мороза"... А здоровущий сегодня мороз... небо-то какое ясное, усеяно все звездочками... все горят явственно... Закрывая занндевевшее лицо воротником шубы, повернувшись ко мне и перебивая говорившего товарища, как бы показывая мне своими глазами, он устремился вдаль, произнося: Какое диво... Переменив тон разговора на ласковый: „Смотрите, как серебрится хорошо снежок лунной ночью, а под полозьями-то, как он скрипит... Люблю я такими ночками ездить".

При разговоре мы скоро и незаметно добрались до деревни. Лошадка все время бежала от сильного холода.

С утра я принялась за работу по организации Советов.

Пробыв с половину дня, устроив собрание и выбрав Совет в Александровском, я поехала в Семено-Пе-

тровский, из Семено-Петровского в Воскресенский хутор, а потом в Юмагузинский. Все эти села и деревни тесно поселены друг от друга. Во всех местах этих, где я проводила собрания, а особенно в последнем, в Юмагузинском, крестьян нельзя было понять. Что-то их удручало, чем-то они были опечалены, что-то таилось в их душе—для меня являлось загадкой. В первых деревнях я обращала мало внимания, ругая крестьян за такую скрытую опасность или пассивность к работе, продолжая делать свое дело.

Работали самогонные заводы, разливали самогонку, которой у каждого кулака было что в старое время в казенке. Собирала деньги с вновь избранными членами Совета с тех кулаков, которые жертвовали на белую гвардию, в десятиразмерной сумме, для организации советских учреждений, ибо белыми все уничтожалось, даже пера нигде не оставалось, писать нечем было. Но здесь, в Юмагзине, такое положение меня вывело из терпения, я стала нервничать. Сзади послышался голос, я разговор кончила, прислушиваюсь. Один из крестьян, сзади стоявший, ровным, сдавленным голосом обращался ко мне, продолжая говорить:—Товарищ?..— Как бы запинаясь, несмело он повторил. — Товарищ? Ведь вот в чем дело, почему крестьяне все боятся... а они все хотят Советы...—Мы все говорим давно о Советах... — Белые уж очень жгут деревни и бьют народ...—А вот в чем дело в Юмагзино.—В помещении воцарилась тишина, все затаили дыхание и напряженно слушали слова говорившего, улавливая каждое его слово и выражение лица, и наивным взглядом как бы старались передать мне, чтоб я поняла их. Говоривший продолжал: Сейчас приехали разведчики белых. Ванюшка Брылов и с ним 3 башкира...—да...—А разве наших войск нет здесь?—спросила я.

— А если б были наши войска, то не то бы было.— Не то б было.

Я громко, уверенно сказала:

— Товарищи, не будем терять ни минуты времени, необходимо начать действовать. Кто знает, где сейчас находится разведка и вправду приехала ли она?

В помещении поднялся шум, все засуетились, слышались голоса:

— Я видел... Я тоже видел... У того-то она сейчас... Там-то остановилась... Сюда уже идут... Приходили и уже уехали...

Я предложила изловить разведку. Сейчас же около меня собралось несколько молодцов. Остальным я предложила разойтись по домам, но все остались на местах и не хотели покинуть помещения. С трудом, при помощи неимоверных усилий, мне пришлось убедить их расходиться.

Осталось лишь несколько человек. Соратники мои пронизывали меня своими взглядами, горя нетерпением, спрашивали:

— С чего начнем действовать, как будем ловить и удастся ли нам?

Я задала им вопрос, есть ли у них какое-либо оружие, нам нужно окружить тот дом, где те находятся...

Через несколько минут оружие было налицо: одно охотничье ружье, одна берданка без патрон и какая-то японская ржавая винтовка, мой револьвер и вместо кинжала — нож в ножнах у одного за поясом и дубина вязовая.

Мы тронулись в путь... Выйдя из хаты, мы закончили свою оперативную подготовку.

На улице темно. Ревела сильная вьюга, снег густыми мокрыми хлопьями залепливал нам глаза. Впереди совершенно ничего не было видно, лишь в некоторых хатках, тускло прорезывая ревущую вьюгу, мигали огоньки, то пропадая, то появляясь снова.

Мы у цели...

Окружив дом и расставив разведку, мы, несколько прекрасно вооруженных, вошли в дом.

На ответ обитателей дома, что у них никто не был и никого нет, мы пред'явили строгий ультиматум, что разнесем их дом, откроем стрельбу, уничтожим до основания их притон, если они только скрывают.

Результаты налицо... Жалкими, дрожащими голосами отвечают:

— У нас один только.

И трясущимися руками нам вытащили из-под пола одного башкира.

Забрав пленника, мы отправились обратно. Устроив совещание, мы решили дальнейшую свою операцию: на всех четырех дорогах поставить по два человека, вооружив их хорошими кольями и тем оружием, какое имелось, а остальным всю ночь дежурить в помещении.

Решено... Все по местам...

На улице продолжала реветь вьюга.

Год тому назад.

(Рассказ 16-летнего добровольца).

Отступив от Сенгилея, мы заняли позицию у ст. Майны, в селе Сергиевка-Жеребятниково, где и стал впервые формироваться наш полк. Через две недели полк был уже сформирован из 6-ти отдельных отрядов, и мы пошли в наступление. Выйдя из села, мы двинулись колонной по направлению к селу Абрамовка, где отдохнули и пошли дальше. По выходе из села мы рассыпались в цепь, направляясь к селу Кадыковке. Близ цели назначения нас встретил пулеметным и орудийным огнем враг. Мы залегли в наскоро сделанные окопы, рыли их за неимением лопат руками и штыками, и стали отвечать из ружей, потом по команде перебегли влево, поднялись на гору и нам стало видно расположение противника. В деревне стояли белогвардейские орудия. Наблюдаешь за орудием: около него никого не видно, вдруг из-за амбара выбегают человек пять белогвардейцев и начинают его вертеть да накручивать. Выстрелят раз, а потом опять бегут за амбар, такая же история повторялась и у пулемета. Будь у нас орудия, мы живым манером обработали бы белых и орудий им не дали бы увезти. Лихим натиском заняли мы село и после небольшого отдыха стали продвигаться дальше к Симбирску, но не дошли 25 верст, как завязался бой уже посерьезнее. Бой продолжался двое суток. На вторые сутки к вечеру мы перешли в стремительное наступление и выбили противника из села П., где и расположились на отдых, выставив заставы и дозоры. Артиллерия и обоз остановились в селе Тетюшки, четыре версты позади нас.

Ночь прошла спокойно, но с наступлением утра на наше село и на село Тетюшки белогвардейцы повели наступление. Пришлось уйти из села П. и занять позицию за селом. Но белые не унимались, продолжали наступать. Вот из цепи врага выделились человек семь и бросились на нас с криком: „Красные, сдавайтесь!“ Мы им ответили ружейным залпом и они полегли мертвыми и ранеными. Мы пошли в контр-атаку, белые струсили и начали отступать, оставляя раненых и убитых. Были и пленные. Подходим к одному пленному белогвардейцу.

— Ты кто?

— Солдат,—отвечает он.—Товарищи, дайте воды!

— Ага, теперь мы стали товарищами! А раньше нас как называли?

— Я, товарищи, такой же рабочий, как и вы.

Наши обыскали его тщательно и в результате он оказался не солдатом, а полковником офицерской роты, взводный командир. По документам видно, что он пробрался к белым из Минска. Мы его прикончили. Дойдя до села, мы получили приказ: „Отступить". Начали отходить к селу Тетюшки, но оно было уже в руках белых. Чтоб выйти из затруднительного положения, нам пришлось переходить в брод через реку, мост был уже занят белыми. Сумели пройти незаметно и догнали своих. Вдруг откуда ни возьмись летит начальник дивизии т. Гая на автомобиле и отдает на ходу приказ: „Товарищи, вперед! Не отступать"—и сам первый открыл стрельбу из пулемета, находившегося на его автомобиле. Мы двинулись за ним и белые начали удирать. Заняли село, отбили свои орудия. Здесь мы увидели, как стойко защищали свои орудия наши красные артиллеристы. Около орудий лежало 12 трупов красных артиллеристов. По снарядам мы угадали, что они били „на картечь", так как враг был совсем рядом. Но когда же и на картечь нельзя было бить, они бросали бомбы. Сходились 3 раза в рукопашную, но в конце-концов враг осилил наших, из 20-ти человек остались в живых 8 человек. Много валялось трупов белых, раскиданных по полю. Но недолго оставались мы здесь, подобрав своих убитых и раненых, захватив артиллерию, мы стали отступать. Отступали в порядке, отстреливаясь, шли все время цепью.

Кр-ец. 2-го Симбирск. полка **Т. Мартысюк**

Как мы живем.

(Письмо с передовой линии).

Мы находимся на фронте уже 8-й месяц без смены и без отдыха, но все-таки не теряем революционного духа и храбрости. С каждым днем наш полк все крепнет и крепнет в братской солидарности и политическом сознании, исключая нескольких алкоголиков, воров, которых мы стараемся выбросить из своей среды.

Наш полк был в Пензе, Сызрани, Самаре, в Бугуруслане. Мы взяли город Белебей, Стерлитамак, ряд станций и сотни деревень. Мы были окружаемы врагом, отступали с потерями и без потерь, было много столкновений и горячих боев с противником. В нашем полку много убитых, раненых и без вести пропавших, но на места убывших товарищей идут новые светлые силы добровольцев. Чувствуется усталость, но мы все, как один, заявляем: „Смерть кровожадному капиталу! Мы не сложим оружие раньше, покамест враг не будет уничтожен".

В настоящее время мы стоим на Оренбургском фронте. Вспоминаем мы своих погибших товарищей, а именно товарища *Потулова, командира 2-го батальона, убитого 17 января с. г. под Башкирской деревней Асарово.* Вспоминаем товарища Потулова, как идейного борца за свободу. Вечная память тебе, наш дорогой товарищ!

В последнее время при наступлении со стороны противника есть много перебежчиков. Со стороны неприятеля к нам перебегают целыми десятками и таким образом уничтожаются целые полки противника. Перебежчики по большей части мобилизованные. Попадаются и казаки. Офицерство убегает в глубь Сибири. Население относится к красноармейцам радостно и вежливо и всячески старается оказать помощь, указывая расположение противника и пр.

Нами приняты самые энергичные меры для предотвращения порчи имущества, чтоб никаких обид мирным гражданам не было.

Красноармеец **Г. М. Упит.**
Село Александровка.

Из недавнего прошлого.

Это было тогда, когда наши красные герои, показавшие свою храбрость в нескольких боях, должны были выдерживать сильный натиск только что сформированных свежих колчаковских сил. Волею сложившейся обстановки после сильного боя несколько товарищей красноармейцев попали в плен.

Долгое время никаких известий не было и нельзя было получить от дорогих нам бойцов, попавших в плен. Мы знали, какая участь должна их постичь. У всех нас клокотало сердце в груди за судьбу и жизнь наших погибших товарищей, ибо кто уже попадал в плен, тот никогда не оставался живым. С затаенною местью в груди, отражая сильный натиск противника, мы уступали с боем свои позиции. Трудно для нас было примириться с отступлением,—мы привыкли итти вперед—наступать. Наш девиз в п е р е д. Но, повинуясь злой судьбе, мы все-таки отходили. Мысль о наших товарищах пленниках не оставляла нас.

Приблизительно месяц или более спустя в нашу часть прибыла группа товарищей, которые попали в плен к Колчаку. Нельзя описать той радости, которая происходила при встрече. Прибежавшие товарищи рассказали нам все подробно, что с ними происходило. Слушая со вниманием рассказы товарищей, мы не верили, они ли это или нет.

Товарищи рассказали нам, как их угощал Колчак и каким образом пришлось им бежать. „Нас схватили,—передавали товарищи,—в селе Семеновке. Там было еще несколько наших пленных товарищей красноармейцев, тут же приступили к сортировке нас. Первым долгом отделили политических комиссаров и командный состав и расстреляли их на наших глазах, потом 4-х китайцев, приговаривая иронически:

„Иностранные державы не должны вмешиваться в наши дела". А несколько товарищей были тут же раздеты и посажены в подвалы.

Мы, в количестве 12 человек,—продолжали пленники,—без слов, как бы сговорились устроить для себя выход из создавшегося положения. Некоторые из нас заявили колчаковским офицерам, что мы желаем добровольно сражаться в их рядах. После некоторого раздумья и пытки над нами нас приняли и отправили на фронт в полк Колчака. Белые зорко следили за нами и за нашими разговорами. Два товарища не могли выдержать этого оцепенения и выдали себя, после чего были тут же расстреляны. Но мы остальные продолжали покорно нести возложенные на нас обязанности. И все время пребывания в колчаковском полку мы так себя вели, что никаких подозрений на нас не могло пасть. Сама служба в рядах Колчака говорит за то, что руководит ею старый генерал, и таковы в ней порядки. Эти серебряные погоны не давали нам покоя. Мы ждали удобного случая. И вот наконец...

Во время боев под Киевской мы выбрали самое удобное время, развязали свой язык, бросили сигнал каждый друг другу, расстреляли ротного прапорщика Пугачева и 2-х его заместителей, а народоармейцев привели тем самым в недоумение, замешательство. Один момент... и мы в своих рядах. Расспросили, где находится наша часть, и прибыли сюда. Точно сон все эти события промелькнули перед нами. Да, пусть знает каждый, как попасть к Колчаку в плен—лучше умереть моментальной смертью, чем подвергаться той попытке и смотреть на тот ужас, какой мы переживали и видели. Многому научила эта короткая разлука нас с вами. Пусть зарубит себе на носу каждый о том, что значит попасть в плен к противнику.

С.

В казачьих станицах.

(Эпизод из похода на Орск).

Впереди, сквозь туман, еле-еле виднеется Сыртский горный хребет и кажется, чем ближе мы к нему приближаемся, тем дальше удаляется его контур.

Мороз в 25° дает себя чувствовать.

Бесконечно длинной цепью тянется обоз; впереди стройными колоннами двигается полк, а еще впереди грохочет батарея тов. Лунина, который „принципиально, как он говорит, должен итти впереди пехоты".

Идут все молча; только и слышится несмолкаемый треск, скрипение и грохот двигающегося обоза и полка.

Мы приближаемся к станице Переволоцкой. Спустились с горки и в'езжаем в станицу.

На площади, против станичного правления нас встречает делегация от казачества во главе с помощником станичного атамана с красным флагом. Вся делегация снимает шапки, отвешивает низкий поклон и, приветствуя наше вступление, заверяет в преданности Советской власти.

Штаб нашей дивизии располагается в доме бежавшего к белым попа.

Почти каждые полчаса входят заиндевевшие красноармейцы и радостно докладывают: „Привели перебежчиков".

Приводят одиноких и десятками. С окрестных станиц прибывают делегаты и отправляются обратно, чтобы оповестить станичников, что Советская власть прощает всех заблудившихся.

Из Н—ского полка прибыл ординарец с донесением. Вести приятные. Народоармейцы 3-го Вольского полка человек 200 во главе с 5-ю офицерами перешли на нашу сторону с полным вооружением и энергично вместе с нашими ведут наступление на казаков.

Захвачена канцелярия 25-го казачьего полка. Из приказа Дутова № 795 от 16 января узнаем, что 25-й полк отказался воевать с нами и бросил под Новосергиевкой позиции.

Станичники приносят письмо, оставленное 25-м полком, что они признают Советскую власть, преданы нам и ждут удобной минуты перейти на нашу сторону.

В это время приезжает делегация от станицы Донецкой с наказом, в котором говорится: „Советскую власть признаем, с красными войсками воевать не будем и из'являем покорность и преданность". За ним идет длинный ряд подписей участников сходки.

От соседних полков продолжают поступать донесения о переходе казаков на нашу сторону. На дворе уже давно ночь.

Погас огарок свечи и все улеглись спать.

Часа в три ночи нас разбудило громкое „ура". Со сна не разобрались, схватились за оружие, но все раз'яснилось к лучшему. Сдалась добровольная партия казаков и товарищи красноармейцы приветствовали их вступление в наши ряды.

В 6 часов утра, когда мы пили чай, вошел незнакомый человек в военном плаще. Отвесив общий поклон, „по-офицерски" громко и отчетливо произнес: „Позвольте представиться: я командир 3-й сотни 25-го казачьего полка сотник Рогожкин".

В его записной книжке мы нашли копию письма, которое он оставил своей сотне.

Вот оно:

„Станичники, простите, я сделал по чистой совести все, что мог. Сего 19 января в 6 часов утра покидаю вас и перехожу на сторону Красной армии и буду защищать интересы вас, трудящихся".

Сотник поступил в один из наших полков и сразу послал письмо своей сотне, предлагая ей целиком перейти к нам.

Оборона Оренбурга.

(Впечатления).

21-е мая.

Сегодня задумана смелая вещь.

Решено форсировать Урал.

Лежат наши красноармейцы по одну сторону Урала, а по другую—стоят сторожевые казацкие посты.

Всякого появившегося на нашем берегу осыпают они градом пуль.

Хочу присутствовать при исполнении задуманной операции.

Теплая, весенняя, немножко влажная, ночь.

Очень светло.

Товарищи красноармейцы ворчат на несообразительную луну, так некстати вылезшую на небо.

„Эк, ведь, как светит!"

Тихо идем по дамбе, направляясь к мосту, по которому должен совершиться переход.

Со стороны противника мы закрыты кустами.

Нечаянно выходим на открытое место.

Тра-та-та-та...

Тра-та-та-та...—Трещит вражеский пулемет.

Я, как необстрелянная птица, не понимаю, что этот треск относится к нам, и удивленно смотрю, как мои спутники приседают к земле.

— Ложитесь, ложитесь! — шепчут они, и тогда только я понимаю, что обстрелу подверглись именно мы.

Трещат пули, а в кустах поют и свищут соловьи.

К мосту медленно подвигаются люди, делая последние приготовления к переходу. Их шаги заглушаются выстрелами с нашей стороны.

Приготовления оканчиваются.

Начинает брезжить рассвет.

Раздается тихая команда: поднимайтесь!

В сером рассвете поднимаются серые фигуры красноармейцев. Нерешительность чувствуется в их движениях и делается смутно на душе при виде их настроения. Но и тут сказывается моя неопытность. Я неверно учитываю их состояние. Я в первый раз вижу людей, отправляющихся в бой.

Начинается артиллерийская стрельба с наших батарей.

Слышатся бодрые крики командиров.

Раздается „ура“!

„Ура“ ширится, крепнет. Шаги ускоряются.

Рядом с пехотой через мост бросается кавалерия. Это окончательно воодушевляет красноармейцев.

Крики делаются радостными.

Под гром орудий река форсируется.

Неприятель в панике бежит.

Казаки выскакивают в „ситцевых“ костюмах из Ситцевой деревни, расположенной на берегу. По полю носится несколько коней в полном снаряжении, оставленных казаками.

Неприятель бежит.

Возвращаемся в город. На улицах кучки людей.

Одни сияют и поздравляют друг друга.

Другие... Встречается несколько дам, исподлобья поглядывающих на нас и нашу радость. Их глаза обращены за Урал. Сегодня они ждали гостей, но эти красные...

Откуда берется у них сила?

А сила красных растет и растет.

Г. Т.

События в Вольске.

В Вольске, Саратовской губ., вооруженные отряды белогвардейцев, ободренные нападениями чехо-словаков на Волге, особенно в районе „Самарской луки“, задумали захватить в свои руки власть.

Пользуясь тем, что гарнизон Красной армии в городе был невелик, белогвардейцы захватили помещение Совета и стали производить аресты и убийства советских работников и красноармейцев.

После убийства председателя Совдепа белогвардейцы организовали военный штаб и комитет учредительного собрания и похитили из вольского казначейства $2^1/_2$ миллиона рублей народных денег.

Немедленно для ликвидации восстания были двинуты сильные отряды Советских войск из Саратова и Пензы.

Одна деревня за другой быстро были заняты нашими воинскими частями. Противник был обращен в бегство. Население встречало отряды Красной армии восторженно.

При наступлении Красной армии на Вольск особенно сильное сопротивление ей пришлось выдержать между селами Барнауловкой и Кириловкой, где у противника было перебито более полутораста офицеров.

После боя у Кириловки войска Красной армии цепью с боем стали теснить отступающую белую гвардию, отражая ее контр-атаки.

При приближении к ст. Привольской белая гвардия, с целью задержать наши эшелоны, пустила по уклону шесть вагонов, отчего произошло повреждение пути и задержка наших подкреплений. Пешая цепь во время задержки продолжала продвигаться вперед. После артиллерийского боя нашими войсками была занята ст. Привольская, а затем город Вольск.

При приближении красных отрядов к Вольску, белогвардейский штаб и „учредиловцы“ захватили награбленные народные деньги, нагрузили 12 пароходов самым ценным имуществом и, забрав с собою буржуазию и кулаков, при одном трехдюймовом орудии выехали вверх по Волге.

На этих пароходах белогвардейцы пытались пробраться в Самару, но в Сызрани пароходы были встречены нашим артиллерийским огнем, вследствие чего были принуждены вернуться, и остановились у Красного Яра.

Под Бряндиным.

Из боев в районе Симбирска нужно отметить ожесточенную схватку с чехо-словаками и белогвардейцами под Бряндиным.

Наши блиндированные поезда во время этого боя беспрерывно находились впереди, обстреливая противника орудийным и пулеметным огнем, врезавшись далеко в глубь расположения врага.

Белогвардейцы три раза шли в атаку на блиндированные поезда, забрасывая их ручными гранатами, и под беспрерывным обстрелом бросали на железнодорожный путь пироксилиновые шашки, чтобы взорвать его.

Команды поездов, под ураганным огнем противника, восстановили путь и поезда продолжали действовать.

После четвертой атаки один поезд был совершенно забросан гранатами и взорван. Матросы легли все до одного, не сдаваясь в плен.

На другом поезде от артиллерийского огня и гранат пострадало несколько человек, но он благополучно вышел из боя.

Наши части в боях под Бряндиным были на высоте положения и уступали лишь после упорнейших боев численному и техническому превосходству противника.

Особенно доблестно сражался один из отрядов, который был окружен, но долго не оставлял позиций и отошел, подчиняясь приказу, нанеся противнику тяжелые потери.

„Делосовет“.

При продвижении наших войск вниз по Волге, много революционной доблести проявили красные моряки-коммунисты.

В одном из донесений Наркому Троцкому сообщается о таком подвиге моряков военного парохода „Делосовет“.

Этот пароход имел на борту одно трехдюймовое полевое орудие и 52 человека команды, в начале июля 1818 г. вышел из Сенгилея и пошел на поиски неприятеля.

В 10—12 верстах ниже Климовки им были встречены три вооруженных чехо-словацких парохода. Завязался бой. Команда сражалась с беспримерной отвагой.

В продолжение 35 минут боя с нашей стороны было выпущено 250 снарядов.

В результате у одного неприятельского парохода была сбита рубка. От наших метких попаданий на этом пароходе произошел взрыв и он быстро затонул.

После того, как пал Симбирск, „Делосовет“ снова доблестно выдержал ожесточенный бой с неприятелем.

Это было 22 июля, в день обстрела Сенгилеевской пристани чехо-словацкими пароходами.

Снявшись с якоря в 8 час. вечера и не успев еще отойти от Сенгилея, он внезапно встретился с вышедшими из-за поворота тремя лучшими белогвардейскими пароходами, вооруженными трехдюймовыми пушками. Это были:

„Вульф“, „Фельдмаршал Милютин“ и „Козлов“.

Находясь на расстоянии двух верст от нашего парохода, направлявшийся вверх по Волге к Симбирску неприятель первый открыл артиллерийскую стрельбу.

Наши пароходы „Нижегородец“, где помещался штаб командующего т. Гая, „Фортуна“, где находился санитарный отдел и плавучий госпиталь, „Владимир Мономах“ и др. были совершенно беззащитны. „Дело-

совет" отстреливался из своего единственного орудия, но вскоре получил три пробоины. В кормовой части от взрыва снарядов вспыхнул пожар.

Получив сильные повреждения, „Делосовет" принужден был выброситься на берег.

Все пулеметы и замок из орудия были выброшены за борт, в глубоком месте реки. Из команды 4—5 человек было убито, пять ранено и два пропали без вести.

Команду парохода по преимуществу составляли военные моряки Балтийского флота.

Взятие Сызрани.

Участники взятия Сызрани так описывают обстоятельства, при которых Красная армия захватила этот оплот волжской контр-революции.

После занятия Мелекеса, главные силы Симбирской Железной дивизии были двинуты к Сызрани, к Батракам и к Александровскому мосту.

Одновременно с этим с юга была двинута вольская дивизия, только что переведенная из 4-й армии в 1-ю.

Наступление велось концентрически, и Сызрань была окружена со всех сторон.

Для отвлечения внимания противника от северного и южного участков фронта, наши части на пензенском и инзенском направлениях предприняли демонстративное наступление.

Когда противник сосредоточил на этих направлениях главные силы, наши армии с севера и юга предприняли энергичное наступление.

Обнаружив обход, противник бежал в панике.

Сызрань была сильно укреплена, при чем укрепления были вынесены на 10 верст кругом. Батрацкие высоты были укреплены особенно сильно. Здесь отличился Карачевский кавалерийский полк, пошедший в атаку на проволочные заграждения.

Когда противник очистил правый берег Волги, он взорвал заранее минированный Александровский мост, при чем были разрушены два пролета у левого берега. Один полк не успел во-время переправиться и, оставшись у Батраков, бросился вплавь на левый берег, но частью утонул, частью был потоплен нашим ружейным и артиллерийским огнем.

Трофеи при взятии Сызрани следующие: три бронированных поезда, 30 орудий, 80 пулеметов и неисчислимое количество другого военного материала.

После взятия Сызрани наши части двинулись на Самару, частью на пароходах, частью по берегу Жигулевской луки.

В числе боев за обладание районом Сызрани надо отметить действия одного из полков, который, по приказанию штаба своей группы, должен был ударить в тыл противнику, стоявшему на ст. Новоспасское.

Полк исполнил блестяще данное ему поручение. В 11 часов ночи совершенно незаметно подкрались передовые его части и открыли по неожидавшему нападения противнику ожесточенный огонь.

На станции находился эшелон белогвардейской пехоты.

Наши попадания были чрезвычайно удачны. Первые же снаряды разбили несколько вагонов в эшелоне. Среди белогвардейцев началась паника. В беспорядке они бросились в разные стороны, главным образом, в село Новоспасское.

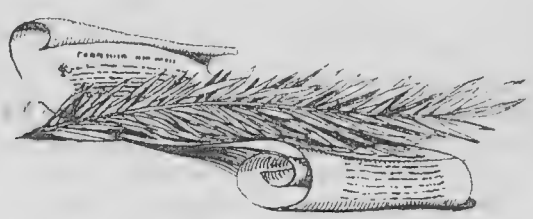
В то же время подрывной командой того же полка был взорван путь на протяжении одной версты в четырех верстах в тылу у противника. Этим он был лишен возможности отступить.

Кроме эшелона пехоты, у белогвардейцев на станции стоял еще бронированный поезд.

Получив сведения о разрыве пути, противник бросился вперед и сжег маленький мост, чтобы не дать возможности подойти нашему бронированному поезду, стоявшему на раз'езде.

Под прикрытием пулеметного и артиллерийского огня белогвардейцам удалось провести путь и уйти от нашего преследования.

В качестве трофеев мы взяли тот состав, в котором была пехота. Остатки разбежавшегося эшелона нашим славным полком, при поддержке прибывшего батальона другого полка, были отброшены далеко за станцию и за село Новоспасское.



ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

Красная звезда.

Как ярко угли—звезды тлеют
И неба синяя слюда,
Но всех чудесней, всех светлее
Красноармейская звезда.

Она над миром пятикрыло
Нам новым солнцем расцвела,
И сколько бодрости и силы
В рабочие сердца влила.

Над снежной степью заблистала,
Вонзая стрелы в белый стан,
От Мюнхена и до Урала
Взвихрила красный ураган.

Мечети Турции облиты
Ее нетленной красотой;
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой.

Свой свет в подземные глубины
Вливает в Рурских рудниках,
Винтовки, бомбы, карабины
В шахтерских вспыхнули руках.

Все светозарнее и выше
Мерцают красные крыла,
На башне Эйфеля в Париже
Вдруг вспыхнула и зацвела.

Горящим молотом и плугом
Альпийские дробила льды,
Над Роной, Рейном и над Бугом
Звезды рубиновой слезы.

Звенит в международной песне
Над Красной Армией Труда,
Всех звезд ясней и всех чудесней
Красноармейская звезда.

Мих. Герасимов.

Святая кровь.

Памяти павших 6 июня [1]).

Весенний день, но солнце рдело,
Как рана в ребрах облаков,
Гроза чугунная вскипела
В курганах Волжских берегов.

В заречьи вспыхивали свечи
От пулеметов и гранат.
Самара раненые плечи
Одела в огненный наряд.

И злоба жила под пеплом белым
Непробужденных и слепых,
Змеиное шипенье тлело
Разбушевавшейся толпы.

Рычали рты, как жерла пушек
На убиенных и живых,
Они выплёскивали души
На белый пепел мостовых.

И рдела тысячами маков
Святая кровь в ладонях плит,
Весенний день, лучист и ласков,
Завял, страданием облит.

Коммуны не померкнет слава,
Отравленная беленой.
Пусть знамя белое, как саван,
Над умирающей тобой.

Мы в золотые вплетем свитки,
Где даль в веках озарена,
И лепестками сердца вытком
На свитке солнца имена.

Мих. Герасимов.

[1]) День взятия Самары чехо-словаками.

Партизаны Волги.

ГЛАВА I.

Моя поездка в Самару.—Остановка в Ставрополе.—Известие о падении Самары.—Свидание с товарищами в Сенгилее.—Начальник лево-эсэровской дружины тов. Г.

8 июня в полдень мы подходили к Ставрополю. Накануне шел дождь и воздух был свеж и ароматен. Солнце ласкало речную гладь, легкие волны колыхались позади нашего парохода.

На палубах толпился народ. Внезапно оглушительный рев многочисленных сирен потряс воздух.

Все повернулись в сторону свистков и увидели до десятка пароходов разных размеров, приближавшихся к нам.

Скоро можно было разглядеть вооруженных с головы до ног людей и красные флаги на кормах.

Первым шел пароход «Межень», изящное белое судно, с полуподводными каютами и круглыми точками оконных люков—бывший пароход царицы Александры Федоровны.

На палубе «Меженя» стоял капитан и кричал нам в рупор:

— Немедленно вернитесь в Симбирск. В Самаре—чехи.

Наши спросили:

— Что за пароходы?

Ответ гласил:

— Красные дружины, отошедшие от Самары. На «Межени» находится Штаб Коммунистической дружины!..

Злорадные усмешки мелькнули на лицах многих при этом известии.

Неодолимое желание присоединиться к самарским товарищам и узнать от них все подробности охватило меня. Но—увы! пароход наш повернул вверх по Волге, а «Межень» и другие ушли далеко вперед. Нагнать их не представлялось возможным.

Какие томительные минуты переживал я в то время, рисуя в своем воображении всевозможные ужасы, пережитые оставленными мною в Самаре товарищами. Я считал многих из них уже мертвыми!

В Сенгилее я не мог больше выдержать и заметив, что один из военных пароходов причалил к пристани, я схватил свой чемодан и понесся к пароходу.

Пароходик был «София»; на нем находилась лево-эсэровская дружина в числе 100 человек. Когда я приблизился к пароходу и моим глазам предстали оборванные и полунагие товарищи с покрытыми грязью и пылью лицами и почерневшими от пороха руками, невольно стало стыдно за мой щегольской открытый френч с пикейным отложным воротником и за ботинки с кожаными гетрами.

Моя встреча со старыми товарищами была неожиданна и радостна. Меня узнали и приветствовали шумными возгласами. Под общий крик я поднялся в рубку 1-го класса и кинулся в об'ятья т. У-ва, помощника начальника дружины!

За столом, с которого стекали струи кипятку из налитых через верх банок из-под консервов, заменявших стаканы, сидело несколько одетых в жалкие лохмотья человек, по лицам которых, свидетельствовавшим о бессонных ночах и утомлении, теперь катились капли пота, оставлявшие полосатые следы на давно немытых и небритых щеках.

На грязном полу валялось в беспорядке несколько вещевых сумок, 3—4 котелка, шинели, хлеб, пустые банки из-под консервов, винтовки, ручные гранаты, чайники, обгрызанные головки селедок, окурки «козьих ножек».

В углу, присев на корточки, трое набивали патронами пулеметные ленты.

На полу густо лежали люди: одни храпели, подложив под голову котелки, другие тут же пили мутный чай; третьи щелкали затворами винтовок, прочищая их; четвертые оживленно беседовали; пятые снимали размокшие портянки с распухших ног.

Среди всеобщего хаоса меня поразило одно: бодрость, оживление и сверкающие отвагой глаза у всех, несмотря на утомленные лица и потрепанную внешность.

Мне невольно бросился в глаза собеседник т. У-ва, молчаливо сидевший за одним столом с ним, склонившись над картой, и перед тем о чем-то с ним тихо беседовавший. Энергичные, мужественные черты смуглого кавказского типа лица, проницательный стальной взгляд серых глаз, орлиный нос и стиснутые губы невольно приковали мое внимание. Он как-то выделялся среди всех остальных и какая-то непонятная сила, исходившая от него, заставляла относиться к нему с особым уважением.

Одет был незнакомец в шинельного цвета френч; на груди ярким пятном выделялся лоскут георгиевской ленточки у креста.

Предо мною был начальник лево-эсэровской дружины т. Г. После того, как т. У-в представил меня, я приблизился к нему с некоторою робостью и стал расспрашивать о жизни отряда и о боях под Самарой.

Т. Г. оживился и охотно посвятил меня во все интересовавшие меня детали.

Он спросил меня:

— Куда вы теперь намерены ехать?

Я почувствовал себя обиженным и, после некоторой паузы, горячо возразил:

— Товарищ, я не намерен покидать своих товарищей, которых я нашел с таким трудом. Мне будет отрадно разделить с ними все лишения, испытания и опасности.

Т. Г. одобрительно похлопал меня по плечу и со свойственной кавказцам дружеской фамильярностью заметил:

— Хорошо, мой друг. Будь «храбцом» и ты будешь, как дома, в нашей семье. Такие, как ты, нам нужны.

Меня повели осматривать пароход. Нижняя палуба была загромождена патронными и винтовочными ящиками; кое-где валялись разобранные винтовки; на корме был поставлен пулемет.

Всюду был беспорядок, который мне показался тогда очень живописным.

В беседах с товарищами незаметно пролетел день.

Хлынул дождь. Стало смеркаться. Тут только я почувствовал, что сильно устал, и стал искать места, где бы прикурнуть. Напрасны попытки. Все каюты были заняты партизанами; куда я ни отворял дверь, везде я натыкался приблизительно на одну и ту же картину: один чистил винтовку, двое других разбирали и собирали части пулемета, третий возился с капсюлем от ручной гранаты и т. д.

Повидимому, на пароходе количество оружия значительно превышало число бойцов.

Кое-как я нашел себе укромное местечко в переполненной каюте и примостился между двумя койками на сыром и заплеванном полу. Признаюсь, вначале я оглядел свое ложе с некоторой брезгливостью, но усталость взяла свое и я заснул.

ГЛАВА II.

Стоянка в Симбирске.—Я налаживаю санитарную часть дружины.

Утром, пробудившись, я узнал, что мы—в Симбирске. Передвижение, повидимому, было решено ночью, т. к. днем никто еще ничего не знал. Оно было предпринято по настоянию находившихся на пароходе «Межень» активных работников Самарскаго Губ- и Горисполкома, людей глубоко штатских, но почему-то пользовавшихся в то время чисто военным авторитетом. Они нашли необходимым пополниться в Симбирске, а затем с новыми силами ринуться на чехов. Я уже себя чувствовал неразделимым товарищем этой дружной самоотверженной кучки людей, пренебрегшей личным благополучием и безопасностью ради общего дела. Присматриваясь к товарищам, я усиленно искал применения своих сил на поприще, где я мог быть наиболее полезен. Во время германской войны мне пришлось работать в дезинфекционном поезде и других санитарных учреждениях, так что я чувствовал себя более или менее подготовленным к оказанию первой медицинской помощи.

В нашем же отряде не было абсолютно никакой медицинской помощи. Не было ни одного бинта, ни одного индивидуального пакета; медикаменты, конечно, отсутствовали.

Мне пришла в голову мысль использовать мои небольшие познания в медицине, тем более, что товарищи очень нуждались в помощи. Были страдавшие ревматизмом после долгого пребывания в промокшей обуви в болотистой местности; было много ушибленных и с нарывами на разных частях тела.

Бивуачная обстановка, отсутствие мыла и чистоты, конечно, не способствовали быстрому исцелению, и надо только удивляться, как в такой обстановке было сравнительно мало больных.

О моем плане—сорганизовать хоть самую примитивную аптечку и добыть необходимые перевязочные средства—я сообщил коллективу дружины, который приветствовал меня за почин и поручил немедленно взяться за дело. Мне предложили: 1) взять на себя обязанности казначея дружины, 2) быть санитаром и сформировать аптечку и перевязочный пункт.

В тот же день, снабженный документами с самыми широкими полномочиями, я отправился в город за добычей нужных медикаментов.

В то время медикаментов было достаточно, но для того, чтобы добыть их, нужно было потратить немало усилий, т. к. никому не было известно их местонахождение.

Полдня ушло на получение накладной на медикаменты: наши военные учреждения тогда отличались своей медлительностью и бюрократизмом, благодаря тому, что в них начали вливаться мобилизованные мелко-буржуазные элементы.

Предстояло самое трудное: узнать, где же находятся медикаменты, на которые я уже имел все права. Но этого-то как раз, несмотря на самые тщательные расспросы и поиски, мне никак не удавалось добиться. Меня посылали по всевозможным адресам; в одном месте не было заведывающего, в другом—я находил двери запертыми, в третьем меня отсылали в четвертое, а в четвертых—снова в первое. В результате, обойдя весь город, я вернулся, озлобленный, ни с чем. Только на следующий день мне удалось напасть на след склада и то при помощи случайного указания.

И вот, наконец, я добрался до аптекарского склада, который, как оказалось, помещался в районе базара, около Дворцовой улицы.

Там я нашел в огромном помещении, беспорядочно уставленном ящиками и всевозможными аптекарскими принадлежностями, невзрачного юношу, который ведал всем делом.

После двух-трех вопросов он отпустил мне почти все, что требовалось.

Вечером нам дали еще один пароход, на который я и погрузил свои ящики, а сам поместился в отдельной каюте.

С этого момента лево-эсэровская дружина обзавелась своею «санитарною частью», которая худо-ли, хорошо ли, но все же справлялась со своей задачей. Ежедневно делалось до 15 перевязок. Впоследствии, когда к нам присоединился отряд моряков, имевший трех сестер милосердия и фельдшера, по моей инициативе, одна из сестер, тов. Д-ва, была откомандирована в дружину тов. У-ва.

ГЛАВА III.

Совещание в Симбирском кадетском корпусе.—Брожение среди моряков отряда Прохорова.—Меры советского командования против возможных эксцессов.—Характеристика партизан-моряков.—Вступление моряков в отряд тов. Гая.—Сформирование сводного отряда самарских дружин.—Отплытие из Симбирска на фронт.—Жизнь дружины.—Прибытие в Сенгилей.

Однажды вечером, когда мы стояли в Симбирске, нашего н-ка дружины пригласили на совещание военных руководителей Симбирской группы войск. Совещание происходило в Кадетском корпусе.

Поводом для него послужила телеграмма в штаб Симбир. группы о том, что отряд казанских моряков, не выполнив данной ему боевой задачи на Бугульминском фронте, возвращается обратно с враждебными намерениями против Советской власти в Симбирске. Попытка задержать поезд с матросами, предпринятая на пути Мелекес—Часовня, не увенчалась успехом. У матросов было множество пулеметов и батарея, имевшая два орудия, так что при малейшем осложнении можно было опасаться всего, вплоть до бомбардировки города.

После непродолжительного совещания было единогласно решено поднять на ноги все имевшиеся

в то время вооруженные силы, в том числе бронированный поезд, находившийся на Бугульминском вокзале, и выжидать активных действий со стороны моряков, а также попытаться вступить с ними в переговоры.

Когда эшелон с матросами прибыл на ст. Симбирск, к нему были отправлены делегаты с целью выяснить намерения прибывших и уговорить их вернуться на фронт. Моряки ответили, что готовы сражаться за Советскую власть, но хотят оставаться на Волге, не желая подчиняться тем командирам, которые оперировали на Бугульминском фронте.

Все уговоры не бросать фронта и не открывать таким образом врагам доступа к красной Волге, успеха не имели. Пришлось пойти на некоторый компромисс и согласиться на требование матросов об отправке их на Самарский фронт.

Отряд матросов был хорошо вооружен, численность его доходила до 350 человек; в состав отряда входила вторая Казанская батарея. Большинство носило матросские фуражки и куртки. Внешний вид их производил, по правде сказать, довольно неприятное впечатление.

Вооруженные с ног до головы, грубые, разнузданные, часто полупьяные они, вероятно, одним своим обликом терроризировали обывателей.

Дисциплина совершенно отсутствовала; их же собственные командиры не только не пользовались никаким авторитетом в среде моряков, но сами подавали пример халатности и распущенности. Чувствовалось, что эти люди, представлявшие из себя остатки разложившейся армии царского режима, совершенно не прониклись сознательным духом истинных защитников Советской власти и смотрели на партизанскую войну лишь как на ремесло, дающее им возможность безнаказанно жить в свое удовольствие.

Правда, были среди них и такие, которые мужественно сражались в передовых рядах и горели искренним желанием прогнать белогвардейские банды и установить во всей России царство трудящихся — рабочих и крестьян. Но это меньшинство; некоторые из них еще по сию пору совершают на нашем фронте чудеса геройства и самопожертвования, но в то время они терялись в толпе крикунов и буянов.

После того, как представители штаба сделали морякам предупреждение о том, что второй случай неповиновения боевому приказу с их стороны повлечет за собою беспощадную кару, матросы дали обещание исполнять свои обязанности без уклонений. Отряд их, включая Казанскую батарею, был присоединен к отряду самарских боевых дружин. Тем не менее, впоследствии моряки не выполнили своего обещания и отряд постепенно растаял, ибо командир сбежал, его заместитель скоро последовал за ним, а матросы разбегались при всяком удобном случае.

* * *

Жизнь дружины шла своим путем. Каждый старался использовать короткую передышку и запастись всем нужным для фронта.

Одни запасали продовольствие: масло, консервы, хлеб, чай, сахар и пр.; другие заботились об обмундировании, грузили из цейхаузов шинели, гимнастерки, фуражки без козырьков и вещевые сумки; большинство же занималось приведением в исправность оружия.

Коммунисты заметили образцовый порядок, царивший на нашем пароходе, и попросили т. Гая принять на себя командование их дружиной, доходившей до 300 человек. Т. Гая согласился, после чего получил официальное предписание от командующего Симбирской группы войск быть командующим «*Сводным отрядом Самарских боевых дружин*», куда вышли коммунистическая, матросская и наша дружины.

Через два дня наши пароходы уже были готовы к отплытию и давали прощальные свистки, встретившие сочувственные отголоски других пароходов.

Наши все были на борту. К пристани под'ехали последние извозчики, с которых слезли руководители дружины. Подан был сигнал к отплытию. Дружинники высыпали на палубу и на лицах у всех выражалась радость по поводу выступления.

Был прекрасный июньский полдень. Небо было безоблачно, Волга серебрилась под солнечными лучами, издалека живописно вырисовывались холмы правого берега. Вот уже прошли мост. С кормы еще долго виден был Симбирск с его куполами и красным монументальным зданием кадетского корпуса. Большинство из нас любовалось красивой картиной удалявшегося города и многие в этот момент, вероятно, думали:

— Вскоре до этих домов донесется весть о наших победах. Так велика была уверенность в победе у этих молодых партизан, что о неудачном исходе ни у кого не возникало мысли.

Я лежал на верхней палубе у капитанской рубки и глядел на небо. На сердце было легко и беззаботно. Рядом со мною у колеса рулевого т. Гая смотрел в бинокль в простиравшуюся пред нами широкую гладь.

Нас обогнали еще 4 парохода с партизанами из коммунистической дружины.

Мы обменялись приветствиями и поплелись в хвосте.

Дружинники недолго оставались без дела. По команде «на занятия» все мгновенно спустились вниз, где выстроились десятками и стали маршировать и обучаться *ружейным приемам*. По окончании занятий, по существовавшим в то время у нас традициям, все собрались в рубке 2-го класса и началась вторая половина занятий: культурно-просветительная, где каждый желающий мог прочесть лекцию по любому вопросу.

Любовное и внимательное отношение дружинников к лекциям не поддается никакому описанию. В этот день лекцию о текущем моменте прочла т. З-ва.

Лекторшу забросали вопросами. Многие из вопросов изумляли своей проникновенностью и вдумчивостью, которых трудно было ожидать от безусых юношей, почти мальчиков, задававших их. Поражала общая сознательность и серьезное отношение к переживаемому моменту.

Мы приближались к Сенгилею. На берегу стояли толпы любопытных. Когда мы причалили, на наш пароход явился председатель местного Исполкома, Х-ев, приветствовавший нас и давший сведения о положении.

Было решено выслать глубокую разведку в Самару. Так как кандидатов было слишком много, то сделать выбор предоставили начальнику раз-

ведки т. У-ву, который и отобрал 13 товарищей.

В тот же вечер наши разведчики пересели на небольшой катер, вооруженный пулеметом, и исчезли из виду.

ГЛАВА IV.

Беспокойство о судьбе тов. У-ва. — Возвращение и рассказ тов. У-ва.—Встреча с красной флотилией тов. Д.—Не предупредили!—Бой с белыми на рассвете у ставропольского берега. — Партизаны разбегаются.—Мытарства тов. У-ва.

Две недели спустя, наш штаб находился в Новодевичьем. Другие пароходы ушли вперед и высадили людей в Климовке. До сих пор мы не получали никакой вести об ушедших с т. У-вым 13 партизанах.

Высланная нами вторая разведка донесла, что Ставрополь занят неприятелем, который обстрелял разведку.

Вечером мы сидели в рубке штабного парохода, погруженные в невеселые думы. Не хотелось верить, что мы лишились самых лучших из своих товарищей. Однако факты были неутешительны. Одновременно с унынием во многих из нас загоралась энергия отчаяния, глаза блестели жаждой мести и мрачной ненавистью к подлому врагу, который не переставал вырывать из нашей среды лучших и любимейших товарищей.

Некоторые из нас предлагали самые рискованные планы, но все эти воинственные планы, свидетельствовавшие о мужестве и отваге предлагавших их, отличались отсутствием продуманности и хладнокровия.

К счастью, т. Гая, остававшийся спокойным и непроницаемым, решительно отклонял все безрассудные предложения.

Во время нашей печальной беседы тихо скрипнула несмазанная дверь и перед нами, остолбеневшими от изумления, показался человек, весь обросший спутанной рыжеватой щетиной, с всклокоченными волосами, оборванный и босой, лохмотья одежды еще не высохли от воды и были покрыты липкой грязью.

Мы не сразу узнали его. Между тем перед нами был тов. У-в. Мы, обступив его, забросали вопросами.

Усталым жестом он отстранил нас и слабым голосом произнес:

— Я голоден, товарищи. Дайте попить и закусить, потом все расскажу.

Мигом все бросились в разные стороны, кто за хлебом, кто за чаем, кто за сахаром и нетерпеливо ждали, когда т. У-в соберется с силами и расскажет о своих приключениях.

Т. У-в кончил закусывать и, залпом опорожнив остывший стакан чаю, начал свой рассказ:

— Вы помните, дорогие друзья, тот вечер, когда я с тринадцатью товарищами покинул вас.

Мы плыли всю ночь и весь следующий день, не встретив никого, и, наконец, к следующей ночи добрались до Барбашиной поляны на Самарском берегу, не доезжая которой высадились 8 товарищей, отправлявшихся в Самару. Лишь только последний из них выскочил на берег, наш катер немедленно отчалил и, пустившись в обратный путь, дошел до Ставрополя, где остановился невдалеке от пристани. Здесь мы решили обождать наших товарищей, которые, согласно нашему уговору с нами, должны были вернуться через 3 суток.

На следующий вечер сверху показались 3 парохода, один из которых подошел к нам. С него перешел на наш катер начальник партизанского отряда, находившегося на одном пароходе, тов. Д., который сообщил, что идет вниз по направлению к Самаре, при чем мы с ним уговорились так: если я услышу от него один свисток, это будет знаком, что все спокойно; два свистка будут означать: «внимание, три свистка—«беги», четыре—«к нам».

Мы простились и пароходы тронулись в путь—вниз по течению. Я успокоился, ибо знал, что впереди меня — хороший заслон, и стал ждать возвращения 8 разведчиков.

Я выставил часового и заснул. Как оказалось потом, в эту же ночь, незаметно для часового, ушедшие было вниз пароходы прошли обратно, не подав условленного сигнала.

В 6 ч. утра часовой, всматриваясь вдаль, заметил на зелено-голубом фоне реки белые силуэты и разбудил меня.

Хотя я был уверен, что наши впереди, и полагал, что пароходы наши, однако что-то защемило в груди и я принял некоторые меры предосторожности: установил пулемет и приказал товарищам быть наготове.

Внезапно раздался орудийный выстрел, снаряд упал, далеко не долетев до нас. Медлить нельзя было ни минуты. Я приказал капитану плыть с самой сильной скоростью вверх. К несчастью, наше утлое суденышко способно было двигаться со скоростью не свыше 3-х верст в час. Передовой пароход противника быстро нагонял нас. Раздалось еще несколько орудийных выстрелов Снаряды разрывались все ближе, пятый снаряд дал перелет.

Наше положение было безнадежно.

Пароход подошел близко и стал нас обстреливать из винтовок и пулеметов.

Нас было всего 6 человек со мною и 4 человека пароходной команды, которым я роздал винтовки.

Товарищи начали стрелять. Заработал наш пулемет, и, повидимому, довольно метко, т. к. на палубе совсем приблизившегося парохода произошло какое-то смятение. Каким-то чудом наши все оставались невредимыми под свинцовым дождем. Предвидя неминуемую гибель (еще мгновение, и пароход белогвардейцев очутился в 100 саженях от нас), я приказал направить наш катер носом в берег с той же скоростью, с какою мы двигались. Произошел ужасный толчок, от которого все упали на пол и многие сильно ушиблись. Однако я и два товарища успели кое-как разобрать пулемет и бросить все это в реку.

Катер наш разбился при ударе; мы бросились на берег и разбежались в разные стороны.

Вдоль берега тянулась довольно высокая, холмистая гряда, густо поросшая мелким кустарником и низкорослыми деревьями. Мы воспользовались представившимся нам естественным прикрытием и потеряли из виду друг друга. Нас не преследовали, да и всякое преследование было бы бесполезным, т. к. защитой нам был целый лабиринт деревьев и лощин в горах.

Обстрел берега продолжался в течение четверти часа. Постепенно я удалялся от берега, проби-

раясь сквозь чащу леса. Гул ружейной и пулеметной стрельбы постепенно замолкал.

Через час я успел спуститься по ту сторону горы в долину, где, весь запыхавшийся и вспотевший, присел на пень перевести дух. Положение было не из важных. Я совершенно не знал местности, не имел с собою ни кусочка хлеба, ни глотка воды и был безоружен. Кроме того, каждую минуту можно было опасаться предательского нападения из-за угла—кто знает, не зашли ли белогвардейцы в тот район, где я находился. Каждый шорох заставлял меня вздрагивать, нервы были напряжены до чрезвычайности; острота восприятий была необыкновенная.

В то же время я не переставал думать о разбредшихся товарищах и их судьбе; самые невероятные предположения вихрем проносились в моей голове.

Отдохнув, я продолжал свой путь, надеясь и в то же время боясь набрести на жилье, где я мог опасаться всяких случайностей. Я знал о враждебном отношении местного зажиточного крестьянства, а под его влиянием и более бедных крестьян, к красной гвардии, в виду печальных фактов грабежей и безчинств, которые, к сожалению, часто имели место в то время. Меня могли поймать и предать самосуду, как грабителя.

Вот почему, несмотря на голод и жажду, я решил не заходить ни в одно село, а итти окольным путем, пока хватит сил. Наступил вечер.

Где-то вдали послышался глухой раскат грома.

Выбравшись из прибрежного леса, я все время шел открытым полем.

Хлынул дождь, разразилась сильная гроза, буря. Мигом все платье на мне, а также обувь, увязавшая в глинистой почве, промокли.

Сверкнула молния и осветила совсем близко опушку леса. Я поспешил к опушке, где и примостился под деревом.

Я спал часа четыре и когда проснулся, дождь продолжал лить, как из ведра. Небо серело; по-видимому начинало рассветать. Я лежал в мутной и грязной луже, к которой прилипла моя одежда. Кое-как я выбрался из лесу и, шатаясь, побрел, сам не зная куда.

Рассвело. Дождь перестал итти.

Вдали показалась деревушка.

Взойдя на пригорок, я заметил мальчика-пастуха с котомкой, выгонявшего из-за околицы коров.

Я подошел к нему и, сунув ему пять рублей (у меня в кармане остался кошелек с сорока рублями), попросил достать мне хлеба, что он и исполнил.

Таким образом, я бродил около девяти дней по полям и лесам, избегая населенных мест и подходя к ним только тогда, когда к тому вынуждал голод для того, чтобы купить себе хлеба через кого-либо, и наконец добрел до Волги, через которую меня переправили добрые люди.

И вот я с вами—как видите, друзья, не в блестящем виде. А где мои товарищи и живы ли они еще, Аллах ведает!.. — вздохнув, закончил т. У-в свой рассказ.

ГЛАВА У.

„Нейтралитет" усольских кулаков.—Зверское убийство тов. Васильева и семи партизан.—Наступление белых на Климовку.—Прибытие красной флотилии из Симбирска.—Отступление красных от Климовки.—Решительность н-ка партизан.—Выступление в рискованный поход.

Не прошло и шести дней, как т. У-в уже вновь был впереди всех, командуя дружиной, находившейся в Климовке. За это время мало-по-малу вернулись по одному разбредшиеся в горах 6 товарищей по несчастной экспедиции, разгромленной у Ставрополя.

Рассказы их более или менее совпадали с тем, что описал т. У-в. Судьба самарских товарищей была неизвестна и с тех пор мы больше их не видели.

В последних числах июня противник, собрав превосходные силы, напирал на части наших отрядов, занимавших линию — Карловка — Тайдаково — Горбуновка — Шигоны. Отряд нашей кавалерии в числе 15 человек под командой т. Васильева при в'езде в Усолье был встречен делегацией, которая вручила ему постановление сельского схода о соблюдении усольцами полного нейтралитета в борьбе между белыми и красными, вследствие чего делегация требовала от В-ва не входить с отрядом в Усолье. Т. В-в, имея инструкции от нач. Сам. боев. друж. не чинить никаких насилий над крестьянами, решил не входить в село, а предварительно снестись с начальником сводных отрядов, к которому он спешно послал ординарца. *Н. С. Отрядов*, получив запрос т. В-ва, приказал мне и 4 ординарцам немедленно выступить вместе с ним. Мы доехали до Климовки на пароходе, а оттуда верхами. Мы пробирались среди колосящихся и уже созревающих нив, скача галопом по склонам холмов, грядою тянувшихся в тех местах. Полуденное солнце жарко палило. Мы оттирали рукавами вспотевшие лица. В двух верстах не доезжая Усолья мы встретились с отрядом т. В-ва. Всадники спешились и расположились под деревьями, тянувшимися вдоль дороги.

— В чем дело? — отрывисто и строго, как он всегда говорил во время похода, спросил начальник.

Т. В-в передал ему текст протокола-постановления Усольского сельского схода.

— Немедленно садиться на лошадей,—приказал начальник,—и за мной!

Мы поскакали за начальником в имение гр. Орлова-Давыдова, находившееся совсем неподалеку от места встречи—на самой окраине села Усолья. Сюда было приказано явиться председателю сельского совета для об'яснений.

Явившись, председатель заявил:

— Я здесь ни при чем. Это постановление односельчан, кроме того, на сходе председателем был не я, а другой.

Начальник дружины сердито воскликнул:

— А вы почему допустили такое безобразие?..

Председатель стал изворачиваться:

— Мы, мол,—народ темный. Разве мы знаем, что на свете делается? У нас, вишь, и старосту выбрали, сказывали, приказ о том получен...

Мы видели, что это обычная кулацкая уловка, и, не желая терять попусту времени, направились в самое село.

Мы приказали немедленно созвать сход, перед которым выступил с речью т. Гая, а вслед за ним—я; в речах мы доказывали, что их долг—всеми силами поддерживать нас, защитников их же интересов, и что наше поражение есть и их поражение.

Нас слушали внимательно без проявления явной вражды. На сходе присутствовало до 200 человек. Тут же при нас был избран сельский совет, при чем мы, совершенно незнакомые с конституцией сельских выборных советов и зная лишь, что на 5 дворов полагается один выборный, сами руководили выборами.

Отряд т. В-ва расположился в имении гр. Орлова-Давыдова.

Осмотрев замок, где было много редких и ценных вещей, и не прикоснувшись ни к чему, чем были крайне удивлены служащие имения, уверенные, что красные все подвергнут опустошению и разгрому, мы уехали, запретив остававшимся товарищам дотрагиваться до имущества, находящегося в имении. Рано утром 30 июня в наш штаб, находившийся все время в Новодевичьем, примчался на замыленной лошади всадник, который донес, что этой ночью крестьяне с. Усолья, забравшись через окно в комнату, где спал т. В-в, зверски убили его и увезли труп с собою, после чего открыли стрельбу по нашей заставе, расположенной у ворот, убили семь человек и захватили пулемет. Шестеро было ранено и с трудом добрались до Климовки; невредимыми остались лишь двое, один из которых и был привезший дурную весть всадник. Уходя, наши видели, как к Усолью подошел целый полк белогвардейцев. В этот же день наш правый фланг, занимавший Шиганы—Кузькино—Горбуновку, под напором превосходных сил противника, вынужден был отступить. По всему фронту мы вошли в соприкосновение с белыми.

В Климовке завязался ожесточенный бой.

По Волге вверх наступала флотилия противника из пяти пароходов, обстреливавшая берег у Климовки.

Вечером этого дня из Симбирска подоспела к нам на помощь флотилия из 4 барж, из которых на двух было по 8 пулеметов, а на остальных по два орудия. Т. Г. принял н-ка флотилии и дал ему все нужные распоряжения. Флотилия стала на якорь рядом с нашим штабом. В 2 часа ночи мы еще работали в штабе на «Нижегородце», усталые и изнеможенные четырехсуточной непрерывной работой.

Рядом со мною сидел т. С-в, не спавший уже 7 суток; тем не менее, он продолжал работать, хотя перо нередко выпадало из рук, а на бумаге вместо букв получались какие-то мудреные каракули.

Эта ночь была самой тревожной из всех, в течение которых нам приходилось до того времени бодрствовать.

Ежеминутно поступали донесения об отступлении наших. Наши отряды были вынуждены спешно отступить по всему фронту и удерживались только на крайнем левом фланге—в Климовке.

Внезапно пришло донесение о том, что Климовка оставлена красными партизанами.

Известие нас ошеломило.

Т. Гая приподнялся на месте и сдержанно заметил:

— Трусы!..

Через 15 минут явился еще один ординарец, посланный климовской дружиной, и донес, что остатки дружины, очистив Климовку, направляются в Новодевичье.

Пройдясь по рубке несколько раз, т. Гая приказал:

— Позовите ко мне командира флотилии, т. Б.

Когда Б. явился, н-к сводных отрядов приказал:

— Немедленно приготовиться к отплытию в Климовку.

Плыть в следующем порядке: 2 баржи с пулеметами должны следовать вдоль правого и левого берега; за ними в том же порядке следуют две баржи с орудиями. Посредине между ними поеду я сам на буксире и буду, под'езжая часто то к одной барже, то к другой, давать соответствующие указания.

Н-к флотилии, знавший уже, что т. Гая не любит возражений, особенно при отдаче боевых приказов, наклонил голову в знак согласия и сказал:

— Будет исполнено.

После чего он вышел.

Одновременно н-к сводных отрядов распорядился о приведении в порядок буксирного парохода «Алатырь», который должен был немедленно выступить в поход вместе с ним. Когда нам сообщили через час, что флотилия готова к выступлению, нач. свод. отрядов, повесив на плечо карабин и нахлобучив на затылок папаху, которую он носил по кавказскому обычаю и летом, обратился ко всем присутствовавшим с краткой, но выразительной речью:

— Товарищи! Кто со мною умирать хочет?..

За мной!..

Мы мигом вскочили, схватили стоявшие в углу винтовки и брезентовые патронташи и поспешили спуститься к выходу.

ГЛАВА VI.

Трусливые уловки находящихся на флотилии шкурников.— Наше бешенство на предателей.— Мы продолжаем путь одни.— Встреча с тов. У-вым.—Лицом к лицу.—Высадка в Климовке.

Уже светало, когда мы выступили.

Когда раздались свистки с уходивших первыми двух барж с пулеметами, вслед за которыми мы должны были двинуться сами, я стал считать людей, находившихся на нашей палубе: всего было у нас 6 кавалеристов с лошадьми да нас 4: начальник сводных отрядов, начальник штаба С-в, пулеметчик Ф. и я. От'ехав от пристани верст на 5, мы заметили, что флотилия барж отстала; вскоре расстояние между нами и ею стало настолько значительно, что мы решили остановиться и обождать, пока она приблизится к нам.

Но не успели мы остановиться, как и баржи, в свою очередь, тоже остановились. Несмотря на сигналы о приближении, усиленно подаваемые нашим пароходиком, баржи продолжали стоять на месте, как бы ожидая, пока мы не тронемся. Видя, что они не двигаются и не обращают вни-

мания на наши сигналы, мы, в конце-концов, нашли нужным повернуть и под'ехать к ним.

Лишь только мы повернулись носом к ним, мы заметили, что и баржи поворачиваются кормой; мы стали под'езжать к ним, а они стали от нас уходить вверх по Волге. Стало очевидным, что на баржах попросту трусят и боятся итти вперед.

Взбешенный н-к дружины потерял терпение и приказал итти вниз одним и не обращать внимания на трусов.

— С трусами нам не по пути!..—воскликнул он.

В этот момент мы все испытывали то же, что и наш н-к. Нас выводили из себя эти жалкие шкурники, которые из боязни за свою жизнь оставляли нас на произвол судьбы, и мы громко выражали свое возмущение. Но нельзя было терять времени и мы продолжали путь одни.

От'ехав 3—4 версты, мы заметили на правом берегу несколько вооруженных человек. В бинокль можно было разглядеть, что это были наши партизаны, отступающие из Климовки. Мы отвязали 2 лодки, одну от нашего парохода, а другую, подхваченную нами случайно, и стрелою понеслись к берегу с тем, чтобы подобрать и расспросить наших. В одной лодке находился я с одним товарищем и греб изо всех сил, стремясь скорее под'ехать и узнать все новости: судьба т. У-ва меня особенно интересовала.

В это время с нашего парохода раздался громкий окрик, сделанный в рупор н-ком отряда:

— Трусы!

Я был уже у самого берега. Первое, что мне бросилось в глаза, это—трое партизан, державших т. У-ва под руку, несмотря на то, что сами еле держались на ногах.

Т. У-в пользовался такой любовью среди партизан своей дружины, что они готовы были отказать себе во всем, лишь бы помочь т. У-ву. Таково, впрочем, было в то время отношение партизан к большинству своих командиров; таково оно, за малыми исключениями, и в теперешней Красной армии, перенявшей от партизанской эпохи одну благородную традицию: двух товарищества.

Я спросил:

— Где остальные?

— Где-то неподалеку; отдыхают.

Один из спутников т. У-ва указал мне на дерево, под которым что-то белелось.

Я поспешил полюбопытствовать:

— Кто там?

— А это наша боевая «сестра»; она совсем выбилась из сил и не может больше итти.

Немедленно я с товарищами поспешил к ней.

Изнеможенная, с закрытыми глазами лежала под деревом в помятой белой косынке с выбивавшимися из-под нее белокурыми прядями волос, сестра Д-ва, разделявшая с дружиной т. У-ва все походные лишения.

Почувствовав наше приближение, она открыла глаза и слабо улыбнулась нам.

Мы поспешили отнести ее к лодке, где все наши уселись.

Тут только я обратил внимание, что все севшие почему-то молчаливы и сосредоточены. Лица их отражали глубокие внутренние переживания.

Я понял, что такое состояние духа у прибывших товарищей было результатом резкого эпитета, брошенного им с парохода н-ком дружины.

Особенно волновался т. У-в, хотя больше всех владел собою.

Лодка ударилась носом о борт «Алатыря», на котором стоял н-к отрядов.

Увидев своего друга, которого он пред тем только так резко оскорбил, т. Гая опустил глаза, как бы говоря: «Я знаю, друг—и вы все, друзья: вы нисколько не трусы, но это у меня сорвалось, ибо мне больно, что мы отступаем».

Это была незабываемая встреча.

Молчание было прервано т. У-вым:

— Куда мы едем?—спросил он, глядя себе в ноги.

— В Климовку,—сухо ответил Гай.

В это время, из-за поворота показались очертания белой меловой горы, на которой расположена д. Климовка.

Мы были готовы к бою.

ГЛАВА VII.

Белые застигнуты врасплох.—Мы берем двух пленных, но сами вынуждены спасаться.—Озлобление партизан против пленных белогвардейцев.—Мои безуспешные попытки спасти их от смерти.—Расстрел пленных.—Об инсинуациях белых про зверства красногвардейцев.

Было раннее утро. Солнце ярко светило, люди в деревне еще спали.

Когда наш пароход бесшумно коснулся бортом пристани, т. Гая вызвал охотников сойти на берег для разведки.

Отправился ординарец т. Иванов, который, проскакав до первой избушки, сошел с коня и из расспросов крестьян узнал, что Климовка занята полком белых, что дальше итти опасно, т. к. поблизости стоит караул. Как оказалось, караул спал и ординарец успел проехать мимо него незамеченный.

Вернувшись с донесением, ординарец поехал снова в сопровождении 6 кавалеристов, вслед за которыми гуськом потянулась и вся наша «пехота» в числе 10 человек.

Только после того, как наши кавалеристы были в центре деревни, проснулся неприятельский караул и открыл беспорядочную стрельбу по нашим пехотинцам, которые энергично стали отвечать.

На окраине села завязалась перестрелка.

В самом селе произошла паника и смятение.

Разбуженные белые выскакивали в одном белье и пускались бежать, преследуемые нашими кавалеристами, которые их беспощадно рубили шашками.

Скоро белые оправились и, очевидно, подчиняясь команде, стали систематически окружать наших, прячась за углы и подворотни и стреляли.

Силы были весьма неравные, но наших спасло то, что в суматохе все перепуталось и не сразу можно было белым, не знавшим друг друга в лицо, отличить своих от чужих. Двое наших кавалеристов, носивших яркую уланскую форму, были сразу опознаны и окружены 50 белогвардейцами, которые их и убили.

Остальные верховые оказались отрезанными, т.-к. все выходы из села были заняты неприятелем.

Увидев геройскую смерть товарищей, оставшиеся четверо кавалеристов решили отомстить убийцам и вместе с тем попытаться прорваться.

В группу белогвардейцев, окруживших наших убитых товарищей, было пущено пять ручных гранат, которые с оглушительном треском разорвались, произведя страшное опустошение в рядах противника, обратившегося в бегство.

В образовавшееся пустое место наши 4 всадника проскочили под обстрелом белых и, невредимые, очутились за деревней—в поле.

Здесь они разделились, т. к. двое не решились ехать лесом прямо к пристани и двинулись на север—в Сенгилей, куда и прибыли спустя несколько дней.

Остальные двое, в том числе и ординарец И-ов, благополучно добрались до пристани.

Из пехотинцев, успевших утащить у неприятельского караула несколько коробок с пулеметными лентами и ящик с патронами от стоявшего тут же пулемета, который захватить не удалось, вернулось шестеро, приведя с собою двух пленных, молоденьких добровольцев, повидимому учеников.

Четверо остались в руках врагов и, повидимому, тоже погибли. Не успели наши вскочить на пароход, как показалась погоня противника, но мы обрубили чалку и со всей скоростью пустились вверх по Волге. Вдогонку нам стреляли, но никто больше не пострадал.

Принимая во внимание, что нас была только ничтожная кучка, можно было считать наш налет удавшимся. Если бы не наша трусливая флотилия, которая позорно отстала в трех верстах от нас и помощь которой выражалась лишь в том, что, не подходя к нам ближе и не разбирая, где друзья и где враги, она стала обстреливать издалека нас же, несмотря на все наши крики и попытки заставить ее приблизиться и стрелять в неприятеля,—мы бы, наверное, в это утро выбили белых из Климовки и овладели бы находившимся там орудием и пулеметами.

Выстрелы были бесполезны; мы полным ходом шли к Новодевичью. По прибытии в Новодевичье, пленных белогвардейцев наши партизаны расстреляли, мстя за погибших товарищей. Напрасно я уговаривал пощадить пленных.

Их перевезли на самарский берег и поставили в поле поодиночке.

В последний момент один из них попросил разрешения продекламировать свои стихи, но ему было в этом отказано, т. к. наши торопились. Тогда он снял с шеи иконку и, став на колени, прочитал шопотом молитву, после чего с закрытыми глазами подчинился своей участи. Другой, не говоря ни слова, вынул кошелек с 6 рублями и отдал стоявшему рядом с партизанами мальчику, затем выпрямился и принял смерть с открытыми глазами. Одному пуля попала в грудь, другому—в лоб.

Оставив тела на песке незарытыми, четверо партизан, участвовавших в расстреле, вернулись на наш берег.

Узнав от товарища, что трупы расстрелянных оставлены незарытыми, я немедленно распорядился послать людей с лопатами для того, чтобы их зарыть.

Каково было мое удивление, когда посланные вернулись спустя три часа уже под вечер и сообщили, что трупов не нашли и что, повидимому, их унесли крестьяне ближайшей деревушки.

Впоследствии, спустя десять дней, мы прочитали в белогвардейской самарской газете нижеследующую заметку:

Зверства красногвардейцев.

** июня были привезены в Самару найденные крестьянами два зверски изуродованных трупа: красные отрезали им уши и носы, выкололи глаза и, исколов штыками, расстреляли. Трупы жертв были выставлены для опознания и оказались: один—сыном уважаемого в Самаре купца Кузнецова, а другой—самарским гимназистом X".

Эта заметка показала нам, что белогвардейцы не брезгают никакими средствами для того, чтобы дискредитировать красных партизан в глазах обывателя, и даже не останавливаются перед умышленным изуродованием мертвецов.

Товарищи, присутствовавшие при расстреле, категорически утверждали, что никаких эксцессов не было, да я и сам, зная их как испытанных революционеров, ни на минуту не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь из них был способен на подобное.

Вообще, должен заметить, что все буржуазные обвинения в жестокости и зверствах, возводимые на нас, партизан, были злонамеренной ложью, рассчитанной на усиление неприязни к нам со стороны зажиточного мещанства и кулацкого крестьянства. Обычай не брать пленных, практиковавшийся в то время у обеих сторон, был вызван официальным заявлением белогвардейцев и чехов, переданным в наш штаб по телефону из Климовки, с копией председателю Самарского Ревкома, когда еще провод был цел,—о том, что пленных они брать не будут.

Ответственность за расстрелы пленных всецело ложится на чехо-словаков и белогвардейцев, первыми установивших у себя этот варварский обычай по отношению к нашим красногвардейцам и партизанам, которые, конечно, были озлоблены и, при первом удобном случае, платили тем же.

В Новодевичье мы узнали, что в наш отряд, оперировавший до сих пор почти без всякой связи с штабом Симбирской группы, назначен последним, в качестве командующего Сенгилеевской группой войск, т. М—в, бывший офицер.

ГЛАВА VIII.

Паника в Новодевичье в конце июня.—Обстрел Новодевичья неприятельской флотилией.—Суматоха на наших пароходах.—Т. Г*. ободряет партизан.—Клевета П-ва на Г*.—Позорное поведение командующего Сенгилеевским фронтом М—ва.—Исчезновение М—ва и расстрел его в Новодевичье белогвардейцами.

В последние дни июня на Новодевическом фронте наши дела ухудшились. Противник, сосредоточив превосходные силы на нашем правом фланге, делал обход за обходом, заставляя нас непрерывно отступать. Наши войска, утомленные непрерывными переходами, склонны были в каждом незначительном случае видеть угрозу со стороны белых. В один вечер разведка донесла, что видела раз'езд «чехов» в 9 в. от Новодевичья.

С целью проверить донесение и доказать партизанам, что оснований для паники нет, н—к отрядов в сопровождении 10 кавалеристов в тот же вечер двинулся вдоль линии фронта; с ним поехал и я. Для поддержания настроения всадников, н—к отря-

дов приказал затянуть кавалерийскую песню «Цумба». Об'ехав весь фронт и никого не встретив в радиусе 15-ти верст от Новодевичья, мы вернулись в штаб.

Когда в полночь к нам сверху прибыл на пароходе новый отряд, *казанский*—в числе 350 человек, посланный штабом Симбирской группы после многократных настойчивых просьб о подкреплении,—все совершенно успокоились.

На другой день утром в одном отряде началось брожение; люди отказались выполнить боевую задачу, ссылаясь на то, что их мало, и требовали подкреплений. Приходилось много нервничать, уговаривая их.

Одновременно с этим прибывший накануне отряд был выстроен возле пристани перед отправкой на позицию.

В момент, когда должна была раздаться команда для выступления, грянул залп двух орудий, при чем один снаряд разнес вдребезги крестьянскую избу, стоявшую рядом с пристанью.

— Чехи! Чехи!—раздалось со всех сторон.

Получилась невероятная паника. Люди, еще не обстрелянные, потеряли голову и опрометью кинулись на пароходы, и, угрожая капитанам, заставили их полным ходом отчалить к Сенгилею. Их преследовали снаряды неприятельской флотилии, появившейся в виду Новодевичья и пустившейся вдогонку нашим. Наши артиллеристы начали рубить постромки от повозок с орудиями, но не потерявшие присутствия духа товарищи заставили их, прицелившись в них из винтовок, отказаться от своего трусливого намерения, и орудия были увезены. Часть пехоты, не уехавшая на пароходах, артиллерия и кавалерия стали отступать вдоль берега. По ним был открыт ружейный огонь из некоторых окон. С некоторых крыш и с колокольни стреляли из пулеметов.

Был момент, когда новоприбывшие казанцы, не успевши еще хорошенько ориентироваться, стали обстреливать своих же и чуть не убили н—ка отрядов. В свою очередь с пароходов тоже начали обстреливать берег, и т. к. в суматохе никто не заботился о том, чтобы узнать, где неприятель, то выстрелы попадали в наших же партизан, пробиравшихся сушею к Сенгилею. Благодаря этому половина наших потерь произошла по вине наших же.

На пароходах творилось нечто невероятное. Большинство команды и почти все «пассажиры» нацепили на себя пробковые пояса и ходили со спасательными кругами. Кое-кто пытался прятаться в трюм и в машинное отделение. Некоторые обматывали себя войлоком одеял, чтобы не слышать канонады.

Разрывы потрясали корпус нашего парохода. Снаряды падали тут же близко между пароходами, которые мешали друг другу при движении вперед. (Всех пароходов было до 14.)

Женщины и дети с бледными, испуганными лицами, плача и суетясь, шныряли вокруг нас.

Ко мне, как к казначею, стали приставать с настойчивыми требованиями выдать деньги.

Мне пришлось зайти в укромное местечко, разуться и положить деньги в сапог, т. к. я считал себя не в праве выдавать порученные мне отрядные суммы без приказания своего н—ка.

Т. Гая на пароходе не было. Он остался с частью партизан на берегу. О его судьбе стали распространяться нелепые слухи. Одни говорили, что он убит; другие, особенно П—в, командир матросского отряда, темная личность и авантюрист, сам метивший на место т. Гая, твердил, что Гая изменил и перешел на сторону чехов. Командующий Сенгилеевской группой войск, М—в не был на высоте и малодушно укрывался в каюте своего штабного парохода «Владимир Мономах»; он потерял всякое присутствие духа и, считая, очевидно, нас погибшими, держал себя позорно: каждый раз, когда к нему подходил красноармеец, он отчаянно кричал:

— Товарищ, неужели вы пришли меня убить?..

Его страх перед смертью был жалок и возмутителен, особенно для командующего, но судьба, постигшая его вскоре, была трагична.

Мне придется забежать несколько вперед, для того, чтобы больше к этому эпизоду не возвращаться.

Когда прибыли в Сенгилей, командующий Сенгилеевским фронтом, т. М—в, приказал оседлать лошадь и, взяв с собою ординарца т. Гая, Абрама Иванова, направился за город по направлению к Новодевичью. Перед от'ездом он долго возился в своей каюте, захватил с собою браунинг, бумаги, документы и карты. Ординарцу он не об'яснил, куда направляется, а сказал лишь, что едет на фронт. Тем временем стало смеркаться; ехали лесом, Волга осталась в стороне. Ординарец, заподозрев М—ва в желании перейти на сторону неприятеля, т. к. на пароходе ему не доверяли, как бывшему офицеру, намеренно отстал и вернулся на свой пароход. С тех пор М—в не возвращался. Впоследствии, уже после вторичного занятия Новодевичья, от местных жителей мы узнали о том, что он был зверски расстрелян белыми в Новодевичье. По поводу этого расстрела ходили разные версии: одни говорили, что М—в расстрелян при попытке перейти на сторону белых, которые ему не поверили, несмотря на то, что он отдал им все бумаги и бывшие при нем деньги на сумму 250.000 рублей; другие, оправдывая его, утверждали, что он был захвачен в плен.

Между тем т. Гая находился все время среди своих партизан, всячески их воодушевляя и подбадривая. Благодаря его настояниям, удалось вывезти почти все орудия и пулеметы и в порядке к вечеру добраться до Сенгилея, но уже после того, как мы (т. е. те из наших, которые отступили на пароходах) его очистили, потери точно выяснить не удалось. Не досчитывались мы около 100 человек.

ГЛАВА IX.

Отсутствие дисциплины и грабежи в Сенгилее.—Несоответствие своему назначению Сенгилеевского Исполкома.—Эвакуация Сенгилея.—Мы принимаем на борт „Нижегородцев. Л—ца.—Рассказ т. Л—ца о встрече его с Г*.—В Симбирске нас обстреливают свои.—Вторичный от'езд в Сенгилей и свидание с т. Г*.—Упреки нам т. Г* в трусости.—Наше продвижение до Новодевичья и занятие прежнего фронта: Горбуновка—Климовка.

В Сенгилее дело не налаживалось.

Влияние паники сказывалось и здесь. Люди суетились без толку, давали противоречивые распоряжения, волновались, ссорились, грозили друг

другу расстрелом и обзывали один другого саботажниками. Некоторые партизаны распустились до того, что стали грабить склады с обмундированием, воспользовавшись отданным вначале приказом о погрузке казенного имущества на пароходы. Остановить их было некому. Впрочем число грабивших было незначительно. Сенгилеевский Исполком, за исключением властолюбивого, но энергичного Х., был далеко не на высоте.

Члены Исполкома были панически настроены, между ними шла постоянная грызня на личной почве; один старался утопить другого в болоте клеветы.

Конечно, такие люди не могли сколько-нибудь наладить нормальной эвакуации, а наоборот, отнимали наше время, заставляя выслушивать их пошлые дрязги и доносы друг на друга. Видно было, что это были не сознательные и убежденные партийные работники, а трусливые шкурники, показавшие свое настоящее лицо в решительную минуту.

Гая все еще не было.

Кто-то пустил слух, что он едет с артиллерией. На пристанях происходила лихорадочная погрузка. Много имущества при этом уничтожалось, много было присвоено практичными проходимцами. Надо отдать справедливость нашим партизанам: большинство из них отрицательно относилось к грабежам, и были случаи, когда пойманных с поличным сбрасывали в воду или беспощадно избивали. Все же дисциплина оставляла желать многого.

Таким образом, нагруженные людьми и имуществом, все пароходы, кроме двух, в тот же день оставили Сенгилей и направились к Симбирску.

На пристани Сенгилея стоял лишь один «Нижегородец» и верстах в 5 ниже сторожевой буксир. Я находился на «Нижегородце», который остался для того, чтобы обождать Гая. Мы собирались отчаливать, когда с берега послышались умоляющие голоса:

— Товарищи! Умоляем... Обождите.. Примите и нас...

— Мы еле стоим на ногах!...

Было темно. Я бросился в лодку и, близко подойдя к темным силуэтам, стоявшим на берегу, разглядел в одном из них женщину в солдатской шинели и с винтовкой, а в другом узнал добровольца коммунистической дружины тов. А. Л—ца с женственным лицом, длинными волосами, беспорядочными космами, падающими на лоб, без фуражки, покрытого пылью и босого. В Самаре он занимал пост комиссара труда.

Принятый на пароход, тов. Л. стал рассказывать про свои мытарства:

— Если бы не товарищ Гая, то я с товарищами давно был бы расстрелян чехами...

Мы воскликнули:

— Как! Вы видели т. Гая! Он, значит, здесь?

— По моему расчету, Гая должен был прибыть в Сенгилей еще полчаса тому назад. Я его встретил в нескольких верстах отсюда, после того, как крестьяне отказали дать мне подводу для того, чтобы добраться до своих, ибо во время паники в Новодевичье мы все разбрелись. Обессиленный, с израненными от ходьбы ногами (сапоги я сбросил, т. к. они мешали бежать), я лежал на траве, когда случайно под'ехал т. Гая с кавалеристами и, узнав в чем дело, приказал крестьянам дать нам подводу, на которой мы кое-как добрались до Сенгилея. Еще минута, и мы бы опять опоздали. Сам же Гая ускакал в Сенгилей. Он сказал, что едет собирать разбредшихся партизан.

Так я встретился с т. Лифшицем, который с тех пор играл выдающуюся роль в жизни наших отрядов, а впоследствии был политкомом Симбирской дивизии, прозванной «железной», участвуя во всех ее походах и разделяя с нами все превратности походной жизни. В должности политкомдива 24 железной дивизии тов. Лифшиц состоит и поныне.

Захватив тов. Л—ца и не ожидая дольше Гая, мы немедленно пустились догонять отошедшие далеко пароходы. В Симбирске наши приближающиеся пароходы были сперва обстреляны с берега и со сторожевых барж, т. к. после многократных случаев самовольного бегства с позиций некоторых недостойных начальников и их частей т. Гая была послана в штаб Симбирской группы телеграмма с требованием не пропускать дезертиров.

Здесь коммунистическая и другие дружины очистились от прилипших к ним нежелательных элементов, под тем или иным предлогом уходивших из них.

В штабе Симбирской группы были получены две телеграммы от т. Гая: одна—из Сенгилея, другая—из цементного завода, находившегося между Сенгилеем и Шиловкой.

Гая настойчиво требовал подкрепления и негодовал на то, что его все покинули, говоря, что с ним только 20 кавалеристов.

Однако никто не верил, что он жив.

Начальник матросов, авантюрист П—в открыто говорил об измене Гая и важно катался на автомобиле Гая с дамами, а на пристани разыгрывал из себя н—ка флотилии.

В Симбирске мы побыли меньше суток, и на следующий же день после 3 часов дня, получив подкрепление, вновь спустились к Сенгилею. Недалеко от пристани завода мы встретили катер т. Гая, который ухитрился обогнать нас и пристать к Сенгилеевской пристани раньше нас.

Т. Гая стоял на пристани, пока мы выгружались, и укоризненно кричал:

— Трусливые бабы! Не стыдно ли вам было меня оставить, а самим удрать чорт знает куда!..

Партизаны все знали в лицо т. Гая, знали его беззаветную храбрость и чувство товарищества, что он никогда не прятался от пуль, а, наоборот, в минуту опасности был всегда впереди дружинников.

И теперь, проходя мимо него (а он умышленно стоял так, что миновать его было невозможно), все невольно потупили головы и упорно глядели в землю, ибо им действительно было совестно смотреть ему в лицо.

Клеветник П—в как-то весь сразу стушевался и теперь лебезил больше всех.

В нашем штабе Гая рассказывал:

В Сенгилей мы прискакали вечером, когда вы все уже разбежались. Я заехал на почту и дал телеграмму в Симбирск. Т. к. были посторонние, а также телеграфисты, я намеренно преувеличил число наших—из 3 человек сделал 3.000. Все же я категорически требовал подкреплений, говоря, что если мне дадут достаточные силы, я остановлю белогвардейцев. В Сенгилее в это время не было никого из наших. Мы узнали, что население выпустило из тюрьмы арестованных, и несколько быв-

ших офицеров сорганизовало из них белогвардейский отряд в 90—100 человек. Оставаться нам было нельзя, ибо нас к полночи собралось лишь 10 человек, и мы поехали на север к цементному заводу. Оттуда я снова телеграфировал в Симбирск и получил ответ, что подкрепление выслано. Тогда я поспешил сюда и, надеюсь, друзья, что больше таких фокусов не повторится.

Каждый из нас стал об'яснять, почему мы отошли. Н—к отрядов иронически отмалчивался.

— Бросьте, все равно не убедите... Лучше собирайтесь и—айда!—обратно в Новодевичье.

* * *

Через два дня наши части продвинулись вновь до Новодевичья и заняли прежний фронт *Климовка—Усолье—Левашевка—Тайдаково—Горбуновка.*

В Новодевичье мы узнали о расстреле командующего Сенгилеевским фронтом, а вскоре из Симбирска прибыл его заместитель т. А—в, человек более молодой и приспособляющийся, но также неспособный к ответственной должности, и потому вскоре отозванный.

На фронте установилось относительное затишье, которое штаб нашего отряда решил использовать для пополнения и реорганизации.

Прежде всего решено было наладить санитарную часть.

ГЛАВА X.

Отсутствие у нас санитарной организации. — Мои хлопоты о присылке нам врача. — Мобилизация врачей в Симбирске. — Наш первый врач.—Первые шаги.—«Дезертирство» санитарного отдела в Симбирск и благополучное окончание инцидента.

Читатель уже знаком с примитивной санитарной организацией, существовавшей в левоэсеровской дружине в момент ее отплытия из Симбирска. За июнь месяц бывая несколько раз в Симбирске, я принял меры к тому, чтобы в каждом из вновь присоединенных к нам отрядов было по крайней мере, по 1 сестре, а также несколько раз посылал в аптечный склад Симбирского Военкома за медикаментами. Тем не менее, санитарная организация в настоящем смысле этого слова совершенно отсутствовала. Были ящики с бинтами, было немного иоду, появились два товарища, об'явившие себя фельдшерами и получившие, благодаря этому, на руки все медикаменты, в том числе и спирт, который расходовался в то время без всякого учета и больше служил для подкрепления сил, чем для санитарных нужд; было несколько сестер в отрядах — и это было все. Никакой системы и планомерности в санитарном снабжении не было, да и не могло быть: на меня были возложены н—ком отрядов, кроме обязанностей казначея и санитара, еще и разные другие чисто штабного характера, что, конечно, поглощало все мое свободное время. Между тем, непрерывные стычки и бои давали большой процент раненых, появились больные желудочными болезнями. Сенгилеевская советская больница и симбирские лазареты начали наполняться больными и ранеными. Когда я однажды в середине июня заикнулся в Симбирском Губвоенкоме о том, что нам хорошо было бы иметь врача, на меня замахали руками.

— Что вы, что вы, голубчик!—На что вам врачи? У вас и отряд-то микроскопический!..

26 июня в Симбирске Губвоенкомом без ведома Центра была об'явлена мобилизация врачей более молодых возрастов.

Большинство врачей были лишь взяты на учет, т. к. успели основательно забронироваться на «незаменимых» постах, заведывая больницами, амбулаториями, госпиталями и пр. Некоторые даже ухитрились устроиться на службу в Военком в качестве делопроизводителей из врачей. Благодаря общей тенденции уклоняться от призыва, мобилизация дала ничтожные результаты: 5—6 врачей были мобилизованы для участия в комиссиях и вскоре после того отпущены; 5—6 врачей, частью не успевших демобилизоваться фронтовиков, частью едва соскочивших с университетской скамьи, попали в действующую армию.

30 июня я зашел в санитарный отдел и снова настойчиво просил о назначении врача в сводный отряд самарских боевых дружин. К моей великой радости, мне ответили, что врача дадут и тут же представили мне его.

Он был совсем молодой, экспансивный и нервный, засыпавший меня вопросами и обнаруживший больше интереса к обстановке, в которой мы жили, чем к предстоящим ему обязанностям.

Когда он узнал, что мы—партизанский отряд, находящийся в бою со дня взятия Самары, а также что я хорошо знаю д-ра Н—ва, его приятеля, он преисполнился уважением ко мне и горячо потряс мне руку с восклицанием:

— Решено!.. Рассчитывайте на меня — я еду!

В то время мы, партизаны, ничего, кроме саботажа, от нашей интеллигенции не видели и, питая к ней недоверие и ненависть, все же были рады, когда отдельные ее представители работали не за страх, а за совесть. Мы не вникали, на своем ли они месте, есть ли у них нужный опыт и познания, мы, не избалованные в то время многочисленностью буржуазных «военспецов», любовно говорили о таких личностях: «наш инструктор», «наш доктор» и пр.

Через неделю наш врач уже прибыл в Сенгилей с 2 печатями и 4 фельдшерами. Подавая рапорт о прибытии т. Гая, он стал очень многословно распространяться о своих проектах, но т. Гая, поглощенный в это время важными оперативными вопросами, шепнул мне:

— Уберите от меня этого болтуна!

А врачу нетерпеливо и строго сказал:

— Вы назначены мною заведывающим санитарным отделом Сенгилеевского фронта, у нас еще ничего нет. Ваша задача все организовать. Все, что вам надо, будет вам дано. Вот он — он указал на меня — даст вам денег и все, что вы просите. Только смотрите, «чтобы через 24 часа был у меня санитарный отдел и чтобы мои больные не оставались без помощи».

Врача отвели на пароход «Отец», и я видел, как он засуетился со своими фельдшерами, как будто ему предстояло действительно буквально в 24 часа осуществить приказание нашего начальника.

С тех пор мы стали направлять всех наших больных и раненых на пар. «Отец».

Когда я через 2 дня зашел в санитарный отдел, я увидел, что все преобразилось: грязный и заплеванный пароход, занятый дружиной самарских коммунистов, был начисто вымыт и рубка 1 класса была превращена в приемный покой. За столиком

сидел тов. Г—к, бывший дружинник Самарского отряда, оказавшийся фельдшером, и записывал больных. Врач в халате выслушивал больных и с помощью 2-го фельдшера делал перевязку. Тут же сестра милосердия хлопотала около столика, на котором стояла банка с иодом, несколько порошков, 3 бутылочки с чем-то и несколько бинтов, а также «стерильный» материал, т.-е. куски марли, прикрытые бязью.

Увидев меня, врач тотчас подошел ко мне и стал жаловаться:

— Посмотрите, товарищ, можно ли работать при таком обилии медикаментов?

Он иронически указал на два ящика с индивидуальными пакетами и бинтами в углу и на столик с его скудными запасами и добавил:

— На днях я еду сам в Симбирск за персоналом, медикаментами и инструментами. Намерен я также просить и еще врачей, ибо у вас 10 отрядов.

Он действительно уехал на другой день, при чем, по рассеянности или по военной неопытности, не предупредил об этом командующего, а лишь устно просил заместить его на 2 дня ветеринарного врача Р—ва. Последний тоже незадолго перед тем поступил к нам на службу и еще не успел ничего организовать, а временно приютился вместе с санитарным отделом.

Вышло вот что. Прождав два дня врача, заместитель решил двинуться за ним в самый Симбирск и, кстати, запастись там продовольствием и обмундированием для больных. Решено — исполнено. «Отец» укатил в Симбирск. Представьте себе негодование и ярость в нашем штабе, когда пришли раненые и больные с жалобами, что им некуда деться, т. к. санитарный пароход уехал в Симбирск.

— Расстрелять их, саботажников! — неистово закричал т. Гая и дал телеграмму в Симбирск о немедленном возвращении врача и парохода в Сенгилей под страхом обвинения в дезертирстве. Врач ответил, что он задержан в Симбирске командующим Симбирской группой, не выдавшим своевременно аванса.

На другой день «беглецы» прибыли в Сенгилей на прекрасном купеческом пароходе «Фортуна», превращенном в плавучий госпиталь. Т. Гая приказал немедленно призвать врача.

— На каком основании вы дезертировали, во-первых, не спросив разрешения у меня, во-вторых, оставили фронт без санитарной помощи, уведя пароход? Имейте в виду, что я саботажников расстреливаю!!!

Из доклада врача выяснилось, что он виновен лишь в том, что уехал без предупреждения, т. к. полагал вернуться на другой же день; уехал же он потому, что не было человека, которому можно было бы доверить получение медикаментов и аванса, а распоряжение об от'езде в Симбирск было отдано не им, а заместителем без его ведома. Врач рассказал, что привез медикаменты, инструменты, 2 сестер и 3 фельдшеров, а также пригласил 2 врачей — д—ра Н—ва и Д—ого для работы в плавучем госпитале.

Услыша имя д-ра Н—ва, т. Гая и я оживились, особенно я, ибо хорошо знал этого человека; Т. Гая миролюбиво сказал врачу, который, очевидно, не ожидал такого исхода, ибо был очень взволнован.

— Вот что! Для первого раза я вас прощаю, только в другой раз не мешает помнить, что вы на военной службе, и самовольных отлучек прошу не делать. Вы привезли медикаменты и персонал— это хорошо. Устраивайте поскорее лазарет, а затем об'ездите фронт и дадите туда все, что нужно. А пока я вас прошу позвать ко мне Н—ва.

ГЛАВА XI.

Приход д—ра Н—ва.—Наружность и характеристика Н—ва.—Симбирский Чрезвычком.—Согласие Н—ва быть старшим врачом плавучего госпиталя.—Душевный разлад Н—ва.

Через полчаса мы приветствовали д—ра Н—ва. Наружность его была примечательна: лет 35, высокий лоб, густые курчавые волосы, приплюснутый нос и недавно отпущенные бакенбарды при усах придавали ему большое сходство с бульдогом. Маленькие глаза смотрели иронически и проницательно. На груди у него был справа врачебный знак, на левой руке повязка Красного Креста, на серебряном поясе висели финский нож и кобур с браунингом.

Д—р Н—ев рассказал нам, как после взятия Самары он с товарищами по партии бежал в Симбирск, где занялся политической работой в губернской чрезвычайной комиссии. Работая в ней, д—р Н—ев завоевал уважение всех товарищей и был выдвинут на пост тов. председателя, но отклонил это предложение.

Я знал д—ра Н—ва, как человека большого ума и эрудиции (он был прежде лаборантом гигиены у известного московского профессора), а также безукоризненной честности. Поэтому меня как громом поразили те факты о деятельности чрезвычайной комиссии, которыми он поделился с нами в интимной беседе.

Из его рассказа мы впервые узнали о печальном явлении шкурничества и эгоизма среди многих старых партийных товарищей, попадавших в атмосферу «всемогущества» и не могших удержаться на должной нравственной высоте, о карьеристах и проходимцах, умело присасывавшихся к карательному аппарату тогдашней Советской власти, с которыми приходилось выдерживать ожесточенную борьбу немногим идейным руководящим работникам, о личных трениях и часто интригах, препятствующих успешной борьбе с контр-революцией.

Занятые эпической борьбой на нашем красном фронте, мы только теперь почувствовали, как несовершенен наш красный тыл и какая нужна грандиозная оздоровляющая работа и чистка в провинциальных кругах!..

Велико и свято было дело, за которое мы боролись, но не переродились еще люди, много еще было в них мещанского, стяжательского, хищнического. Правящая партия, нуждаясь в людях, вынуждена была иногда принимать на службу людей совершенно ей чуждых и даже враждебных по духу, которые использовали свое влияние в интересах своей алчности и мелкого тщеславия и во вред репутации учреждений, которые они компрометировали своим присутствием.

Д—р Н—ев не скрыл от нас, что одним из главных мотивов, вызвавших его от'езд на фронт, было нервное переутомление от постоянных внутренних раздоров и отсутствия спайки между товарищами по работе; в последнее время дело дошло до того, что одна часть работников, обвинив ее в деяниях, влекущих за собою расстрел, арестовала другую.

Д—р Н—ев поделился с нами также подробностями о Муравьевской авантюре, в ликвидации которой он сыграл выдающуюся роль. Что касается состояния обороны Симбирска, то он прямо заявил нам, что на н—ка Симбирской группы II—го надежды мало, что настроение у всех неустойчивое и что в случае опасности следует ожидать паники и беспорядка.

Впоследствии его предсказания и характеристики оправдались.

Мы сидели, подавленные трезвыми и мрачными выводами этого холодного мыслителя с обобщениями ученого и с биографией искателя приключений—одного из тех причудливых типов, которые создаются в переходные эпохи Революции.

Т. Гая перевел разговор на деловую тему.

— Вот что, дружище: ты, говорят, знаешь молодого доктора, привезенного У—чем (т.-е. мной), можно будет с ним работать?..

— Да, мы с ним много говорили в Симбирске. Натура горячая, сумбурная, не перебродившая, но политически честная. Он, вероятно, охотно будет считаться с моими советами и опытом, я же использую его готовность работать и молодую энергию. Мне уже не угнаться за ним; ведь я старик!..

Он иронически указал на свою пышную шевелюру, где, лишь пристально вглядевшись, можно было уловить кое-где серебряные нити.

Доктор Н—ев несколько дней оставался на санитарном пароходе «Фортуна». Его слова сбылись. Молодой врач, поглощенный хлопотами по организации санитарных учреждений, главным образом, плавучего госпиталя, по нескольку раз заходил в его каюту и, волнуясь и сам себя обрывая, посвящал его в свои мероприятия. Д—р Н—ев внимательно выслушивал его, посасывая трубку и, после долгого молчания, произносил обыкновенно короткую фразу, в которой содержались целые откровения для молодого эскулапа.

Все просьбы последнего заменить его на ответственном посту н—ка санитарной части за малой опытностью Н—ев категорически отвергал, ссылаясь на нервное переутомление и на необходимость иметь свежие мысли для политической работы.

Молодой врач возражал.

Ничто не помогало.

Флегматичный Н—ев пыхтел трубкой и обрывал разговор, приговаривая свое излюбленное:

— Некогда, товарищ! Мне надо итти думать.

После чего уходил в свою каюту спать.

Когда же и н—к Сенгилеевского фронта обратился к Н—еву с предложением немедленно приступить к работе, как врачу, ибо сейчас ужасная нужда в медицинской помощи, а врачей почти нет, д—р Н—ев пришел ко мне и сказал:

— Если вы так настаиваете, чтобы я непременно взял на себя обязанности врача, то я буду старшим врачом плавучего госпиталя на пароходе «Фортуна». Врач Д* остается н—ком санитарной части и продолжает ее организовывать в контакте со мной.

Всю технику организационной работы выполнял врач Д*, мозгом же ее продолжал оставаться д—р Н—ев, который с первого взгляда мог показаться абсолютно ничего не делающим. Вставал поздно, уходил в штаб, где молчаливо просиживал целыми вечерами, днем ходил по палубе, заводил разговоры с капитаном и помощником, выслушивая их контр-революционные ламентации с стоическим равнодушием и даже выражая нечто в роде одобрения неопределенным мычанием.

— Гм—да!..

Но за всеми этими признаками апатии скрывалась напряженная работа ума, ибо бывали у Н—ева минуты, особенно в разговорах со мною, когда он начинал вслух рассуждать, проявляя изумительную глубину анализа и верность характеристик.

Я заметил одну черту у Н—ева—он пил.

Пил мрачно и сосредоточенно, уединяясь в каюте и запирая дверь на ключ, платя невероятные деньги за спирт и его суррогаты.

Д—р Н—ев был, очевидно, безнадежно надломленная натура, большой ум, прозревший неизбежность коммунистической революции и безоговорочно пошедший в ряды ее борцов, но со специфически-интеллигентским душевным разладом, который он старался, но, повидимому, не в силах был побороть.

ГЛАВА XII.

Грабежи отряда Пр—ва и борьба с ними.—Заботы о поднятии дисциплины. — Расстрел сенатора.

Село Новодевичье в первые дни после занятия его отрядами II—ва было терроризовано грабежами и бесчинства ми матросов, входивших в его отряд. Грабили деньги, имущество, домашнюю утварь. На пароходы тащили зонтики, подушки, матрацы, посуду. В Хрящевке посланные за продовольствием 3 человека произвели ужасный дебош; один негодяй изнасиловал женщину. Немедленно штабом нашего отряда было туда послано несколько испытанных партизан, которые, приехав на место, не удовлетворились оправданиями хулиганов, что их обстреляли, а потому они-де вынуждены были применить репрессивные меры по отношению к населению, а, удостоверившись в том, что факт грабежа и насилия — налицо, расстреляли на месте главного виновника, а остальных под конвоем доставили в штаб. В Климовке произошел не менее возмутительный случай: у одного восьмидесятилетнего бедняка были отобраны последние сбережения: 30 руб. медяками и серебром, при этом ему были нанесены побои.

Узнав об этом случае, н—к отряда не только вернул ему его деньги, но и вознаградил его 100 рублями. Седой, как лунь, дряхлый крестьянин со слезами благодарил.

Грабитель был выведен в деревню и расстрелян при всех.

После этого крестьяне, сперва враждебные, стали относиться к нам иначе и всякий раз, когда их постигала какая-нибудь беда, обращались в наш штаб и никогда не уходили оттуда без того, чтобы их не выслушали и, по возможности, не удовлетворили. С этого момента к нам стали поступать в большом количестве добровольцы из местных молодых крестьян.

Т. Гая и его штаб начали беспощадную борьбу с грабителями и с падением дисциплины, в чем им деятельно помогали сознательные товарищи. Постепенно удалось наладить революционный порядок и внушить партизанам, что для блага дела, которому они служат, необходимо добровольное и неуклонное подчинение приказам начальников

а также доброжелательное отношение к населению, которое не должно видеть в красногвардейцах свирепых разбойников и грабителей, а своих защитников и братьев. Сознательным товарищам это внушать было излишне—малосознательные убедились, что в случае бесчинств с ними шутить не будут.

Всеми средствами мы заботились также о поднятии воинского духа. Н—к отрядов не пропускал ни одного удобного случая, чтобы обратиться к партизанам с речью, затрагивая самые чувствительные для партизана струны:

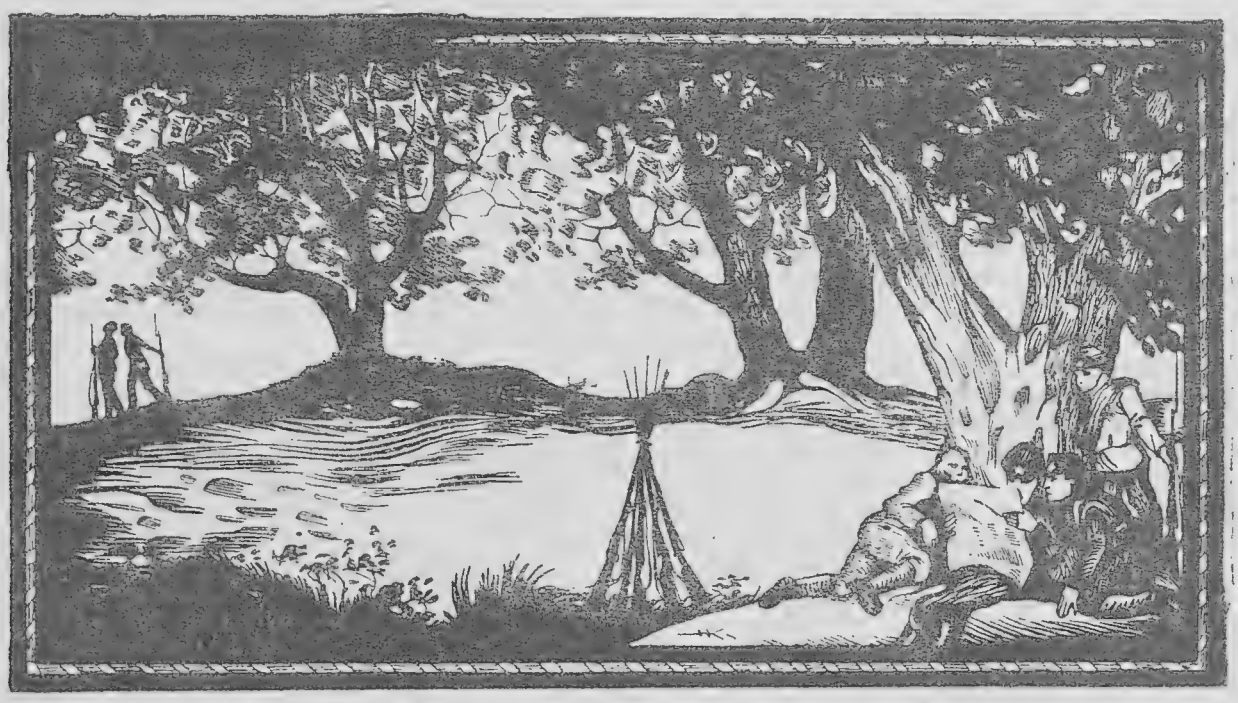
— «Храбрецы» мои! Горжусь вашими победами и верю, что вы будете достойны великого звания революционера и сумеете честно бороться и умирать, как ваши славные товарищи, за нашу дорогую Рабоче-Крестьянскую Республику. На вас смотрит вся Советская Россия и ожидает от вас побед!

В это время, т.-е. в 1-х числах июля, т. Гая уже был командующим Сенгилеевской группой войск вместо отозванного Афанасьева. Он назначил тов. Лифшица председателем следственной комиссии, которая должна была ведать всеми юридическо-политическими вопросами и облегчала бы ему планомерную борьбу с пьянством, мародерством, саботажем и преступлениями по должности. Отрядов в это время у него скопилось до 12, общей численностью до 1.300 человек, с 3 орудиями и обилием пулеметов.

Однажды вечером наши разведчики захватили лодку, на которой находился какой-то старик с молодой женщиной, в форме сестры милосердия, и с большим багажом.

Их привели в штаб и обыскали.

Найдено было множество писем, секретных документов и фотографических карточек и среди них—



На отдыхе.

Его манера говорить, отрывисто выкрикивая слова, громкий повелительный голос, и своеобразная конструкция речи, состоящая из смешения интонаций привыкшего повелевать командира с митинговыми фразами и восклицаниями, как нельзя более импонировали тогдашней психологии партизан, добрая половина которых состояла из фронтовиков старой армии.

Т. Гая умел хорошо подойти к этой психологии; сам бывший доброволец на Кавказском фронте, боевыми отличиями дослужившийся до батальонного командира, он умел владеть сердцами этих грубых, но закаленных людей, обожавших своего вождя.

— Т. Гая с нами!..

— Т. Гая приехал!

Говорили партизаны, и обожженные и обветренные лица загорались оживлением и радостью.

С ним никто ничего не боялся. Знай, что он—впереди, все покойно и радостно шли на смерть, как на праздник, до последнего момента надеясь на любимого вождя.

уличающее неизвестного удостоверение, говорившее о том, что неизвестный ехал из Москвы в Ставрополь для организации белогвардейского отряда. Неизвестный оказался видным царским сенатором S и вез с собою ряд рекомендательных писем к разным контр-революционным генералам. Конфискованные документы, крайне важного характера, были отосланы в штаб Симбирской группы.

Сестра милосердия оказалась его племянницей. Она была отпущена; сенатор же был расстрелян по постановлению штаба.

ГЛАВА XIII.

Продвижение чехов у Тереньги. — Моя поездка в Симбирск с докладом командующему Симбирской группой войск. — Симбирск в последние дни перед сдачей. — Вступление чехов в Симбирск 21 июля. — Я отступаю пешком на север к Тетюшам. — Враждебное отношение крестьян. — Встреча с П—ким в Тетюшах. — От'езд в Казань.

На нашем фронте наблюдалось следующее. Противник, усилившись на правом фланге, стремился,

как и раньше, обойти нас у Горбуновки для того, чтобы по Терентульскому пути вырваться к Московско-Казанской железной дороге и таким образом отрезать Симбирск. У нас было недостаточно сил для того, чтобы держать непрерывный фронт; отряды были сосредоточены в деревнях, разведка была плохая, правый фланг был совершенно обнажен.

17 июля я был командирован командующим Сенгилеевским фронтом в штаб Симбирской группы с оперативным докладом, с отчетностью и с требованием нового аванса. Неоднократные телеграммы наши о присылке подкрепления, без коего нельзя будет удержать фронта, и об угрожающем сосредоточении конницы противника под Тереньгой, оставлялись без внимания; в Симбирске все были поглощены Мелекесским фронтом, где чехи наступали, хотя, как потом оказалось, это была только демонстрация, главный же удар подготовлялся между нашим и Сызранским фронтом.

Мне предстояла нелегкая задача убедить высшее командование в важности нашего фронта для обороны Симбирска.

В Симбирске командующий Симбир. группой, П—ний, встретил меня с неудовольствием.

— Что это у вас за бомбардировка телеграммами! У вас, кажется, сил вполне достаточно!

Увешанный 2 револьверами, высокомерный и нетерпеливый, он произвел на меня странное впечатление, но я, как мог, терпеливо и обстоятельно посвятил его во все детали. В конце-концов он обещал все сделать, а также дать мне аванс, но просил обождать пару дней.

В штабе была сутолока и беспорядок. Чувствовалась общая растерянность. Штабные без цели бродили из угла в угол или собирались кучками и беседовали. Шопотом передавали, что полупановский бронированный поезд на Мелекесском фронте захвачен, что белые наступают с востока, что Симбирск не удержать. Никто не проявлял ни малейшего желания взять на себя инициативу активной обороны города. В воздухе царила паника, которой сильно способствовали вновь мобилизованные бывшие офицеры, а особенно наше же высшее командование.

19 июля к—ющий Симбирской группы, П—кий, ссылаясь на нездоровье, внезапно уехал в Тетюши, не оставив себе заместителя. На следующий день выехал Симбирский Губисполком.

С этого момента началась анархия. Все советские и штабные служащие, не спрашиваясь ни у кого, стали разбегаться со службы и понемногу покидать город. Стихийно стали вооружаться. В кадетском корпусе на верхнем этаже хранились большие запасы оружия: винтовки, пулеметы, штыки, сабли, патроны. В обыкновенное время нельзя было получить оттуда ни одной винтовки, ибо отвечали, что ничего нет; теперь же всякий, кто хотел, мог заходить и брать чуть ли не по пулемету. Благодаря отсутствию всякого надзора в этот вечер, оружие расхватали также контр-революционеры и темные элементы, которые и использовали его для организации белой гвардии.

Утром 20 июля Симбирск ликовал. Буржуазия и обыватели, разряженные и праздничные, поздравляли друг друга с радостным событием. Колокола звонили. Белая гвардия лихорадочно вооружалась и устанавливала пулеметы на крышах и колокольнях.

— Чехи в Киндяковке!!!

— Красные бегут. Скоро наши будут в Симбирске!!!

21 июля на рассвете, оставив свой багаж на произвол судьбы в Троицкой гостинице, я поспешил в штаб.

Здесь уже никого не было. Царил хаос и беспорядок. Телеграф и телефон с Киндяковкой не работали. Я застал лишь н—ка штаба, б. полковника С—го, и б. председателя Исполкома К—рова, уничтожавших какие-то бумаги. Скоро и они исчезли, затерявшись в толпе. Я узнал, что группа штабных б. офицеров села в автомобиль и уехала в Киндяковку к белогвардейцам.

Между тем с Покровской улицы донеслись крики «ура» и ружейные залпы.

То вступавшие в город чехи гнали немногих красноармейцев, оказывавших сопротивление.

Ст. Ф—вым я бросился на Венец. В одной улице нас обстреляли из окон; мы кинулись в другую, там нас обстреляли из пулемета. Мы взяли винтовки на перевес и кинулись в третью.

На углу одной улицы стояли на балконе 2 офицера и 2 барышни, одна из которых язвительно крикнула нам:

— Красная армия победоносно отступает! — и затем протянула руку и выстрелила в нас из браунинга.

Не говоря ни слова, товарищ Ф—в приложился и выстрелил; белогвардейка, как сноп, свалилась на мостовую.

Мы пробирались бегом вдоль пристани боковыми кривыми улочками, расположенными под Венцом. Недалеко от товарной станции Военно-Бугульминской жел. дор. мы расслышали голоса, говорившие по-чешски. Пришлось спрятаться.

Нас собралось 80 человек у пристани. Мы хотели-было сесть на пароход, отходивший на Сенгилей, но все исправные пароходы уже давно отошли; на остальных не было ни команды, ни машиниста, ни капитана. Пришлось пробираться берегом в северном направлении.

Наконец, изнученные от невыносимой жары, мы выбрались на дорогу, ведущую на Тетюши. По ней шли и ехали отступавшие наши: женщины, мужчины и дети. Шум и скрип подвод и громкие крики прорезали воздух.

Нас никто не преследовал. Как потом оказалось, чехи вошли в город всего в количестве нескольких сот конных. Зато необычайную активность проявила белая гвардия, составившаяся накануне из юнкеров, офицеров и буржуйских сынков; она же проявила особенную жестокость, убивая на улицах беззащитных красноармейцев и даже ни в чем неповинных людей по одному лишь указанию, что это большевики. Трупы расстрелянных и изрубленных два дня валялись на Венце и на Ярмарочной площади; расфранченные и надушенные барышни и дамы плевали в них и тыкали в них своими пестрыми шелковыми зонтиками. Обыватели и купцы мстили своим врагам и выдавали не успевших бежать учредиловским палачам. Тюрьмы переполнились. Рабочее население в ужасе притихло. Зато буржуазия наполнила улицы, сады и площади; в честь чехов бросали фуражки и кричали «ура»; тут же им подносили цветы, подарки и угощение, называли спасителями и благодетелями; попы служили благодарственные молебны.

Все расстояние от Симбирска до Тетюш (70 в.) я прошел пешком, т. к. посадить на подводу меня отказывались, хотя ноги мои были изранены. Шинель пришлось бросить.

Кругом крестьяне относились к беглецам крайне неприязненно.

В первой же деревушке я зашел в одну избу.

— Хозяюшка, есть ли у вас хлеб!?.

— Нету-ти!..

— А молоко? Я хорошо заплачу!

— Нету-ти!..

— Поглядите, быть-может, что-нибудь найдется. Дайте хоть воды попить!..

— Сказано нету, ну и иди своей дорогой — громко крикнул мне какой-то бородатый мужик, появившийся из сеней.

Не желая с ними ссориться, я не настаивал больше.

— Много вас тут, грабителей, шляется! — пустил он мне вслед.

В другой деревне было еще хуже. Когда мы подошли и постучались в окно, со двора раздались выстрелы. И так повсюду. Наконец, в одной деревушке, в 20 верстах от Тетюш, я вышел из терпения и, в ответ на отказ крестьянина дать мне подводу, выстрелил два раза в стену. Это подействовало, и я добрался до Тетюш. Здесь, на пристани, стоял пароход «Стрежень» с частью штаба и с командующим Симбирской группой, Пугачевским. Я не удержался от того, чтобы не побранить его за недопустимое оставление своего поста в критический момент!..

— Да, но я был нездоров, изнервничался и дошел почти до сумасшествия. К тому же все отказывались повиноваться и разбежались, кто куда мог!.. Я ничего не мог все равно поделать.

В Тетюшах на одном из пароходов находился отряд Трофимовского, посланный к Майне, где, как говорили, уже были чехи. Узнав, что я из-под Сенгилея, Трофимовский встретил меня крайне приветливо и предложил остаться у него в штабе, но я отказался. На меня произвело неприятное впечатление, что, побывав в каютах у партизанского отряда, я нашел почти у всех пудру, дорогие духи, одеколон, туалетное мыло и пр.

В нашем отряде были совершенно другие традиции, и я ни за что не решился бы ему изменить.

В сражении под Майной на Волге отряд Трофимовского был разбит; а сам Трофимовский скрылся к белым, а впоследствии был расстрелян нашими.

Отдохнув, я уехал на «Стрежне» в Казань.

ГЛАВА XIV.

Свидание с Вацетисом. — Я узнаю о прорыве отрядов тов. Гая из-под Сенгилея. — Возвращение в штаб в Анненкове. — Новые лица. — Заключение.

В Казани в штабе Восточного фронта меня встретили очень тепло и немедленно доложили обо мне Главкому Вацетису. Т. Вацетис приветливо подал мне руку.

Держался все время выдержанно и просто.

— Вы из отряда тов. Гая?

— Да, я выехал оттуда еще 17 июля.

— Вы не знаете, что он очутился в кольце? Полагаете ли вы возможным, что он прорвется?

Я убежденно ответил:

— Я гораздо более спокоен за тов. Гая, находящегося в кольце, чем за некоторые наши части, находящиеся вне кольца.

Он стал меня расспрашивать о положении на фронте и последних днях Симбирска.

Когда я предложил ему взять от меня 350.000 р., полученные мною в Симбирске для Сенгилеевской группы войск, он сказал:

— С этим можно повременить. Отдохните лучше, а потом поговорим.

Мне отвели номер в одной из лучших гостиниц, и я прожил два дня в Казани, ежедневно заходя в штаб фронта за справками относительно судьбы Гая.

На третий день я узнал, что отряды т. Гая, пополненные ставропольскими отрядами в числе до 3.000 ч., благополучно прорвались сквозь неприятельское кольцо со всей артиллерией и ранеными и соединились с частями нашей 1-ой армии на участке ст. Майна—ст. Чуфарово Московско-Казанской железной дороги. Тут ничто не могло меня больше удержать, и я через Рузаевку и Инзу поспешил вернуться к своим.

Вечером 2 августа я уже был в штабе вновь сформированной тогда Симбирской дивизии, где уже стучали две машинки и на ряду со старыми товарищами меня встретили совершенно новые лица. Здесь я впервые встретился с мобилизованными офицерами, к которым сначала все, и я сам в том числе, относились с некоторым предубеждением, но вскоре, сталкиваясь бок-о-бок, убедился в ошибочности своего мнения и теперь вынужден громогласно подтвердить, что добросовестное и умелое руководство военными операциями со стороны т.-н. «военных специалистов» было одним из наиболее важных звеньев в длинной цепи причин, обусловивших боевые достоинства 1-ой революционной армии.

Случаев измены или саботажа со стороны высшего командования за все время существования 1-ой революционной армии не было; наоборот, многие из бывших офицеров, особенно в дивизиях, до того сжились с красноармейской массой, до того заражались общим настроением и боевым духом, что проявили чудеса героизма и стойкости. И я считаю своим долгом *этого* не замалчивать.

Начался новый период гражданской войны — период строительства регулярной армии, в котором наши боевые отряды, образовавшие ядро 1-ой Симбирской дивизии, прозванной за стойкость и мужество железной, сыграли выдающуюся роль.

Красные волжские партизаны, выдержавшие первые натиски раз'яренных врагов и имевшие все специфические свойства партизанщины: безумную отвагу и подверженность панике, любовь и преданность начальникам и отсутствие дисциплины, сознательность и разнузданность — перестали существовать, как таковые, и влились в лихорадочно формируемые свежие красноармейские части, которые вскоре должны были освободить Поволжье от чехо-словацких и учредиловских бандитов.

Красные волжские партизаны — эти забубенные головушки, воскресившие времена Стеньки Разина и его добрых молодцев, сделались достоянием истории, и, критически относясь к партизанщине

вообще, мы, современники и очевидцы гражданской войны на Восточном фронте, не должны забывать и тех безымянных героев, которые на заре существования нашей доблестной Красной армии сложили свои головы, отстаивая советскую Волгу, на берегах Климовки и Новодевичья и на волжских незащищенных пароходах.

Д. С—кий.

В огне.

1.

Где пустыри, разинув пасти,
Фабричный всасывали чад,
Он первый раз изведал счастье
И горечь первую утрат.

Глаза болезненные сузив,
Смотрели близкие дома,
Как проходил он в черной блузе
К оврагам, где густела тьма.

Осенние мутнели лужи,
Октябрь дождливый грязь месил,
Но прочно спрятано оружье
И верны те, кто уносил.

Немногим был пароль известен,
А если... браунинг в глуши
Уложит дерзкого на месте
За власть станков, за власть машин.

2.

Беспокойство змеей вползало:
— Не засада ли? Что тогда ..
Умоляющий взгляд бросала
В небольшое окно... — Не видать!..

Не читалась раскрытая книга,
Не держалась игла в руке,—
Сердце чуяло жертвы сдвига
И будет победа за кем.

Двенадцать часы пробили.
Самовар давно отшумел...
Да, она горячо любила
И его и погибших во тьме...

Взор застыл на знакомом портрете,
Скользнули лучи по губам...
. . . . . .
Упорством и силой метит
Лицо и плечи Борьба.

3.

Просилась к оврагам с ним:
Ведь она, как он, крепка...
Он смеялся: будут дни
И твоя пригодится рука.

А сейчас храни, что дал,
Скоро нужно будет им,
Запоют свинцом города,
Оденутся в черный дым...

4.

Все напряженнее и глуше
Кипела ненависть в крови.
Борьбою выжженные души
Благословляли красный сдвиг.

Грядущий день душил вчерашний,
Ворчали злей броневики,
Тревожно крепостные башни
Вперяли желтые зрачки.

Гудели ульями окраины
В густых туманах Октября
И все росли и крепли тайны
В открытой пасти пустыря...

5.

Свершалось...
Ночью и днем
Камни и мясо
Снаряды рвали
Сотнями мелких осколков.
Дымом глаза застилало.
Забыла о нем.
В вихре свинцовых плясок
Крылья у ней вырастали...
— Винтовку!

Болело плечо
От сильных отдач.
К центру ближе, ближе...
Еще один дом...
Скоро...
Отчего же в груди горячо?
Отчего же земля—кумач?
Сердце огонь лижет...
А там... в небе седом...
Зори... красные зори!..

6.

Ее не стало в эти дни,
Лежала среди трупов в морге,
А в городе зажглись огни,
Пьянили бурные восторги.

Никто улыбки не видал,
Ничто не говорило имя...
Бледнея, в лоб поцеловал...
Все уплывало в сером дыме.

То первый и последний раз.
Слиянье не было ответным...
У голубых, спокойных глаз
Легли морщинки незаметно.

7.

Похоронным маршем город рыдал,
Гроб за гробом, венки за венками...
Пред могилою павших знамена Труда
Трепетали, как птицы, крылами...

Орудийные выстрелы резали муть,
Слезы падали в желтую глину...
Все сливалось и гасло в душном дыму,
Был миг торжества отодвинут...

Только сила в груди все росла и росла,
И не кровь закипала, а лава...
Он все также силен, он все также крылат,
И спокоен в теченьи кровавом...

В. Александровский.

Из поэмы „Поединок".

II.

Медные когти зарев
Развертывают туч холсты,
На трупах, в кровавом угаре
Мы строим к „Завтра" мосты.

Распухло болотами поле,
Изголодаы воды пурой,
Но мести напиток в раздолье
Пролился багровой дугой.

Свалились столетья на плечи
И кровь закапала с блуз,
Скорей же в плавильные печи
Бросайте свой каменный груз.

Достаточна ли растопка,
Чтоб заревом мир покрыть?—
Душа устала быть робкой
В праздник кровавой игры.

От трупов, от крови, от гари
Закрыли сумерки рты.
Медные когти зарев
Развертывают туч холсты.

В. Александровский.

Цветы на пепле.

(Рассказ).

I.

„Бух адин, только вира разна"...

Мулла Карим занимается больше всего духовным сокровищем в ожидании аллахова рая. Правда, он не отказался еще ни разу от приношения и опытным оком старого знатока осматривает полноценность кожи и определяет весомость пшеницы. Однако мулла сильно мечтает о рае, потому что по его убеждению там, в раю, под бдительным оком Аллаха, эта жизнь продолжится более красочно. К нему вернутся молодые силы, красивые жены будут окружать его и ухаживать за ним. Неисчерпаемые богатства дадут ему радость жизни...

Рядом жил Гамид Габиббулов, богатый татарин с тремя женами и сыном Галимом, который, между прочим, лучшие годы своей жизни провел на военной службе.

Кто не знал Гамида?

Вся округа, вся Танганайка. Особенно Танганайка.

Слава шла о Гамиде:

Гамид весельчак...

Гамид хлебосол...

Самое же главное—Гамид, в противоположность мулле, больше всего ценит земные радости, ценит

и пользуется ими с простотой и наивностью дикаря. Гамид не похож на русского кулака, например, на того же своего друга Кондрата Савинова из волостного села Рузанов. Кондрат душит и русских мужиков, и татар, не считая их за людей, вполне сознавая, что он ради жирного брюха поверг в прах и совесть, и справедливость. Гамид, как дикарь, не разбирается в сложных вопросах и об'ясняет все просто:

— Все дал Аллах... Земля купил... Мельница купил... хороша мельница... баранов много. Одного резал — ашал.. другого резал — ашал... очень хороша!..

В то время, когда Кондрат давал в водке мышьяку запивакам, сделав с ними раньше земельную сделку, Гамид знал один способ—выручал бедняка и прибирал землю к своим рукам.

Добродетельный Аллах днем и ночью заботился о нем.

Тут рядом, а там поодаль в грязных вонючих норах ютятся дикари Сабиры, Каримы и Абдулы,— несчастные, забитые нуждой, промышляющие кое-как и кое-чем. Это они бегают по окошкам Рузанов, выкрикивая:

— Нет ли чва продать?

Дадут дохлого барана, лошадь—стервятничают...

Русские смеются:

— Ишь лень-то какая!..

Гамид, не делая ничего сам, соглашается с русскими и заключает:

— Шайтан путал...

Наслаждаясь земными благами, заставляя жен своих услаждать свое похотливое тело, Гамид искал дополнение счастья в содружестве с русскими князьками. Савинов Кондрат был первым в округе, самым влиятельным, богатым. Гамиду известно было, что все начальство с Кондратом здоровается за ручку, а это такое счастье, за которое он, Гамид, мог бы отдать полжизни. У Кондрата дом огромный, по барскому штилю, а весь уклад жизни—купеческий. Правда, мужики при Гамиде называют Кондрата «жирной свиньей на девять пудов», но при появлении величественного рузанского князька мужики вытягиваются в струнку и нередко называют «благородием».

Танганайка за десять верст узнает бричку и пару вороных Кондрата. Кони обычно поворачивают к пятистенку Гамида. А татары?. Как очумелые окружают его, подобострастно улыбаются.

— Старшина... Старшина...—орут татарчата. Татарки издали наблюдают за зрелищем. Гамид не знает, как назвать, как ступить. Мечется, командует женами, не дает покоя себе.

А Кондрат без обиняков подходит к делу:

—Осерчал я на своих... русских, шайтан их слопай. Лучше, говорю, татар найму... работящий народ.

Гамиду приятно.

— Татар пойдет... все сделает...

— Хо-хо-хо!... водкой до свалу напою,—гогочет Кондрат, тут же привычно высчитывая барыши от найма татар. Русские требуют более высокой платы, не то татары.

— Собаки — думает Кондрат о своих—обобрать хотят...

Кондрат уезжает домой навеселе, с подарками, а Гамид после его от'езда неугомонно сбивает татарскую голытьбу на утро отправиться к Савинову на работы.

Оборванные, полуголодные бедняки тянутся утром из Танганайки в Рузаны. Русские встречают их враждебно, бросают из-за углов камни. Вражда между русскими и татарами разгорается в дни волостных сходов. И обычно разряжается дракой.

— Кондрат хорош... суглас... суглас...— орут татары по команде Гамида. Перекричать их было невозможно.

Запоздавшие татары ловились русскими и избивались иногда до смерти:

В то время, когда улица запружена пьяными толпами, в доме Кондрата идет свой пир. Рекой льется водка и пиво. Уничтожаются горы пирогов, блинов, баранины. Звуки улицы разбиваются о толщу пьяного разгула Кондратовой компании. Сам Кондрат, шатаясь от пьяного довольства, поощрительно хлопает Гамида по плечу, говорит:

— Хороша, Гамид... всегда будем жить хороша... А Гамид повторяет за ним:

— Аллах — хороша... Бух один, только вира разна... русский хороша... татар хороша.

— Пей, ешь—всего много...—кричит Кондрат и бьет о стол кулаком.—Да мы с тобой, Гамид, всю землю повернем!

— Хи-хи-хи!—скрипит Гамид, и в знак любви своей к Кондрату щиплет его за руку.

II.

Чадра снята.

Весной 1919 года Гамид окончательно потерял вес своего тела и почувствовал перед собой темную-темную пелену, которая заволокла его глаза. И Аллах не помогает понять то, что он видел.

Однажды идет он к мулле на беседу. Может быть, Аллах сказал что-нибудь старому Кариму, осветил его голову и он может раз'яснить, что случилось, почему жизнь опрокинулась, а он, Гамид, и его друг Кондрат очутились перед темной зияющей бездной.

Карим сидит в чалме и что-то шепчет беззубым ртом, как старый шаман. Обрадовался Гамиду, криво улыбнулся, но не встал.

Две недели, как сидит он неподвижно, созерцая Аллахов рай.

— Жив ли Аллах, что говорит пророк его Магомет?—спрашивает Гамид.

— Жив Аллах... сердит пророк его Магомет на правоверных,— скрипит старый мулла,—не хочет глядеть на Гамида, точно сердится на него.

— Не умирать ли хочешь, Карим?

— В рай хочу... Скучно мне на земле... Шайтан гуляет по земле... Губился правоверный, нет его... Один шайтан гуляет. Татар не ходит в мечеть... Моя берет себе. О рае забыл... жены скидают чадры, нет стыда у жен... Девки целуются с парнями... в школа вместе ходят... Шайтанской науке учатся... Аллаха не слушают. Меня не слушают. О, Магомет, пророк правоверных! Осквернил татар твой святой Коран.

— Нет у меня земли... баранов нет... жен нечем кормить—жалуется Гамид.

— Стар я думать о баранах... О, я хочу в рай!.. умирать хочу...

И, задрожав, заплакал старый Карим.

— Татар шумит, — вскакивая кричит Гамид и подбегает к окну.

Мулла даже головы не повертывает.

Вольно говорят татары на собраньи. Загнанные и униженные Сабиры, Абдулы на первом месте, за столом. Волнуется татарская беднота, как весенняя половодь рвется из берегов—шумит.

Несколько молодых татар в гимнастерках и фуражках с красной звездой попеременно встают на скамью и говорят волнующейся толпе... И все больше и больше волнуется толпа, сильнее распирается грудь ее от молодого хмеля.

Страшно Гамиду, говорит он мулле:

— Что же смотрит Аллах? Что молчит Магомет? Пономарь не зовет на молитву.

— Аллах зовет меня в рай... мне не место здесь среди неверных—скрипит мулла, но Гамид не слушает его. Его прельщает земля, баранина, жены с мягкими перинами.

Он цепляется за землю, чтобы удержаться на ней, но эта бунтующая толпа на площади, рядом с мечетью толкает его в могилу.

— И!.. Шайтан!.. Шайтан!.. — визжит он, бегая по горнице, не слыша ноющего скрипа о рае.

— Где сын твой Галим?—неожиданно спрашивает мулла, кривя рот.

Гамида пронизывают эти слова.

Они напоминают ему о неверном сыне...

— Галим умер... Нет сына... Шайтан его взял.

И вспомнив, что сегодня сын может притти на побывку, как писал он с отдыха, Гамид вскакивает:

— Пойду домой... прощай, мулла...

Карим не шелохнулся, так и остается сидеть с искривленным ртом.

На улице Гамида захватывает шум собранья, утягивает в свой круговорот. Стискивает толпа, и Гамид забывает дом и сына, поглощенный ею.

В это время в доме Гамида ссорились жены. Раньше этого не было. Глухая ревность и вражда залегали и прятались внутри. Один взгляд Гамида—и женщины, как собаки, убегали к своим перинам.

Черноглазая красавица Зефира, последняя страсть и услада жизни Гамида, держала теперь себя вольно и со смехом ела лучшие куски, которые для нее украдкой доставал женолюбец Гамид. Только ее он тешил в последние дни, в ней видел отраду.

И старые жены остатками своих чувств ненавидели ее.

— Ест хорошо... Любит ее хорошо... — язвит самая старшая, сморщенная жена.

— Убить тебя надо—кричит помоложе.

Зефира бледная стоит у окна, цепляется большими черными глазами за него, думая выскочить, чтоб спастись от старых волчиц. Но в лице у ней—молодое упрямство. Не хочет уступить старухам, хочет мучить их:

— Возьмите его, он не любит вас...

Тайно Зефира ждет Галима и украдкой смотрит вдаль. Вон там: расстилается широкое поле, играют полдни и легкой кисеей стелется дымка. Наверное он идет полем. Хорошо бывает Зефире, когда молодой красивый Галим бывает дома. Хорошо теперь увидеть его: она может снять чадру и открыто смотреть на него. Пусть сверкают злые глаза старух, пусть берут они старого Гамида, ей-то что?..

Бесконечно долго тянется время...

— Ай! — вдруг вскрикивает Зефира. Старухи шарахаются в сторону. На пороге с веселой улыбкой стоит Галим. Он смотрит на Зефиру, любуется ее смущением.

По привычке Зефира покрывается чадрой.

— Где отец?—спрашивает Галим.

— Ходит,—отвечает Зефира.

Галим неузнаваем. Он в сапогах, в гимнастерке и фуражке с красной звездой. И ему так хочется говорить. Говорит он с юношеским пылом:

— Я коммунист, Зефира... Знаешь, что—коммунист?.. Не молчи, Зефира.—Отец мой не коммунист, а я коммунист... ничего не мое... все наше... Сами, без Аллаха жить будем, как хочется. Отец нехорошо жил... три жены имел... Ай нехорошо... все скажу отцу.

Чтобы скрыть смущение, Зефира ставит самовар, возится с посудой. Она понемногу привыкает к близости мужчины и осмеливается открыть чадру.

А Галим стоит рядом, говорит:

— Много нас русских, татар... другой народ... все одно... нет русских, нет татар. Далеко гоним князей... Когда совсем прогоним — хорошо жить будем. Говори, Зефира, со мной... Коран и мулла врут, что тебе нельзя говорить со мной. Жены должны снять чадры... На лице чадра — на душе чадра... Не хорошо... Я знаю много.

Русский умный—сказал... и я говорю... Татарин дружный, смелый, скажу ему и все коммунистами будем.

Желтые пятна стали ложится на чисто вымытом полу.

Слабо доносился уличный шум.

Страстный Галим говорил без конца о большой Красной армии, о великом движении бедняков, клялся пойти к татарам и сделать их коммунистами.

Издали смотрели старые жены, не понимая нового Галима, удивлялись Зефире, снявшей с себя священную чадру.

III.

На пепле цветы.

Тому, что случилось вечером этого дня, удивлялись не только старые, закоренелые в невежестве, но и молодые татары. Суеверные, предположили, что в этот вечер Аллах сильно поссорился с Шайтаном. Шайтан обозлился и убил сразу двоих правоверных. Танганайка не знала, что далеко-далеко кругом идет жестокая борьба бедных с богатыми, и каждый шаг, сделанный там далеко от Танганайки, гулко разносится во все стороны и потрясает хоромы богачей.

Неожиданно вихорь завертел около самой Танганайки, заброшенной в степном кочкарнике.

В то время, когда Гамид жаловался мулле на жизнь, в Рузанах получили известие из города о расстреле Кондрата, как шпиона. Рузановский Совет немедленно сделал постановление арестовать его сподручных: муллу Карима и Гамида.

Гамид, узнав об этом на собраньи, спешит к мулле. Карим как узнал эту весть, так и упал

навзничь, не сказав ни слова. Гамид, охваченный ужасом, бросается домой, но силы ему изменяют. Еще на пороге он чувствует, что левая нога его еле движется. На полпути к своему дому он падает на землю и холодеет от ужаса. Домой его притащили два рослых татарина, побормотали что-то и ушли.

Голосят старые жены... обступают старые правоверные, кивают головами, отчаянно взывая к Аллаху.

Молчит Аллах.

Галим стоит у изголовья молчаливый, холодный. В сердце его нет жалости к старому отцу, нет слез на глазах.

Зефира стоит без чадры — равнодушная. Не жаль старого господина.

В один момент, когда Гамид открывает глаза и узнает Зефиру и сына, он пробует кивнуть Зефире, но безнадежно; только хрипло вылетает из груди его страшное слово:

— Умираю.

— Умирай, — жестоко шепчет Зефира. Гамид дрожит и закрывает глаза. Вновь открыв их, он смотрит на сына.

— Помни Аллаха,—шепчет он. — Читай Коран, он правду скажет.

Последняя надежда, последняя мольба—Зефира отвечает могилой.

Последний завет сыну выслушан равнодушно. И говорит умирающий Гамид:

— Пойду к Аллаху...

И умер, оплаканный только старыми женами и стариками.

Около трупа стоят Галим и Зефира, как два сторожа, чтобы не встал старый человек, стерегут его.

Суровым приговором звучит голос Галима:

— Не хорошо жил... Я так жить не стану...

— Мне страшно,—шепчет Зефира, прижимаясь к Галиму.

— Ему нельзя жить,—трубит голос Галима.— Танганайка новой стала... вся Россия новой стала..., а он—старый... Умирал—хорошо... Схороним—забудем... Жить будем... чадру бросим... Не бойся, Зефира: жить будем... со мной жить будешь...

Хорошо жить будем.

И легонько гладит Зефиру по плечу, громко шепчет ей свои новые мысли, которым было так легко и просторно.

П. Яровой.

Встань.

С Востока слышите гром?
С Запада слышите гул?
Нам ли быть под ярмом?
Мы ли сдадимся врагу?

Сбросим ярмо с плеч!
Мир нашей кровью горит!

Крестьянин, готовь мечь!
Рабочий, ружье бери!

Сильный, на-страже встань!
Ближе топот погонь.
Ярче блести, сталь!
Ярче гори, огонь!

В. Валентинов.

На Сибирь.

Ну, и матушка-Сибирь—
Экую штуку удрала!
Товарищи, подсоби,—
Урезоним-ка адмирала.

Не то опять к попам да князьям
В пасть мы полезем волчью.
Да неужто, товарищи-друзья,
Не управимся с этой сволочью?

Эх, сколько трутней насело!...
Черный свирепь разгул...
Не пора ли приняться за дело
И вымести мусор в тайгу?...

Гей, эскадроны, роты,
Понапрем-ка на палача!
Откроем настежь ворота—
А ну, подвинься, Колчак!

В. Валентинов.

Красные разведчики.

В сентябре прошлого года наша дивизия вела медленное, но неуклонное продвижение на Сызрань.

Направлялись с Инзенской стороны.

К середине месяца, пройдя с боем несколько десятков верст, мы отстояли от Сызрани не более как на 70—85 верст.

Штаб стоял в одном из крупных мордовских селений в немногих верстах от фронта.

Дивизия поджидала прибытия свежих подкреплений, чтобы с подходом их перейти в решительное наступление.

Изредка происходили бои местного значения да перестрелки бронированных поездов.

* * *

Ясный предосенний день клонился к концу. В кабинет заведующего N-ым отделом штаба постучал и вошел молодой человек лет 18—19. Под безукоризненным штатским костюмом и в манере держать себя в нем нельзя было узнать военного. На приглашение сесть он кивнул головой и, процедив сквозь зубы: «важные сведения», устало опустился в кресло напротив своего начальника. После короткого молчания агент, мельком взглянув на дверь, обратил свое лицо к начальнику, вопросительно глядя на него.

— Никого нет... Говорите свободно — ответил тот, без слов понимая вопрос одного из лучших своих разведчиков.

С—й, так называли молодого человека—наклонился к начальнику и начал быстро передавать узнанное.

Он только что вернулся «с работы», которая, по обыкновению, блестяще ему удалась.

По мере того, как он рассказывал, начальник делал какие-то отметки на карте и кое-что заносил в записную книжку.

— Белые,—говорил разведчик,—сконцентрировали крупные силы в Озерках.

Завтра на рассвете они намерены ударить на левый фланг нашей дивизии, чтобы, рассеяв или уничтожив его, смять наш сильный центр и гнать остатки дивизии до самой Инзы.

Во время кутежа белогвардейцев, в котором я принимал участие, мне удалось даже наспех снять копию с приказа о их наступлении, вот она...

При этих словах он положил на стол длинную, тонкую, испещренную какими-то «египетскими» знаками, ленту папиросной бумаги.

Пока Н—ин разглаживал и прочитывал ее, агент вынул из бокового кармана изящный белый портсигар из слоновой кости и закурил крепкую сигаретку.

Еще через несколько минут опрос кончился.

— Ну, а теперь я пойду спать,—заявил агент,— а вы, конечно, к начальнику дивизии?

— Как же, как же, надо принимать меры.

* * *

Ночь прошла в незаметных приготовлениях к отпору.

Кроме начдива, молодого, энергичного латыша и еще 3—4 лиц, никто ничего не знал о предполагавшемся контр-ударе белых.

Ночью цепи N-ского боевого отряда с лихим командиром т. Ч. во главе бесшумно залегли по западному хребту очень широкого, длинного и довольно глубокого оврага, расположенного между Озерками и Уваровкой, в полуверсте от последней.

Приготовили одиночные окопы для стрельбы лежа, гнезда для пулеметов; превосходно замаскировали две трехдюймовки и терпеливо начали ждать рассвета.

Товарищи Н—ин, Ч. и политком отряда все время находились в цепи красноармейцев и вели тихий, но оживленный разговор.

— Надежны ли у вас люди?—спросил Н—ин у политкома.

— Головой ручаюсь за них!—в один голос ответили политком и Ч.

— Надо об'яснить им, в чем дело,—продолжал Н—ин,—время идет к рассвету, а красноармейцы, не зная, что ожидается, вероятно, нервничают.

— Только с цифрами надо осторожнее,—добавил он.

Трио потихоньку разошлось в разные части цепи.

* * *

Еще через полчаса, когда чуть-чуть начинало светать, к окопам подполз какой-то мальчик лет 12—13.

На нем было солдатское платье и обувь, а на фуражке белогвардейский значок.

Он спросил о местонахождении Ч. или Н—ина.

Недоумевающие красноармейцы отвели его к командиру.

— Товарищ Н—ин здесь?—спросил он у Ч.

— Кто ты такой и что тебе надо?

— Я агент дивизии,—ответил мальчик,—иду из Озерков.

Шопот удивления и восхищения пронесся по кучке близ находящихся красноармейцев, слышавших весь этот короткий разговор.

— Вот так паренек! — послышался чей-то голос.

— Ишь, значит и у нас есть,—радостно проговорил кто-то.

— А то как же?—серьезно ответил мальчик.

Ч. вместе с «белогвардейчиком» пошел к Н—ину.

— А, Прокофий! — приветствовал Н—ин мальчика,—а я уже думал, что ты не придешь, почему так поздно?

— Еле удалось уйти,—ответил юный агент.— «Они» видно начали подозревать в чем дело... все время не спускали с меня глаз...

— Ну, что? Как там?

— Еще 2 пулемета привезли и бронированный поезд поближе придвинули, ночью пьянствовали...

— Скоро они тронутся?

— Когда я уходил, они уже собирались выступать. Минут через 10 покажутся.

И снова над оврагом все стихло.

* * *

Становилось светлее.

Уже можно было разобрать белые от росы склоны оврага, порозовел восток, тише стал журчать ручеек, протекавший по дну оврага и кое-где окаймленный кустарником.

Тишина.

Красноармейцы молча вглядывались впереди себя, некоторые, повидимому, заснули, уткнувшись в приклады винтовок.

И вдруг пронесся тихий напряженный шопот.

— Идут, идут!..

И снова тихо.

С противоположного склона оврага медленно спускались густые цепи противника.

Ни звука, ни выстрела.

Уверенные в неожиданности своего удара и беспечности «красных бандитов», белые шли почти во весь рост, не высылая вперед разведку.

Они перешли уже ручей и начали подниматься по склону в нашу сторону.

Мы молчали, но каждое мгновенье готовы были осыпать наступающих дождем пуль и гранат.

Крепко сжимали красноармейцы винтовки в своих руках.

А белые приближались.

Они подошли уже шагов на 40.

Вдруг раздался неровный залп, послышались взрывы гранат, застучал пулемет.

Как подкошенные, начали падать белые.

Растерявшиеся, в панике и ужасе, некоторые начали ложиться на землю, другие бежать вниз.

А наши продолжали осыпать их свинцовым градом, вырывая целые кучи.

И вот, несколько оправившись внизу оврага, где наш огонь был для них мало губителен, белые снова цепями в несколько рядов начали быстро катиться на нас.

Как и в первый раз, подпустив их на удобную дистанцию, наши открыли убийственный огонь.

Один за другим таяли и смешивались их ряды и, снова отброшенные, они залегли на дне оврага.

Склоны были усеяны убитыми и умирающими.

Вновь сорганизовавшись, они снова повели бешеную атаку и, вновь отброшенные, с ужасающими потерями, начали рассеиваться и уходить совсем, бросая по дороге оружие.

Тут заговорили наши трехдюймовки, осыпая белых шрапнелью.

Перекинувшись через дно оврага, белые, сломя голову, мчались на противоположный склон и хребет.

Дождавшись удобного момента, когда белые опять стали представлять из себя удобную для стрельбы цель, наши вновь открыли ожесточенный огонь.

Не пройдя и трех четвертей склона, белые бросились назад на дно оврага.

О ни попали в мышеловку.

Некоторые бросились по руслу оврага, но, пулеметным огнем за поворотом встреченные, или пали, сраженные, или уползли назад к остальным. На дне оврага они были почти в полной безопасности; наши пули летели над ними, не задевая их, и только шрапнель делала свое дело.

Несмотря на то, что на этом участке фронта наших было не более 140—160 против их 400—500 ударников, они были в безвыходном положении и были бессильны принести нам какой-либо урон.

* * *

А когда начался огонь, загрохотала красная артиллерия далеко правее нас, нервируя противника и приковывая его внимание к нашему правому флангу, где наши красноармейцы с боем выбили белых из деревни К. и там закрепились, противник поневоле должен был оставить без поддержки свою ударную группу.

В этом овраге они пролежали до темноты. Изредка кто-нибудь из них пытался выползти из оврага, но, осыпанный градом свинца, оставался на склоне, изрешетенный пулями.

И лишь ночью остатки их кое-как расползлись из оврага. На следующее утро место боя представляло странную и потрясающую картину.

Дно, склоны оврага и прилегающее поле — усеяны трупами белогвардейцев и умирающими ранеными.

Винтовки, обмундирование, патроны, котелки, испорченные и брошенные белыми пулеметы, фляжки, часто со спиртом, сумки, темные лужи застывшей крови. У нас ни одного убитого, ни одного раненого.

В этот день к нам, наконец, подошли свежие подкрепления, и мы снова пошли вперед и гнали белых без перерыва 30 верст, забирая пленных, орудия, взорвав с помощью агентов бронепоезд противника и захватывая массу других трофеев.

* * *

Вот что получилось, благодаря ловкому разведчику, из намерения противника прорвать фронт 1 рев. армии и разгромить одну из ее дивизий.

А в день боя с ударниками С—й, взяв недельный отпуск, в красноармейском платье, с инструкторским значком ехал к себе домой верст за 60 от фронта.

А вечером, в кругу своей семьи, ничего не подозревавшей о характере его работы, он юмористически рассказывал о жизни на фронте и смеясь говорил:

— Не дорожат мною на фронте; бездельник, говорят, ты и пройдоха, убирайся лучше домой, ну я, конечно, и марш сюда.

— Попадет тебе,—говорили иногда родные, думая, что он приезжает без отпуска, и видя, с каким усердием он волочится за девицами, как бы совершенно позабыв о фронте. *Ив. Тюремный.*

Сын красноармейца.

1918 г.—20 июля—1919 г.

—Мама, в окно погляди поскорее:
Видишь, как стройно шагают полки?..
Кони гарцуют, гремят батареи,
Ярко сверкают на солнце штыки.

— Сын мой! То Первая Армия наша
Бодро идет сокрушить Колчака...
Дай подниму я тебя: там—папаша,
Пусть из окна он увидит сынка!..

—Мама, гляди!.. Вот—знамена, плакаты!..
Что за толпа, как все стройно поют!..
— Это—Коммуны всемирной солдаты
С гимном свободы на подвиг идут!

— Мама! Куда вереницею длинной
С песнями юноши эти спешат?
— Сын! То—курсанты из школы партийной
Дружно спешат на призывный набат.

— Мама, неужто бойцы неустанны?..
Как этих первых бойцов имена?..
—Прежде звались они, сын, партизаны...
Армия ими гордиться должна!..

— Мама!.. Но что эти сделали люди?..
Славим за что мы их в праздника дни?..
— Сын, средь огня пулеметов, орудий
Мощь красных армий ковали они!..

— Мама!.. Должно-быть, их вера прекрасна,
Смерть не страшна им в священной войне!
—Сын! Если б жертвы их были напрасны,
Вольноб не жить нам в Советской стране..

— Мама!.. А что, если хитрой уловкой
Враг преградит к светлой жизни нам путь?
— Сын! Подрастешь ты и меткой винтовкой
Хищникам злобным прицелишься в грудь...

— Мама!.. Ответь мне: стать взрослым мне долго?
Будешь ли рада, что сын твой—солдат?..
— Сын мой!.. О сын мой!.. Будь рыцарем долга,
Пусть наши дети за нас отомстят!..

— Мама! А если я смертью героя
С честью паду на почетном посту?..
— Сын! Красным знаменем труп твой покрою,
Алые ленты в венок твой вплету.

Д. Самарский.

В пути.

Эй, шевелись, что ли!
Что стоять на пути?
К новой лучшей доле
Время призвало итти.

Полно думать и верить
В старый загробный мир:
Силы никто не измерит,
Высмотрев красную ширь..

Все! Все к победе!
К правде маячут дни:
Будут в сплавах меди
Наши гореть огни.

Будет в солнце юга
Красные зерна жадать.
Наша железная вьюга —
Наша красная мать.

Будет!.. в рабство смерти
Нас не воротит враг,
Все мы—красные черти
Рушим божественный мрак.

В нашей борьбе—воскресенье,
В нем—восстанья закон...
Наше священное мщенье
Рушит всемирный трон.

С неба срывайте звезды,
Ими окрыляйте путь:
Армией красной свободы
Грудью на вражью грудь.

Пе. Шувалов.

Боевой клич.

Мы—на тех, кто не за нас,
В рукопашной блещут сабли...
Гнев наш в схватках не угас,
Наши силы не ослабли.

Мы в ряды свои зовем
Обездоленного брата;
Мы всю землю всколыхнем
Звоном красного набата.

Сотрудник Политотдела 1-ой Рев. армии.

Иван Шершнев.

Рабочий.

Гремит чугунная гроза,
Колес томительно верченье,
Лишь глаз спокойных бирюза
Над шумом этим и движеньем.

Спокоен строгий человек
В рабочей темно-синей блузе,
От жара даже он не сузил
Прохладных и тяжелых век.

Как изваянье, у станка
Застыло каменное тело,
И движется легко, умело
Его широкая рука.

Ты победитель всей вселенной,
В своей рабочей красоте
Коммунистической мечте
Ты отдал дух свой дерзновенный.

Кругом тебя шумят враги,
И всюду сторожат дозоры,
Но крепкие твои шаги
Тебя выносят на просторы.

Надежда Надлович.

Их было шесть.

Эскиз.

Тихая лунная ночь...

Сладко дремала красавица-Волга... И изредка как бы улыбаясь во сне, переливала дремавшие волны, серебря их стыдливо в блеске задумчиво-сердитой луны.

Берега погрузились в непробудный сон.

Крутой обрыв и кудрявый лес с низко спущенными локонами зеленых кудрей тесно сдавили дремавшую красавицу-реку, выпятившую свою гигантскую грудь.

Непробудным сном спал также и железный гигант-мост, крепко связав правый и левый берег вечно молодой красавицы-Волги и обрушиваясь всей своей тяжестью на ее могучий стан.

Ни звука...

Но, чу!.. Застонал железный гигант-мост...

Проснулся... Зашевелился... Заворчал, вздрогнул!

Кто нарушил его сон? Кто разбудил дремавшего железного гиганта и прогнал сладкие мечты, навеянные на него красавицей-Волгой?

Их было шесть... Шесть гонимых усиленным конвоем белогвардейских солдат.

Их было шесть, сильных, юных, способных творить и созд ва ь...

Они сдавлены, окружены конвоем белогвардейцев... Сердито ворчал железный гигант, невольно вздрагивая от резких ударов ног хмурого конвоя и молчаливых п енников.

Они шли, затаив, дыхание и невольно любуясь дремавшей красавицей-Волгой. И вдруг остановились... А-а-х!!! прорезывая ночную тишину, прозвучал сильный сдавленный голос...

Зацепился за дремавшие кудри зазеленевшего леса левой стороны и, тяжело ударяясь об утесистую грудь правой,—оборвался и затих...

Бешено встрепенулась красавица-Волга, в испуге всплеснув серебристой волной, вспенилась, раздвинулась, распростерла об'ятие...

— А-а-а-х! еще, еще, еще, еще...

Застонал железный гигант, сердито, злобно заворчал:

— Несчастные!..

Вспенилась красавица-Волга, заколыхалась, в бешено-ласкающей злобе громко всплеснув, как бы вскрикнув:

— Счастливые, погибающие за человечество!!!

И понесся этот крик в бесконечную даль над переливающейся серебром водной гладью...

С тихой улыбкой опять погрузилась красавица в дрему.

И изумрудные волны, засыпая, шептали:

— Их было шесть... Их было шесть... их было шесть!..—Все стихло.

Молчал железный гигант-мост.

С адостно спала могучая красавица-Волга.

Тихо улыбались угомонившиеся игривые волны...

И серебрила их своим холодным светом далекая луна.

Т. Скориков.

Молодым силам!..

Теперь не время счастья ждать,
Пылать изнеженной любовью
И, не найдя ее, рыдать
И предаваться многословью!..

В тот час, как крепнет наша рать
В борьбе упорной и кровавой,
Мне стыдно чувствами играть
И добиваться легкой славы!..

Пройдет тяжелый этот год,
И мир очнется от похмелья,
И семя новое взойдет
На почве, взрыхленной шрапнелью.

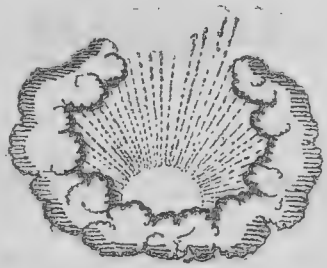
Не будет звяканья мечей,
Дома воздвигнутся из праха,
И муравейники людей
Стряхнут последний призрак страха.

Тогда понадобимся мы,
Чтобы помочь рассеять тучи,
Чтоб потрясенные умы
Бодрить энергией кипучей.

Тогда кому же, как не нам,
Построить жизнь совсем иную,
Где будет место пылким снам,
Но сменит мир вражду слепую!..

До той поры бы нам сберечь
Все наши лучшие стремленья
И будет нужной наша речь
В священный час перерожденья.

Александр Дворкин.



Из воспоминаний красноармейца, первое наступление на г. Симбирск 16 авг. 1918 г.

Под ст. „Охотничья".

Нашему полку, недавно сформировавшемуся и имевшему в своем составе всего два, да и то неполных, батальона, приказано было выступить с занимаемой позиции у раз'езда «Выры» утром, а к вечеру занять ст. «Охотничья» и село Ивановку.

Рассыпавшись цепью и выслав вперед дозоры, мы двинулись линией жел.-дор. по направлению к ст. «Охотничья». Немного сзади цепи, тяжело пыхтя, тихо двигался наш броневой поезд с орудиями, направленными вперед.

Дорога шла густым лесом, но люди шли в цепи ровно, не теряя связи друг с другом; пулеметчикам на руках приходилось тащить пулеметы сквозь густые заросли кустарника, но, несмотря на все трудности, красноармейцы бодро шли вперед, не замечая усталости. Наконец, вышли в открытое поле, пулеметы поставили на двуколки, которые ехали по дороге тут же вслед за цепью.

Погода была ясная и теплая, жаворонки весело пели в небе свои песни, точно желая ими скрасить нашу боевую жизнь. Настроение у всех было какое-то радостное, веселое, точно все шли на прогулку, а не в бой, где многих из нас, может быть, не станет. Иногда мимо цепи пробегал испуганный заяц, и тогда из цепи раздавались веселые возгласы:

—Ату, косой, лови его, товарищи, лови!

Бедный заяц из всех сил пускался утекать вдоль цепи, но чем дальше бежал, тем больше становился шум и свист, а это еще больше страшило бедного зайца и он не знал, куда деваться и, метаясь из стороны в сторону, усиливал смех товарищей.

Веселый смех, шутки, говор не прекращались до самого боя. Но вот вдали показалась ст. «Охотничья», и наш броневик, остановившись, принялся за «работу»...

Снаряд за снарядом бросал он на станцию, нащупывая белых и потрясая воздух громовыми раскатами выстрелов. Сколько ни стрелял наш броневик по станции, ответа оттуда не последовало, и мы двинулись туда, решив, что неприятель без боя оставил ст. «Охотничья».

Не доходя с полверсты или более до станции, наш дозор обнаружил, что неприятель окопался по буграм недалеко от станции. Не успел дозор еще вернуться и сообщить об этом, как белые засыпали нас градом пуль. Раздалась команда:

— Цепь сто-о-о-й, ложи-и-ись! Пулеметы! Сюда!

Пулеметчики поспешно стали снимать с повозок пулеметы и выбирать удобные места для обстрела.

Окопались...

Солнце, между тем, закатилось за опушку леса, заливая и провожая нас своими пурпурно-красными лучами, пробивающимися сквозь густые

ветви деревьев, небо окрасилось в красный цвет, и казалось, что то кровь погибших и замученных братьев зовет нас отомстить за них..

Вот затрещали и наши пулеметы (на всполошившиеся несколько сзади цепи на удобных позициях), посылавшие через наши головы тысячи смертоносных пуль в неприятельские окопы, вызывая там панику и сумятицу. Забухал снова наш броневик, осыпая белых горячей шрапнелью и вздымая вверх кучу земли, камней и осколков. Белые оборонялись, отстреливались; по всему было видно, что стрельбой их не выбьешь. И вдруг громовое «ура-а-а» раздалось, как вихрь, по долине. Соскучившись лежать, цепь поднялась, заколыхалась и неудержимой лавиной ринулась вперед. Рота, находящаяся в резерве, не вытерпела своей пассивности и тоже кинулась вперед, смешавшись с передней цепью.

Трудно описать то, что творилось в этот момент. Громовое «ура», от которого воздух дрожал, смешивалось с треском пулеметов и грохотом орудий; все это сливалось в один гул, эхо которого далеко разносилось по окрестностям.

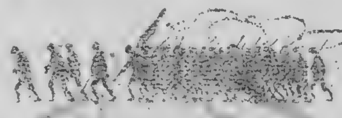
Неприятель не выдержал нашего стихийного натиска и кинулся бежать, бросая по пути пулеметы, винтовки, снаряжение, даже скидывая с себя шинели, гимнастерки, сапоги для облегчения; до того панично было их бегство.

И долго еще на нашем правом фланге трещали пулеметы и винтовки: то наши продолжали гнать остатки противника из села Ивановки.

После томительного дня ночь простерла свои мягкие крылья над окрестностью.

Мы окапывались у опушки леса и тихо делились впечатлениями дня.

Красноармеец 214 п. 24 жел. д. *А. К.*



Волжские бунтари.

1. Призраки старины.

О матушка Волга, ты много видала
На многострадальной Руси:
Ушкуйников челны ты нежно ласкала,
Баюкала Стеньки ладьи!..
Так натиск рассерженный бранного шквала
Еще раз победно снеси!..

Ты помнишь? Неслись твои волны седые
У склонов крутых Жегулей;
Здесь молодцы дружно гребли удалые,
Клянясь истреблять богачей;
Здесь вольности песни звучали впервые
Измученных беглых людей..

Могучая грудь твоя всем угнетенным
Давала желанный приют..
Дымились костры; по прибрежным склонам
Толпился бунтующий люд;
Народом, неправдою бар обозленным,
Творился лихой самосуд!..

Дрожали бояре в роскошных хоромах,
Невесты — без чувств в теремах..
А Разин, безжалостный в битвенных громах,
Смеясь, пировал в их дворцах.
И весть разносилась о дерзких погромах,
И Кремль уж испытывал страх..

О Волга, ты — мать своего атамана,
Ты доблестью Стеньки горда;
Его ты хранила от бурь и тумана,
Дарила ему города,
И против опричников царских обмана
Стоять завещала всегда.

Заботлив и ласков был плеск твой певучий,
Надежен—затонов приют...
Когда б не разгул молодецкий могучий,
Был беглый батрак бы без пут!..
... И хмуро молчат жегулевские кручи,
И волны тревожно плывут...

2. Красные бунтари.

Сегодня ты, Волга, колышешься гневно,
Сегодня мрачна ты, как встарь;
На челнах твоих — уж не Стенька с царевной,
Разнузданной вольницы царь;
На палубах суден, как витязь наш древний,
Сражается красный Бунтарь!..

Да, Разина дух, необузданно смелый,
Витает над гладью речной;
Ведет нас к победе рукою умелой
Наш вождь — удалой рулевой, —
И красные флаги на палубе белой
Зовут нас в решительный бой!..

Мы храбры, мы юны, мы Воли титаны,
Мы верой, мы местью горим;
Мы — Волги сыны, мы — ее партизаны,
Мы новую эру творим..
За Царство Грядущего — все наши раны,
Мы кровь нашу братьям дарим!

И пусть Темнота нас клеймит недоверьем,
Пусть путь наш тернист средь клевет,
Клянемся бороться с врагов лицемерьем
И выполнить Стеньки завет:
Готовы к боев неизбежным потерям,
Суровый дадим мы обет!..

Мы все поклялись, что останемся тверды,
Что выметем прошлого сор,
Что встретим опасность бесстрашно и гордо,
Что выдержим вражий напор..

И, слыша победного гимна аккорды,
Не выдаст наш стойкий дозор!

... Какая ж причина, что сердится Волга?..
Кто вызвал в ней ропот и гнев?..
Палим ли свирепый? Изменник ли долга
Посеял в ней мрачный свой сев?
Не кажется ль ей, что звучит слишком долго
Орудий неистовый рев?..

Из пушечных жерл вырывается пламя
И все пароходы — в дыму;
Шныряют снаряды врагов между нами,
Разрыв потрясает корму,
Но гордо алеет советское знамя,
Послушно вождю своему...

Нас мало... Но все мы к отпору готовы,
Готовы с оружием пасть...
Смерть в битве отрадней, чем тюрем оковы,
Чем хищников злобная пасть...
Нас мало... Но мир уже строится новый,
Но крепнет советская власть!..

3. Последний бой „Делосовета“ *).

Сегодня в опасности знамя Коммуны...
Подкрался противник чуть свет...
Наш вождь, опасаясь за участь „Фортуны“,
Где был размещен лазарет,
Шлет белым навстречу с отвагою юной
Решительный „Делосовет“.

С одной трехдюймовою ржавою пушкой
Навстречу десятку мортир
Помчался казавшийся хрупкой игрушкой,
На смерть обреченный буксир...
А враг, смельчакам приготовив ловушку,
Кровавый предчувствовал пир!..

Товарищей храбрых напутствуя взглядом,
Им каждый успеха желал...
И бой загорелся... Снаряд за снарядом
В геройский буксир попадал...
Запенилась Волга... В ответ канонадам
Бурлит негодующий шквал!..

Нежданна была для врага оборона —
Он думал застать нас врасплох...
Наш «Делосовет», хоть иссякли патроны,
Сражался, пока только мог...
И враг, отступающий, мстя исступленно,
Буксир наш снарядом зажег!..

... И славного судна лаская обломки,
Печальна речная волна...

Над трупами павших рыданья негромки...
Вся рубка огнем сметена...
Но, ловким маневром укрывшись в сторонке,
«Фортуна» зато спасена!..

Мы вечную память почившим героям
Споем над останками их;
Мы знаменем красным тела их покроем:
— Их подвиг спас жизни больных!..
И в час, когда в землю их трупы зароем,
Отместить поклянемся за них!..

. . . . . .

4. В Самару.

Любуйтесь победой бунтарского флота:
По Волге один за другим
Плывут пароходы, буксиры без счета,
Из труб вырывается дым...
На палубах весело шутит пехота
И машет селеньям родным.

Сирены ревут — вся окрестность их слышит
И на берег сыплет народ...
Все лица волненьем и радостью дышут,
Как улей, жужжит пароход...
А Волга, баюкая, флот наш колышет
И к новым победам зовет.

О, как хороши Жегулевские горы
В октябрьского солнца лучах!..
На палубах верхних дежурят дозоры,
Но, сломленный, спрятался враг...
В бинокли впиваются с жадностью взоры
И слезы у многих в глазах...

Безмолвно приветствует берег холмистый,
Чаруя красой панорам...
Вот — дачи в кайме своих рощиц тенистых,
Вот — Клуб Коммунистов — наш храм!
А Волга сверкает змеей серебристой
И ластится к белым бортам.

Вот — пристань!.. Об'ятия восторженно-жарки...
Окончен тернистый наш путь!..
Друзья! Не пойти ль нам на берег Самарки
И павших борцов помянуть?..
На митинг! Там речи ораторов ярки,
Там бурно колышется грудь!..

Но слеп и наивен, кто вздумать посмеет,
Что стихнул в сердцах наших шквал...
Нет!.. Каждый порывом к борьбе пламенеет,
Солдатом Коммуны он стал...
И с Волгой простившись, вернуть он сумеет
И Дон, и Иртыш, и Урал!..

Вперед же, друзья, за победной Звездою,
Туда, где уж грянул Тиран!..
На крепнущий фронт наш за раной стальною
С винтовкой спеши, Партизан!..
Проститесь же, братья, с великой рекою,
Где некогда дрался Степан!..

Д. Самарский.

*) 22 июля 1918 г. 3 вооруженных белогвардейских парохода „Вуль“, „Милютин“ и „Вандал“ подошли к Сенгилею и стали обстреливать пристань, где среди других советских пароходов стоял плавучий госпиталь „Фортуна“, на котором находилось 50 чел. больных и раненых. Буксир „Делосовет“ с одним орудием смело двинулся навстречу сильнейшему противнику и отвлек на себя огонь врага, благодаря чему „Фортуна“ смогла укрыться от обстрела. Бой длился 2 часа. „Делосовет“ был разбит снарядами белых и выбросился на берег. Погибло 5 человек, было много раненых. Д. С.

Красные сестры-героини.

Гражданская война, создав причудливые бытовые условия и вызвав к жизни новые сильные характеры, создала своеобразный тип сестер милосердия—пролетарских сестер, одушевленных жаждою подвига и разделяющих с красными бойцами все лишения походной жизни.

Это—не холеные и намалеванные, в щегольских лакированных ботинках высокомерные сестры милосердия земских и городских «Союзов», сестры для офицеров и буржуазных сынков, не стеснявшиеся у кроватей раненых солдат прежней войны открыто выражать свое отвращение к «хамам» и к «мужикам», от которых пахло потом, деревней и махоркой.

Нет! Стриженые и одетые по-мужски, в смушковых красноармейских папахах зимой и серых шинелях, в грубых сапожищах, делающих неуклюжими их хрупкие фигурки, красные сестры милосердия беззаветно и горячо посвятили всю свою молодость и энергию святому делу помощи той самой «серой скотине», простому серому герою, от которого с презрением отворачивались их буржуазные «коллеги».

И как трогательно и чутко отличают красноармейцы, какая из «сестриц» пришла на фронт так только, ради заработка или по недоразумению, и какая является его истинной товаркой по боевым переходам и опасностям.

— Это наши, красноармейские сестры,—с гордостью и любовью обыкновенно говорят про последних красноармейцы, и в их фамильярных шуточках и прибауточках нет ни грубости ни цинизма.

Видя, как безгранично и самоотверженно трудятся день и ночь эти скромные героини долга, видя их постоянно с собой в цепи, во время наступления под градом пуль и снарядов, с ласковой улыбкой на запекшихся безропотных губах, с краской оживления на запыленных и давно не мытых щеках, видя их, бесстрашных, отрекшихся от личного счастья и теплого семейного гнездышка, чуют красноармейские сердца все величие их духа, всю их преданность делу пролетариата, из среды которого они сами вышли.

Дочери токарей, сапожников, ткачей, крестьян-середняков и прочих трудящихся, реже интеллигентки, порвавшие со своей средой,—они оставили свою обычную работу и устремились вместе со своими мгновенно сформированными рабочими полками и батальонами туда, на поля Сызрани, Самары и Симбирска.

Многие из них сопровождали красноармейцев-мужей, многие имели в соседних дивизиях женихов и нареченных, у многих мужья и братья томились в чехо-словацком или колчаковском плену!..

В то время, как большинство из «офицерских» сестер были авантюристки или куртизанки, искавшие на фронте приключений, покровителя или мужа, красные сестры не ищут приключений. Дома у них, большей частью, осталась многочисленная семья, нуждающаяся в пропитании.

Мозолистые руки этих «сестер-поденщиц», сестер-батрачек, привыкшие к физическому труду, оказываются весьма ловкими также и тогда, когда приходится браться за винтовку и итти в атаку на противника; присутствие сестер-подруг на фронте скрашивает суровую обстановку боевой страды.

Красные сестры не скакали по городу на рысаках, не мчались сломя голову в об'ятиях нежных кавалеров, не танцовали танго на дивизионных балах. Те, которых мы иногда еще встречали на наших оренбургских, сызранских и самарских улицах, это—не красные сестры, хотя бы некоторые из них и носили повязку Красного Креста.

Особы, раз'езжающие, к сожалению, еще и сейчас на громоздких грузовиках и второпях наливающие больному в мензурку лекарство, чтобы не опоздать на вечернее свидание,—это еще не красные сестры. По крайней мере, не их, во многом сходных с старыми сестрами, не их, сестер из тыловых армейских и даже дивизионных лазаретов, поступивших через «Профсестра» прямо из старых организаций в Красную армию, не их, проникнутых нередко тем же отвратительным высокомерием и ненавистью к коммунизму, имел я в виду в начале своего очерка.

Я говорю о тех сестрах, которые находились в ротах и в отрядах, о тех сестрах, которые часто не прошли нужных курсов, нередко с трудом читали надпись по-латыни на баночке иоду, но которые все время сопровождали свой отряд и делали то, чего часто не делали фельдшера и врачи околотков, отставшие в самые трудные часы под предлогом невозможности медицинской работы под обстрелом.

Вы, мало обученные и часто малограмотные, вы, *красноармейцы медицины*, вы не знали той мудрой истины, что медицина требует сосредоточенности, а следовательно — безопасности для тов. Эскулапа и его свиты, вы не подозревали о том, какая это сложная штука—хирургия, но там, где раненый истекал кровью, лившейся фонтаном из раздробленной руки или ноги, вы не дожидались, пока на другой или третий день он попадет к дивизионному хирургу, которому останется лишь констатировать смерть от потери крови; вы спешили наложить, как умели, на рану свой индивидуальный пакет, которых было так мало в нашей сумке, и!—о, чудо!—вы, большей частью, спасали раненого. И те же самые раненые, которые впоследствии, лежа в тыловых неблагоустроенных лазаретах, из-за всякого пустяка бранили врачей и «дипломированных» сестер, всегда с умилением вспоминали о своих ротных сестрицах, которые подоспели, как ангелы-хранители, и на себе несли их, беспомощных и впавших в безсознательное состояние, до полкового околотка.

Каждый красноармеец, не только раненый, но и здоровый, может рассказать вам о своих ротных сестрах.

Мне хочется рассказать читателю о 3-х сестрах, которых я лично знал во время работы под Сенгилеем и в Железной дивизии. Это сестры: *Озеровская, Шерман и Данилова.*

Сестра Озеровская, находясь в Симбирском эскадроне, во время боя под ст. Майна, добровольно вышла из деревни на поле, где свистели пули, и,

не прячась, подходила то к одному, то к другому из раненых красноармейцев и делала всем перевязки. Помогая раненому выбраться из сферы обстрела, была сама тяжело ранена навылет в правое легкое, но имела силу доползти до деревни, где подобрана без чувств с раненым. Не успев оправиться, снова едет на фронт. Награждена за бесстрашие благодарностью в приказе по дивизии. Прежде работала на эпидемии сыпного тифа, который перенесла. Состоит сестрой милосердия с 1914 г.

Сестра Данилова—украинка из бедной крестьянской семьи, работала в партизанском отряде моряков Прохорова, откуда перешла в дружину тов. Устинова. Здесь выказала бесстрашье и неутомимость, работая все время под обстрелом неприятеля. Больная отступала из Климовки вместе с арьергардом дружины.

Много раз оказывалась в тылу у белых, но каждый раз благополучно выбиралась. После прорыва из-под Сенгилея была сестрой 1-го Симбирского полка и вместе с полком двигалась на Симбирск, Мелекес и Бугуруслан. В приказе по Железной дивизии упоминается, как заслужившая благодарность всей дивизии. Имеет лестные отзывы многих врачей о своей работе.

Сестра Шерман Лия выросла в мещанской семье; еще будучи гимназисткой, интересовалась социальными вопросами и считала себя анархисткой. В 4-м классе была руководительницей кружка подруг. Когда чехи захватили Волгу, одушевленная неодолимым желанием помочь Советской власти, бросила гимназию и родных и бежала от опостылевшей домашней обстановки на Сенгилеевский фронт, где работала в качестве ротной сестры в отряде самарских коммунистов, использовав свои небольшие познания в первой помощи, как бывшая волонтерка Казанского лазарета.

В бою под ст. Охотничья была контужена осколком шрапнели, но продолжала работать до окончания боя.

Все время ободряла красноармейцев, призывая их итти вперед и не поддаваться панике.

При взятии Симбирска красными была в числе первых, вступивших в город. С передовыми частями нашей конницы вступила в Сызрань. Старые боевики-красноармейцы, и те удивлялись ее мужеству и хладнокровию во время боя.

К сожалению, биографические данные об этих сестрах крайне скудны, но я приведу собственноручный набросок Лии Шерман, этой 17-летней гимназистки, сделавшейся полусознательно, полуинстинктивно красной сестрой.

С милой непосредственностью и чуткостью передает она о своих впечатлениях при первой встрече с подругами на фронте.

Из дневника сестры Шерман.

Вот уже с неделю я работаю на пароходе и все еще не видела сестру Данилову, о которой так хорошо говорят. Сейчас на передовой линии за К. я часто думаю о ней. Ей хорошо. Она—в отряде т. Устинова. Это очень «боевой» отряд. Они расположились в лесу возле села. Она—под открытым небом, а ночью высокие сосны шепчут ей чудные сказки. Сестра Данилова. Я представляю ее себе высокой, сильной брюнеткой, с бледным лицом и с большими печальными глазами. И часто ночью, лежа у себя в каюте, при тихом плеске воли, я думаю: «О, неужели мне не удастся сделать хотя бы часть того, что сделала сестра Данилова». И, мечтая о великих подвигах, я сажусь к окну и смотрю на задумчивую красавицу — Волгу. Однажды, часов в 12 ночи, к нашему пароходу подплыл маленький буксирный пароход. Это под'ехал отряд т. Устинова.

Я узнала, что на пароходе — сестра Данилова. Не без волнения я пошла знакомиться с сестрой. Наконец я увижу ее, ту, которую столько раз хвалили, и которой восторгались при мне, ту, которую столько раз награждали благодарностью всей дружины.

Я вошла в рубку их парохода.

Каково же было мое удивление, когда я увидела веселую блондинку, с большими карими глазами, с вздернутым широким носом. А когда она бойко и весело со мной заговорила со своим певучим хохлацким акцентом, я совсем ошалела от удивления.

— Ах, так вот ты какая, сестра Лиза! В тебе—сила и жизнь. В тебе энергия так и бьет ключом. Ты своею беззаботною веселостью заражаешь солдат и, смеясь, ты идешь на подвиг. Ты своими маленькими, ловкими, сильными руками в одно мгновение успеваешь сделать перевязку и, с израненными ногами, смеясь над тем, что туфли бросить жалко, а надеть их нельзя, ты с туфлями в руках одна-одинешенька, босиком, отступаешь по берегу Волги.

Но когда ты вошла в деревню, в которую через десять минут должны были войти белые, вступавшие уже в противоположную окраину деревни, и увидела наших партизан, усталых и прятавшихся под столом, о, тогда не стало веселой сестры Лизы, тогда глаза твои стали гневными и влажными; тогда ты готова была убить этих трусов, тогда ты закричала резко и грубо:

— Ах, вы так?.. Вы вон какие!.. Вы боитесь чехов? Вы здесь остаетесь? Ну, а я пду!..

И пристыженные партизаны один за другим поднялись и под грохот снарядов и треск пулеметов ушли из деревни за сестрой Лизой навстречу врагу, и прогнали его прочь.

Так вот она какая, сестра Данилова!?.

* * *

После встречи с сестрой Лизой я уехала на фронт в Самарскую боевую дружину коммунистов. Я быстро сошлась со своими солдатами. Все были очень симпатичные, милые юноши. Мы стояли на опушке леса. Каждый день ждали мы наступления врага, бывшего неподалеку от нас.

Один старик-коммунист, бывший в дружине и часто беседовавший со мной, обыкновенно так кончал свой разговор со мной:

— Смотри, сестра, береги себя и зря не суйся под выстрелы... Ведь мы на тебя, как на мать родную...

Слыша такие речи от старика, я, чувствовавшая себя еще такой неловкой и юной, невольно улыбалась.

Во время нашей стоянки я подружилась с одним пулеметчиком.

Он мне нежно-задумчиво рассказывал о своей Украине, и я ему—о Нижнем.

Так бывало засидимся, углубленные в воспоминания; смотришь, а уже ночь пришла.

Расходились: он — к пулемету, а я — в свою палатку.

Однажды нам приказано было пойти в обход противника.

Собрались два взвода и пошли. Итти было далеко. Накрапывал дождик.

Шли по мокрому вспаханному полю. Мы с моим пулеметчиком тащили пулемет. Настроение у всех было приподнятое. Острили.

— Слушай, сестрица, ты совсем не боишься, а знаешь, ведь вот через полчаса нас может не стать...

— Нет, весело мне!.. А почему,—не знаю,—отвечала я. Он пожал мне руку.

Мы пришли на место, расположились, ждали до утра; враг, заметив нас, тихо отступил, а утром мы ушли назад.

В этот же день я уехала на пристань за медикаментами.

На пароходе я задержалась.

Через неделю, когда я возвратилась в дружину и спросила, где пулеметчик, мне ответили, что он убит, и рассказали подробности. Оказывается, он был ранен в грудь. Однако живым он сдаться не захотел и с пулей в груди побежал в сторону наших. Сначала бежал быстро, но силы постепенно оставляли его. За ним погнались, а когда нагнали, то докончили его штыками.

* * *

С сестрой Озеревской я встретилась в Инзенском лазарете, когда она уже выздоравливала после тяжелого ранения в грудь.

Взглянув на нее, я задумалась: откуда у нее брались силы таскать раненых красноармейцев, перевязывать их в суматохе боя, и, вообще, так работать, как она работала. А то, что она работала не из-за денег, не по обязанности, я знала от человека, который много раз говорил с сестрой Озеревской.

Низкого роста, худенькая, с маленькими руками и ногами, она была похожа на девочку-гимназистку; только крест на фартуке и косынка говорили о том, что она—сестра.

Но зато какие у ней были глаза! Большие темно-серые, с бесконечной добротою и грустью смотрели они на всех—столько в них было жалости и нежности!.. И, бывало, когда она заговорит своим тихим, слабым голосом, то хотелось смотреть на нее и слушать, слушать этот надорвавшийся голос; казалось, что перед тобой — светлая подвижница.

Сестру Озеревскую очень любили красноармейцы.

Они никогда не говорили в ее присутствии грубостей и под ее влиянием сами становились нежными и мягкими.

Сестра Озеревская была ранена во время боя у ст. Майна, подходя к раненому затем, чтобы посоветовать не итти по той дороге, по какой он стал ползти, а пробираться с ней кругом, потому что там казалось ей безопаснее пройти.

Она не успела досказать своих слов, склонившись над раненым, как шальная пуля уронила маленькую сестру.

Из горла хлынула кровь, но с помощью того же раненого, которому ей не суждено было помочь, она доползла до околицы, где ее узнали и с криком:

— Носилки! Наша сестрица опасно ранена...

Понесли в избу.

Когда она немного поправилась, она уехала на время домой к матери отдохнуть, но так и не вернулась.

Где ты теперь, сестра? Жива ли?

Или ушла от суровой жизни, которая так тебе не подходила!..

* * *

Не надо слов после прочтения этих трогательных безыскусственных и наивных строк!..

И, празднуя годовщину 1-ой Революционной Армии, не забудем приветствовать и их, скромных тружениц, красных сестер 1-й Армии *).

Врач А. Д-н.

---

*) В № „Известий Наркомвоен" от 26 июня 1919 г. мы находим нижеследующую краткую заметку, красноречиво подтверждающую изложенное в этом наброске. Приводим ее целиком:

СМЕРТЬ САНИТАРКИ.

В бою 28 мая на Восточном фронте под дер. Талигурт погибла санитарка тов. Анна Сородина, „товарищ Сережа", как ее звали в эскадроне. Вместе со своим эскадроном она шла в цепи и была убита.

Это была одна из тех немногих женщин, которые пошли в Красную армию для того, чтобы наравне со всеми нести боевую страду. Со своей санитарной сумкой она во всех боях была на своем посту в передовой линии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Юбилейный отдел.

Стр.

От редакции. 3

Творцы побед. *Д. Самарский* 7
Что дала нам Красная армия на Восточном фронте 7
К юбилею 1-й армии. *М. Тухачевский* 8
1-я революционная армия. *В. Куйбышев* 11
В память погибших героев 12
Могила бойца 13
Памяти жертв 13
Красные герои командиры и красноармейцы 18
Из жизни 1-й армии 24

Политический отдел.

Зарождение политической работы в Красной армии. *А. Юров* 29
Из истории политической работы в первой армии. *В. Лопухов* 31
Итоги политической работы в 1-й револ. армии. *А. Юров* 39
рганизационная работа среди татаро-башкир. *Н. Еникеев* 46
Воспоминания о работе мобилизационного отдела первой армии. *Е. Герцовская* 47

Военно-исторический отдел.

Правда о чехо-словаках. *К. Прохазка* 51
Чехо-словаки в Пензе. *Соловьев* 54
Очерки гражданской войны на фронте 1-й армии. *А. Гавронский* 56
Сызранская операция, проведенная 1-й рев. армией. *Н. Стоянов* 63
Борьба на Восточном фронте. *О. Калнин* 69
Год работы отдела снабжения. *А. Позднышев* 76
Год существования инженерных частей в армии. *И. Руднев* 80
Год работы в санитарном управлении 1-й армии. *Вр. Алексеев* 82
От Сенгилея-Инзы до Оренбурга-Орска. *А. Клементьев* 83
О работе в Пензенской дивизии. *Самсонович* 95
Как наш Козловский отряд воевал с чехами. *Ф. Малютин* 98
Боевые эпизоды 99

Литературный отдел.

Красная звезда. *М. Герасимов* 105
Святая кровь. *М. Герасимов* 105
Партизаны Волги. *Д. С—кий* 106
В огне. *В. Александровский* 123
Из поэмы «Поединок». *В. Александровский* 123
Цветы на пепле. *П. Яровой* 123
Встань. *В. Валентинов* 126
На Сибирь. *В. Валентинов* 126
Красные разведчики. *Ив. Тюремный* 127
Сын красноармейца. *Д. Самарский* 129
В пути. *Ив. Шувалов* 129
Боевой клич. *И. Шершнев* 129
Рабочий. *Надежда Павлович* 130
Их было шесть. *Т. Скоринов* 130
Молодым силам. *А. Дворкин* 131
Из воспоминаний красноармейца 131
Волжские бунтари. *Д. Самарский* 132
Красные сестры героини 134

Цена 75 руб.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Политического Управления Революционного Военного Совета Республики.

Arch 368
1969
Br

2011121507